

DETESTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Джон
Коннолли

Шепчущие

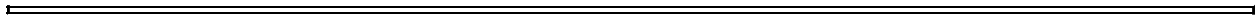
Annotation

Частный детектив Чарли Паркер отчасти разобрался с призраками прошлого и принял новый заказ, хотя и неохотно. Ему предстоит выяснить, какие темные дела проворачивает недавно вернувшийся на родину ветеран иракской кампании. Заказ поступил от отца другого ветерана – старик надеется, что это прольет свет на весьма странную смерть вернувшегося с войны сына. Солдаты явно что-то привезли из Ирака. Но что? Просто контрабандный товар или нечто большее? Пытаясь получить ответ, детектив вступает в схватку с двумя охотниками за артефактами. Оба охотника связаны с какими-то древними силами. Один из них – его старый знакомый, а второй...

- [Джон Коннолли](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Часть II](#)
 -
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
- [Часть III](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
- [Часть IV](#)
 -
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

Джон Коннолли

Шепчущие

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

* * *

*Посвящается Марку Данну, Полу О’Рейлли, Ноэлю
Маеру и Эммету Хегарти – всем этим прекрасным
людям.*

Пролог

Война – явление мифическое... Где еще, кроме конвульсий страсти... можем мы погрузиться в состояние мифа, столкнувшись в высшей степени с реальными богами?

Джеймс Хиллман «Ужасная любовь войны»

Багдад, 16 апреля 2003 года

Девушку, брошенную и всеми забытую, доктор аль-Дайни нашел в длинном центральном коридоре. Она лежала, почти полностью погребенная под осколками битого стекла и керамики, брошенной одеждой, обломками мебели и старыми газетами, использовавшимися как упаковочный материал. Ее скрывала темнота и висевшая в воздухе пыль, и она так и осталась бы незамеченной, но аль-Дайни потратил годы и десятилетия на поиски таких, как она, и наметанный глаз различил ее там, где другие не заметили бы и прошли мимо.

Видна была только голова – открытые голубые глаза и сухие, блекло-красные губы. Он опустился рядом с ней на колени и слегка разгреб засыпавший ее мусор. Снаружи доносились крики и громохание передвигающихся танков. В коридоре неожиданно вспыхнул яркий свет; громко переговаривались и отдавали приказы вооруженные люди, но они пришли слишком поздно. Когда это все произошло, другие, такие же, как эти, находились где-то рядом, выполняя свои задания, так что им было не до нее. В отличие от аль-Дайни. Он узнал ее сразу, как только увидел, потому что она всегда была одной из его любимых. Красота девушки пленила его с первого взгляда, и затем много лет он всегда, каждый день, находил минутку-другую, чтобы подойти и поздороваться или просто постоять рядом и ответить улыбкой на ее улыбку.

Может быть, ее еще можно спасти, с надеждой подумал аль-Дайни, но, осторожно убрав обломки дерева и куски камня, понял, что сделать уже почти ничего нельзя. Над ней надругались, жестоко и бессмысленно, и это произошло не случайно, это сделали намеренно – он видел на полу следы сапог, топтавших ее и ломавших ей ноги и руки, раздробив их чуть ли не до состояния песка, на котором она лежала. Голова странным образом

избежала расправы, и аль-Дайни никак не мог рассудить, стала от этого картина случившегося менее отвратительной или еще более ужасной.

– Ох, милая, – прошептал он, бережно поглаживая щеку, впервые за пятнадцать лет касаясь ее. – Что же они с тобой сделали? Что они сделали со всеми нами?

Нужно было остаться. Ему не следовало оставлять ее, как и всех их, но фedaины дрались с американцами около министерства информации, и музейщики, обкладывая фризy мешками с песком и оборачивая статуи поролоном, уже слышали треск стрельбы и грохот взрывов. Оставалось только радоваться, что некоторые сокровища удалось перевезти в безопасное место еще до начала вторжения. Бой переместился ближе к телестанции всего в километре от музея, и к центральному автовокзалу по другую сторону комплекса. Стрельба слышалась все ближе и ближе. Аль-Дайни настаивал на том, чтобы остаться – в конце концов, в подвале были запасы воды и продуктов, – но большинство сочли, что риск слишком велик. Из охранников не струсил только один; остальные, побросав оружие и скинув форму, убежали, когда в саду замелькали одетые в черное стрелки. И вот тогда они заперли центральные двери, выскользнули через запасной выход, перебрались на другой, восточный, берег реки и там в доме коллеги ждали прекращения огня.

Однако бой все продолжался. Потом они попытались вернуться по мосту медгородка, но там их завернули. Пришлось вернуться в дом коллеги, где они просидели еще какое-то время, попивая кофе. Просидели, может быть, слишком долго, обсуждая, стоит ли покидать казавшееся безопасным место. Но что еще оставалось? И все-таки аль-Дайни не мог простить себя, не мог избавиться от чувства вины. Он бросил ее, и вот что с ней сделали.

Он плакал, но не из-за висевшей в воздухе пыли – боль потери и ярость были причиной слез. Плакал и не смог остановиться, даже когда в поле зрения появилась нога в солдатском ботинке, а в лицо посветили фонариком. За спиной у светившего стояли люди с оружием на изготовку.

– Кто вы, сэр? – спросил военный.

Аль-Дайни не ответил. Не мог. Не нашел сил оторвать взгляд от оскверненной девушки.

– Сэр, вы говорите по-английски? Еще раз спрашиваю, кто вы?

Аль-Дайни уловил в голосе солдата не только нервозность, но и некоторую заносчивость – вполне естественное превосходство победителя над побежденным. Он прерывисто вздохнул и поднял голову.

– Я – доктор Муфид аль-Дайни, заместитель куратора по римским

древностям в этом музее, – сказал он, вытирая глаза, и после небольшой паузы добавил: – Точнее, бывший заместитель куратора по римским древностям, поскольку никакого музея уже нет. Остались лишь обломки. И вы допустили, чтобы это произошло. Вы были рядом и допустили это...

Ученый обращался не столько к солдатам, сколько к себе самому, и слова горьким пеплом оседали во рту. Сотрудники ушли из музея во вторник, а в субботу, узнав, что музей разграблен, стали возвращаться, чтобы оценить масштабы ущерба и постараться предотвратить дальнейшее разграбление. Кто-то рассказал, что грабежи начались в четверг, когда возле музейной ограды собрались сотни людей. В течение двух дней эти люди делали все, что хотели, и никто им не препятствовал. Поговаривали, что к грабежам причастны и работники музея, охранники, заранее выбравшие для себя наиболее ценные артефакты. Из залов вынесли все, что смогли поднять, а большую часть оставшегося попытались уничтожить. Аль-Дайни с несколькими коллегами отправился в штаб морских пехотинцев и умолял помочь с охраной здания, поскольку расхитители могли вернуться, но американцы, чьи танки стояли на перекрестке, всего лишь в пятидесяти метрах от музея, отказались переместиться и прийти на помощь, процитировав в ответ на обращение строчки приказа. В конце концов помощь им все же пообещали, но только на среду и только в крайнем случае. Аль-Дайни пришел чуть раньше американцев, потому что оказался в числе тех немногих, кому было предписано держать связь между солдатами и средствами массовой информации, и все предыдущие дни провел среди военных и журналистов.

Он осторожно поднял голову истерзанной девушки, юной и в то же время древней, со следами краски, сохранявшимися на волосах, губах и на глазах вот уже почти четыре тысячи лет.

– Посмотрите, – сказал он, все еще плача. – Посмотрите, что они с ней сделали. – На мгновение солдаты повернулись к странному, покрытому белой пылью старику с полый головой в руках и тут же двинулись дальше, к разграбленным залам Иракского музея. Это были молодые ребята, и операция, в которой они участвовали, касалась будущего, а не прошлого. Здесь никто не погиб, а то, что произошло... что ж, такое случается.

Война все-таки.

* * *

Аль-Дайни проводил их взглядом. Потом осмотрелся и заметил у

поваленного экспозиционного шкафа испачканную краской тряпицу. Убедившись, что она относительно чиста, он расстелил ее, положил в центр голову девушки и, аккуратно завернув, связал узлом четыре уголка, чтобы удобнее было нести. Держа узелок в левой руке, аль-Дайни устало выпрямился, как палач, готовый представить повелителю плод своего топора; столь естественным было выражение лица девушки, столь встревожен и шокирован аль-Дайни, что он, наверное, даже не удивился бы, если бы перерубленная шея начала кровоточить, роняя на пыльный пол красные, похожие на лепестки капли. Вокруг него, напоминая о том, что было здесь раньше, открытыми ранами зияли пустоты. Со скелетов, разбросав кости, сорвали украшения. Статуи стояли обезглавленные – от них отделили и унесли главные части внешнего облика. Удивительно, подумал ученый, что голова девушки при всей ее изысканности почти не пострадала, не попала на глаза. Или просто кто-то удовлетворился уже тем, что растоптал ее тело, и так отнял у мира немного красоты.

Масштабы разрушений поражали. Ваза из Урука, шедевр шумерского искусства, датируемый примерно 3500 г. до н. э., старейший в мире резной ритуальный сосуд из камня, – сорвана с основания. Прекраснейшая арфа с головой быка уничтожена теми, кто ободрал с нее золото. Маска из Урука, первое натуралистическое изображение человеческого лица, – исчезла. Нижняя часть статуи из Бассетки – исчезла. Статуя Энтема – исчезла. Аль-Дайни переходил из зала в зал, заменяя пропавшее фантомами, – здесь костяная печать, там украшенная драгоценными камнями корона, покрывая призраками минувшего руины настоящего. И даже теперь, ошеломленный масштабом нанесенного урона, он мысленно шел по каталогу, стараясь припомнить возраст и источник каждой ценной реликвии на тот случай, если музейные архивы окажутся недоступными, когда они приступят к кажущейся сейчас невозможной работе по восстановлению утраченного.

Реликвии.

Аль-Дайни остановился. Закрыв глаза и едва заметно покачнулся. Проходивший мимо солдат спросил, все ли в порядке, и предложил воды – проявление любезности, на которое он не ответил из-за охватившего его беспокойства. Вместо ответа он повернулся к солдату и схватил его за руки. И если бы палец американца лежал на спусковом крючке, это порывистое движение разом бы покончило со всеми проблемами ученого.

– Я – доктор Муфид аль-Дайни. Заместитель куратора музея. Пожалуйста, помогите. Мне нужно спуститься в подвал. Я должен проверить кое-что. Это очень, очень важно. Вы должны помочь мне

попасть туда. – Он кивнул в сторону вооруженных людей – фигур в бежевом в сумрачных коридорах.

Солдат с сомнением посмотрел на иракца и пожал плечами.

– Для начала, сэр, уберите руки. – Американцу было лет двадцать, не больше, но в нем ощущалась уверенность, свойственная людям постарше. Аль-Дайни отступил, извиняясь за свою бесцеремонность. – У вас есть удостоверение? – спросил солдат, звали которого, судя по нашивке на форме, Пэтчет.

Аль-Дайни нашел свой музейный бэйджик, но надпись там была на арабском. Порывшись в бумажнике, он отыскал визитку с арабским и английским текстами и протянул ее солдату. Прищурившись в скудном свете, Пэтчет внимательно изучил карточку и вернул ее пожилому иракцу.

– О'кей, давайте посмотрим, что тут можно сделать.

* * *

В музее аль-Дайни занимал две должности. Будучи заместителем куратора по римским древностям – этот официальный статус лишь в незначительной степени отражал глубину и широту его знаний, а также объем дополнительной ответственности, добровольно, неофициально и бесплатно взятой им на себя, – он числился еще и куратором фонда некаталогизированных материалов. Мало кто догадывался, какая титаническая работа скрывалась за скромным наименованием должности. В музее действовала сложная и устаревшая система инвентаризации, из-за чего десятки тысяч предметов оставались неучтенными. Часть подвала представляла собой лабиринт стеллажей, заставленных артефактами в ящиках и в открытом виде, и большая их часть, вернее, большая часть крошечных фрагментов, каталогизированных аль-Дайни и его предшественниками, не имели большой стоимости в денежном выражении, но представляли собой вехи, памятники цивилизации, либо изменившейся до неузнаваемости, либо полностью исчезнувшей из этого мира. Во многих отношениях именно подвал был любимым местом аль-Дайни в музее, ибо никто не знал, какие тайны здесь скрываются, какие неведомые сокровища можно обнаружить. Пока, сказать по правде, таковых нашлось не так уж много, но кладовая не пустела, потому что на каждый внесенный в каталог черепок или осколок статуи приходился десяток новых, только что обнаруженных. Объем известного постоянно увеличивался, но и с неисследованным происходило то же самое. Человек менее увлеченный

считал бы эту работу бесплодной и невыполнимой, но в том, что касалось знаний, аль-Дайни был романтиком, и мысль о постоянно пополняющемся запасе неизвестного отзывалась радостью в его душе.

Держа в руке фонарик – Пэтчет, тоже с фонариком, следовал за ним, – аль-Дайни пробрался через каньоны архива и понял, что ключ уже не нужен – разбитая дверь болталась на петлях. В подвале было жарко и душно, в воздухе стоял резкий запах горящего пенопласта – грабители использовали его куски в качестве факелов, поскольку электричество отключилось за несколько часов до вторжения, – но внимание аль-Дайни привлекло вовсе не это. Мародеры и здесь оставили свои следы – перевернутые стеллажи, разбросанное содержимое ящиков и коробок, даже сожженные документы, – но, должно быть, не нашли ничего ценного для себя и убрались сравнительно быстро. Тем не менее кое-что определенно исчезло, и аль-Дайни с тревогой двинулся дальше. Добравшись до нужного места, он остановился и в отчаянии уставился на пустую полку. И все же надежда еще оставалась.

– Кое-что пропало, – сказал он Пэтчету, – и я умоляю вас помочь мне найти это.

– Что мы ищем?

– Свинцовый контейнер. Не очень крупный. – Ученый развел ладони примерно на два фута. – Простой контейнер с обычным запором и небольшим замком.

Вместе они осмотрели все открытые помещения подвала, а когда Пэтчет ушел по вызову командира отделения, аль-Дайни один продолжал поиски до наступления ночи, но никаких следов свинцового контейнера так и не нашел.

Если хочешь спрятать что-то ценное, положи это в кучу хлама. А еще лучше – заверни в тряпье, так что сокровище, даже оставаясь на виду, не привлечет ничьего внимания. Предмет даже можно занести в каталог как то, чем он не является; в данном случае: свинцовый контейнер, персидский, шестнадцатый век, внутри ничем не примечательный закрытый ящичек чуть меньшего размера, изготовлен, по всей вероятности, из железа и окрашен красной краской. Дата: неизвестна. Источник: неизвестен. Ценность: минимальная.

Содержимое: нет.

И все это – ложь, в особенности последний пункт, потому что если приблизиться к ящичку, находящемуся внутри контейнера, то покажется, что в нем кто-то говорит.

Точнее, не говорит.

Шепчет.

*Мыс Элизабет, штат Мэн
Май 2009 года*

Собака услышала, что ее зовут, и настороженно подошла к лестнице. Она спала на одной из кроватей, чего ей не полагалось. Прислушавшись, она не различила в голосе ничего, что намекало бы на опасность. Позвали снова. Звякнул поводок. Собака вскочила и бросилась вниз по ступенькам, едва не упав вниз.

Дэмиен Пэтчет успокоил ее, подняв руку, и пристегнул поводок к ошейнику. На улице было тепло, но пришел он в защитной военной куртке. Учув знакомый запах, собака ткнулась носом в карман, но Дэмиен отогнал ее. Отец отправился в ресторан, и в доме было тихо. Солнце клонилось к закату, и когда Дэмиен повел животное через лес к морю, небо у него за спиной уже отливало красным золотом.

Не привыкшая к ограничениям, собака нетерпеливо покусывала поводок. Обычно на прогулках ей предоставлялась полная свобода, можно было носиться где угодно, и теперь она недовольно рвалась вперед. Ей даже не позволили остановиться и принюхаться, а когда она попыталась помочиться, грубо и бесцеремонно потащили дальше. На ближайшей березе висело гнездо пятнистых ос. Сейчас, к вечеру, серое сооружение, днем представлявшее собой гудящую агрессивную массу, притихло. В начале недели, когда собака попыталась отведать сладкого березового сока – слетевший с дерева желтобрюхий дятел-сосун продолбил в коре дырку, оставив манящий источник для разного рода насекомых, птичек и белок, – ее ужалила оса. Теперь, приближаясь к знакомому дереву, собака это вспомнила и, заскулив, попыталась обойти березу, но Пэтчет успокоил зверя, погладил и сменил направление – в сторону от места происшествия.

В детстве Дэмиена всегда привлекали пчелы, осы и шершни. Эта колония сформировалась весной, когда оплодотворенная матка, очнувшись от многомесячного сна, начала отщипывать кусочки древесины, перетирать их во рту, смачивать слюной и прессовать, создавая бумажную пульпу, к которой она постепенно добавляла шестиугольные соты для младшего поколения: самок из оплодотворенных яиц и самцов из нетронутых. Как и когда-то мальчишкой, он внимательно прослеживал каждую стадию развития. Более всего его привлекал именно аспект женского правления: в их семье решения всегда принимали мужчины – по крайней мере, он так считал, пока, повзрослев, не стал понимать, как мать, бабушки и многочисленные тетушки и кузины, используя самые разнообразные

приемы и действуя скрытно, почти незаметно, манипулируют своими мужчинами, достигая нужных им целей. Здесь, в этом сером гнезде, матка правила более открыто – она производила защитников гнезда, питала и питалась, согревала личинки, дрожа всем телом, запертая в колоколообразной камере, которую сама создала.

Он смотрел на гнездо, почти невидимое среди листьев, словно не хотел уходить. Дэмиен видел и замечал все – сплетенную пауком сеточку, муравьиные гнезда, ползущую по лапчатке зеленую гусеницу, и взгляд его задерживался на каждой сущей твари, фиксировал и отправлял в кладовую памяти.

Когда он остановился, в воздухе уже ощущался запах моря. Посторонний, оказись он рядом, подумал бы, что парень плачет. Лицо его исказилось, плечи содрогались от сдерживаемых рыданий. Дэмиен посмотрел по сторонам, словно высматривая кого-то между деревьями, но он только слышал птичьи перепевы да шум бьющихся о берег волн.

Собаку звали Сэнди. У десятилетней дворняжки, очень походившей на ретривера, хозяев было двое – Дэмиен и его отец. Несмотря на длительное отсутствие сына, Сэнди одинаково любила обоих, и они любили Сэнди. Собака не понимала, почему сегодня младший хозяин ведет себя так, обычно он позволял ей больше, чем старший. Сэнди неуверенно помахала хвостом, когда Дэмиен, опустившись на корточки, привязал поводок к молодому деревцу. Потом хозяин выпрямился и достал из кармана револьвер. Это был «смит и vesson спешл» 10-й модели. Дэмиен купил его у дилера, клявшегося, что оружие принадлежало ветерану Вьетнама, чья жизнь дала крен. Впоследствии выяснилось, что ветерану просто не хватало денег на кокаин, и в итоге дурная привычка стоила ему жизни. Дэмиен закрыл уши ладонями, так что револьвер в правой руке смотрел теперь в небо, потряс головой и крепко зажмурился.

– Пожалуйста, перестань. Умоляю. Пожалуйста.

Губы его скривились, из носа побежало, его трясло, и он направил револьвер на собаку. Дуло находилось в считанных дюймах от морды дворняжки. Сэнди подалась вперед и обнюхала оружие. Оно пахло машинным маслом и порохом. Собака хорошо знала эти запахи, так как хозяева часто брали ее с собой поохотиться на птиц, и она приносила им добычу. В предвкушении игры Сэнди приветливо помахала хвостом.

– Нет, – выдавил Дэмиен. – Не заставляй меня делать это. Не надо. Пожалуйста.

Палец на спусковом крючке напрягся. Рука дрожала. Огромным усилием воли он отвел револьвер от собаки; вырвавшийся крик улетел в

сторону моря и заходящего солнца. Скрипнув зубами, Дэмиен отстегнул поводок от ошейника.

– Уходи! Домой, Сэнди! Беги домой!

Собака поджала хвост, но тот еще едва заметно подрагивал. Она не хотела уходить. Что-то было не так, и Сэнди это чуяла. И тогда Дэмиен надвинулся на нее с явным намерением пнуть, решив не делать этого только в последний момент. Отбежав на приличное расстояние, собака остановилась, но хозяин снова кинулся к ней, и Сэнди побежала – и бежала, пока не услышала выстрел. Собака вскинула голову, повернулась и медленно потрусила назад – посмотреть, кого там подстрелил хозяин.

Часть I

*Так же по воле своей я сражался за них, ибо с ними
Ныне никто из людей на земле состязаться не мог
бы^[1].*

Гомер «Илиада», книга 1

Глава 1

Пришло лето, сезон пробуждения. Здесь, в северном штате, в отличие от южных, весна – всего лишь иллюзия, обещание, которое дается, но никогда не выполняется, пародия на новую жизнь, в которой нового только почерневший снег да медленно тающий лед. У побережий и болот, в Большом северном лесу и солончаках Скарборо природа научилась выжидать своего часа. Пусть зима продолжает править в феврале и марте, медленно отступая к сорок девятой параллели, отстаивая с боем каждый клочок земли. К апрелю ивы и тополя, орешник и вязы под птичьи трели уже дали почки. Они ждали этого с осени, их листочки еще спрятаны, но уже готовы развернуться, и вскоре болота покрылись пурпурно-коричневым ковром ольхи, бурундуки и бобры вышли из спячки. Небо расцвело вальдшнепами, гусями и граклами, разбросанными, как семена, по голубому полю. И вот наконец май принес лето, и все, что спало, проснулось. Всё и вся.

Солнце разлилось по подоконнику, грея мне спину, а в чашке был свежий кофе.

– Нехорошее дело, – сказал Кайл Куинн, аккуратный, плотно сбитый мужчина во всем белом, владелец закусочной «Дворец» в Бидфорде. Кроме того, он исполнял обязанности шеф-повара, и должен сказать, такого чистюли шефа я в жизни не видел. Мне доводилось есть в забегаловках, где, едва взглянув на повара, начинаешь подумывать, а не пропить ли курс антибиотиков, но Кайл всегда выглядел очень опрятным, а его кухня такой безупречно чистой, что в сравнении с «Дворцом» даже некоторые палаты интенсивной терапии выглядели грязноватыми, а иной хирург, взглянув на руки Кайла, отправился бы мыть свои.

«Дворец» был старейшей забегаловкой-вагончиком в Мэне, построенной по спецзаказу «Поллард компани» в Лоуэлле, Массачусетс; белая и красная краска на нем оставались свежими и яркими, а золоченая надпись на окне, подтверждавшая, что «приглашаются дамы», по-прежнему пламенела. Закусочная открылась в 1927 году и с тех пор сменила пять владельцев, последним из которых стал Кайл. Здесь подавали только завтрак и закрывались к полудню, но заведение было одним из тех маленьких сокровищ, благодаря которым повседневная жизнь становится чуть более сносной.

– Да, – согласился я. – Хуже и быть не может. – На стойке передо мной

лежала «Портленд пресс геральд». Заголовок на первой странице пониже сгиба гласил: «НИКАКИХ ЗАЦЕПОК В ДЕЛЕ ОБ УБИЙСТВЕ ПАТРУЛЬНОГО».

Патрульного полицейского Фостера Жандро, о котором шла речь в газете, нашли застреленным в его собственном грузовике на самой окраине городка Сако за бывшим баром «Голубая луна». В тот день он был свободен от дежурства и одет в штатское. Что привлекло патрульного в «Голубую луну», никто не знал, тем более что смерть, как показало вскрытие, наступила между полуночью и двумя часами ночи, когда никаких дел у выгоревшей коробки не пользовавшегося популярностью бара ни у кого быть не могло. Тело обнаружила бригада дорожных рабочих, которые завернули на парковочную площадку у «Голубой луны» выпить кофе и покурить перед началом дневной смены. В него выстрелили с близкого расстояния дважды из оружия 22-го калибра – в сердце и голову. Налицо были все признаки того, что его казнили.

– Это место всегда притягивало неприятности как магнит, – изрек Кайл. – После того, как бар сгорел, надо было все сровнять с землей.

– Точно. А что поставить вместо?

– Могильный камень. Надгробную плиту с именем Салли Кливер.

Кайл отправился наливать кофе остальным посетителям, большинство из которых читали или негромко разговаривали, усевшись в ряд, словно персонажи на картине Нормана Рокуэлла. Во «Дворце» не было ни кабинок, ни столов – только пятнадцать табуретов. Я занял последний, самый дальний от двери. Часы показывали начало двенадцатого, и закусочная, строго говоря, была закрыта, но Кайл никого не торопил. Такое это было заведение.

Салли Кливер. Это имя упоминалось в отчете об убийстве Жандро, этом незначительном эпизоде местной истории, который большинство жителей предпочло бы забыть, но ставшем последним гвоздем в крышку гроба «Голубой луны». После ее смерти бар заколотили, а еще через пару месяцев сожгли. Владельца допросили на предмет поджога и махинации со страховкой, но только формально. Все в округе прекрасно знали, что красного петуха пустила семейка Кливеров, и за это их никто бы винить не стал.

Бар стоял закрытым уже лет десять, что не вызывало ни малейших сожалений даже у частенько наведывавшихся пьянчуг. Местные всегда называли его «Хандрой», поскольку пребывание в нем настроения и самочувствия никому не улучшало, даже если посетитель не ел и не пил ничего, что не открыто у него на глазах. Заведение было мрачным,

напоминавшим кирпичную крепость, увенчанную вывеской с подсветкой из четырех ламп, из которых больше трех никогда не работало. Постоянный полумрак в баре скрывал пыль и грязь; все стулья были привинчены к полу, что помогало пьяным держаться на ногах. Меню было составлено прямо по рецептам кулинарной школы хронического ожирения, но большинство клиентов предпочитали обходиться бесплатными орешками к пиву, подсоленными до опасного для здоровья уровня, чтобы склонить посетителей к потреблению алкоголя. В конце вечера несъеденные, но захватанные жирными пальцами орешки ссыпались в большой мешок, который бармен Эрл Хэнли держал возле раковины. Помимо Эрла, бармена в заведении не было. Когда он болел или занимался делами более важными, чем маринование алкашей, «Голубая луна» не открывалась. Иногда, наблюдая подтягивающихся за ежедневной порцией завсегдатаев, было трудно сказать, огорчаются они, обнаружив дверь запертой, или испытывают чувство облегчения.

А потом умерла Салли Кливер, и вместе с ней закатилась «Голубая луна».

Никакой загадки в ее смерти не было. Двадцатитрехлетняя Салли жила с бездельником по имени Клифтон Андреас, для приятелей – просто Клиффи. Салли работала официанткой и, похоже, каждую неделю откладывала немного денег, надеясь, видимо, скопить достаточную сумму и найти для сожителя киллера или убедить Эрла Хэнли зарядить его пивные орешки убойной дозой крысиного яда. Я шапочно знал Клиффи Андреаса – как человека, которого лучше обходить стороной. Не было собачонки, встретив которую Клиффи не возжелал бы утопить, и не было жучка, которого он не захотел бы раздавить. Работу предпочитал сезонную, но поскольку никакой квалификацией не обладал, то нигде дольше месяца и не задерживался. За работу брался в самом крайнем случае, когда денег не оставалось совсем, заработок рассматривал как крайнее средство, если занять, украсть или отнять у более слабого и нуждающегося не представлялось возможным. Клиффи обладал тем особенным шармом плохого парня, который так притягивает женщин, демонстративно считающих добропорядочных мужчин слабаками, пусть даже втайне они и мечтают о самом обычном парне, который не барахтался бы в грязи на дне жизни и не тащил за собой другого.

С Салли Кливер я знаком не был. Судя по всему, она не отличалась высокой самооценкой и на многое не рассчитывала, но Клиффи умудрился понизить самооценку еще больше, не дотянув при этом и до нижней планки ожиданий женщины. В общем, однажды вечером Клиффи нашел

скромную, горбом добытую заначку и решил устроить для себя и приятелей приятный вечер в «Голубой луне». Салли, придя домой и не обнаружив денег, отправилась искать Клиффи в его любимом пристанище и нашла в баре, где он правил бал, потратив ее скудный запас на единственную в заведении бутылку коньяка. В первый и последний раз Салли отважилась постоять за себя. Обложив сожителя проклятиями, она исцарапала ему физиономию и вцепилась в волосы, так что Эрл Хэнли в конце концов предложил Клиффи избавить заведение от его женщины и домашних проблем и не возвращаться, пока она не утихнет, а проблемы не будут решены.

Недолго думая, Клиффи Андреас схватил Салли Кливер за воротник и выволок через заднюю дверь. Некоторое время посетители бара слушали, как он приводит ее в чувство. В бар Клиффи вернулся со сбитыми костяшками пальцев и следами крови на руках и лице. Эрл Хэнли налил ему еще стаканчик и выскользнул за дверь – проверить, как там Салли. К тому времени она уже захлебывалась собственной кровью на задней парковке, где и умерла еще до прибытия «Скорой».

На этом «Голубой луне» и Клиффи Андреасу пришел конец. Он получил от десяти до пятнадцати, отсидел восемь в Томастоне, а через два месяца после освобождения погиб от руки «неустановленного лица», забравшего у Клиффи часы, но не тронувшего бумажник. Часы потом нашли в ближайшей канаве. А люди шептались, что, мол, у Кливеров хорошая память.

И вот теперь Фостер Жандро погиб буквально в нескольких ярдах от того места, где захлебнулась кровью Салли Кливер, и полицейским пришлось вновь потревожить давно остывший пепел истории «Голубой луны». Полиции штата не нравилось терять своих сотрудников, не нравилось ни в далеком 1924-м, когда в дорожной аварии с мотоциклом в Маттавамкеге погиб Эмори Гуч, ни в 1964-м, когда Чарли Блэк стал первым полицейским, застреленным при налете на банк в Южном Бервике. Но с убийством Жандро не все было ясно. Газета писала, что зацепок у следователей нет, однако согласно молве дело обстояло иначе. На земле рядом с машиной Жандро нашли пузырек с крэком; похожие осколки обнаружили и на полу у него под ногами. Тесты не выявили следов наркотика в организме, но в полиции стали всерьез подозревать, что сотрудник приторговывал наркотой, а это не обещало ничего хорошего.

Закусочная понемногу пустела, но я своего места не покидал и в конце концов остался у стойки один. Кайл меня не беспокоил и, убедившись, что моя чашка полна, взялся за уборку. Последние завсегдатаи,

преимущественно пожилые люди, для которых посещение «Дворца» было обязательным событием недели, расплатились и ушли.

Офиса у меня никогда не было. Мне он был не нужен, а если б я и обзавелся таковым, то, наверное, никогда не мог бы спокойно раскошелиться на его содержание, даже если аренда в Портленде или Скарборо обошлась бы недорого. Клиенты лишь изредка заговаривали про отсутствие офиса, а в тех случаях, когда все же возникала необходимость в приватности и особой осторожности, мне всегда удавалось, попросив об одолжении, заполучить в свое распоряжение подходящую комнату. Время от времени я пользовался кабинетом своего адвоката во Фрипорте, но обычно людям не нравится ходить в такие кабинеты, как не нравятся и сами адвокаты. Обращаясь ко мне за помощью, большинство, как я понял, предпочитали неформальный подход. Обычно я сам отправлялся к ним, и разговор шел у них дома, но иногда для встречи годилась и тихая, скромная закусочная вроде «Дворца». В данном случае место выбрал потенциальный клиент, и меня оно устраивало как нельзя лучше.

Вскоре после полудня дверь закусочной открылась, и в зал вошел мужчина лет семидесяти. Выглядел он так, что вполне мог бы служить эталоном типичного янки старой закалки: бейсболка, куртка «Л. Л. Бин» поверх клетчатой рубашки, аккуратные джинсы и рабочие ботинки. Крепкий, как натянутый канат, с морщинистым, обветренным лицом и светло-кариими глазами, поблескивавшими за стеклами на удивление модных, в стальной оправе, очков. Поздоровавшись с Кайлом – старик назвал его по имени, – он снял бейсболку и вежливо поклонился Таре, дочери Кайла, которая убиралась за стойкой и ответила гостю улыбкой.

– Рада вас видеть, мистер Пэтчет. Давненько вы к нам не заглядывали. – В голосе ее прозвучала мягкая нотка, взгляд просветлел, и этого было вполне достаточно, учитывая недавно постигшее старика горе.

Из служебного окошка между кухней и баром высунул голову Кайл.

– Пришел проведать настоящую закусочную, а, Беннет? Похоже, подкормиться тебе не помешает.

Беннет Пэтчет усмехнулся и взмахнул рукой, как будто слова Кайла были назойливо жужжащими над головой мухами, после чего опустился на табурет рядом со мной. Более сорока лет Пэтчет владел рестораном «Дюны», возле автодрома на шоссе 1. Заведение открыл его отец, вернувшись домой после службы в Европе; он же и управлял им до Беннета. На стенах в «Дюнах» до сих пор висели фотографии Пэтчета-старшего, некоторые военных времен – там его окружали молодые солдаты, уважительно смотревшие на своего сержанта. Умер он, не дожив до

пятидесяти, после чего бизнес взял на себя сын. Беннет уже прожил дольше отца; впрочем, и мне судьба, похоже, отвела срок больший, чем моему старику.

Пэтчет принял от Тары чашечку кофе за счет заведения, затем снял пальто и повесил его рядом с древним газовым камином. Тара ушла в кухню помочь отцу, так что мы с Беннетом остались одни.

– Чарли, – сказал он, пожимая мне руку.

– Как поживаете, мистер Пэтчет? – спросил я. Обращаться к нему по имени показалось мне странным. Да, я почувствовал себя лет на десять старше, но когда имеешь дело с такими людьми, лучше подождать, пока они сами не позволят обращаться к ним чуть более фамильярно. Я знал, что все служащие называют его «мистер Пэтчет». Для многих он был кем-то вроде отца, но при этом оставался боссом, и они относились к нему с почтением и уважением, которых он заслуживал.

– Можешь называть меня Беннетом, сынок. Чем меньше формальностей, тем лучше. Думаю, я никогда еще не разговаривал с частным детективом, разве что с тобой, да и то лишь тогда, когда ты бывал в моем заведении. Видел их только по телевизору да в кино. И, сказать по правде, твоя репутация меня несколько пугает.

Он пристально посмотрел на меня, и я заметил, как его взгляд задержался на шраме. В прошлом году я попал под пулю, оставившую эту пожизненную отметину на шее. В последнее время коллекция таких царапин изрядно пополнилась. После смерти меня вполне могут выставить в стеклянном ящике в качестве примера и предостережения другим, кому может показаться соблазнительным путь, где ожидают побои, огнестрельные ранения и электрошок. С другой стороны, может быть, мне просто не повезло. Или, наоборот, повезло. Зависит от того, каким вам видится тот самый стакан.

– Не верьте всему, что слышите.

– И не верю, но все равно...

Я пожал плечами. Старик хитровато улыбнулся.

– Давай не будем топтаться на месте, – продолжал он. – Хочу поблагодарить за то, что согласился встретиться и нашел для меня время. Знаю, ты человек занятой.

Никаких особых дел у меня не было, но все же приятно, когда считают, что они у тебя есть. С тех пор как в начале года мне вернули лицензию, отозванную из-за недопонимания между мной и полицией штата Мэн, в работе наступило что-то вроде штиля. Было одно дело со страховкой, абсолютно скучное и сводившееся по большей части к сидению в машине с

книжкой в руке и ожиданию, когда некий придурок с якобы полученной на производстве травмой начнет ворочать камни у себя во дворе. Но при нынешнем уровне экономики такие дела выпадают нечасто. Большинство частных детективов в штате едва сводили концы с концами, так что браться приходилось за все, что попадалось, в том числе и такое, после чего хотелось отмыться в ванне с хлоркой. Мне довелось, например, следить за одним парнем по имени Гарри Милнер, обслужившим в течение недели трех разных женщин в разных мотелях и апартаментах; при этом он ходил на работу и водил детей в баскетбольную секцию. Жена подозревала, что у него связь на стороне, но была немного шокирована, когда узнала, что муж состоит в довольно запутанных сексуальных отношениях, ассоциирующихся обычно с французскими водевилями. Его талант в организации времени заслуживал восхищения, как, впрочем, и его энергичность. Милнер был всего лишь на пару лет старше меня, и если бы я попытался каждую неделю удовлетворять четырех женщин, то, скорее всего, получил бы инфаркт, отмокая после непосильных трудов в ванне со льдом. Тем не менее то была лучшая оплачиваемая работа, и я снова стал барменствовать в «Буром шатуне» на Форест-авеню пару раз в месяц – скорее для того, чтобы приятно провести время, чем подработать.

– Я не так занят, как вы можете подумать.

– Тогда у тебя точно найдется время, чтобы меня выслушать.

Я кивнул.

– Пока мы не перешли к делу... Мне жаль, что с Дэмиеном так вышло.

Дэмиена я знал не лучше, чем его отца, и даже не думал идти на похороны. Газеты об этом не распространялись, но все знали, как умер Дэмиен Пэтчет. Это все война, говорили люди. Да, курок спустил он сам, но убил его Ирак.

Беннет поморщился от боли.

– Спасибо. В некотором смысле, как ты уже, наверное, догадался, именно поэтому мы здесь. Мне немного неудобно обращаться к тебе по такому вопросу; по сравнению с твоей обычной работой – отслеживанием убийц, – мое предложение может показаться скучным.

Я бы рассказал ему, как интересно убивать время около какого-нибудь мотеля, пока объект слежки совершает на стороне предосудительные действия сексуального характера, или сидеть часами в машине с камерой на приборной доске в надежде, что кто-то, может быть, вдруг наклонится.

– Иногда и скучное – приятная перемена.

– Охотно верю, – сказал Пэтчет.

Он перевел взгляд на лежавшую передо мной газету и снова

поморщился. Салли Кливер, подумал я. Черт, надо было убрать газету до прихода Беннета.

До самой своей смерти Салли работала в «Дюнах».

Он отпил кофе, а потом по меньшей мере минуты три молчал. Люди вроде Беннета Пэтчета доживают до преклонных лет в добром здравии, потому что никогда не торопятся. Они живут по местному времени, времени штата Мэн, и чем скорее все, кому приходится иметь с ними дело, научатся соответствующим образом подводить часы, тем для всех будет лучше.

– У меня работает официанткой девушка, – сказал он наконец. – Хорошая. Ты, может, помнишь ее мать, Кэти Эмори?

Кэти училась со мной в средней школе Скарборо, хотя мы вращались в разных кругах. Она была из тех девушек, которым нравятся спортсмены, а я спортом не увлекался, как и девушками, которым нравятся спортсмены. В Скарборо я вернулся после смерти отца уже тинейджером и не искал компании, а держался особняком. Местные ребята давно поделились на крепкие, сплоченные группы, войти в которые постороннему было не так-то просто даже при желании. Со временем я обзавелся несколькими друзьями и лишь у немногих вызвал недовольство. Кэти я помнил, но сомневался, что она вспомнит меня. Другое дело, что мое имя время от времени мелькало в газетах, и, может быть, она, как и другие, читала их и вспоминала парнишку, приехавшего в Скарборо и проучившегося в тамошней школе последние два года. Вспомнила, может быть, и рассказы об отце этого парнишки, полицейском, убившем двух детей, а потом покончившем с собой.

– Как у нее дела?

– Живет где-то около Авиалинии. – Так в наших краях называли шоссе 9, проходившее между Бруэром и Калисом. – Третий раз замужем. Сошлась с каким-то музыкантом.

– Вот как? Я не настолько хорошо ее знал.

– Оно и к лучшему. А то мог бы оказаться на месте этого музыканта.

– Это мысль. Девушка она была видная.

– Она и теперь неплохо выглядит. Чуть располнела, но видно, что была хороша. Оно и по дочери заметно.

– А дочку как зовут?

– Карен. Карен Эмори. Единственный ребенок от первого брака. Родилась, когда папаша уже наострил лыжи, так что фамилию носит материнскую. Вообще-то, если я правильно помню, других детей у Кэти не было. Карен работает у меня уже год. Повторяю, девочка хорошая. Не без

проблем, но, думаю, она с ними справится, если только помочь ей немножко. А помощи она не чурается и, если надо, попросить не стесняется.

Беннет Пэтчет был человеком необычным. Для него, как и для его жены, Хейзел, которая умерла пару лет назад, их работники были не столько служащими, сколько близкими, частью одной большой семьи. С особенной теплотой они относились к работавшим в «Дюнах» женщинам, некоторые из которых задерживались здесь на годы, другие – лишь на пару месяцев, и девушкам, попавшим в беду или нуждавшимся хотя бы в небольшой стабильности. Они не совали нос в их дела, не читали наставлений, но выслушивали тех, кто к ним обращался, и помогали, если могли. Пэтчеты владели парой зданий в районе Сако и Скарборо, и эти здания они превратили в недорогое жилье для своих работников и работников некоторых других предприятий, владельцы которых придерживались схожих взглядов. Едва ли не единственным требованием было раздельное проживание мужчин и женщин. Полностью избежать пересечения полов было, конечно, невозможно, но случались такого рода встречи гораздо реже, чем можно подумать. По большей части принимавшие предложение Пэтчетов оставались вполне довольны и условиями проживания, и психологической и эмоциональной атмосферой. Многие рано или поздно уходили – двигались дальше или возвращались к прежней жизни, – но пока они работали на Пэтчетов, за ними присматривали и старшие коллеги, и сама пара. Смерть Салли Кливер стала серьезным ударом, но, с другой стороны, лишь укрепила супругов в их принципах. Беннет тяжело переживал смерть жены, но ничуть не изменил отношения к служащим. Теперь у него остались только они, и он видел Салли Кливер в каждой женщине, а может быть, уже видел и сына в каждом мужчине.

– Карен встречается с мужчиной, который не очень меня интересует, – продолжал Беннет. – Жила в служебном доме на Горэм-роуд. Хорошо ладила с Дэмиеном. Мне казалось, он ею увлекся, но она, как говорится, положила глаз на его друга Джоэла Тобиаса, сослуживца по Ираку. Этот Тобиас был командиром взвода. С Карен они сошлись после смерти Дэмиена, а может, и еще раньше. Слышал, что в Ираке Тобиас повидал много всякого, и теперь у него проблемы с психикой. У него ведь там друзья погибли. Истекали кровью у него на руках. А теперь он просыпается с криком по ночам, весь в поту. Она думает, что может ему помочь.

– Это она вам сказала?

– Нет. Узнал от одной официантки. Сама Карен ничего такого мне бы

не сказала. Думаю, ей удобнее говорить о таких вещах с женщинами. К тому же мне не понравилось, что она так быстро переехала к нему, не успев толком познакомиться, и ей мое мнение известно. Может, я слишком старомоден, но ей бы стоило повременить. Я ей так и сказал. Они тогда встречались всего полмесяца, и я спросил, не думает ли она, что чересчур торопится. Но у молодых своя голова на плечах, и Карен посчитала, что сама знает, что ей делать. Я вмешиваться не стал. Она хотела работать у меня – ну и ладно. В последнее время нам пришлось поджаться, как и всем остальным, но мне нет нужды выжимать больше из заведения, которое позволяет оплачивать счета. Деньги у меня есть. Работников мне больше не надо. Я бы и нынешний штат сократил, но ведь им нужен заработок, а старику приятно, когда рядом молодые люди.

Пэтчет допил кофе и посмотрел на кофейник на другой стороне стойки. Словно уловив телепатический сигнал, из кухни выглянул Кайл.

– Хочешь, налей себе еще. А то пропадет.

Беннет обошел вокруг стойки, подлил нам обоим кофе и остался стоять, задумчиво глядя в окно на старое здание суда.

– Тобиас старше нее – ему хорошо за тридцать. Староват и уж очень изломан. Не самая подходящая пара для молодой женщины. В Ираке его ранило, потерял несколько пальцев, проблемы с ногой. Сейчас водит фуру. Независимый подрядчик, так он себя называет, но работой не перегружен. Раньше у него всегда было время поболтаться с Дэмиеном, сейчас постоянно с Карен. У человека, зарабатывающего на жизнь перевозками, столько свободного времени быть не может. Такое впечатление, что деньги для него не проблема.

Беннет взял сливочник, добавил в кофе сливок. В разговоре опять возникла пауза. Я не сомневался, что он долго обдумывал то, что собирался сказать мне, но было видно, что еще раз все тщательно взвешивает, прежде чем произнести все вслух.

– Знаешь, я уважаю военных. Мой отец был военным. Будь у меня зрение получше, я бы, возможно, отправился во Вьетнам, и тогда, не исключено, мы не разговаривали бы сейчас. Может быть, меня бы уже не было, и я лежал бы где-нибудь под белым камнем. В любом случае я был бы другим. Возможно, что и лучше.

Я не знаю, кто прав, а кто виноват в этой иракской войне. Похоже, кончится все там еще не скоро, и людей погибнет немало, а ради чего? Непонятно. Разве что есть люди поумнее, и они знают что-то такое, чего не знаю я. Но хуже всего, что о вернувшихся с войны не заботятся так, как они заслуживают. Мой отец вернулся со Второй мировой раненым, но даже не

догадывался об этом. Война сломала его, но тогда для этого не было медицинского названия, и люди просто не понимали, насколько все плохо. Когда Джоэл Тобиас пришел в «Дюны», я сразу понял, что он тоже сломлен, что повреждены не только его рука и нога. Гнев рвал его изнутри. Это чувствовалось, это читалось в его глазах. Я понял это сам, мне не надо было подсказывать.

Не пойми меня неправильно. Парень имеет такое же право быть счастливым, как и любой другой. Тем более что принес столько жертв. Боль, которую он испытывает, физическая она или психологическая, не лишает его права на это. Возможно, при нормальном ходе вещей девушка вроде Карен и была бы тем, что ему нужно. Она ведь тоже пострадала. Не знаю, что и как, но теперь она чувствует таких, как она сама, чувствует чужую боль. Такое сочувствие могло бы исцелить хорошего человека, при условии, что он не стал бы этим сочувствием злоупотреблять. Но, по моему, Джоэл Тобиас – нехороший человек. Вот в чем все дело. Он ей не пара.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Я и не знаю, – ответил он, как мне показалось, с огорчением. – Наверняка не знаю. Но чутье подсказывает. Есть и еще кое-что. У парня грузовик, такой чистенький, как малыш у медсестры на руках. Еще у него «Шевроле Силверадо», тоже новый. Живет он в симпатичном домике в Портленде, денюжки у него водятся. Тратит больше, чем следовало бы. Мне это не нравится.

Я ждал, прикидывая, что сказать, и понимал, что надо быть осторожным. Мне не хотелось показать, что я сомневаюсь в его словах, но я отдавал себе отчет в том, что старик, пожалуй, слишком печется о своих молодых работниках. Может быть, он переживает из-за того, что не уберет Салли Кливер, хотя здесь ему винить себя не в чем.

– Знаете, может, он взял все в кредит, – сказал я. – До недавнего времени можно было взять новый грузовик очень просто – заплати первый взнос и езжай. Или он мог получить компенсацию за ранения. Вы же...

– Она изменилась, – сказал Беннет. Сказал так тихо, что я едва расслышал, но с нажимом, так что не обратить на это внимания было невозможно. – И он тоже изменился. Я это вижу, когда он приходит за ней. Выглядит плохо, еще хуже, чем раньше. Как будто плохо спит. А в последнее время и по ней это видно. Пару дней назад обожглась – попыталась схватить падающий кофейник, и кофе выплеснулся на руку. Конечно, это просто невнимательность, но обычно причина в усталости. Кроме того, она похудела, хотя там и худеть-то особенно нечему. А еще,

думаю, он поднял на нее руку. Я видел синяк на лице. Она, конечно, объяснила, что налетела на дверь, но кто ж в наше время в такое поверит.

– Вы пытались поговорить с ней об этом?

– Пытался, но она сразу замыкается. Как я уже говорил, с мужчинами обсуждать личные дела не любит. Я тогда нажимать не стал, побоялся, что совсем уйдет в себя, но мне за нее тревожно.

– Чего вы хотите от меня?

– Ты же знаешь парней Фульчи? Может, поговоришь с ними, чтобы они припугнули Тобиаса, посоветовали ему положить в постель кого-то другого.

Пэтчет сказал это с печальной улыбкой, но я видел, что ему и в самом деле хотелось бы посмотреть, как Фульчи, действовавшие всегда как ненасытные боевые машины, отделают человека, посмевшего ударить женщину.

Я покачал головой:

– Не получится. Либо женщина начнет жалеть мужика, либо тот решит, что она пожаловалась кому-то, и будет только хуже.

– Что ж, помечтать все равно было приятно, – сказал Пэтчет. – Ну, если этот вариант не проходит, то мне хотелось бы, чтобы ты присмотрелся к Тобиасу получше, разузнал о нем побольше. Мне нужно что-то такое, что могло бы убедить Карен держаться от него подальше.

– Это я могу, вот только нет гарантии, что она скажет вам за это спасибо.

– Я рискну.

– Не хотите узнать мои расценки?

– Ты намерен меня обобрать?

– Нет.

– Что ж, полагаю, ты стоишь того, что просишь. – Он положил на стойку конверт. – Здесь две тысячи долларов. На сколько этого хватит?

– На первое время достаточно. Понадобится еще, я скажу. Если потрачу меньше, остаток верну.

– Ты расскажешь мне, что узнаешь?

– А если окажется, что он чист?

– Нет, – твердо сказал Пэтчет. – Если мужчина бьет женщину, чистым он быть не может.

Я коснулся конверта кончиками пальцев. Что-то подсказывало, что деньги надо вернуть. Но вместо этого я напомним историю Жандро.

– Старые призраки.

– Старые призраки, – согласился он. – Знаешь, я иногда и сам там

бываю. Не знаю, почему. Может, надеюсь, что однажды попаду в какую-нибудь временную яму и успею ее спасти. Обычно молюсь, когда прохожу мимо. Это место следовало бы сровнять с землей.

– Вы знали Фостера Жандро?

– Иногда заходил. Они все заходят – патрульные, местные копы. Мы же о них заботимся. Нет, они, конечно, платят, как и все остальные, но мы стараемся, чтобы голодными они не ушли. Так что Фостера я знал. Его двоюродный брат, Бобби Жандро, служил с Дэмиеном в Ираке и вернулся без ноги. Такие дела.

Какое-то время я сидел молча. Чего-то не хватало.

– Вы сказали, что эта встреча отчасти имеет отношение к смерти Дэмиена. Карен Эмори – единственная связь?

Беннет заволновался. Похоже, любое упоминание о сыне доставляло ему боль, но было здесь и нечто другое.

– Тобиас вернулся с войны сломленным, но моего сына это не коснулось. Да, он тоже видел там много плохого, и бывали моменты, когда я понимал, что он вспоминает их, но он оставался тем человеком, которого я знал. Он часто мне рассказывал, что воевал хорошо, если можно так сказать. Не убивал никого, кто не пытался убить его, и не питал ненависти к иракцам. Ему было их жаль, потому что на их долю много чего выпало, и он старался обращаться с ними хорошо. Там погибло несколько его товарищей, но он не мучился кошмарами. По крайней мере на первых порах. Это пришло потом.

– О посттравматическом стрессе я знаю немного, но говорят, симптомы могут проявиться не сразу.

– Так оно и есть. Я тоже читал. Читал еще до смерти Дэмиена: думал, что смогу помочь, если буду знать, что ему пришлось вынести. Но, видишь ли, Дэмиену нравилось в армии. Не думаю, что он хотел уйти. Он несколько раз побывал в армейских командировках и не отказался бы от следующей. По правде говоря, вернувшись домой, он только и говорил о том, чтобы отправиться туда снова.

– Что же не отправился?

– Был нужен Джоэлу Тобиасу здесь.

– А вы откуда знаете?

– Дэмиен сам сказал. Съездил с Тобиасом пару раз в Канаду, и, как мне показалось, что-то у них там заварилось, какое-то дельце с перспективой хороших денег. Дэмиен даже начал поговаривать насчет собственного бизнеса, если с армией не получится, может быть, в охранной сфере. Вот тогда у него проблемы и начались. Тогда он и стал меняться.

– Как меняться?
– Перестал есть. Не мог спать, а когда все же засыпал, то кричал во сне.

– Вы слышали, что он кричал?
– Иногда. Просил кого-то оставить его в покое, замолчать. Нет, не так – перестать *шептать*. Возбуждался, делался агрессивным. Мог ни за что обругать. Когда не работал на Тобиаса, часто уединялся. Сидел, курил, смотрел в пустоту. Я предлагал ему обратиться к кому-нибудь, но не знаю, последовал ли он моему совету. Началось это через три месяца после его возвращения, а еще через две недели он покончил с собой. – Пэтчет похлопал меня по плечу. – Присмотрись к этому Тобиасу, понаблюдай за ним, а потом поговорим.

Он попрощался с Кайлом и Тарой и вышел. В окно я видел, как Пэтчет медленно идет к своей машине, выдавшей вида «Субару» с наклейкой «Тюленей»^[2] на заднем бампере. Старик открыл дверцу, оглянулся и, увидев, что я смотрю на него, поднял руку в знак прощания. Я сделал то же самое.

Из кухни вышел Кайл.

– Собираюсь закрываться. Вы закончили?
– Спасибо. – Я расплатился и добавил прилично сверху – за кофе и остальное. Не так-то много в наше время закусочных, где двое могут спокойно поговорить о подобных вещах, не опасаясь, что их подслушивают.

– Беннет – хороший человек, – заметил Кайл.

– Да, хороший.

По пути в Скарборо я сделал небольшой крюк, чтобы проехать мимо «Голубой луны». Ветер трепал свисавшую с водосточной трубы желтую оградительную ленту, ярко выделяющуюся на фоне черного сгоревшего бара. Окна были по-прежнему заколочены, дверь заперта на тяжелый засов, но в крыше, в том месте, откуда вырвалось когда-то пламя, зияла дыра, а в воздухе, если подъехать ближе, все еще ощущался запах сырости и горелого дерева. Кайл и Беннет были правы: эти обуглившиеся останки давно следовало снести, но они стояли, как черная раковая клетка на красном от клевера лугу, раскинувшемся за ними.

Я поехал дальше, и отражение руин «Голубой луны» побежало в зеркале назад и наконец осталось далеко позади, но при этом как будто сохранилось в зеркале как след от грязного пальца – напоминание от мертвых о том, что живые у них в долгу.

Глава 2

Вернувшись домой в Скарборо, я сел за стол, чтобы сделать кое-какие заметки по нашему разговору с Беннетом Пэтчетом и обдумать все, что узнал. Если Джоэл Тобиас избивал подружку, он определенно заслуживал наказания, но понимал ли Беннет, куда вмешивается? Даже если бы мне удалось раскопать что-то против Тобиаса, на отношения молодых людей это, скорее всего, никак не повлияло бы, разве что я обнаружил бы такое, от чего любая женщина, у которой еще сохранились остатки здравомыслия, собрала бы вещички и рванула куда подальше. Я пытался предупредить его, что Карен Эмори может и не поблагодарить за вмешательство в ее личные дела, даже если Тобиас действительно поднимал на нее руку. Тем не менее, если забота о молодой женщине была единственной причиной этого вмешательства, то я вполне мог позволить себе потратить какое-то время на расследование. В конце концов, Беннет платил за это.

Проблема состояла в том, что моим нанимателем двигало не только беспокойство за Карен Эмори. По сути, эпизод с Карен послужил поводом для проведения отдельного, пусть и связанного с первым, расследования смерти его сына. Судя по всему, Беннет всерьез считал, что Джоэл Тобиас несет ответственность за перемены в поведении Дэмиена Пэтчета, которые в конце концов привели его к самоуничтожению. По большому счету, все расследования, возбуждаемые частными лицами за рамками правоохранительной и корпоративной сфер, являются личными делами, но некоторые из них имеют абсолютно личный характер. Беннет хотел, чтобы кто-нибудь ответил за смерть его сына, поскольку сам сын ответить за себя не мог. Некоторые отцы в похожей ситуации могли бы направить свой гнев на военных, не позаботившихся о вернувшемся с войны солдате или не разглядевших проблему психиатров, но Дэмиен, по словам Беннета, вернулся домой в относительно неплохом состоянии. Утверждение это тоже нуждалось в проверке, но пока, по мнению Пэтчета, Джоэл Тобиас был так же повинен в смерти Дэмиена, как если бы он сам держал руку самоубийцы в тот момент, когда палец лег на спусковой крючок.

Интересный человек этот Пэтчет. В душе он, может быть, и мягкий человек, но внешне словно покрыт роговыми щитками, как крокодил. Это сейчас он солидный бизнесмен, а в свое время отмотал срок. В молодости Беннет связался с парнями из Оберна, которые, поразмявшись на ограблении автозаправок и бакалейных лавок, совершили налет на Первый

фермерский банк в Огасте, во время которого размахивали оружием и даже стреляли – правда, холостыми. Добыча оказалась невелика, около двух тысяч долларов с мелочью, а в скором времени и копы установили по крайней мере одного члена банды. Его взяли, и он после короткой обработки сдал остальных в обмен на сокращение срока. Беннет сидел за рулем, и ему светило десять лет. Он не был профессиональным преступником. Пять лет, проведенных в Томастоне, построенной в девятнадцатом веке крепости-тюрьме и сохранившей следы старых виселиц, убедили его в ошибочности выбранного пути. Поджав хвост, Беннет вернулся в отцовский бизнес и с тех пор держался подальше от неприятностей. Это не значит, что он проникся уважением к закону и, будучи преданным в прошлом, был не готов донести на кого-то в свою очередь. Может быть, ему не было большого дела до Джоэла Тобиаса, но, обратившись ко мне, а не в полицию, Беннет пошел на типичный для себя компромисс, ведь наняв меня для слежки за одним, он в душе надеялся, что я могу заодно и выявить истинные причины смерти другого.

Никаких секретов больше не существует. Немного находчивости, немного наличности – и каждый может узнать о людях то, что они предпочли бы сохранить в тайне. Задача упрощается, если у вас есть лицензия частного детектива. Уже через час на столе у меня лежала кредитная история Джоэла Тобиаса. Насколько я мог судить, никаких серьезных обвинений против него не выдвигалось, проблем с полицией не было. Уволившись из армии по инвалидности чуть более года назад, он, судя по всему, много работал, платил по счетам и вел обычную для синего воротничка жизнь.

Одним из любимых словечек моего отца было «подозрительный». Молоко, перед тем как испортиться, могло иметь подозрительный запах. Едва различимый звук в автомобильном двигателе мог указывать на укрывшийся от диагностики подозрительный дефект в карбюраторе. Для него «подозрительное» было опаснее откровенно плохого, просто потому, что природа изъята оставалась неустановленной. Он знал, что что-то не так, но не мог ничего сделать, потому что истинное лицо проблемы было скрыто. С явной бедой можно справиться или смириться, но то, что лишь пахло подозрительно, не давало ему спокойно спать.

Вот и дела Джоэла Тобиаса пахивали. Грузовик-тягач со спальным местом обошелся ему при покупке в восемьдесят пять тысяч долларов. Вопреки тому, что сказал Беннет, машина была не совсем новая, но в отличном состоянии. Примерно тогда же он приобрел трейлер, за который заплатил еще десять тысяч. Джоэл отдал пять процентов наличными и

выплачивал остальное ежемесячно при процентной ставке, которую можно было бы даже назвать льготной, но при этом его общие ежемесячные выплаты составляли две с половиной тысячи долларов. Мало того, практически одновременно с трейлером Тобиас купил новенький «Шевроле Силверадо», заключив очень удачную сделку: он отдал за автомобиль восемнадцать тысяч долларов, сбив цену дилера на шесть тысяч, и теперь расплачивался по ссуде – 280 долларов в месяц. И наконец выплаты по закладной на дом в Портленде, возле Фореста и неподалеку от «Бурого шатуна», как оказалось, еще одна тысяча в месяц. Дом принадлежал дяде и уже уходил за долги, когда тот оставил его по завещанию племяннику. Если сложить все, получалось, что каждый месяц Тобиасу приходилось отдавать почти пять тысяч долларов только для того, чтобы, как говорится, держаться на плаву. А ведь еще надо было оплачивать страховку, медицинское обслуживание и отопление, покупать бензин для «Шевроле», продукты и пиво – все то, что делает жизнь комфортной. Приплюсовать, по скромным подсчетам, еще тысячу долларов, и выходит, что ежегодный доход Тобиаса должен составлять около семидесяти тысяч долларов после налоговых вычетов. Зарабатывать такие деньги реально, учитывая, что как оператор-владелец он мог получать девяносто центов за милю плюс топливо, но для этого нужно работать много и на большие расстояния. Возможно, Тобиас получал компенсацию за покалеченную руку и ногу. Ранения могли давать ему право на налоговую скидку в размере от пятисот до тысячи двухсот долларов ежемесячно. Какая-никакая помощь, но все остальное, тем не менее, нужно было зарабатывать на трассе. Его кредитный рейтинг оставался стабильным, он не допускал просрочек в платежах и регулярно перечислял взносы на индивидуальный пенсионный счет.

Но если верить Беннету и тому впечатлению, которое производил сам Тобиас, то он отнюдь не гнул спину за баранкой. Со стороны казалось, что никаких финансовых проблем у него нет, а это говорит о том, что деньги приходят откуда-то еще или бизнес субсидируется из неких сбережений. Последний вариант означал, что в бизнесе он долго не задержится.

Такие дела. Джоэл Тобиас был подозрителен. Деньги откуда-то текли к нему. Оставалось только установить этот источник дополнительного дохода, и кое-что из сказанного Беннетом могло указывать на него. По словам старика, Тобиас совершал поездки между Мэном и Канадой. Что означало пересечение границы, то есть контрабанду.

А если речь идет о границе между Канадой и Мэном, контрабанда означает наркотики.

«Нью-Йорк таймс» писала об этом так: «Чтобы пресечь поток контрабанды между Мэном и Канадой, понадобилась бы небольшая армия – столь дика и необжита большая часть территории и столь велики и разнообразны возможности». Сказано это было в 1892 году, но с тех пор положение почти не изменилось. В конце девятнадцатого века власти беспокоила потеря таможенных сборов от спиртного, рыбы, скота, переправлявшихся через границу контрабандой, но уже тогда возникла проблема с опиумом, ввозившимся в режиме таможенного склада в Нью-Брансуик и переправлявшимся в Соединенные Штаты через Мэн. Сухопутная граница штата с Канадой составляет четыреста миль и проходит в основном по неосвоенной территории да еще более трех тысяч миль береговой линии. Добавьте сюда четырнадцать тысяч островков и получите рай для контрабандистов.

В 1970-е, когда Управление по борьбе с наркотиками стало все больше переключаться на южную границу с Мексикой, наркодилеры перенесли внимание на Новую Англию, где уже существовал готовый рынок сбыта – студенты ее 250 колледжей. Все, что требовалось, это купить моторку, добраться до Ямайки или Колумбии и вернуться уже известным маршрутом, оставляя по тонне во Флориде, обеих Каролинах, Род-Айленде и, наконец, Мэне. С тех пор здесь обосновались мексиканцы, всевозможные южноамериканцы, байкеры и прочие, кому доставало сил и наглости отхватить и удержать кусок рынка наркотиков.

Я сидел в кресле и смотрел в окно на затопленные водой низины и носящихся над ними птиц. Южнее к небу поднимался столбик темного дыма, медленно растворяясь в неподвижном воздухе и оставляя грязное пятно на безупречной голубизне клонящегося к закату дня. Я позвонил Беннету Пэтчету, и он подтвердил, что Карен Эмори работает, что ее смена заканчивается в семь вечера, и Джоэл Тобиас, вероятно, заедет за ней. Он часто заезжал, когда не был в отлучке. Беннет спросил, не может ли она задержаться немного на работе, и Карен ответила, что нет, не может, потому что они с Тобиасом собрались вместе поужинать. Еще она сказала, что в ближайшие недели Джоэлу предстоят несколько рейсов в Канаду, и свободного времени у него будет мало. За неимением лучшего я решил взглянуть на Джоэла Тобиаса и его подружку.

«Дюны» – заведение довольно крупное и при полном комплекте кухонного штата и готовности официанток попотеть ради хороших чаевых может обслужить сотню, а то и более клиентов. Широкие окна выходят на трассу 1 и парковку с кегельбаном «Большая двадцатка» на другой стороне шоссе. Через зал проходит единственная стойка с закруглениями по обоим концам, образуя фигуру, напоминающую вытянутую в ширину букву «U». Вдоль стен расположены четырехместные кабинки; еще несколько образуют винило-пластиковый островок в центре ресторана. Официантки – в голубых рубашках с названием заведения на спине и изображением трех коней, рвущихся к финишному столбу. У каждой на левой стороне груди вышито имя.

Заходить я не стал, решил подождать на парковке. Оттуда и увидел Карен Эмори – смена подходила к концу, и она раскладывала на столе чеки. Беннет описал ее мне, так что узнать Карен оказалось нетрудно – из всех официанток, работавших в тот вечер, она единственная была блондинкой. Симпатичная, изящная, невысокая, около пяти футов, худенькая; правда, казалось, что блузка маловата и с трудом вмещает бюст. Приходившие в «Дюны» парни, наверное, пускали слюни, пожирая глазами стянутую пуговицами ткань на груди.

В 18.55 на стоянку въехал черный «Силверадо» с дымчатыми тонированными стеклами. Через двадцать минут из ресторана выпорхнула Карен Эмори – в коротком черном платье, на каблуках, с распущенными по плечам волосами и свежим макияжем на лице. Девушка забралась в «Силверадо», и водитель, вывернув налево, выехал на трассу номер 1 и направился на север. Я держался за ними всю дорогу до Южного Портленда, где авто подъехало к «Бил-стрит барбекю» на Бродвее. Карен вышла первой, Джоэл Тобиас – следом. Он был по меньшей мере на фут выше своей подружки; темные волосы, зачесанные назад и уже тронутые сединой, слегка завивались над ушами. Джоэл был одет в джинсы и голубую рубашку из денима. Жирок, если таковой и присутствовал, умело маскировался. При ходьбе Тобиас слегка прихрамывал, оберегая правую ногу, а левую руку держал в кармане джинсов.

Я подождал две-три минуты и последовал за ними. Парочка уже устроилась за столиком у двери, так что я прошел к барной стойке, заказал бутылку безалкогольного пива, немного жареной картошки и устроился так, чтобы видеть и телевизор, и столик, за которым расположились Тобиас и Карен. Им, похоже, было весело. Они взяли по «Маргарите» и пиву и большое блюдо закусочного ассорти. Разговор оживляли улыбки и смех – по большей части со стороны Карен, – показавшиеся мне несколько

вынужденными, хотя, возможно, на моем впечатлении сказалось мнение Беннета Пэтчета. Я постарался отвлечься от его рассуждений и смотреть на них, как на обычную пару интересных незнакомцев. Но нет, Карен определенно переигрывала, что подтвердилось, когда Тобиас вышел из-за стола. Ее улыбка постепенно потускнела, а на лице проступило выражение задумчивости и беспокойности.

Я заказал еще одно пиво, пить которое не планировал, и тут рядом со мной нарисовался Тобиас. Протолкнувшись к стойке, он попросил у бармена чек, объяснив, что официантка, похоже, занята. Потом повернулся ко мне, улыбнулся и, бросив «прошу прощения, сэр», вернулся к своей спутнице. Я никак не отреагировал, но, когда он отходил от стойки, успел посмотреть на его левую руку – двух пальцев действительно не хватало. Через минуту-другую подошла официантка. Получив инструкцию у бармена, она взяла чек и направилась к их столику. Парочка расплатилась и ушла.

Следить за ними я не стал. Во-первых, потому, что уже увидел их вместе, а во-вторых, из-за того, что маневр Тобиаса немного вывел меня из равновесия. Я не видел, как он возвращался из мужского туалета, а значит, он вышел через боковую дверь на улицу, а потом вошел через главную. Может, ему просто захотелось покурить, но в таком случае он удовольствовался двумя-тремя затяжками. Может, его появление рядом со мной было простой случайностью. В любом случае я не стал выскакивать на стоянку и мчаться за ним вдогонку – это только подкрепило бы его подозрения, – а допив без удовольствия пиво и посмотрев телевизор, поднялся и вышел. Машин на стоянке почти не осталось, черного «Силверадо» видно не было. Время подбиралось к десяти, но небо еще не потемнело. Я поехал в Портленд, чтобы посмотреть на жилище Тобиаса. Это оказался небольшой, хорошо отремонтированный двухэтажный дом. «Силверадо» стоял на дорожке, а вот грузовика я не приметил. В комнатах наверху, за задернутыми шторами, горел свет, но потом погас, и дом погрузился в темноту.

Я подождал немного, рассматривая дом и думая о беспокойстве на лице Карен и о ловком маневре Тобиаса, а потом вернулся в Скарборо, в свой дом, пустой и тихий. Когда-то со мной жили женщина, ребенок и собака, но теперь они были в Вермонте. Пару раз в месяц я навещал свою дочь Сэм, а иногда, если ее мать, Рейчел, отправлялась по делам в Бостон, она приезжала ко мне с ночевкой. Рейчел встречалась с кем-то, и по этой причине мне не хотелось ее беспокоить. А иногда я просто обижался на нее за это. Во всяком случае, я старался сохранять дистанцию, потому что не

желал им обеим зла, а зло меня преследовало неотступно.

Их сменили тени другой женщины и ребенка – я уже не мог их разглядеть, но ощущал: так ощущаешь запах осыпающихся и выброшенных по этой причине цветов. Они давно перестали быть источником тревоги, мои ушедшие жена и дочь. Их отнял у меня убийца, у которого я в ответ тоже забрал жизнь. Терзаемый чувством вины и обуреваемый гневом, я допустил, чтобы они превратились на время в злобные и мстительные тени. Но то было раньше; теперь их незримое присутствие успокаивало меня – я знал, что им отведена какая-то роль в моем будущем, что бы там ни случилось.

Я открыл дверь, и дом встретил меня теплом и запахом соли с болот. Я почувствовал пустоту теней, равнодушие тишины и спокойно уснул в одиночестве.

Глава 3

Джеремая Уэббер только-только налил себе бокал вина, дабы растянуть удовольствие от готовки ужина, когда зазвенел дверной звонок. Уэббер не любил, если нарушался заведенный им порядок, а вечер четверга в его относительно скромном доме – скромном по крайней мере по меркам богачей Нового Ханаана – был священным. Вечером в четверг он выключал мобильный телефон, не отвечал на звонки по домашнему (и, говоря по правде, немногочисленные друзья Уэббера, зная его причуды, старались не беспокоить его, если речь не шла о жизни и смерти) и уж точно не реагировал на дверной звонок. Кухня располагалась в задней части дома, и во время готовки он держал дверь закрытой, так что через стекло входной двери могла быть видна лишь тонкая горизонтальная полоска света. В гостиной горела лампа, еще одна в спальне наверху – вот и все освещение в доме. В кухне негромко звучал диск Билла Эванса^[3]. Иногда Уэббер накануне четверга планировал, какая именно музыка будет звучать, пока он готовит, какое вино будет сопровождать трапезу, какую посуду достать. Эти маленькие слабости помогали ему сохранять душевное равновесие.

Вечерами по четвергам знавшие, что он дома, обычно не досаждали, а те, кто не знал наверняка, не имели возможности точно установить, дома хозяин или нет, лишь на основании имеющегося в доме освещения. Даже самые ценные его клиенты – а некоторые были весьма состоятельными людьми, привыкшими к тому, что их желания исполняются в любой час дня и ночи, – смирились с тем, что в четверг вечером Джеремая Уэббер недоступен. В этот четверг заведенный порядок уже был частично нарушен несколькими продолжительными телефонными разговорами, поэтому домой он приехал после восьми, а сейчас было уже около девяти, и он все еще не поужинал. Посему он более обычного не желал отвлекаться.

Вежливый и утонченный, немного за пятьдесят, темноволосый, Уэббер был мужчиной привлекательным, хотя и слегка женоподобным. Это впечатление усиливало его пристрастие к галстукам-бабочкам в горошек и ярким жилетам, а также разнообразие культурных интересов, включающих в себя балет, оперу и современный свободный танец, и далеко не только. Такое сочетание давало повод случайным знакомым предположить, что он гомосексуалист, но Уэббер не был геем, то есть и близко не был. У него до сих пор не появилось ни единого седого волоска – генетическая особенность, благодаря которой он выглядел лет на десять моложе.

Моложавость позволяла ему встречаться с женщинами по всем понятиям слишком молодыми для него, не привлекая неодобрительного, если не завистливого, внимания, объектом коего часто становятся любовные пары с подобной разницей в возрасте. Но у относительной привлекательности для противоположного пола, сочетавшейся с определенной щедростью в отношении тех, кто удостоился его благосклонности, была и обратная сторона. Ей были обязаны крушением два его брака, из коих лишь о первом он сожалел, поскольку любил свою жену, хотя, пожалуй, и недостаточно. Ребенок от этого брака, его дочь и единственный отпрыск, гарантировал общение бывших супругов, в результате чего первая жена, как он полагал, все еще питала к нему нежную привязанность. Второй брак был ошибкой, причем такой, какую он не имел ни малейшего желания повторять, предпочитая, когда доходило до секса, случайные, ни к чему не обязывающие связи долгосрочным обязательствам. Так что потребность в женском обществе он испытывал редко, заплатив за свои аппетиты разрушенными браками и финансовыми потерями, которые идут рука об руку в такого рода делах. Как следствие, в последнее время у Уэббера возникли проблемы с личностью, и ему пришлось предпринять некоторые шаги, дабы исправить эту ситуацию.

Когда прозвенел звонок, Уэббер как раз собирался приступить к разделке форели, лежавшей на маленькой гранитной стойке. Он вытер пальцы о фартук, взял пульт и, уменьшив звук, прислушался. Потом подошел к кухонной двери и посмотрел на маленький видеозэкран домофона.

На пороге стоял мужчина в темной шляпе. Он смотрел в сторону от объектива камеры. Но пока Уэббер наблюдал, голова мужчины чуть повернулась, как будто он каким-то образом понял, что его разглядывают. Головы он не поднял, поэтому глаза оставались в тени, но, судя по тому, что удалось увидеть, человек, стоявший на крыльце, был Уэбберу незнаком. На верхней губе незнакомца виднелась отметина, хотя, возможно, то была просто игра света.

Звонок зазвонил во второй раз, и теперь незнакомец удерживал палец на кнопке, поэтому двухнотная последовательность звуков повторялась снова и снова.

– Какого черта? – проворчал Уэббер, надавив пальцем на кнопку домофона. – Да? Кто вы? Что вам нужно?

– Я хочу поговорить, – ответил незванный гость. – Неважно, кто я, для вас важно лишь то, кого я представляю. – Речь его была слегка невнятной, как будто он держал что-то во рту.

– И кого же?

– Я представляю «Фонд Гутелиба».

Уэббер отпустил кнопку домофона, непроизвольно поднес палец ко рту. Пожевал ноготь – привычка с детства, признак волнения. «Фонд Гутелиба». Сделок с ними он провел немного. Все проходило через третью сторону, некую юридическую фирму в Бостоне. Попытки выяснить, что конкретно представляет собой фонд и кто отвечает за решения по его приобретениям, результата не дали, и он начал подозревать, что такой организации в действительности нет, и существует она чисто номинально. Уэббер не оставил попыток докопаться до истины, и через некоторое время получил от адвокатов письмо, извещавшее, что конфиденциальность для вышеупомянутой организации – вопрос принципиальный, и его дальнейшие действия приведут к немедленному прекращению какого-либо сотрудничества со стороны фонда. Более того, говорилось в письме, в определенных кругах будут запущены слухи, что мистер Уэббер не так осмотрителен, как желали бы некоторые его клиенты. После такого предупреждения Уэббер пошел на попятный. Фонд, реальный или же просто вывеска, служил для него средством приобретения кое-каких необычных и дорогих предметов. Вкусы тех, кто за ним стоял, были весьма оригинальны, и когда Уэбберу удавалось удовлетворить эти вкусы, ему платили тут же, не торгуясь и не задавая вопросов.

Но тот последний заказ... Ему следовало быть осторожнее, внимательнее изучить доказательства подлинности, сказал он себе, понимая, что просто подготавливает ложь, которую мог бы предложить в качестве оправдания человеку на крыльце, если возникнет необходимость.

Он потянулся левой рукой за вином, но не рассчитал движения. Бокал с шумом упал на пол и разбился, забрызгав домашние туфли и низ брючины. Чертыхнувшись, Уэббер вернулся к домофону. Незнакомец по-прежнему стоял перед дверью.

– В данную минуту я довольно занят. Несомненно, это можно обсудить в обычное время.

– Безусловно, можно, – последовал ответ, – но нам никак не удастся привлечь ваше внимание. Вы не соизволили ответить на целый ряд наших сообщений. Знаете, складывается впечатление, что вы нас намеренно избегаете.

– Но в чем дело?

– Мистер Уэббер, вы испытываете мое терпение, как испытывали терпение фонда.

Он сдался.

– Ладно, сейчас.

Уэббер посмотрел на вино, растекающееся по черно-белому кафельному полу, и старательно обошел осколки. Какая жалость, подумал он, снимая фартук, и направился к входной двери, но задержался, чтобы взять револьвер из шкафчика, стоящего в холле, и сунул его сзади под кардиган, за пояс брюк. Оружие было маленькое, и спрятать его не составляло труда. По пути он взглянул в зеркало – на всякий случай – и открыл дверь.

Гость оказался ниже, чем ему показалось, и одет был в темно-синий костюм, который когда-то, возможно, считался дорогим приобретением, но теперь выглядел устаревшим, хотя и перенес минувшие годы, сохранив некоторое достоинство. Из нагрудного кармана выглядывал краешек белосинего носового платка в тон галстуку. Голова незнакомца все так же была опущена, но сейчас это выглядело естественно, так как он снимал шляпу. В какой-то момент Уэбберу показалось, что вместе со шляпой он снимает и макушку, как верх аккуратно срезанного яйца, позволяя заглянуть внутрь черепа. Но нет, под шляпой обнаружились лишь растрепанные пряди седых волос, напоминавшие куски сахарной ваты, и куполообразная голова, заметно заострявшаяся кверху. Гость поднял глаза, и Уэббер невольно попятился.

На довольно бледном лице выделялись ноздри, узкими темными провалами врезанные в основание узкого, идеально прямого носа. Кожа вокруг глаз – морщинистая, с синюшным оттенком – свидетельствовала о болезни и разложении. Сами глаза были едва видны под складками кожи, свисавшими на них со лба, как тающий воск с горящей свечи. Под глазами яблоками виднелось покраснение, и Уэббер подумал, что глаза у незнакомца постоянно воспалены от песка и пыли.

Впрочем, боль ему, по-видимому, причиняли не только глаза. Уродливая верхняя губа напомнила Уэбберу фотографии детей с «волчьей пастью» в воскресных газетах, рассчитанные на привлечение благотворительных пожертвований, вот только здесь была не «волчья пасть», а рана, стрелообразное рассечение, обнажающее белые зубы и бледные десны. К тому же рана выглядела сильно инфицированной, воспаленной, с багровыми, местами почти черными пятнышками. Уэбберу показалось, что он почти видит пожирающие плоть бактерии. И как человек выносит такие мучения? Какие средства он должен принимать, чтобы уснуть? Как он вообще может смотреть на себя в зеркало, видя там это свидетельство разложения собственного тела и явно надвигающейся смерти? Из-за болезни возраст гостя определить было невозможно, но

Уэббер дал бы ему от пятидесяти до шестидесяти, даже с учетом претерпеваемых разрушительных процессов.

– Мистер Уэббер, – произнес незнакомец, и, несмотря на рану, голос его оказался мягким и приятным. – Позвольте представиться. Меня зовут Ирод. – Он улыбнулся, и Уэбберу пришлось приложить усилие, чтобы не показать возникшего отвращения, ибо создавалось впечатление, что движения лицевых мышц гостя вот-вот разорвут рану на губе. – Меня часто спрашивают, люблю ли я детей^[4]. Я не обижаюсь.

Уэббер не знал, как реагировать на его слова, поэтому просто открыл дверь пошире, пропуская гостя; его правая рука почти небрежно скользнула за спину, где и осталась, рядом с пистолетом. Войдя в дом, Ирод вежливо кивнул и бросил взгляд на пояс хозяина. У Уэббера возникло отчетливое впечатление, что гость знает об оружии, и это его ничуть не смущает. Ирод посмотрел в сторону кухни, и Уэббер жестом пригласил его пройти. Ирод ступал медленно, но определенно не из-за болезни. Во всех его движениях чувствовались расчетливость и уверенность. В кухне он положил шляпу на стол и огляделся, одобрительно улыбаясь. Лишь музыка, похоже, пришлась ему не по вкусу – взглянув на музыкальный центр, он чуть заметно нахмурил брови.

– Похоже на... нет, это оно и есть: «Павана» Форе, – сказал он. – Не могу сказать, впрочем, что одобряю то, что с ней делают.

Уэббер слегка пожал плечами.

– Это Билл Эванс, – сказал он. Кто же не любит Билла Эванса?

Ирод недовольно скривился.

– Мне никогда не нравились такого рода эксперименты, – заметил он. – Боюсь, что в большинстве вопросов я пурист.

– Каждому свое, полагаю, – отозвался Уэббер.

– Что верно, то верно. Как скучен был бы мир, будь у всех одинаковые вкусы. И все же трудно не согласиться, что иногда лучше противиться, чем потакать. Не возражаете, если я присяду?

– Прошу вас, – ответил Уэббер с едва уловимой ноткой неудовольствия.

Ирод сел, при этом обратив внимание на разлитое на полу вино и разбитый бокал.

– Надеюсь, это не из-за меня, – заметил он.

– Это я по собственной неловкости. Потом уберу. – Уэббер не хотел занимать руки щеткой и ведром, пока этот тип у него в кухне.

– Судя по всему, я оторвал вас от приготовления ужина. Прошу вас, ради бога, продолжайте. Я вовсе не желаю задерживать вашу трапезу.

– Ничего. – Точно так же Уэббер решил, что лучше будет не поворачиваться спиной к Ироду. – Приготовлю, когда вы уйдете.

Ирод на секунду задумался, словно борясь с желанием ответить на это, но в конце концов сдержался, как кошка, решившая не гнаться за бабочкой и не давить ее. Вместо этого он переключил внимание на бутылку белого бургундского на столе, осторожно повернув ее одним пальцем, чтобы прочесть этикетку.

– А, замечательно, – сказал он, затем повернулся к Уэбберу. – Не угостите стаканчиком?

Он терпеливо ждал, пока Уэббер, не привыкший к тому, чтобы гости высказывали такие требования, достал из кухонного шкафа два бокала и отмерил Ироду порцию при данных обстоятельствах более чем щедрую, затем налил себе. Ирод взял бокал и понюхал. Вытащил из брючного кармана носовой платок, аккуратно сложил его и, приложив к подбородку, сделал глоток уголком рта, чтобы не задеть рану на губе. Немного вина стекло вниз и впиталось в платок.

– Чудесно, благодарю, – сказал он и извиняющимся жестом махнул рукой с платком. – Поневоле привыкаешь частично жертвовать достоинством, чтобы продолжать жить так, как нравится. – Он снова улыбнулся. – Как вы могли догадаться, я не вполне здоров.

– Очень жаль это слышать, – отозвался Уэббер, сиюсь вложить в свои слова хоть каплю сочувствия.

– Благодарю вас, – сухо ответил Ирод и показал пальцем на свою верхнюю губу: – Меня пожирает рак. Вот это недавнее – некроз тканей, не реагирует на пенициллин и ванкомицин. Удаляли омертвевшую ткань, но всю удалить не получилось. И теперь, видимо, снова надо будет обследоваться. Забавно. Говорят, мой тезка, убийца младенцев, страдал некротизирующим фасцитом паха и гениталий. Божье наказание, можно сказать.

Кого, интересно, ты имеешь в виду, подумал Уэббер, царя или себя? Ирод словно уловил эту мысль, поскольку выражение лица его изменилось, и даже то незначительное добродушие, которое он проявлял до этого, испарилось.

– Пожалуйста, мистер Уэббер, садитесь. Кроме того, можете вытащить револьвер из-за пояса. Вряд ли вам так удобно, а я не вооружен. Я пришел поговорить.

Немного смутившись, Уэббер вытащил оружие, положил его на стол и сел напротив Ирода. Если понадобится, револьвер все еще находится близко. Бокал с вином он держал в левой руке – на всякий случай.

– Итак, к делу, – продолжал Ирод. – Как я уже сказал, я представляю интересы «Фонда Гутелиба». До недавнего времени считалось, что у нас с вами взаимовыгодное сотрудничество: вы находите нам материал, мы платим без возражений и проволочек. Время от времени мы просили действовать от нашего имени, приобретая ту или иную вещь на аукционе, когда предпочитали не афишировать свои интересы. И опять-таки, на мой взгляд, вы получали вполне достойное вознаграждение за потраченное время. Фактически, вам дали возможность приобретать указанные предметы за наши деньги и продавать их нам же с наценкой, превышавшей агентские комиссионные. Я прав? Я не искажаю характер нашей договоренности?

Уэббер молча кивнул.

– Несколько месяцев назад мы попросили вас приобрести для нас гримуар^[5] семнадцатого века, из Франции. По описанию, в переплете из телячьей кожи, но мы знаем, то была всего лишь уловка, дабы избежать нежелательного внимания. Текстура кожи человеческой, как нам обоим известно, очень отличается от телячьей. Вещь, мягко говоря, уникальная. Мы предоставили вам всю информацию, необходимую для успешной покупки с преимущественным правом. Мы не хотели, чтоб книга оказалась на аукционе, даже таком специализированном, как было обещано. Но вам впервые не удалось выполнить заказ. Как оказалось, другой покупатель приобрел гримуар до вас. Вы вернули нам деньги и сообщили, что в следующий раз постараетесь лучше. К несчастью, ввиду уникальной природы вещи о «следующем разе» говорить не приходится.

Ирод снова улыбнулся, на этот раз с сожалением, как разочарованный учитель ученику, который не усвоил простое понятие. Атмосфера в кухне изменилась с момента появления в ней Ирода, причем явно. Дело было не только в растущем беспокойстве, которое охватило Уэббера из-за направления, которое принял разговор. Нет, у него возникло ощущение, будто сила тяжести мало-помалу увеличивается, а воздух становится плотнее. Попытавшись поднести к губам бокал, Уэббер был неприятно удивлен его весом. Он чувствовал, что если ему надо будет встать и пойти, это будет равносильно попытке пробраться по грязи или илу. Ирод менял самую сущность окружающего, выпуская из себя стихии, которые изменяли свойства материи атома. Этот умирающий человек, а он, безусловно, умирал, создавал ощущение какой-то плотности вокруг себя, как если бы был не плотью и кровью, но некой неизвестной субстанцией, каким-то зараженным соединением, чужеродной массой.

Уэбберу все же удалось поднести бокал к губам. Вино потекло по

подбородку, и ему стало неприятно от того, что получилось как у Ирода. Он вытер струйку рукой.

– Я ничего не мог сделать. Что касается редких находок и находок, связанных с эзотерикой, то здесь есть и всегда будет конкуренция. Их существование трудно сохранить в тайне.

– И все же в случае с гримуаром из Ла-Рошели его существование было тайной, – возразил Ирод. – Фонд тратит немало времени и усилий на установление местонахождения интересующих его предметов, которые были забыты или утеряны, и крайне осторожен при ведении поисков. Гримуар обнаружили после нескольких лет тщательных поисков. Его ошибочно отнесли к восемнадцатому веку, и после длительных проверок по разным источникам мы подтвердили, что это ошибка. Только фонд знал о значимости этого гримуара. Даже его владелец относился к нему просто как к антикварной вещице, возможно ценной, но он не догадывался, насколько важной она может быть для истинного коллекционера. Фонд, в свою очередь, назначил вас действовать от его имени. От вас требовалось лишь удостовериться, что оплата осуществлена, и затем организовать безопасную доставку предмета. За вас сделали всю тяжелую работу.

– Я не совсем понимаю, на что вы намекаете, – сказал Уэббер.

– Я ни на что не намекаю. Я *рассказываю* вам, как было дело. Вас обуюла жадность. В прошлом вы имели дело с коллекционером Грейдоном Тьюли и знали, что Тьюли питает особую страсть к гримуарам. Вы сообщили ему о существовании гримуара Ла-Рошели. Он, со своей стороны, согласился заплатить вам комиссионные как посреднику и предложил за гримуар на сто тысяч долларов больше, чем выделил фонд. Вы не передали всю эту сумму продавцу, но оставили половину себе вдобавок к комиссионным. Затем вы заплатили субагенту в Брюсселе, поручив ему действовать от вашего имени, и гримуар ушел к Тьюли. Я ничего не упустил?

Уэббер хотел бы возразить, отрицать сказанное Иродом, но не мог. Глупо было надеяться, что обман сойдет ему с рук, но что сделано, то сделано. Тогда казалось, что это вполне возможно и даже разумно. Ему нужны были деньги: бизнес реагировал на экономический спад, и с наличными возникли затруднения. Кроме того, дочь училась на втором курсе медицинского факультета, и плата за обучение буквально разоряла его. Фонд, как и большинство других клиентов, платил хорошо, но недостаточно часто, и Уэбберу какое-то время приходилось туговато. На приобретении гримуара для Тьюли он, после выплаты субагенту в Брюсселе, заработал 120 тысяч долларов. Для него это были большие

деньги: их хватило, чтобы сократить долг, частично оплатить следующий год обучения Сьюзен и положить немного в банк – для себя. Поведение Ирода просто возмутительно. Уэббер не работает на «Фонд Гутелиба», его обязательства перед ним минимальны. Да, в деле с продажей гримуара он поступил не совсем благородно, но такое случается сплошь и рядом. К черту Ирода. Уэбберу и так хватит денег на вполне безбедную жизнь, и он на хорошем счету у Тьюли. Если фонд прекратит с ним сотрудничество, что ж, так тому и быть. Ирод ничего не докажет. Если кто-то пожелает навести справки, у Уэббера достаточно фальшивых купчих, чтобы объяснить происхождение небольшого состояния.

– Думаю, вам следует уйти, – сказал Уэббер. – Я бы хотел заняться ужином.

– Не сомневаюсь. К сожалению, боюсь, что не могу оставить это дело как есть. Нам следует договориться о форме компенсации.

– Не думаю. Я вообще не понимаю, о чем вы говорите. Да, я выполнял определенную работу для Грейдона Тьюли в прошлом, но у него есть и свои источники. Я не могу отвечать за все неудавшиеся сделки.

– Вас не обвиняют во всех неудавшихся сделках, только в этой конкретной. «Фонд Гутелиба» придает большое значение вопросам ответственности. Никто не заставлял вас действовать так, как вы действовали. В этом радость свободной воли – и ее проклятье. Вы должны признать вину за свои действия. Ошибки нужно исправлять.

Уэббер начал было говорить, но Ирод остановил его, подняв руку.

– Не лгите мне, мистер Уэббер. Это оскорбляет меня и выставляет в неприглядном свете вас. Будьте мужчиной. Признайтесь в том, что вы сделали, и мы сможем договориться о возмещении. Признание облегчает душу. – Он правой рукой накрыл руку Уэббера. Его ладонь была влажной и холодной, но Уэббер не мог пошевелиться. Рука Ирода, казалось, придавила его.

– Ну же, – продолжал Ирод. – Все, о чем я прошу, – это честность. Мы знаем правду, и теперь вопрос лишь в том, как оставить все это в прошлом.

Темные глаза блестели, как черные шпинели^[6] на снегу. Уэббер как будто попал под гипноз. Он коротко кивнул, и Ирод ответил таким же жестом.

– В последнее время было тяжело. – Глаза горели, слова застревали в горле, как будто он вот-вот расплачется.

– Знаю. Сейчас для многих тяжелые времена.

– Я никогда раньше так не делал. Тьюли связался со мной по другому вопросу, и я как-то невольно проболтался. Я был в отчаянном положении.

И поступил неправильно. Я прошу прощения – у вас и у фонда.

– Ваше извинение принято. К сожалению, теперь нам надо обсудить вопрос компенсации.

– Половины денег уже нет. Я не знаю, какую сумму вы предполагаете взыскать, но...

Ирод, казалось, удивился.

– О, дело не в деньгах, – сказал он. – Мы не требуем денег.

Уэббер вздохнул с облегчением.

– Тогда что? – спросил он. – Если вам нужна информация об интересующих вас предметах, я, наверное, смог бы предоставить ее по сниженной цене. Могу порасспрашивать, проверить свои контакты. Уверен, что отыщу что-нибудь, что возместит потерю гримуара и...

Он замолчал. На столе появился конверт из плотной бумаги, в какие обычно кладут фотографии.

– Что это? – спросил Уэббер.

– Откройте и увидите.

Уэббер взял конверт. На нем не было ни имени, ни адреса, и он не был запечатан. Уэббер вытащил лежавшую там цветную фотографию. На снимке была запечатлена женщина. Она явно не знала, что ее снимают, поскольку смотрела через плечо, улыбаясь кому-то или чему-то, не попавшему в кадр.

Это была его дочь Сьюзен.

– И что это значит? – спросил Уэббер. – Вы угрожаете моей дочери?

– Не совсем, – отозвался Ирод. – Как я уже говорил вам, фонд весьма интересуется концепция свободного волеизъявления. В деле с гримуаром у вас был выбор, и вы его сделали. Теперь я получил распоряжение предоставить вам еще один выбор.

Уэббер сглотнул.

– Продолжайте.

– Фонд санкционировал изнасилование и убийство вашей дочери. Возможно, вас несколько утешит, что это необязательно должно произойти.

Уэббер инстинктивно взглянул на револьвер и потянулся к нему.

– Должен предупредить вас, – продолжал Ирод, – если со мной что-нибудь случится, ваша дочь не доживет до утра, и мучения ее будут гораздо сильнее. Вы сможете воспользоваться этим револьвером, но не сейчас. Позвольте, я закончу, а потом все взвесите.

Не зная, что делать, Уэббер не сделал ничего, и судьба его была решена.

– Как я уже сказал, – продолжал Ирод, – действия санкционированы,

но обязательно должны быть выполнены. Есть другой вариант.

– Какой?

– Вы лишаете себя жизни. Вам придется выбрать: ваша жизнь, мгновенно оборванная, или жизнь вашей дочери, которая будет умирать медленно и мучительно.

Уэббер в оцепенении уставился на Ирода.

– Вы ненормальный. – Произнося эти слова, он понимал, что это не так. В глазах Ирода не было ничего, кроме абсолютного здравомыслия. Наверное, бывает так, что боль доводит человека до безумия, но здесь не тот случай. Наоборот, физические страдания придали сидящему напротив человеку совершенную ясность восприятия: он не питал иллюзий в отношении окружающего мира и понимал, что этот мир может причинить невероятные страдания.

– Нет. У вас есть пять минут, чтобы принять решение. После этого останавливать то, что должно произойти, будет уже слишком поздно.

Ирод откинулся на спинку стула. Уэббер схватил револьвер и направил на него, но тот и глазом не моргнул.

– Звоните. Скажите им, чтобы отпустили ее.

– Стало быть, вы сделали выбор?

– Нет. Нет никакого выбора. Предупреждаю, если вы не позвоните, я убью вас.

– И тогда ваша дочь умрет.

– Я могу заставить вас страдать. Могу прострелить вам колено. Пах. Вы будете корчиться от боли и истекать кровью, пока не выполните мое требование.

– Ваша дочь все равно умрет. Вы это знаете. В глубине души вы понимаете, что все будет именно так, как я сказал. Вам надо признать это и сделать выбор. Четыре минуты тридцать секунд.

Уэббер взвел курок револьвера.

– Говорю в последний раз...

– Думаете, вы первый, кого поставили перед выбором, мистер Уэббер? Вы действительно полагаете, что я не делал этого раньше? В конце концов вам придется выбрать: ваша жизнь или жизнь вашей дочери. Что вы цените больше?

Ирод ждал. Он взглянул на свои часы, отсчитывая секунды.

– Я хочу увидеть ее взрослой. Хочу увидеть, как она выйдет замуж и станет матерью. Хочу быть дедушкой. Вы понимаете?

– Понимаю. Она будет жить, а ее дети станут приносить цветы вам на могилу. Четыре минуты.

– Неужели вы никого не любите?

– Нет.

Уэббер осознал тщетность своих попыток, и револьвер дрогнул в его руке.

– А откуда мне знать, что вы не лжете?

– Насчет чего? Насчет изнасилования и убийства вашей дочери? О, думаю, вы понимаете, что я не шучу.

– Нет. Насчет... насчет того, что ее отпустят.

– Просто не лгу. Мне незачем. Лгут другие. Мое дело – поставить их перед последствиями этой лжи. За каждую ошибку нужно расплачиваться, за каждый поступок отвечать. Вопрос в том, кого вы любите больше – свою дочь или себя?

Ирод поднялся. В одной руке у него был мобильный телефон, в другой винный бокал.

– Я оставляю вас одного, – сказал он. – Пожалуйста, не пытайтесь воспользоваться телефоном. Если вы сделаете это, наш договор будет аннулирован, и я гарантирую, что ваша дочь умрет медленной, мучительной смертью. И мои коллеги позаботятся, чтобы вы не увидели рассвет.

Уэббер не попытался остановить Ирода, когда тот медленно выходил из комнаты. Он как будто оцепенел.

В холле Ирод изучил свое отражение в зеркале. Поправил галстук, смахнул пылинку с пиджака. Он любил этот костюм. Сколько раз надевал его по таким вот случаям. В последний раз взглянул на часы. Из кухни доносилось какое-то неразборчивое бормотание. Неужто Уэббер настолько глуп, что позвонил? Нет, тон голоса не тот. Может быть, Уэббер кается или прощается с дочерью? Он подошел ближе.

– Кто ты? – спрашивал Уэббер. – Ты тот, кто навредит моей Сьюзи? Это ты, да? Ты?

Ирод заглянул в кухню. Уэббер смотрел в окно. Он увидел отражение Уэббера и свое и на мгновение ему почудилась третья фигура, слишком иллюзорная, чтобы решить, что кто-то заглядывает из сада – конечно, в кухне не было никого, кроме живого – *пока еще живого* — Уэббера.

Уэббер повернулся и посмотрел на Ирода. Он плакал.

– Будь ты проклят. Гореть тебе в аду.

Он прижал дуло к виску и нажал на спусковой крючок. От выстрела, эхом отразившегося от кафельных стен и пола кухни, у Ирода зазвенело в ушах. Уэббер, падая, перевернул стул. Какой дилетантский способ стреляться, размышлял Ирод, но, с другой стороны, нельзя же было

ожидать, что Уэббер окажется профессионалом в таком деле, как самоубийство; характер самого акта исключал это. Дуло револьвера дернулось от выстрела вверх, снеся верхнюю часть черепа, но Уэббер умудрился не убить себя. Глаза его были широко распахнуты, а рот судорожно открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы. В порыве милосердия Ирод забрал оружие из руки Уэббера и закончил работу за него, затем допил вино из своего бокала и собрался уходить. У двери он остановился и глянул в кухонное окно. Что-то было не так. Он быстро прошел к окну и обвел взглядом ухоженный и мягко освещенный сад. Сад окружала высокая стена с воротами по обе стороны дома. Ирод не заметил никаких признаков чьего-то присутствия, но тревога осталась.

Гость посмотрел на часы. Он пробыл здесь слишком долго, тем более если выстрелы привлекли внимание. Ирод нашел главный электрический щиток в чулане под лестницей и отключил электричество, после чего вытащил из внутреннего кармана голубую хирургическую маску и прикрыл ею нижнюю часть лица. В каком-то смысле вирус H1N1 оказался для него благом. Прохожие все так же иногда таращились на него, но человек с такой болезнью, как у него, видит в их взглядах не только любопытство, но и понимание.

Ирод, укрытый тенями, растворился в ночи и навсегда выбросил Джеремаю Уэббера и его дочь из головы. Уэббер сделал свой выбор, правильный выбор, на взгляд Ирода, – его дочери позволят жить. Он всегда – что бы ни говорил Уэбберу – работал один и нарушать обещание не собирался.

Потому что был человеком слова – на свой манер.

Глава 4

Когда кровь Уэббера смешивалась с пролитым вином и растекалась по кухонному полу, а Ирод вернулся во мрак, из которого появился, далеко на севере по лесной прогалине эхом разнесся звонок телефона.

Этот звук заставил мужчину, скрючившегося в грязной постели, мучительно очнуться ото сна и сразу же понять – это они: телефон от сети перед тем, как лечь спать, он отключил.

Лежа на кровати, он осторожно, не поворачивая головы, посмотрел в сторону телефонного аппарата, словно они уже были здесь, с ним, и любое движение могло подсказать им, что он проснулся.

Уходите. Оставьте меня в покое.

Забубнил, ожив, телевизор – он уловил отрывок какой-то старой комедии шестидесятых, над которой, помнится, смеялся вместе с матерью и отцом, сидя между ними на диване. При воспоминании о родителях к глазам подступили слезы. Ему было страшно, и он хотел, чтобы они защитили его, но родители уже давно исчезли с лица земли, и он был один-одинешенек. Потом картинка пропала, остались только помехи, и через экран пришли голоса; точно так же они приходили прошлой ночью, и позавшей, и каждую ночь с тех пор, как он доставил последнюю партию. Его охватила дрожь, хотя в комнате было тепло.

Прекратите. Убирайтесь.

В кухне, в дальнем конце жилища, заиграло радио. Его любимая программа, «Немного ночной музыки». Когда-то он любил слушать ее перед сном, но больше – нет. Теперь, включая радио, за музыкой он слышал их, в паузах между частями симфонии, заглушающих голос ведущего, не перекрывая совсем, но звучащих достаточно громко, чтобы не дать сосредоточиться на том, что говорилось; имена композиторов и дирижеров не доходили до сознания – все его силы уходили на то, чтобы не обращать внимания на чужую медоточивую речь. И хотя слов он не понимал, их значение было ясно.

Они хотели выйти на свободу.

В конце концов ему стало невмогуту. Он соскочил с кровати, схватил бейсбольную биту, которую держал под рукой, и замахнулся с силой и решимостью, которым он позавидовал бы и в молодости. Экран телевизора лопнул с глухим хлопком, выбросив сноп искр. Секунду спустя на пол полетели обломки радиоприемника; осталось разобраться с телефоном. Он

встал над ним с занесенной битой и смотрел на шнур электропитания, лежавший далеко от розетки, и пластиковый соединительный кабель – соблазнительно близко к телефонной коробке. Телефон не был подключен к сети, однако зазвонил. Ему бы удивиться, но он не удивился. В последние дни он уже ничему не удивлялся.

Вместо того чтобы разнести телефон вдребезги, он отложил биту и подсоединил аппарат к сети. Поднес трубку к уху, старательно избегая контакта из страха, что голоса могут каким-то образом попасть из телефона ему в голову, поселиться там и сводить с ума дальше. Он прислушался, чувствуя, как трясутся губы и текут слезы, и набрал номер. Телефон на другом конце прозвонил четыре раза, а потом включился автоответчик. Всегда автоответчик. Он попытался успокоиться, затем сказал в трубку:

– Что-то случилось. Вам надо приехать сюда и все забрать. Скажите всем, что я выхожу из игры. Просто заплатите то, что мне причитается, а остальное можете оставить себе.

Он положил трубку, надел пальто, теннисные туфли и взял фонарик. Поколебавшись немного, сунул руку под кровать и нашел зеленую универсальную военную кобуру М 12. Вытащил «браунинг», опустил его в карман пальто, прихватил бейсбольную биту для пущего спокойствия и вышел из трейлера.

Ночь выдалась безлунная, черное небо затянули тучи, отчего мир казался мрачным. Луч фонарика серпом прорезал тьму; пройдя мимо заколоченных комнат, он добрался до четырнадцатого номера. Снова вспомнился отец; он увидел себя мальчиком, который стоит со стариком перед этой самой комнатой и спрашивает, почему нет номера 13, почему после 12-го идет 14-й. Отец тогда объяснил ему, что люди суеверны. Люди не хотят жить в комнате с номером тринадцать или на тринадцатом этаже больших городских отелей, поэтому пришлось внести изменения, чтобы они не беспокоились. Так тринадцатый номер стал четырнадцатым, и в результате все спят чуть лучше, даже если на самом деле четырнадцатый – это все равно тринадцатый, как бы ты ни пытался упрятать сей факт. В больших городских отелях тринадцатый этаж остался, и в маленьких мотелях – как у них – все так же есть комната тринадцать. И вообще, есть люди, которые не желают жить в номере четырнадцать по той же самой причине, но в общем большинство постояльцев просто ничего не замечают.

Сейчас он стоял один перед номером четырнадцать. Изнутри не доносилось ни звука, но он чувствовал их. Они ждали, чтобы он начал действовать, ждали, чтобы он сделал то, чего они хотели от него, чего требовали по радио, по телевизору и в ночных звонках по телефону,

который не должен работать, но работает. Они ждали и хотели, чтобы он выпустил их.

Болты на двери были на месте, замки не повреждены, но когда он проверил шурупы, которыми прикрутил дверь к коробке, то обнаружил, что три из них разболтались, а один совсем выпал.

– Нет, – пробормотал он. – Это невозможно. – Он поднял шуруп с пола и осмотрел шляпку. Целая и невредимая. Ну, допустим, кто-то приходил, когда его не было в трейлере, и дрелью выкрутил шуруп, но почему только один и почему оставил остальные, не доведя дело до конца? Бессмыслица.

Если только...

Если только они не сделали это изнутри. Но как?

Надо открыть, подумал он. Надо открыть и проверить. Но он не хотел открывать. Боялся того, что может увидеть, и того, что может сделать вопреки себе. Он знал, что если еще может совершить какое-то доброе дело в своей жизни, то это не обращать внимания на эти голоса. Он почти слышал их, зовущих его, издевающихся над ним...

Он сходил к себе в трейлер, нашел большой ящик с инструментами и вернулся к номеру четырнадцать. Когда он вставлял сверло в дрель, его внимание привлек звук – металл по дереву. Он положил дрель и направил фонарик на дверь.

Один из оставшихся шурупов поворачивался, выкручиваясь из дерева. Прямо у него на глазах он вышел на всю длину и упал на землю.

Значит, шурупов уже недостаточно. Он отложил дрель и взял пневмомолоток. Тяжело дыша, приблизился к двери, приставил дуло пистолета к дереву и нажал на спусковой крючок. Его слегка тряхнуло отдачей, но когда он отступил назад, то увидел, что гвоздь, все шесть дюймов, по самую шляпку ушел в дерево. Он продолжил работу, пока не всадил в дверь двадцать гвоздей. Чтобы вытащить их, придется повозиться... На душе стало немного спокойнее.

Он сел на влажную землю. Шурупы больше не двигались, и голосов не было слышно.

– Ага, – прошептал он. – Не нравится, да? Скоро вы станете проблемой кого-нибудь другого, а с меня довольно. Я заберу свои денежки и уберусь отсюда. И так уж подзадержался. Заползу на время в какую-нибудь теплую норку.

Он посмотрел на ящик с инструментами. Слишком тяжелый, чтобы тащить его назад в трейлер, и, бог знает, может, скоро снова понадобится. Номер пятнадцать был закрыт только куском фанеры. С помощью отвертки он выкрутил два шурупа, которыми она крепилась, и занес ящик в темную

комнату. Слева проступили очертания старого шкафа и голый каркас кровати с проржавевшими пружинами и сломанными столбиками, похожий на скелет какого-то доисторического существа.

Он повернулся и посмотрел на стену, отделявшую эту комнату от номера четырнадцать. Краска облупилась и местами вздулась. Он приложил ладонь к одному пузырю и почувствовал, как тот подался, но не ощутил сырости, как ожидал. Пузырь был теплым, как если бы с другой стороны стены горел огонь. Он подвинул руку в сторону, пока не нащупал прохладный участок, краска на котором оставалась неповрежденной.

– Что за?.. – Он произнес это вслух, и звук собственного голоса во мраке напугал его, словно говорил не он, а некий его двойник, который стоял чуть в стороне и с любопытством наблюдал за ним, человеком, постаревшим раньше времени, искалеченным войной и утратами, человеком, которого среди ночи преследуют телефонные звонки и голоса, говорящие на чужом языке.

Прохладное место на стене стало теплеть под его ладонью. Даже не теплеть – оно сделалось горячим. Он на секунду прикрыл глаза, и в голове вспыхнуло видение: нечто в соседней комнате, фигура, изуродованная и вывернутая, вспыхивающая изнутри, когда на стену с той стороны ложится ее ладонь, следующая за рукой человека с другой, как кусок железа, тянувшийся за магнитом.

Он убрал руку и потер ладонь о штанину. Во рту и в горле пересохло. Захотелось прокашляться, но он сдержался. Это нелепо, он понимал: в конце концов, он ведь только что заколотил наглухо дверь, поэтому пока можно успокоиться, но между этими механическими звуками и такой человеческой слабостью, как кашель, все же есть разница. Поэтому он прикрыл рот рукой и попятился из комнаты, оставив там ящик с инструментами. Он поставил на место фанеру, но закреплять ее не стал. Ночь была тихой, безветренной, так что упасть она не должна. Он не поворачивался спиной к мотелю, пока не добрался до фургона. Войдя, запер дверь, потом выпил воды, следом опрокинул в рот стакан водки и проглотил таблетку снотворного. Снова набрал номер, который уже набирал, и оставил второе сообщение.

– Еще одна ночь. Я хочу получить деньги, и с меня хватит этой чертовщины. Сожалею, но больше не могу.

Потом он разбил телефон и топтал мелкие осколки, после чего скинул башмаки и пальто и свернулся калачиком на кровати. Он слушал тишину, а тишина прислушивалась к нему.

Их ни в грош не ставили. С самого начала, подумал он. Даже его фамилию на новой идентификационной карточке написали неправильно: «Бобби Жанро» вместо «Жандро». А он не собирался идти на войну с исковерканной фамилией – плохая карма. И как они взвились, когда он указал на ошибку – можно подумать, потребовал отнести его в Ирак в паланкине.

Что ж, богатые всегда имеют бедных, и в этой войне богачи воевали за счет бедняков. Ни одного богатенького рядом, а если какой и завелся бы, он бы спросил его: а зачем? Какой смысл быть здесь, если есть другие варианты? Нет, там были только такие же, как он сам, а некоторые и еще беднее, хотя уж он-то знал, каково оно, жить бедняком. Тем не менее по стандартам некоторых знакомых парней, которые о бедности знали не понаслышке, ему жаловаться было не на что.

Начальство говорило, что они готовы развернуться в боевой порядок и сражаться, а ведь им даже бронежилеты не выдали.

– Это потому, что иракцы по вам стрелять не будут, – сказал Латнер. – Будут только язвить, насмехаться да говорить всякие гадости про ваших мамочек.

Длиннющий, как жердь, – он такого, наверное, и не встречал, – Латнер только так и говорил: «мамочки» да «папочки». Когда умирал, просил позвать свою «мамочку», да только она была далеко, за тысячи миль, и, может, молилась за него, как будто это могло помочь. Ему дали наркотики – от боли, и он уже плохо соображал, не понимал, где находится. Думал, что дома, в Ларедо. Ему сказали, что мамочка уже едет, и он так и умер, веря в эту ложь.

Они собирали куски металла и расплюснутые банки, делали себе бронепластины. Потом они снимали бронежилеты с убитых иракцев. Те, что приезжали позже, были экипированы лучше: наколенники, защитные очки, солнцезащитные очки «Уайли-икс», даже карточки с ответами на возможные вопросы репортеров, потому что к тому времени все полетело к чертям собачьим, как говаривал его старик, и было нежелательно, чтобы кто-нибудь ляпнул что-то не то.

Душевых поначалу не было – мылись из касок. Жили в развалинах, позже – по пять человек в комнатухе без кондиционера при жаре в 50 градусов. Ни поспать, ни помыться, неделями в грязной форме. Потом будут и кондиционеры, и жилые блоки-контейнеры, и нормальные сральни,

и рекреационные центры с игровыми станциями и большими телевизорами, и гарнизонные лавки, где продавались футболки с надписями «Кто твой Баг-дэдди»^[7] и «Бургер-Кинг». Будет Интернет, круглосуточный телефон, но когда кого-то убивали, это все отключалось до уведомления семьи. Будет и бетонный бункер – чтобы не чувствовать себя на открытой местности.

Трудности его не смущали. Поначалу. В армию не для того записываются, чтобы оставаться дома и отбывать время в Штатах. В армию записываются, чтобы идти на войну. Как там сказал министр обороны Рамсфельд? На войну идут с той армией, которая есть, а не с той, какую хотелось бы иметь. Но, опять-таки, у Рамсфельда все на месте, руки-ноги целы, так что ему легко говорить.

У него были тату на руках – мальчишеские глупости, но ничего бандитского. В Мэне, наверное, и банд таких не было, чтобы ради них наколки делать, а для реально крутых парней, вроде «Бладс» и «Крипс»^[8], татушки ничего не значили. В армии свои наколки: армейские жетоны на боку, «мясные жетоны» с личными данными – даже если тебя разорвет на куски, опознать все равно смогут. Штаб-сержант обещал дать поблажку насчет тату. Обещал даже подчистить бумаги, убрать кое-какие криминальные мелочи; у него самого даже ВВС^[9] не было. Хорошая жизнь была ему обеспечена: подписной бонус, оплачиваемый отпуск и при желании – учеба в колледже по завершении срока. Он набрал более 80 процентов в отборочном тесте на профпригодность и мог записаться на два года, но записался на четыре. Заняться все равно было особенно нечем, а четырехлетний контракт означал гарантированное место в конкретном подразделении. Он хотел по возможности служить с земляками, ребятами из Мэна. Ему нравилось быть солдатом. У него хорошо получалось. Поэтому и продлил. А не продлил бы, и все было бы по-другому. Второй раз – это круто. Просто убойно.

Но до него было далеко. Сначала его послали на подготовку в Форт-Беннинг на три с половиной месяца, и уже на второй день он думал, что протянет ноги. После прохождения базовой подготовки дали две недели передышки, а потом записали во вспомогательную программу вербовки на военную службу в родном городе. Ему полагалось вербовать приятелей в армию, да только приятели не покупались на обещания. Вот тут он и познакомился с Тобиасом. Тобиас уже тогда был ловкачом: умел задружиться, договориться, оказать услугу, за которую потом приходилось расплачиваться. Тобиас взял его под свое крыло.

– Не сечешь ты в этих делах, – сказал ему Тобиас. – Держись меня – я научу.

И он держался. Тобиас приглядывал за ним, как он позже приглядывал за Дэмиеном Пэтчетом. Но потом роли поменялись. Засвистели пули, и он подумал:

«Я – наживка. Я – живой щит.

И меня убьют».

Глава 5

На следующее утро чуть свет я был у дома Джозела Тобиаса. На случай, если у Тобиаса после вчерашнего возникли подозрения, что за ним следят, я взял «Мустанг» вместо «Сатурна», на котором вел наблюдение вчера. Неприметным «Мустанг» не назовешь, но я припарковался за каким-то грузовиком на стоянке «Биг скай брэд компани» на углу Диринг-авеню, устроившись так, чтобы видеть дом Тобиаса на Ревире и самому не быть при этом на виду. Когда я припарковался, «Силверадо» по-прежнему стоял на подъездной дорожке, а окна наверху были занавешены. В начале девятого Тобиас в черной футболке и черных джинсах вышел через переднюю дверь. На левой руке у него я заметил татуировку, но рассмотреть издали не смог. Он сел в грузовик и поехал направо. Я подождал, пока грузовик скроется из виду, и последовал за ним.

Дорожный трафик позволял держаться на расстоянии и в то же время не выпускать его из вида. В Бедфорде я едва не потерял Тобиаса на перекрестке, но уже через пару кварталов догнал. В конце концов он въехал на территорию складского комплекса чуть в стороне от улицы Франклина. Я проехал мимо, потом попал на соседнюю стоянку и уже оттуда наблюдал, как Тобиас паркуется рядом с тремя огромными фурами около провололочной ограды. Следующий час у него ушел на профилактическое техобслуживание, после чего он забрался в «Силверадо» и вернулся домой.

Я заправил «Мустанг», выпил кофе в «Биг скай» и попытался определить, что делать дальше. Пока известно только, что у Тобиаса что-то не так с финансами, и, возможно, как предполагал Беннет, не все ладно с подружкой, но меня не оставляло чувство, что все это, как ни крути, не мое дело. Теоретически, я мог бы оставаться рядом, пока он не соберется в Канаду, потом проследовать за ним за границу и посмотреть, не прояснится ли что, но шансы остаться незамеченным на таком долгом маршруте очень невелики. Как-никак, если Тобиас занимается чем-то нелегальным, вопрос безопасности для него на первом месте, а чтобы вести наблюдение правильно, нужны две, а еще лучше три машины. Можно было бы привлечь Джеки Гарнера, но Джеки бесплатно не работает, если только ему не гарантировано попутное развлечение и возможность подраться, не опасаясь уголовного преследования. К тому же слежка за идущей в Квебек фурой вряд ли совпадает с представлениями Джеки о приятном времяпрепровождении. И даже если Тобиас и впрямь возит контрабанду,

что тогда? Я же не Таможенная служба Соединенных Штатов.

Другой вопрос, бил он свою подружку или не бил. Но я не представлял, как мое вмешательство могло бы улучшить ситуацию. У Беннета Пэтчета было гораздо больше возможностей осторожно заняться делом Карен Эмори через кого-нибудь из сослуживцев. Появление незнакомца с вопросом, не бил ли ее в последнее время бойфренд, вряд ли расположило бы ее к нему.

Я позвонил Беннету на сотовый, попал на голосовую почту и оставил сообщение. Не оказалось его и в «Дюнах»; снявшая трубку женщина сказала, что не ждет Пэтчета сегодня. Я убрал телефон. Кофе остыл. Я опустил стекло и вылил его на землю, а пустой стаканчик бросил на заднее сиденье. Скука и досада. Я достал из бардачка роман Джеймса Ли Берка, сел поудобнее и стал читать.

Книгу я дочитал через три часа, изрядно отсидев при этом задницу. А кофе проделал свой путь через весь организм. Как любой хороший детектив, я держал в машине пластиковую бутылку – на крайний случай, – но острой стадии ситуация пока не достигла. Еще одна попытка дозвониться до Беннета завершилась той же голосовой почтой. Минут двадцать спустя на перекрестке появился зеленый «Субару» Карен Эмори с хозяйкой за рулем. Она уже была в синей форменной футболке «Дюн». Больше никого в машине не было. Я остался на месте.

Через полчаса появился «Силверado» Тобиаса и проследовал в сторону автостреды. Я покатил за ним. В Портленде он купил билет на комедию в театре «Никелодеон». Я прождал минут двадцать – он не вышел. Все указывало на то, что в Канаду Джоэл не собирается, по крайней мере, не сегодня. Даже если он готовился к ночному маршу, последовать за ним в одиночку я не мог. К тому же в ближайшие два вечера меня ждали в «Шатуне», а подвести Дейва Ивенса я не мог. В общем, день прошел впустую, мне нечего было сообщить Беннету – по крайней мере, того, что стоило бы его денег. Часы показывали пять, в бар мне к восьми, но сначала я хотел принять душ и сходить в туалет.

Я поехал в Скарборо. Близился вечер, было тепло и тихо. После душа я переоделся и принял решение: возьму с Беннета за фактически отработанные часы и верну остальное, если только ему не удастся меня переубедить. Буде он пожелает и возьмет на себя роль посредника, я, пожалуй, посижу с Карен Эмори бесплатно и расскажу ей о возможных вариантах действий в случае домашнего насилия. Что же касается Джоэла Тобиаса, то он – если только не восполняет дефицит финансов совершенно законными средствами, о которых мне ничего не известно – может и

дальше продолжать в том же духе, пока его не прижмут копы или таможенники. Компромисс не идеальный, но идеальные компромиссы случаются редко.

В «Буром шатуне» в тот вечер было не протолкнуться. В самом конце бара в стороне от двери пили копы из полиции штата. Я счел за лучшее держаться от них подальше, и Дейв со мной согласился. Теплых чувств они ко мне не питали, а один из их компании, детектив Хансен, до сих пор отдыхал на больничном из-за того, что в начале года сунулся в мои дела. Я за собой вины не чувствовал, но знал, что у его коллег другая точка зрения. Весь вечер я принимал заказы от официанток, а обслуживанием сидельцев у бара занимались два бармена. Смена пролетела быстро, и к полуночи я был уже свободен. Для очистки совести прокатился мимо дома Джоэла Тобиаса. «Силверадо» стоял на месте, рядом с машиной Карен Эмори. Фура у склада тоже не трогалась.

Я ехал домой, когда зазвонил телефон. Определитель показал номер Беннета Пэтчета. Я свернул к «Данкин донатс» и ответил.

– Поздновато звоните, мистер Пэтчет.

– Подумал, что ты полуночник, как и я сам. Извини, что не смог ответить раньше. По правде говоря, весь день занимался юридическими вопросами, а когда освободился, уже не в состоянии был проверять сообщения. Но теперь вот пропустил стаканчик на ночь и чувствую, немного полегчало. Нашел что-нибудь стоящее?

Я сказал, что ничего такого не нашел, если не считать нестыковок в финансах Тобиаса, о чем Беннет уже догадывался. Потом поделился со стариком своими сомнениями: продолжение слежки затруднительно без привлечения дополнительных людских ресурсов, и если Карен Эмори стала жертвой домашнего насилия, не лучше ли разобраться с проблемой как-то иначе.

– А мой мальчик? – спросил Беннет, голос его дрогнул. Я подумал, что старик, пожалуй, принял на ночь не один стаканчик. – Как же мой мальчик?

Я не знал, что сказать. Ваш мальчик умер, и его уже не вернуть. Проблема была в посттравматическом стрессе, а не в том, что он связался с Джоэлом Тобиасом, который, возможно, и занимался темными делишками под прикрытием легального бизнеса.

– Послушай, – продолжал Беннет. – Ты, наверное, считаешь меня старым дурнем, который не желает принять обстоятельства смерти сына. Может, оно и так. Но у меня чутье на людей, и Джоэл Тобиас доверия не внушает. Мне он не понравился с первой встречи, и я был против, чтобы

Дэмиен участвовал в его делах. Прошу тебя – продолжай. Вопрос не в деньгах. Деньги у меня есть. Если нужно привлечь кого-то еще, привлекай – я все оплачу. Что скажешь?

Что тут сказать? Я пообещал понаблюдать за Тобиасом еще несколько дней, хотя смысла в этом не видел. Он поблагодарил и дал отбой. Секунду-другую я смотрел на телефон, потом бросил его на соседнее сиденье.

В ту ночь мне приснилась фура Джоэла Тобиаса. Она стояла на заброшенной парковке с незапертым контейнером, и когда я открыл его, там была только тьма, тьма, уходившая глубже дальней стенки контейнера, как будто я смотрел в бездну. Я почувствовал, как из темноты ко мне быстро приближается что-то, несется на меня из бездны... и очнулся с первым лучом солнца и с ощущением, что я не один.

В комнате пахло духами моей погибшей жены, и я знал – это предупреждение.

Глава 6

Я припарковался в терминале залива Каско-Бей, когда почтовое судно отправлялось в утренний рейс; с дюжину пассажиров, по большей части туристы, смотрели на отступающую пристань и суету, рыболовецкие лодки и паромы. Почтовое судно было неотъемлемой частью обыденной жизни залива и, совершая по два рейса в день, связывало Большую землю с Литл-Даймонд, Грейт-Даймонд и Даймонд-Коув, Лонг-Айлендом, Клифф-Айлендом и Пикс-Айлендом, с Грейт-Чебиг, самым крупным из островов Каско-Бей, а также с Датч-Айлендом, или Заповедником, самым дальним из Календарных островов^[10]. Почтовое судно – способ сообщения не только между живущими морем и живущими на море, но также и между обитателями многочисленных форпостов Каско-Бей.

Сам вид почтового парохода неизменно вызывал что-то вроде ностальгии. Он принадлежал, казалось, другой эпохе, одним лишь видом вызывая в воображении свои прежние инкарнации и напоминая о важности подобной связи в те времена, когда путешествия между островами и материком были не так легки. Пароход доставлял не только письма, посылки и грузы, но также и новости. Мой дед, отец моей матери, взял меня как-то на один из почтовых рейсов, когда мы с матерью вернулись в Мэн после смерти отца, когда мы бежали на север от расползавшегося кровавого пятна. Помню, я тогда подумал, что хорошо бы навсегда покинуть материк и поселиться на одном из этих островов, чтобы кровь растворилась в волнах, когда дойдет до побережья и начнет стекать в море. Оглядываясь назад, я понимаю, что всегда бежал: от отцовского наследия, от смерти Сьюзен и Дженнифер, моей жены и ребенка, и, наконец, от себя самого.

Но теперь я остановился.

«Парусный мастер» был, если уж называть вещи своими именами, обычной дырой, одним из последних старых береговых баров Портленда, что открывались в расчете на ловцов лобстеров, портовых рабочих и всех тех, кто добывал средства к существованию на темной стороне города. Бар появился там задолго до того, как кому-то пришла в голову мысль, что туристы, возможно, были бы не прочь проводить какое-то время на набережной, но когда эти самые туристы в конце концов появились, «Парусный мастер» они предпочитали обходить стороной. Так сторонятся разлегшегося на улице пса – шерсть не скрывает шрамы от былых схваток;

пасть, даже в дреме, приоткрыта в оскале, и видно пожелтевшие клыки; слезящиеся глаза полуприкрыты – от него так и несет затаенной угрозой и перспективой лишиться пальца или чего посущественнее, если случайному прохожему вздумается по неосторожности погладить его. Даже название на висевшей снаружи вывеске едва различимо – краска давно стерлась, а обновить ее никто не спешит. Те, кому нужно, сами знали, где найти бар, – к числу таковых относились местные да определенного типа новички, не озабоченные хорошей кухней, равнодушные к маякам и далекие от ностальгических мыслей о почтовых пароходах и островитянах. Эти отыскивали «Парусный мастер» чутьем и, поцапавшись с другими псами, и получали свое место.

«Парусный мастер» был единственным все еще работавшим на пристани заведением; другие стояли с заколоченными окнами и с замками на дверях, за которыми давно не осталось ничего, что можно было бы украсть. Проникший в них рисковал провалиться сквозь пол в холодную воду, потому что все эти строения, как и сама пристань, гнили и погружались в море. Чудом представлялось уже то, что «Парусный мастер» не рухнул давным-давно; более крепкий и прочный с виду, он покоился на тех же, что и соседи, ненадежных сваях.

Так что посещению бара сопутствовало ощущение опасности сразу отовсюду, и перспектива утонуть в бухте из-за неверного шага и прогнившей половицы представлялась проблемой относительно меньшей в сравнении с более явной угрозой физического насилия, серьезного или не очень, со стороны кого-либо из посетителей. В последнее время даже ловцы лобстеров захаживали в «Парусный мастер» нечасто, а тех, что все же приходили, интересовал не столько промысел, сколько выпивка – пили упорно, пока потребленная жидкость не начинала вытекать из ушей. Ловцами они назывались только по привычке, поскольку те, кто попадал в «Парусный мастер», уже давно смирились с фактом, что времена, когда они были полезными членами общества, вкалывавшими за достойную плату, остались в прошлом. Людей сюда заносило в тот момент, когда больше пойти было некуда, когда единственным концом виделись похороны с присутствием тех, кто знал тебя лишь по месту в баре и привычной выпивке, тех, кто, провожая тебя в последний путь, равно скорбели и о собственной жизни. Бар вроде «Парусного мастера» есть едва ли не в каждом прибрежном городке; об утраченном чаще вспоминают именно в таких заведениях, чем в поредевшем семейном кругу. В этом смысле «Парусный мастер» был – как буквально, так и фигурально – вполне подходящим местом для заканчивающих земной путь, поскольку на борту

корабля именно мастер зашивал умершего в парусину и перед тем, как сделать последний стежок, колот его иглой в нос, дабы удостовериться, что бедняга и впрямь отдал концы. В баре к таким мерам не прибегали; его завсегдатаи упивались до смерти, так что когда клиент переставал заказывать выпивку, то был верный знак, что своей цели он достиг.

Хозяином «Парусного мастера» был некто Джимми Джуэл, хотя я ни разу не слышал, чтобы кто-то называл его иначе, как «мистер Джуэл». Джимми Джуэл владел пристанью, на которой и стоял бар, и еще несколькими заведениями вроде «Парусного мастера»: жилыми домами, едва ли соответствовавшими такому определению; полуразвалившимися строениями на набережной и в боковых улочках города на всем пути от Киттери до Калиса; и незастроенными участками, использовавшимися единственно для сохранения грязных луж с застоявшейся дождевой водой. Участки не продавались и никаких указаний на их владельца не имели, если не считать таковыми запретительные знаки со словами «посторонним вход воспрещен»; некоторые из этих знаков выглядели вполне официально, другие представляли собой обычные дощечки с разнообразными и весьма креативными вариантами написания вышеуказанного предостережения.

Объединяла все эти участки и строения неопределенная перспектива когда-нибудь, в некоем отдаленном будущем вызвать интерес какого-нибудь девелопера. Пристань, на которой стоял «Парусный мастер», должна была, как поговаривали, стать частью проекта по переустройству пирса. В расчете на привлечение 160 миллионов долларов власти надеялись вдохнуть в набережную новую жизнь, сделав ее коммерчески привлекательной, для чего собирались возвести новый отель, офисные высотки и построить терминал для круизных судов. Впоследствии проект забросили, и чем дальше, тем больше он отодвигался в неопределенное будущее. Порт переживал не лучшие времена. Международный морской терминал, некогда заполненный грузовыми контейнерами, ожидающими погрузки на корабли и баржи, затих и почти не подавал признаков жизни. Количество рыболовных судов, доставляющих улов на рыбный рынок у портлендского рыбацкого пирса, сократилось за пятнадцать лет с 350 до 70, и предполагаемое сокращение разрешенных для рыбного промысла дней грозило подорвать сами основы жизни рыбаков. Служба скоростного сообщения между Портлендом и Новой Шотландией прекратила свое существование, лишив многих работы, а порт дохода. Некоторые видели спасение набережной в увеличении численности баров и ресторанов, но их противники указывали на то, что порт может превратиться в подобие тематического парка с дюжиной влачащих жалкое существование ловцов

лобстеров, оставленных ради сохранения местного колорита, и у Портленда останется лишь тень великой глубоководной гавани, на протяжении трех столетий определявшей идентичность самого города.

Посреди всей этой неопределенности и восседал, держа нос по ветру, Джимми Джуэл. Нельзя сказать, что Джимми было наплевать на Портленд, пирсы и историю города. Просто деньги он ценил больше.

Но приходящие в упадок здания хотя и составляли значительную часть его инвестиционного портфеля, однако полностью не отражали широты деловых интересов Джимми. Он имел свою долю во внутренних и трансграничных перевозках и едва ли не больше всех на северо-восточном побережье знал о контрабанде наркотиков. Занимался он главным образом марихуаной, но в последнее время серьезно пострадал от крупных налетов и теперь, по слухам, несколько отошел от наркобизнеса в пользу более легальных предприятий или предприятий, выглядящих таковыми, что вовсе не одно и то же. Старые привычки не отпускают, и когда подворачивалось что-то противозаконное, Джимми не отказывался – как ради денег, так и ради удовольствия, которое приносило ему нарушение закона.

Звонить заранее, чтобы договориться о встрече, не пришлось. Сердцем империи Джимми был «Парусный мастер». За баром у него имелся небольшой офис, использовавшийся главным образом как склад. Сам же Джимми обычно проводил время у стойки, где читал газеты, отвечал на редкие звонки, поступавшие на древний телефонный аппарат, и без конца пил кофе. Там я и застал его, когда вошел в то утро в «Парусный мастер». Больше никого не было, если не считать бармена в засаленной белой футболке, переносившего со склада ящики с пивом. Звали бармена Эрл Хэнли, и это был тот самый Эрл Хэнли, который работал в «Голубой луне» тем вечером, когда Салли Кливер умерла от побоев своего бойфренда; владельцем «Парусного мастера», как и «Голубой луны», был один и тот же человек – Джимми Джуэл.

При моем появлении Эрл поднял голову. Если ему и понравилось увиденное, то он предпринял мужественную попытку скрыть этот факт. Физиономия его сморщилась, сделавшись похожей на свежесмятую бумажку; впрочем, она и в спокойные моменты напоминала последний орех, оставшийся в вазе через неделю после Дня благодарения. Со стороны казалось, что он состоит из нескольких шаров из покрытого коркой жира, верхний из которых венчали жирные черные волосы. Круглыми у него были даже бедра. Когда Эрл двигался, я почти слышал, как переливается в теле жир.

Джимми обычно носил черный костюм гробовщика и синюю рубашку

с открытым воротом. Был он худ, волосы разнообразных оттенков седины смазывал помадой, слегка отдававшей гвоздикой. Высокий, выше шести футов, Джимми немного сутулился, будто держал на плечах ношу, невидимую другим, но давившую на него самого. Правый уголок рта всегда был приподнят, как будто жизнь представлялась ему забавной комедией, которую он лишь наблюдал со стороны. Джимми не был плохим парнем, что обычно справедливо в отношении контрабандистов и наркоторговцев. В прошлом он пару раз сталкивался с моим дедом, служившим в полиции штата и давно знавшим Джимми, но они уважали друг друга. Джимми пришел на похороны деда, и его скорбь была искренней. Я с ним редко имел дело, но временами наши пути пересекались, и пару раз, когда я обращался с вопросом, он направлял меня в нужную сторону, ставя условием, что никто не пострадает и полиция останется в стороне.

Джимми оторвался от газеты, и его полуулыбка дрогнула, как лампочка, моргнувшая из-за секундного сбоя электропитания.

– А маску тебе не полагается носить? – спросил он.

– С какой стати? У тебя еще есть, что украсть?

– Нет, но я подумал, все вы, мстители, носите маски. Чтобы потом, когда вы исчезаете в ночи, люди могли спросить: «Кто же он, этот мститель в маске?» В противном случае ты просто парень, который одевается не по возрасту, чтобы выглядеть моложе, сует нос, куда не следует, и удивляется потом, когда его как следует прижмут.

Я сел на стул напротив. Джимми вздохнул и сложил газету.

– Так я, по-твоему, одеваюсь не по возрасту? Хочу выглядеть моложе?

– Сейчас, если хочешь знать мое мнение, все одеваются так, чтобы выглядеть помоложе. Если вообще одеваются. Я еще помню времена, когда даже шлюхи в барах не одевались так, как некоторые девчонки сегодня, причем и зимой, и летом. Иногда так и хочется купить каждой пальто. Но что я знаю о моде? Для меня любой костюм, если он не черный, выглядит так, как если бы его мог носить Либераче^[11]. – Он протянул руку. Мы поздоровались. – Как дела, парень?

– Неплохо.

– Ты все еще с той женщиной? – Джимми имел в виду Рейчел, мать моей дочери Сэм. Я не удивился. Джимми Джуэл протянул так долго в том числе и потому, что не упускал из виду каждого, с кем когда-либо пересекался.

– Нет. Мы расстались. Она в Вермонте.

– Ребенка забрала с собой?

– Да.

– Жаль.

Продолжать эту тему мне не хотелось. Я настороженно принял.

– У тебя в баре воняет.

– У меня в баре не воняет. Клиенты воняют. Но чтобы избавиться от вони, надо избавиться от них, а тогда здесь останусь только я да мои призраки. А, да, Эрл тоже не благоухает, но у него это может быть генетическое.

Эрл ничего не сказал, но добавил к выражению лица еще несколько морщинок и вернулся к своим делам.

– Выпьешь? За счет заведения.

– Нет, не буду. Слышал, ты выпивку разбавляешь.

– А ты наглец. Пришел и оскорбляешь мое заведение.

– Какое заведение, это так, для списания налогов. Если бы оно приносило реальные деньги, твоя империя бы рухнула.

– У меня есть империя? Вот уж не знал. Будь у меня империя, я бы и одевался получше, и черные костюмы носил подороже.

– У тебя есть человек, который приносит кофе, не спрашивая, и, также не спрашивая, разбивает головы. Это кое-что да значит.

– Так ты хочешь кофе?

– Он здесь такой же плохой, как и все остальное?

– Хуже, но кофе я делаю сам, и ты, по крайней мере, знаешь, что у меня руки чистые. В буквальном смысле слова.

– От кофе не откажусь, спасибо. Для чего-то другого еще рановато.

– Тогда ты не туда пришел. Думаешь, окна маленькие, потому что я не могу позволить себе купить стекло?

В «Парусном мастере» всегда было темно: здешние клиенты не склонны вспоминать о времени.

Джимми кивнул Эрлу, тот поднялся, достал откуда-то кружку, посмотрел, не слишком ли она грязная и, убедившись, что грязна она в меру, налил кофе. Когда он поставил кружку передо мной, содержимое качнулось и выплеснулось на столешницу. Эрл посмотрел на меня, и во взгляде у него читалось: ну ты еще пожалуйся.

– Такой большой и такой неловкий, – сказал я.

– Ты ему не нравишься. Только не принимай близко к сердцу – ему никто не нравится. Иногда мне кажется, что ему даже я не нравлюсь, но я ему плачу и тем самым покупаю некоторую долю терпимости.

Джимми передал мне серебряный кувшинчик с молоком, не со сливками, и сахарницу. Джимми не любил пастеризованное молоко, дешевые заменители сливок и пакетики с подсластителем. Я взял молоко,

но от сахара отказался.

– Итак, ты с визитом вежливости, или я что-то натворил, что требуется поправить? Потому что, должен сказать, когда ты появляешься здесь, мне хочется проверить страховку.

– Думаешь, я приношу неприятности?

– Господи, да Смерть, наверное, присылает тебе корзину фруктов на Рождество с благодарностью за бизнес.

– Есть вопрос насчет грузовых перевозок.

– Не суйся в это дело, вот тебе мой совет. Смены длинные, никакой переработки, спишь в кабине, еда плохая, да еще и умираешь на стоянке. С другой стороны, убить тебя никто особенно не старается, а в твоей нынешней работе это что-то вроде профессионального риска.

Его совет насчет смены рода деятельности я пропустил мимо ушей.

– Есть парень, независимый перевозчик. У него хорошая фура, ипотека... как обычно. За все надо платить. По моим прикидкам, за год расходов набегает тысяч на семьдесят, и это притом, что он не шикует.

– Может, что-то с цифрами не так?

– Возможно. Ты когда-нибудь встречал честного человека?

– Если это касается налогов, то нет. А если бы встретил, то проверил до последнего пенни, как налоговая служба. Этот твой парень далеко гоняет?

– Думаю, возит что-то в Канаду.

– Канада большая. Куда именно?

– В Квебек, насколько мне известно.

– Это недалеко. Работает много?

– Не сказал бы.

– То есть ты предполагаешь, что он немножко подрабатывает на стороне?

– Он пересекает границу. Так что да, мелькнула такая мыслишка. И я думаю, что даже белки не перебегают на ту сторону без того, чтобы ты не был в курсе и не взял свои десять процентов орешков.

– Пятнадцать. И это еще по-дружески. У твоего парня есть имя?

– Джоэл Тобиас.

Джимми отвел глаза и щелкнул языком.

– У меня такого нет.

– А под кем он, знаешь?

На вопрос Джимми не ответил, но спросил:

– А почему ты им интересуешься?

По дороге в Портленд я прикидывал, чем готов поделиться с Джимми,

и в итоге решил, что рассказать придется почти все. Единственное, что мне хотелось бы пока не трогать, это смерть Дэмиена Пэтчета.

– У него есть подружка, и один обеспокоенный гражданин считает, что он, возможно, обращается с ней не очень хорошо и что ей было бы лучше держаться от него подальше.

– И что? Ты докажешь, что он возит контрабанду, она бросит его и начнет встречаться с проповедником? Либо ты лжешь – а я не верю, что ты пришел сюда с этой целью, – либо твой озабоченный гражданин отстал от жизни. Половина девчонок в этом городе готовы прыгнуть к парню в постель, если у него звенит в кармане. И при этом им наплевать, откуда взялись денежки. По факту дело обстоит так, что если ты признаешься, что, мол, добыл их незаконно, половина этих пташек позовет подружек присоединиться.

– А другая половина?

– А другая стырит бумажник. Они же далеко не смотрят – что близко, то и хватают. – Джимми потер щетинистую щеку. – Знаю, ты не из тех, кто следует совету, но, может, в память о дедуле слушаешь меня. Дело того не стоит. Если это всего лишь домашние разборки, то проблема как-нибудь сама собой разрешится. Забудь об этом. Можно найти и более легкий заработок.

Я отпил кофе. Вкус был как у отработанного масла. Если бы своими глазами не видел, как Эрл наливал его, то подумал бы, что он, прежде чем угостить меня, вышел с кружкой через заднюю дверь и зачерпнул воды из залива. С другой стороны, Эрл вполне мог специально держать несколько вонючих кружек и стаканов для особых посетителей.

– Так не получится, – сказал я.

– Ну, я, в общем, подозревал, что это пустой разговор.

– Так ты знаешь Тобиаса?

– Сначала ты. Дело ведь не в том, что какая-то девчонка попала на нехорошего парня.

– Тот, кто меня нанял, считает, что парень занимается грязными делами, и, видимо, у него есть к нему личные претензии.

– И ты явился ко мне, полагая, что если Тобиас перевозит незаконный груз, то я могу об этом знать.

– Джимми, ты о таких вещах знаешь, даже если сам Бог не в курсе.

– Это потому, что Бога только его кусок и интересует, а поскольку мы все с ним в итоге рассчитываемся, то он может позволить себе подождать. Я же, с другой стороны, всегда ищу выгоду.

– Как и Джоэл Тобиас.

Джимми пожал плечами.

– Рассказать об этом парне могу немного, но то, что знаю, тебе не понравится...

О границе Джимми знал все – каждую дорогу, каждую бухточку, каждый укромный уголок. Работал он преимущественно на себя, в том смысле, что был агентом нескольких криминальных организаций, которые предпочитали держаться несколько в стороне от приносившей им доход нелегальной деятельности. Алкоголь, наркотики, люди, деньги – Джимми изыскивал способы перевозить все, что требовалось. Кого нужно подкупали и постоянно подкармливали, и люди в форме хорошо знали, когда отвернуться и посмотреть в сторону. Когда-то Джимми говорил, что зарплатная ведомость у него побольше, чем у правительства, и работа более надежная.

События 11 сентября привнесли в жизнь Джимми и ему подобных большие перемены. Охрана границы заметно усилилась, и он уже не мог гарантировать бесперебойную доставку груза. Суммы взяток увеличились, и некоторые официальные лица уведомили Джимми, что риск слишком большой, и работать на него они больше не могут. Несколько партий были перехвачены, что вызвало недовольство людей, чьи грузы он переправлял. Джимми терял деньги и клиентов. Но кое-кому экономический спад пошел на пользу: объем наличности уменьшился, рабочие места закрывались, и в таких обстоятельствах контрабанда стала привлекательным вариантом для тех, кто изо всех сил старался удержаться на плаву в трудные времена. Хотя хороших помощников много не бывает, Джимми подходил к отбору кандидатов с большой осторожностью. Он искал тех, кому мог доверять, кто не поддастся панике, когда собаки обнюхивают их машины, кто не воспользуется удобной возможностью обчистить партнера и податься с добычей в бега. Как правило, так вели себя только новички. Те, что постарше, знали, какими будут последствия. Джимми мог сойти за добродушного парня, но Эрл таковым определенно не был и запросто переломал бы лапки котенку за пролитое молоко.

Если же с ситуацией не справлялся и Эрл, – что случалось очень редко, – то Джимми обращался к друзьям, которые были у него повсюду. Эти друзья, так или иначе обязанные ему, хорошо знали, где найти придурка, посмевшего вызвать недовольство Джимми Джуэла. А поскольку новичкам доверялись только грузы с максимальной ценностью, то есть пятизначной суммой, убежать далеко они не могли. Впрочем, для начала нужно было еще найти тайник с нелегальной посылкой. И даже те, кто убегал, рано или поздно возвращались, потому что Джимми всегда нанимал

людей, у которых были друзья и родственники. Провинившийся либо возвращался добровольно, потому что скучал по привычной компании, либо под давлением, дабы уберечь от неприятностей близких. Далее следовало избиение, конфискация ценностей или, в случае отсутствия таковых, исполнение бесплатно или за мизерное вознаграждение некоей рискованной, грязной работы в качестве искупления за содеянное. К крайним мерам Джимми старался не прибегать, поскольку они привлекали нежелательное внимание к его операциям, но это не значило, что тот, кто вызвал гнев Джимми Джуэла, никогда не погибал. Тела хоронили в лесу, но сам Джимми этим не занимался. Просто некоторые клиенты, сильно огорченные сбоем в их делах и тем фактом, что кто-то сбежал с их наличкой или наркотиками, требовали показательной кары – *pour décourager autres*^[12] – а некоторые его квебекские контакты с удовольствием приводили приговор в исполнение. В таких случаях Джимми как мог призывал к снисходительности, но если его обращения не находили отклика, всегда давал понять, что он ни при чем, что он так не работает и что курок спускали не его люди. В этом отношении позиция Джимми была известна, и никто на него не жаловался, главным образом потому, что всегда есть люди, готовые выключить кому-то свет, пусть даже для того только, чтобы самим остаться в игре.

Джимми никого не неволил, не принуждал работать на себя. Он предпочитал деликатный подход, иногда через посредника, и, если его предложение отвергали, искал иной вариант. Терпения ему было не занимать. Зачастую было достаточно уронить зернышко и ждать, например, перемены в финансовых обстоятельствах, и тогда отношение к предложению могло быть пересмотрено. Но он не выпускал из поля зрения местных водителей, держал ухо востро и брал на заметку, если кто-то начинал сорить деньгами или покупал новую фуру, когда здравый смысл подсказывал, что ему и содержание старой должно даваться с трудом. Пожалуй, единственное, чего Джимми не опасался, это конкуренции со стороны ловких парней, пытавшихся работать независимо, пусть и по мелочи. У этого правила было несколько исключений: по слухам, он сумел договориться с мексиканцами, но не пытался найти общий язык с доминиканцами, колумбийцами, байкерами, даже с индейцами-мохоками. Если они выражали желание пользоваться его услугами – а такое, хоть редко, но бывало, – Джимми шел навстречу, но если бы он поставил под сомнение их право перевозить товар, то закончил бы свои дни вместе с Эрлом в «Парусном мастере»: их привязали бы к стульям, а под ногами у них валялись бы куски их же самих – конечно, если ноги у них еще были

бы целы, – и смотрели бы они, как горит их бар, – понятно, если бы глаза оставались на месте.

Вот так, присматриваясь к перевозчикам, Джимми и обратил внимание на Джоэла Тобиаса. Имея фуру, грузовик и дом, он работал особенно не напрягаясь, что, ясное дело, не обеспечивало необходимый уровень доходов. Одно с другим не сходилось, и Джимми начал потихоньку наводить справки, потому что если Тобиас занимался наркотиками, то эти наркотики откуда-то приходили и куда-то уходили после пересечения границы, а возможных вариантов и в первом, и во втором случае было немного. Алкоголь занимал много места и не приносил прибыли, которая оправдывала бы риск. К тому же, как выяснил Джимми, Тобиас пользовался оборудованными переходами, а значит, регулярно подвергался проверкам и должен был иметь первоклассные документы; в противном случае его карьера перевозчика нелегального алкоголя закончилась бы очень быстро. Оставалась наличка. Но опять-таки, большие суммы не могли упасть с неба, а Джимми был на этом рынке монополистом. В любом случае физическое перемещение наличных денег составляло лишь незначительную долю в его операциях, и для доставки наличных из одного места в другое есть способы гораздо более легкие, чем перевозка их в багажнике машины. Ситуация сложилась любопытная, и Джимми в один прекрасный день решил обратиться к Тобиасу напрямую. Случилось это в «За три доллара у Дьюи», где Тобиас выпивал в одиночку после вполне законной доставки груза на склад. Было четыре часа пополудни, и в баре пока царил затишье. Джимми и Эрл подсели к Тобиасу у стойки – один сел справа, другой слева – и предложили его угостить.

– Спасибо, не надо, – ответил Тобиас и вернулся к газете.

– Мы же чисто по-дружески, – сказал Джимми.

Тобиас взглянул на Эрла.

– Да? То-то я смотрю ваш приятель весь такой дружелюбный.

По части дружелюбия Эрл походил на раскрывшую объятия чумную крысу.

Ни малейших признаков испуга или беспокойства Тобиас не обнаружил. Парень он был крупный, не такой большой, как Эрл, но более подтянутый. Джимми уже знал, что Тобиас служил в армии. В Ираке покалечил левую руку, лишился мизинца и безымянного пальца, но оставался в хорошей физической форме, а значит, следовал приобретенным в армии привычкам. Еще он поддерживал связи со своими армейскими приятелями, что немного насторожило Джимми. Какие бы махинации ни проворачивал Тобиас, он занимался этим не в одиночку. Солдаты, как

бывшие, так и служащие в настоящее время, – это оружие, а Джимми оружие не любил.

– Он – лапочка. А беспокоиться тебе из-за меня надо.

– Послушайте, я пью пиво и читаю газету. Почему бы вам вместе с вашим Игорем^[13] не пойти куда-нибудь попугать детей. Мне с вами разговаривать не о чем.

– Знаешь, кто я такой?

Тобиас отхлебнул пива, но головы не повернул.

– Да, я знаю, кто вы.

– Тогда ты знаешь, почему я здесь.

– Мне работа не нужна. У меня все в порядке.

– Судя по тому, что я слышал, лучше, чем в порядке. У тебя крутая фура. Ты регулярно вносишь платежи и при этом еще можешь позволить себе выпить пива в конце трудного рабочего дня. Просто как сыр в масле катаешься, как я погляжу.

– Как вы и сказали, я много работаю.

– На мой взгляд, тебе, чтобы зарабатывать такие деньги в наши трудные времена, и тридцати часов в день не хватит. Независимый перевозчик, конкуренция с большими парнями. Черт, тебе и спать должно быть некогда.

Тобиас промолчал. Допил пиво, сложил газету и забрал сдачу со стойки, оставив доллар чаевых.

– Вас это не касается.

– Ты не очень-то вежлив, – сказал Джимми.

Тобиас посмотрел на него с любопытством.

– Приятно было пообщаться, – сказал он и поднялся.

Эрл потянулся, чтобы усадить его на стул, но Тобиас действовал быстрее. Развернувшись, он ударил Эрла ногой в левое колено. Нога подогнулась, и Тобиас схватил Эрла за волосы и с силой впечатал физиономией в стойку. Эрл свалился на пол.

– Не надо так, – сказал Тобиас. – Занимайтесь своим делом, а я буду заниматься своим.

Джимми кивнул, но не примирительно, а утвердительно, словно только что укрепился в некоем своем подозрении.

– Хорошей дороги.

Тобиас вышел. Эрл еще держался за колено, но самообладание сохранил и, похоже, намеревался продолжить выяснение отношений, но Джимми успокоил подручного, положив руку ему на плечо.

– Пусть идет. – Он проводил Тобиаса взглядом. – Это только начало.

Теперь, в «Парусном мастере», Эрл изо всех сил делал вид, что ему дела нет до нашего разговора.

– Тобиас оскорбил его профессиональную гордость.

– Очень ему сочувствую.

– И правильно делаешь. Эрл оскорблений не прощает.

Я посмотрел на Эрла. Он убирался в баре, хотя посетителей не было и сделать «Парусный мастер» чище можно было только одним способом – залить все поверхности кислотой. В этом отношении он имел немало общего с «Голубой луной».

– Он и дня не отсидел за то, что случилось с Салли Кливер. Может, пара лет за решеткой немного бы его закалила.

– Тогда Эрл был моложе, – сказал Джимми. – Сейчас он повел бы себя по-другому.

– Но ее уже не вернешь.

– Не вернешь. Строгий ты судья, Чарли. Люди имеют право меняться и учиться на своих ошибках.

Он был прав, а я – нет, но признавать этого не хотелось.

– Почему ты не снес то, что осталось после пожара? – спросил я.

– «Луну»? Даже не знаю. Может, из сентиментальности. Как-никак мой первый бар. Дыра, конечно, но они все такие. Я знаю свое место и знаю клиентов.

– И?

– Это напоминание. И для меня, и для Эрла. Уберу «Луну», и мы начнем забывать.

– Ты знаешь что-нибудь о Жандро, полицейском, что там умер?

– Не знаю. И на все вопросы полиции я уже ответил. А у тебя, насколько я помню, никакого жетона. Разве что с надписью «Любопытный кретин».

– А Тобиас?

– Похоже, после моего с ним разговора решил глаза не мозолить. За границы штата целый месяц не выезжал. Сейчас снова начал.

– Есть мысли, где у него на канадской стороне пункт назначения?

– Груз возит стандартный: корма для животных, бумажная продукция, запчасти. Я бы, пожалуй, достал тебе список, но только толку от него не будет. Обычное дело. Либо я запоздал с вопросами, либо те люди умнее, чем кажутся.

– Люди? Ты имеешь в виду партнеров?

– Какие-то армейские дружки. Они вместе с ним гоняют. Парню с твоими талантами найти их будет нетрудно. – Джимми поднял газету и

начал читать. Разговор закончился. – Приятно было поболтать, Чарли. Ты ведь выход сам найдешь? Эрлу провожать тебя не надо?

Я поднялся и надел куртку.

– Так что он возит, Джимми?

Рот у Джимми скривился, правая сторона скопировала левую, изобразив крокодилью улыбку.

– Как раз выясняю. Может, поставлю и тебя в известность...

Глава 7

Доверял ли я Джимми Джуэлу? Не уверен. Мой дед однажды охарактеризовал его как человека, который может солгать, о чем-то умолчав, но в целом предпочитает не лгать. Разумеется, Джимми делал исключение для Таможенной службы США и служб закона и правопорядка в целом, но и в отношениях с ними он стремился по возможности избегать конфронтации и, таким образом, необходимости говорить неправду.

Если исходить из услышанного, то ясно, что теперь Джоэл Тобиас на радаре у Джимми Джуэла, а это примерно то же самое, что оказаться под наблюдением военного дрона – по большей части он просто висит где-то над тобой, но ты узнаешь об этом только тогда, когда он обрушивает возмездие на твою голову.

Удостоверившись, что фура Тобиаса осталась на складе, а «Силверадо» по-прежнему стоит у дома, я заглянул в «Протоку» с луизианской кухней на Диринге подкрепиться тарелкой супа гумбо. Джимми сказал, что Джоэлу Тобиасу помогают бывшие солдаты, а это влекло за собой целый комплекс новых проблем. В штате Мэн проживало более 150 тысяч ветеранов, и это не считая призванных воевать в Афганистане и Ираке. Большинство обосновались вне городов, предпочитая более спокойную жизнь в сельских районах вроде Каунти. Я по собственному опыту знал, что они не склонны откровенничать с посторонними, тем более обсуждать свои дела, легальные или нелегальные.

Расположившись за столом, я позвонил Джеки Гарнеру и сказал, что у меня есть для него работа. Джеки до сих пор, хотя ему шел четвертый десяток, жил со своей матерью, которая сквозь пальцы смотрела на увлечение сына самодельной взрывчаткой и прочими импровизированными зарядами, но ему было строго-настрого запрещено приносить их домой. В последнее время в этом уютном эдиповом сожителстве появилась нотка напряженности, вызванная тем фактом, что Джеки начал встречаться с женщиной по имени Лайза, которая, похоже, так запала на своего нового кавалера, что стала настаивать на его переезде к ней. Оставалось неясным, в какой степени она осведомлена о делах со взрывчаткой. Мать Джеки видела в ней нежеланную конкурентку за сыновнее внимание и в последнее время принялась разыгрывать роль болезненной, чахнувшей родительницы под неизменный мотив «кто-же-присмотрит-за-мной-когда-ты-уйдешь?». Правда, удавалась ей эта роль не слишком хорошо, поскольку не всякая

большая белая акула приспособлена к уединенной жизни лучше, чем миссис Гарнер.

Так что Джеки, оказавшийся между этими двумя полюсами притяжения, как приговоренный преступник, привязанный к двум лошадям, над которыми уже занесен кнут, обрадовался моему звонку и выразил желание взяться за любую работу, даже скучнейшую слежку, лишь бы ему не пришлось при этом разбираться со своими женщинами. Я сказал, чтобы он понаблюдал за Джоэлом Тобиасом, а если Тобиас встретится с кем-то, то переключился на второго. Сам же я планировал потолковать тем временем с Роналдом Стрейдиром, индейцем-пенобскотом, который был в курсе дел ветеранов и, возможно, знал что-то о Тобиасе.

Но пока у меня были другие обязательства: Дейв Ивенс попросил помочь ему с доставкой пива в «Шатун», а потом поработать до конца дня бар-менеджером. Смена обещала быть долгой, но Дейв оказался в трудном положении, поэтому я передвинул Роналда на следующий день и отправился в «Шатун» встречать грузовик с пивом. Народ валом валил, так что день быстренько перешел в вечер, а вечер в ночь, и при этом внутреннее освещение в самом баре почти не изменилось. Когда я освободился, было уже за полночь.

Они ждали меня на парковке. Трое, все в черных лыжных масках и темных куртках. Я заметил одного, когда открывал дверь машины, но поздно – они уж навалились на меня. Я отмахнулся правой, зацепил локтем чью-то физиономию и ударил ключом, успев почувствовать, что порвал маску и кожу под ней. Кто-то выругался, и тут меня вырубил жестким ударом в затылок. В висок ткнулся ствол. Мужской голос отрывисто бросил «хватит». Подъехала машина. Меня подхватили под мышки, поставили на ноги. На голову натянули мешок, втолкнули в фургон, заставили лечь на пол. Кто-то наступил мне на шею. Руки завели за спину, а секундой позже в кожу болезненно врезались пластиковые наручники. Что-то тяжелое, металлическое легонько ударило по тому же месту на затылке, и из глаз посыпались искры.

– Лежи и не шуми.

Ничего другого мне и не оставалось.

* * *

Мы ехали на юг по магистрали I-95, потом свернули на федеральную

автотрассу. Минут через пятнадцать приняли влево. Под колесами захрустел гравий, машина остановилась, и меня вытащили. Руки резко дернули вверх, едва не вывихнув, так что идти пришлось согнувшись. Никто ничего не говорил. Открылась дверь. Через ткань мешка просочился запах застоявшегося дыма и мочи. Меня втокнули в помещение, помогли пинком под зад, и я растянулся на полу. Кто-то засмеялся. Я лежал на грубо обработанных плитах, и меня тошнило от вони. Мои похитители стали кругом. Их шаги отскакивали эхом от стен. Я находился в помещении, но в звуке было что-то не то, и меня не оставляло ощущение пространства над головой. Вообще-то, я догадывался, где нахожусь. Даже по прошествии нескольких лет здесь пахло гарью. Меня привезли в «Голубую луну», а значит, похитители установили связь между мной и Джимми Джуэлом. Те, что доставили меня сюда, узнали о моей встрече с Джимми и ошибочно решили, что я работаю на него. Через меня собирались послать сообщение Джимми, и еще до того, как они начали передавать его, я понял, что предпочел бы другой способ доставки – без посредника.

Кто-то опустился рядом со мной на колени. Мешок подтянули до носа.

– Мы не желаем тебе зла, – произнес тот же мужской голос, что говорил со мной раньше. Спокойный и взвешенный, без всякой враждебности, голос молодого еще человека.

– Вам стоило бы подумать об этом до того, как меня вырубили на парковке, – сказал я.

– Больно уж быстро ты открыл дверь. Пришлось немножко успокоить. Ладно, полюбезничали – и хватит. Ответишь на мои вопросы – вернешься в свою мощную машину раньше, чем голова разболится всерьез. О чем речь, ты знаешь.

– Неужели?

– Знаешь, знаешь. Почему ты следишь за Джоэлом Тобиасом?

– Кто такой Джоэл Тобиас?

Тишина. Потом снова голос, только ближе. Я даже уловил аромат мяты.

– Мы все о тебе знаем. Ты – крутой парень, бегаешь с оружием, укладываешь в землю плохих парней. Не пойми меня неправильно, я восхищаюсь тобой и тем, что ты делаешь. Ты на правильной стороне, и это кое-что значит. Поэтому еще дышишь, а не утонул в болоте с дыркой в голове. Спрашиваю еще раз: почему следишь за Джоэлом Тобиасом? Кто тебя нанял? Джимми Джуэл? Отвечай или навсегда язык прикусишь.

Болела голова, болели руки. В ладонь воткнулось что-то острое. Я мог бы сразу сказать, что нанял меня Беннет Пэтчет, подозревавший, что Джоэл

Тобиас обижает свою подружку. Мог бы, но не сказал. Не только потому, что тревожился за безопасность Беннета, – присутствовал и немалый элемент упрямства. Иногда упрямство и принципиальность почти неразличимы.

– Я же сказал, что не знаю никакого Джоэла Тобиаса.

– Разденьте его, – распорядился другой голос. – Разденьте и трахните в зад.

– Слышал? – произнес первый голос. – Здесь не все такие вежливые. Я могу отойти покурить и дать им возможность развлечься с тобой. – По ягодицам, в направлении паха, скользнуло лезвие, и я даже через брюки ощутил его остроту. – Хочешь этого? Имей в виду, если это случится – потом назад не переиграешь, прежним ты уже не будешь. Станешь сукой.

– Вы ошиблись, – сказал я, бодрясь из последних сил.

– Ты дурак, Паркер. И правду ты нам скажешь не более чем через минуту. Это я гарантирую.

Он потянул мешок вниз, на нос и рот. Меня схватили за ноги. Я услышал сухой треск клейкой ленты, и уже в следующий момент она туго охватила икры. Меня подхватили и понесли. Повернули лицом вверх. Подняли ноги выше головы.

Снова заговорил первый голос:

– Тебе это не понравится, и я бы предпочел не делать этого, но так надо.

Ткань пропускала воздух, но дыхание уже участилось, и я стал медленно считать от одного до десяти, чтобы взять его под контроль. На счет «три» я уловил запах тухлой воды, а в следующий момент нырнул в нее головой.

Я попытался сопротивляться, задержал дыхание, но кто-то нашел пальцем мое солнечное сплетение и надавил. Вода хлынула в рот и нос. Я захлебнулся. Начал тонуть. По-настоящему – моя голова заполнялась водой. При вдохе ткань мешка облепила лицо, и я вдохнул воду. Попытался откашляться – в горло попало еще больше жидкости. Я уже не понимал, что делаю, вдыхаю или выдыхаю, где низ, а где верх. Я был на грани отключки, когда меня вынули из воды и положили на пол. Мешок задрали к носу, меня повернули на бок и дали возможность откашляться.

– Ты такой же, как все, Паркер, не лучше других, – сказал мой дознаватель и по совместительству мучитель. – Кто тебя нанял? Зачем ты встречался с Джимми Джуэлом?

– Я не работаю с Джимми Джуэлом, – выдохнул я.

– Тогда почему ты ездил сегодня к нему?

– Случайная встреча. Послушай...

Мешок дернули вниз, меня снова подняли и погрузили в вонючую воду, подняли и погрузили. Никаких вопросов, никаких передышек. Я уже всерьез поверил, что умру. После четвертого нырка я был готов сказать все что угодно, лишь бы положить этому конец. «Вы его убьете», – обронил кто-то, но равнодушно, без тени озабоченности.

Меня снова вынули из воды и положили на пол, но легче не стало. Ткань облепила нос и рот, и я не мог дышать. Я бился на полу, как подыхающая рыба, стараясь сбросить мешок и не думая о том, что скребу лицом о шершавый пол. Наконец кто-то сжалился и стянул его с меня. Усилием воли я заставил себя вдохнуть, потому что организм напрягся в ожидании воды, а не воздуха. Я лежал лицом вниз, и чьи-то руки жали на спину, выдавливая из меня воду. Выходя, она обожгла горло и ноздри, словно была кислотой, а не протухшей жижей.

– Господи, – произнес голос, ранее отпуславший реплику о моей возможной смерти, – да он полбочки проглотил.

И снова заговорил первый.

– Спрашиваю в последний раз, Паркер. Кто поручил тебе следить за Джоэлом Тобиасом?

– Не надо больше, – сказал я, ненавидя себя за просительную нотку. Да, меня сломали. – Не надо...

– Просто отвечай на вопрос. Но имей в виду, это твой последний шанс. В следующий раз вытаскивать не будем.

– Беннет Пэтчет. – Мне было стыдно за свою слабость, но снова глотать тухлую воду я не хотел. Не хотел такой вот смерти. Я снова закашлялся, но воды вылилось мало.

– Отец Дэмиена, – произнес третий голос, которого я никогда раньше не слышал. Он был глубже других, голос чернокожего, и звучал устало. – Он говорит об отце Дэмиена.

– Почему он тебя нанял? – спросил первый.

– У него работает девушка Джоэла Тобиаса. Он беспокоится за нее. Считает, что Тобиас, возможно, бьет ее.

– Ты лжешь.

Он потянулся к мешку, и я мотнул головой, уклоняясь.

– Нет. Это правда. Беннет – хороший человек. Он просто беспокоится о девушке.

– Вот дерьмо, – выругался черный. – Выходит, все из-за того, что Джоэл не может приструнить свою хозяйку.

– Помолчи! Пэтчет решил так, потому что девушка сказала ему что-то?

– Нет, это его подозрения и только.
– Есть что-то еще, да? Говори. Раз уж мы так далеко зашли и теперь почти заканчиваем.

Ни достоинства, ни гордости во мне уже не осталось.
– Он хочет узнать, почему умер его сын.
– Дэмиен застрелился. «Почему» его не вернет.
– Беннету трудно с этим смириться. Он потерял своего мальчика, своего единственного сына. У него душа болит.

Некоторое время все молчали, и я увидел первый лучик надежды, поверил, что, может быть, выйду из этого переплета живым, и что, может быть, Беннет не пострадает из-за моей слабости.

Тот, что задавал вопросы, наклонился ко мне. Его дыхание коснулось моей щеки, и я ощутил эту страшную близость, что всегда бывает частью соглашения между истязателем и истязаемым.

– Почему ты следил за Тобиасом до его фуры?
Я чертыхнулся про себя. Если это Тобиас меня засек, значит, я растерял все навыки.

– Тобиас не нравится Пэтчету, и Пэтчет хотел собрать что-нибудь, чтобы предъявить девушке. Я думал, может, он встречается с кем-то на стороне, поэтому и следил.

– А Джимми Джуэл?
– У Тобиаса грузовик. Джимми Джуэл в курсе всего грузового бизнеса.
– Джимми Джуэл и про контрабанду знает.
– Он сказал мне, что хотел подрядить Тобиаса, но тот отказался. Больше я ничего не знаю.

Он подумал, потом кивнул.
– Звучит почти убедительно. Сомнительно, но правдоподобно. Я бы даже поверил тебе, но знаю, что ты человек умный. Любопытный. Уверен, сексуальные привычки Джоэла Тобиаса были не единственным, что ты посчитали нужным проверить.

Глядя вниз, я видел мыски его ботинок, черные, блестящие. Видел, как они двинулись от меня. Разговаривали тихо, и я почти ничего не слышал. Да и не старался. Вместо этого я сосредоточился на дыхании. Горло саднило, меня бил озноб. Наконец снова шаги. В поле зрения опять возникли черные мыски ботинок.

– А теперь слушай, Паркер. Благополучие девушки – предмет не вашей заботы. Ей ничего не угрожает, это я гарантирую. Никаких дальнейших последствий ни для тебя, ни для мистера Пэтчета не будет при условии, что вы оба отойдете в сторону. Даю слово. Никто не пострадает, понял? Никто.

Что бы вы ни подозревали, чтобы ни выдумывали, это ошибка.

– Слово солдата? – спросил я и, почувствовав его реакцию, собрался в ожидании удара. Но удара не последовало.

– Умник? Я так думал. И не мечтай. Уверен, ты сейчас злишься и негодуешь, а потом захочешь найти нас и поквитаться, но я бы на твоём месте этому соблазну не поддавался. Попробуешь нас искать – убьём. Тебя все не касается. Повторяю: тебя это не касается. Мне жаль, что пришлось так с тобой обойтись. Правда, жаль. Мы не звери, и если бы ты не упирался, а сразу все сказал, необходимость в таких мерах не возникла бы. – Он подтянул мешок вниз. – Это все. Отведите его к машине и будьте с ним поаккуратнее.

Ленту у меня на ногах перерезали. Мне помогли подняться и дойти до машины. Я был слаб, плохо ориентировался, а на полпути меня вырвало. Провожающие крепко держали меня за локти, но, по крайней мере, не заставляли идти согнувшись. На этот раз меня сунули в багажник, а когда доставили к «Шатуну», уложили лицом вниз на парковку. Потом сняли наручники. Ключи бросили рядом на асфальт. Голос, говоривший ранее о «хозяйке» Тобиаса, сказал, чтобы я не поднимал головы десять секунд. Я послушно лежал, пока машина не отъехала, потом кое-как поднялся и побрел к краю парковки. В темноте растворялись габаритные огни машины. Красной. Может быть, «Форда». Рассмотреть номер не смог – было слишком далеко.

Свет в баре уже не горел, и моя машина была единственной на площадке. Звонить в полицию я не стал, а сразу поехал домой и всю дорогу боролся с тошнотой. Рубашка и джинсы выглядели не лучшим образом, и дома я сразу их выбросил. Хотелось залезть под душ и содрать с себя грязь из «Голубой луны», но я просто постоял в ванне, чувствуя, что не готов ощутить бьющую в лицо воду.

В ту ночь я дважды просыпался оттого, что простыня касалась лица. Дважды отбивался, махал в панике руками. После второго раза лег на простыни сверху, не накрываясь, и долго лежал, как карты, тасуя имена: Дэмиен Пэтчет, Джимми Джуэл, Джоэл Тобиас. Я прокручивал в памяти голоса, вспоминал унижение, которое пережил, когда они пригрозили, что изнасилуют меня. Я понимал, что должен хорошо запомнить их голоса, чтобы узнать их в следующий раз. Злость и ярость растекались по мне как электричество.

Лучше бы вы меня убили. Оставили в той вонючей жиже. Потому что теперь я приду за вами, и приду не один. Те, что придут со мной, стоят дюжины таких, как вы, даже если вы военные. Что бы вы ни

делали, какие бы сделки ни проворачивали, я уничтожу ваш бизнес и оставлю вас подыхать на его развалинах.

За то, что вы сделали со мной, я убью вас всех.

Глава 8

Тело Джеремайи Уэббера обнаружила его любимая дочь после того, как он не пришел на ланч – встречу, продиктованную в равной мере как желанием получить от старика несколько баксов и хороший обед, так и естественной привязанностью ребенка к родителю. Сьюзен Уэббер любила отца, но он был странным человеком, и мама намекала, что его финансовые дела весьма сомнительны. Его недостатки как мужа были лишь одной стороной его порочной натуры; по мнению первой экс-жены, положиться на него невозможно было ни в чем, за исключением заботы о дочери. Она могла не сомневаться, что по крайней мере в этом отношении он всегда поступит, руководствуясь лучшей частью своей натуры. Вторая бывшая, у которой не осталось к нему никаких нежных чувств, считала его подлой тварью.

Обнаружив тело отца на полу в кухне, Сьюзен сначала подумала об ограблении или разбойном нападении. Потом увидела у него в руке револьвер и, вспомнив предупреждения о его финансовых обстоятельствах, подумала, что он сам застрелился. Несмотря на шок, у нее хватило самообладания позвонить по мобильному в полицию и ничего не трогать в комнате. Дождаясь приезда полиции, девушка позвонила матери. Она сидела снаружи: стоявший в доме запах угнетал ее – миазмы разлагающегося тела и чего-то еще, что она не могла определить. Позже она опишет это матери как вонь от сгоревших спичек, которые жгли, чтобы попытаться замаскировать слишком заметное посещение туалета. Она курила и плакала, слушая мать, которая, сквозь слезы, напрочь отвергла вероятность самоубийства Уэббера.

– Он был эгоистом, – сказала она, – но не *настолько*.

Следствию быстро стало очевидно, что Джеремайя Уэббер не сам лишил себя жизни, если только не был перфекционистом, который, произведя первый выстрел, нашел в себе волю и силы выпустить вторую пулю в голову, дабы завершить работу. Принимая во внимание угол вхождения пули, ему при этом надо было быть еще и фокусником, да к тому же сверхчеловеком, если учесть характер критических повреждений, нанесенных первой пулей. Так что, судя по всему, Джеремайя Уэббера убили.

И все же, все же...

На руке остались следы пороха. Да, возможно, убийца или убийцы

приставили револьвер к его голове и надавили на палец, чтобы вынудить нажать на спуск, однако такое, как правило, бывает только в кино, поскольку сделать это не так-то просто. Ни один профессионал не станет рисковать, вкладывая оружие в руку того, кто не желает умирать. В лучшем случае, велики шансы, что прежде чем пустить пулю себе в голову, он выстрелит в потолок или в пол, в худшем – в голову кого-то другого. Кроме того, не было никаких следов борьбы, никаких отметин на теле, которые указывали бы, что Уэббера могли удерживать силой.

А что, предположил один из полицейских, если он выстрелил в себя, все испортил, и тогда кто-то другой помог ему исключительно из чувства милосердия? Но кто будет стоять и смотреть, как человек убивает себя? Был ли Уэббер неизлечимо болен или настолько раздавлен трудностями, финансового или иного характера, что не видел другого выхода, кроме как свести счеты с жизнью? Нашел ли кого-то достаточно преданного, чтобы тот находился рядом, когда он произвел роковой выстрел, и затем этот кто-то, увидев, что Уэббер потерпел неудачу, нанес *coup de grâce*^[14]? Это казалось маловероятным. Уж скорее можно было предположить, что его вынудили совершить самоубийство, что некто заставил его взять в руки пистолет и пустить себе пулю в голову, и этот же некто прикончил его, вместо того чтобы оставить умирать в агонии на кухонном полу.

И все же, все же...

Кто, пытаясь замаскировать убийство под самоубийство, стал бы потом портить все дело, выпуская вторую пулю?

Любитель, вот кто; любитель или тот, кому просто наплевать, как это будет выглядеть. И еще один немаловажный вопрос – винные бокалы. Их было всего три: один, разбитый, на полу, и два других на кухонном столе. Из обоих пили, на обоих имелись отпечатки пальцев. Нет, не совсем так. На обоих были отпечатки пальцев Уэббера, а еще на одном какие-то мазки, которые походили на отпечатки, но при исследовании оказалось, что на них нет ни завитков, ни петелек, ни дуг. Они были совершенно пустыми, и это наводило на мысль, что по крайней мере еще один человек, находившийся в комнате с Уэббером, был в перчатках или с наклеенными кусочками пластыря, дабы скрыть отпечатки, чтобы Уэббер не встревожился сразу, ибо какой же киллер станет оставлять столь явные свидетельства своего присутствия на месте преступления? Бокал отправили на исследование в надежде выделить следы ДНК. Со временем анализ обнаружит слюну, исследование которой выявит присутствие необычного химического соединения: наркотического вещества. Один сообразительный лаборант, действуя исключительно по наитию, отделит, применяя современные

нанотехнологии, наркотик и его метаболиты от слюны и обнаружит, что это флюороурацил, обычно используемый при лечении плотных злокачественных опухолей.

Получалось, что вместе с Джеремаей Уэббером в комнате находился мужчина, проходящий курс химиотерапии. Такой вывод давал и решение загадки с отпечатками пальцев. Определенные применяемые при лечении рака средства, в частности, капецитабин, вызывают воспаление ладоней и стоп, сопровождающееся шелушением и появлением волдырей, из-за чего со временем утрачиваются папиллярные линии на пальцах. К сожалению, все эти открытия были сделаны уже по прошествии нескольких недель, а к тому времени череда последовавших событий подошла к концу.

Итак, в день обнаружения тела Уэббера полиция начала проверять его бывших жен, дочь и деловых партнеров. Все версии в конце концов оказались тупиковыми, но самым странным из всего была корреспонденция в файлах Уэббера, касающаяся некой организации, называемой «Фонд Гутелиба» или, чаще, просто «фонд», потому что в действительности такого фонда не существовало. Адвокаты, которые, по их утверждению, представляли фонд, оказались темными личностями, занимающимися сомнительными делами, и заявили, что никогда не встречались лично ни с кем из фонда. Все счета оплачивались почтовыми переводами, а связь поддерживалась через поисковую систему Yahoo. Женщина, которая принимала сообщения для фонда, работала по найму в торговом центре «Натик» и сидела в клетушке с пятью другими женщинами, бывшими, по их утверждению, секретарями и личными помощниками компаний и бизнесменов, офисами которым служили машины, спальни или столы в кофейнях. Компания секретарских услуг «СекСерв» – название, которое, по мнению детективов, расследовавших смерть Уэббера, могло быть неправильно истолковано, особенно при произнесении вслух, – информировала полицию, что все счета, касающиеся фонда, были оплачены, причем опять-таки почтовыми переводами. Некоторые другие клиенты компании имели обыкновение расплачиваться мешками монет по двадцать пять центов, и босс «СекСерва», некто по имени Обрад, радовался уже тому, что люди вообще платят.

– Что за имя такое – Обрад? – любопытствовал один из полицейских.

– Сербское, – ответил Обрад. – Оно означает «радовать».

Он даже написал на своей визитной карточке: «ОБРАД – ОБРАДУЕТ». Копов так и подмывало указать, что подобные заявления вкупе с

вероятностью неверного толкования, заложенной в названии компании, когда-нибудь могут довести его до беды, но не стали этого делать. Обрад был весьма услужлив, и они не хотели задеть его чувства.

– И вы никогда не разговаривали ни с кем, кто был бы связан с этим фондом?

Обрад отрицательно покачал головой.

– Сейчас все делают через Интернет. Заполняют бланк, дают предоплату, и я радуюсь. – Обрад даже показал копию оригинала контракта, заполненную через Сеть. Полиция проследила ее до интернет-кафе в Провиденсе, штат Род-Айленд, и там след обрывался. Денежные переводы поступали из нескольких почтовых отделений, расположенных в разных частях Новой Англии. Одно и то же никогда не использовалось дважды, и транзакции невозможно было проследить, поскольку в почтовых отделениях США не принимают кредитные карты при оплате переводов. Разослали судебные ордера, чтобы изучить записи с камер наблюдения этих почтовых отделений.

Существование фонда беспокоило следственные органы, но дальше почтовых отделений и интернет-кафе дело не продвинулось, и поиски застопорились. Вообще-то, Ирод и являлся фондом, и это было всего лишь одно из имен, которые он использовал для прикрытия своих дел. После смерти Уэббера фонд благополучно прекратил существование. Со временем Ирод планировал возобновить его работу в какой-нибудь другой форме. Уэббер был наказан, и маленькое сообщество, в котором они оба некоторое время вращались, прекрасно поймет, за что. Ирод не боялся, что кто-нибудь обратится в полицию. Всем есть что скрывать. Всем до единого.

* * *

Через два дня после смерти Уэббера желтая оградительная лента все еще висела на месте преступления, но полиции в доме уже не было. Сигнализацию снова включили, и местные патрульные регулярно проезжали мимо, чтобы отваживать зевак.

Сигнализация сработала в 12.50 ночи. Местные полицейские прибыли к дому, когда часы показывали 01.10. Входная дверь была заперта, и все окна казались надежно закрытыми. Позади дома они нашли ворону со сломанной шеей. Похоже, это она влетела в кухонное окно и активировала сигнализацию, хотя никто из полицейских не припомнил, чтобы ночью видел летающую ворону.

Сигнализация сработала снова в 1.30 и третий раз в 1.50. Система мониторинга охранной фирмы указывала, что каждый раз источником было кухонное окно, под которым нашли мертвую птицу. Они заподозрили какую-то неисправность, проверить которую решили утром. По просьбе полиции сигнализация была отключена.

В 2.10 кухонное окно было открыто снаружи при помощи тонкого металлического предмета, согнутого посередине под прямым углом, что позволяло, поворачивая инструмент, сдвинуть запирающую окно защелку. Некто пролез в окно и мягко спрыгнул на кухонный пол. Он с сомнением понюхал воздух, потом закурил сигарету. Будь свет лучше, какой-нибудь сторонний наблюдатель увидел бы неопрятного типа в старом черном пиджаке и черных брюках, которые почти, но не совсем, походили на пару. Рубашка, видимо, была когда-то белой, но со временем стала грязновато-серой, воротник обтрепался. Длинные волосы зализаны назад, открывая ярко выраженный «вдовий пик»^[15]. Пожелтевшие зубы и ногти выдавали курильщика со стажем в несколько десятилетий. Двигался он с изяществом, но то была хищная грация богомола или паука.

Нарушитель достал из кармана пиджака фонарик. Задержав шторы на кухонных окнах, он включил фонарик и провел лучом по столу, стульям и засохшей крови на полу. Он не двигался, а просто следовал глазами за светом, внимательно оглядывая все, но ничего не трогая. Закончив осмотр кухни, прошелся по другим комнатам в доме, все так же все осматривая, но ни к чему не прикасаясь. Наконец он вернулся в кухню, прикурил вторую сигарету от первой и выбросил окурочок в раковину. Потом подошел к двери, соединяющей кухню с прихожей, и прислонился к косяку, пытаясь определить источник своего смутного беспокойства.

Смерть Уэббера не явилась такой уж неожиданностью. Ночной гость пристально следил за его деятельностью и деятельностью подобных ему. То, что они время от времени вели себя недобросовестно, его не удивляло. Коллекционеры все такие: желание у них иногда берет верх над порядочностью. Но Уэббер был не совсем коллекционером. Да, он иногда оставлял кое-какие из вещей себе, но зарабатывал деньги как посредник, как подставное лицо. От таких индивидуумов ожидается определенная степень честности. Иногда они привирают, чтобы поднять цену, но мошенничают редко. Поступать так неразумно, поскольку краткосрочная выгода от одной бесчестной сделки может нанести непоправимый ущерб репутации. Для Уэббера этот ущерб, подтверждаемый пятном крови и серого вещества, оказался смертельным. Посетитель глубоко затянулся сигаретой, и ноздри его затрепетали. Запах, который беспокоил дочь

Уэббера и который она, к своему стыду, связывала с разложением отцовского тела, исчез, но незваный гость обладал острым нюхом, на который никак не влияла его любовь к сигаретам. Запах не давал ему покоя. Он был каким-то неуместным. Чужим.

Позади него темнела прихожая, но она не была пуста. Во мраке двигались некие формы, серые фигуры с кожей как у высохших фруктов, очертания без сущности.

Полые люди.

Он чувствовал, что они собираются, но не обернулся. Они были его творениями, хотя и ненавидели своего создателя.

Человек, который стоял на кухне, называл себя Коллектором^[16]. Иногда он действовал под именем Кушиэля, демона, считающегося тюремщиком Ада, что могло быть просто его мрачной шуткой. Он не был собирателем в том смысле, в каком ими были те, для кого Уэббер добывал редкости. Нет, человек в черном видел себя больше взыскателем долгов, уравниателем счетов. Некоторые могли бы назвать его киллером, поскольку этим он в конечном итоге и занимался, но термин давал неверное представление о работе, которой был занят Коллектор. Те, кого он убил, утратили право на жизнь из-за своих грехов. Более того, они потеряли душу, а тело без души – всего лишь пустой сосуд, который следует разбить и выбросить. У каждого убитого он брал какой-нибудь сувенир, часто вещь, которая представляла для жертвы особенную, сентиментальную ценность. Так он сохранял память о своих делах, хотя коллекция доставляла ему еще и немалое удовольствие.

Ох, как же она выросла со временем!

Порой эти бездушные сущности задерживались, и Коллектор давал им цель, даже если этой целью было только прибавление себе подобных. Сейчас, когда они рыскали взад-вперед у него за спиной, он почувал перемену в их настроении, если об этих потерянных, пустых оболочках людей можно сказать, что они сохранили хоть какое-то подобие настоящих человеческих эмоций, кроме ярости. Они были напуганы, но к страху примешивалось...

Ожидание? Они напоминали кучку уличных драчунов, испугавшихся более сильного хулигана и дожидających жожака, заправила, который поставит самозванца на место.

Коллектор редко испытывал неуверенность. Слишком хорошо знал он этот паршивый мир и охотился там, где была тень. Он был тем, кого боялись, хищником, судьей, не знающим пощады.

Но здесь, в богатом пригороде, в этой дорого обставленной кухне,

Коллектор нервничал. Он вновь принялся, подошел к окну, протянул руку к шторам и замер, как будто боялся того, что может увидеть с другой стороны. Наконец резко раздвинул шторы, отступив при этом назад, и чуть приподнял правую руку, прикрывая себя.

В окне было лишь его отражение.

Но присутствовало тут и что-то еще, и это был не тот человек, который сделал выстрел, прикончивший Уэббера, – Коллектор знал о нем все: Ирод, вечно ищущий, никогда не находящий; Ирод, который прячется за вымышленными именами и несуществующими компаниями; Ирод, который так умен и так опытен в заматывании следов, что даже Коллектору не удавалось выследить его. Но рано или поздно его время придет. В конце концов, Коллектор исполняет Божью волю. Он – Божий убийца, а кто может надеяться, что скроется от Божьего посланца?

Нет, это был не Ирод. Это был кто-то другой, и Коллекционер чувствовал его запах и ощущал его вкус, почти видел тончайший след его присутствия, как капельки влаги от дыхания на стекле. Он был здесь, наблюдал, как умирал Уэббер. Стоп! Глаза Коллектора расширились, когда он увидел связь, и предположения переросли в уверенность.

Он наблюдал не за Уэббером, когда тот умирал, он наблюдал за Иродом, когда умирал Уэббер.

И тут Коллектор понял, почему его тянуло к этому месту, понял, зачем Ирод собирает свою коллекцию загадочных вещей, даже если сам еще не до конца понимает конечную цель своих трудов.

Он был здесь. Наконец он пришел. Смеющийся. Древний Искуситель. Тот, Кто Ожидает За Стеклом.

Глава 9

Я проснулся совершенно разбитым. Боль застряла глубоко в горле, в носу, в легких. Правая рука дрожала, и когда я попытался приготовить кофе, пролил кипяток на рубашку. Да и с кофе ничего хорошего не получилось – он отдавал протухшей водой. Я сел в кресло и долго смотрел на болота. За ночь злость улеглась, ее вытеснила апатия, не настолько, впрочем, глубокая, чтобы блокировать страх. Думать о Беннете Пэтчете и его умершем сыне не хотелось, как не хотелось думать о Джоэле Тобиасе и контейнерах фур, наполненных извергающейся тьмой. Я и раньше испытывал отсроченный шок, но еще никогда настолько сильный. К боли и страху добавился стыд за проявленную слабость и за то, что назвал имя своего клиента. Нам нравится убеждать себя, что, защищая другого человека и спасая немного свое, мы готовы и можем вытерпеть любые пытки, но это не так. Рано или поздно ломаются все, и я, чтобы не утонуть в вонючей жиже, рассказал бы все, что хотели знать мои похитители. Я бы сознался в преступлениях, которых никогда не совершал, и согласился совершить злодеяния, противные моей натуре. Я бы даже предал собственного ребенка, и от сознания этого внутри у меня теперь все съезживалось. Там, в развалинах «Голубой луны», они лишили меня мужественности.

Спустя какое-то время я позвонил Беннету Пэтчету. Он заговорил первым, сказал, что Карен Эмори накануне не вышла на работу и на звонки на домашний телефон не ответила. Потом Беннет заговорил, что беспокоится о ней, но тут я перебил его. Рассказал о случившемся прошлой ночью и признался в своей слабости. Новость его не встревожила и даже не удивила.

– Так это были военные?

– Думаю, бывшие. И они знали о Дэмиене. Вот почему я склоняюсь к тому, что неприятностей вам они не доставят, по крайней мере при условии, что вы не станете поднимать шума, а будете скорбеть по сыну молча.

– А вы, мистер Паркер? Вы хотите, чтобы я так и сделал? Собираетесь отойти в сторону? Отступить?

– Не знаю, сэр. Сейчас мне нужно какое-то время.

– Для чего? – устало спросил он, как будто мой ответ, каким бы он ни был, устроить его уже не мог.

– Чтобы обрести злость, – сказал я, и вот этот ответ он, возможно, был готов принять.

– Когда будете готовы, позвоните мне, – сказал Беннет и положил трубку.

Не знаю, сколько еще я сидел в кресле, но в итоге усилием воли заставил себя подняться. Нужно было что-то сделать, чем-то заняться, иначе результат был бы таким же, как если бы те парни в «Голубой луне» оставили меня стоять на голове в бочке с протухшей водой.

Я взял трубку и позвонил в Нью-Йорк – пора вызывать более серьезное подкрепление. Потом принял душ и даже заставил себя подставить лицо под струю воды.

* * *

Джеки Гарнер вышел на связь примерно через час.

– Похоже, Джоэл Тобиас куда-то собрался. Сумку приготовил, сейчас фуру проверяет.

Логично. Они, наверное, решили, что нагнали на меня страху, и теперь могут спокойно заниматься своими делами, – и они были правы. Почти.

– Оставайся с ним, пока есть такая возможность. Тобиас поедет в Канаду. У тебя паспорт есть?

– Дома. Позвоню маме – она привезет. Даже если Тобиас уже выедет, а я сяду ему на хвост, мама до границы успеет. Она носится как черт.

Этому я верил.

– Ты в порядке? – спросил Джеки. – Что-то голос, как у больного.

Я вкратце рассказал о событиях минувшей ночи и предупредил, что от Тобиаса нужно держаться подальше.

– Когда определишь его маршрут, обгоняй и жди за границей. При малейшей опасности отпускай. Эти парни церемониться не будут.

– То есть ты дело не бросаешь?

– Думаю, что нет. Скажем так, помощь уже идет.

– Из Нью-Йорка? – с надеждой в голосе спросил Джеки.

– Из Нью-Йорка.

– Черт, подожди-ка, вот я расскажу это Фульчи. – Голос у него звенел от радости, как у мальчишки на Рождество. – То-то им будет сюрприз!

* * *

Я постучал три раза – с паузой в минуту-другую между стуками, – прежде чем Карен Эмори открыла дверь. Халат и тапочки, волосы растрепаны, вид усталый – похоже, выспаться не удалось. Я знал, каково ей. А еще заметил, что Карен недавно плакала.

– Да? Что вам?..

Она не договорила. Прищурилась.

– Вы были вчера в ресторане...

– Точно. Меня зовут Чарли Паркер. Я – частный детектив.

– Убирайтесь.

Карен захлопнула дверь, и я не стал ей мешать и подставлять ногу. Совать ногу в дверь – хороший способ покалечиться или сломать пальцы. К тому же это еще и вторжение в частные владения, а отношения с копами у меня складывались не лучшим образом. Уж лучше держаться от греха подальше.

Я снова постучал. Раз, другой, третий... пока Карен не вернулась к двери.

– Предупреждаю, если вы не уйдете, я вызову полицию.

– Не думаю, что вы вызовете полицейских, мисс Эмори. Вашему бойфренду это не понравилось бы.

Удар ниже пояса, да, но, как часто бывает с такими ударами, он достиг цели. Она закусил губу.

– Пожалуйста, уходите.

– Я хотел бы поговорить с вами. Поверьте, я рискую больше, чем вы. Никаких проблем вам не доставлю. Уделите мне несколько минут – больше мне от вас ничего не надо. Мы поговорим, и я уйду.

Карен посмотрела мимо меня, проверила, нет ли кого на улице, и отступила в сторону. Сразу за дверью находилась гостиная, дальше – кухня, лестница и под ступеньками нечто похожее на вход в подвал. Она закрыла дверь, повернулась, сложила руки на груди и выжидаяще на меня посмотрела.

– Может, сядем? – предложил я.

Карен вроде бы хотела отказать, но потом смягчилась и повела меня в кухню. Комната была светлая и яркая, выдержанная преимущественно в желтых и белых тонах. Пахло свежей краской. Я сел за стол.

– У вас симпатичный дом.

Она кивнула.

– У Джоэла. Он здесь сам все сделал. – Она не стала садиться, а прислонилась к раковине, держась как можно дальше от меня. – Так вы частный детектив? Мне, наверное, следовало посмотреть ваше

удостоверение, прежде чем впускать.

– Правильно мыслите. – Я раскрыл бумажник, показал ей лицензию. Брать ее в руки она не стала, лишь взглянула коротко. – Я немного знал вашу мать. Мы учились в одной школе.

– А... Мама сейчас в Уэсли живет.

– Хорошо, – сказал я. Больше сказать было нечего.

– Ничего хорошего. Ее новый муженек – полный придурок. – Карен порылась в кармане халата, достала пачку сигарет и зажигалку. Закурила. Сигареты и зажигалку вернула в карман. Мне не предложила. Я не курю, но есть же правила вежливости.

– Джоэл говорит, что вас нанял Беннет Пэтчет. – Отрицать я не мог, но, по крайней мере, получил подтверждение, что парни из «Голубой луны» разговаривали с Тобиасом прошлой ночью, а он, в свою очередь, поделился информацией с подружкой.

– Верно.

Она закатила глаза и раздраженно покачала головой.

– Он желает вам только хорошего и беспокоится за вас.

– А Джоэл говорит, что мне не стоит у него больше оставаться. Говорит, надо уйти и найти другую работу. Мы даже поругались из-за этого.

Она посмотрела на меня так, словно именно я и был виновником случившегося.

– А сами что думаете?

– Я люблю его. И этот дом мне нравится. Если уж на то пошло, есть ведь и другая работа, хотя я бы предпочла остаться у мистера Пэтчета. – Глаза ее затуманились. Из правого глаза выкатилась слезинка, и Карен торопливо ее смахнула.

Все в этом деле шло наперекосяк. Иногда так бывает. Я и сам уже толком не понимал, что здесь делаю. Пришел убедиться, что Джоэл Эмори не сделал с Карен Эмори то, что Клиффи Андреас сделал когда-то с Салли Кливер?

– Джоэл бил вас, мисс Эмори? Оскорблял еще как-то?

Долгая пауза.

– Нет. По крайней мере, не так, как вы с мистером Пэтчетом думаете. Мы недавно крупно поругались, и... он вышел из себя. Вот и все.

Я внимательно на нее посмотрел. Похоже, такое для Карен не впервой, от бойфрендов ей доставалось и раньше. Судя по тому, как она говорила об этом, оплеуха для нее – вроде неизбежного зла, обратная сторона отношений с определенного типа мужчинами. Когда такое происходит

достаточно часто, женщина может даже поверить, что причина в ней самой, что у нее есть какой-то психологический изъян, провоцирующий у мужчин определенную реакцию. Может быть, Карен Эмори и не рассуждала в таких категориях, но думала примерно так.

– Он впервые вас ударил?

Она кивнула.

– Вообще-то ему такое... как это говорят?.. да, не свойственно. Джоэл – хороший человек. – Она запнулась перед последней фразой, словно пыталась убедить и себя, и меня. – Просто сейчас на него много всякого свалилось.

– Правда? А что так?

Карен пожала плечами и отвернулась.

– На себя работать трудно.

– Он рассказывает о своей работе?

Она не ответила.

– Вы из-за этого ругались?

И снова молчание.

– Он вас пугает?

Она облизала губы.

– Нет.

А вот это было уже явной ложью.

– Его друзья, его армейские приятели? Как насчет них?

Карен раздавила в пепельнице наполовину выкуренную сигарету.

– Вам пора. Можете передать мистеру Пэтчету, что у меня все хорошо. Я подам заявление на этой неделе.

– Карен, вы не одиноки. Если понадобится помощь, я свяжу вас с нужными людьми. Они посоветуют, что делать, как защититься, и никто об этом не узнает. Если не хотите, можете даже не упоминать Джоэла по имени.

Еще не закончив, я понял, что напрасно стараюсь, что мои слова влетают ей в одно ухо, а вылетают в другое. Карен связала свою судьбу с Джоэлом Тобиасом. Оставив его, ей пришлось бы вернуться в общежитие Беннета Пэтчета, и со временем в ее жизни появился бы другой мужчина, может быть, похуже Тобиаса, и она ушла бы с ним. Я подождал немного, но было ясно, что больше из нее уже ничего не выжать. Карен проводила меня в прихожую и открыла дверь. Я уже вышел на крыльцо, когда она заговорила снова.

– А что бы Джоэл сделал, если б узнал, что вы были здесь? – Она добавила игривую нотку, изображая проказливую девчонку, но это была

бравлада. В ее глазах снова блеснули готовые пролиться слезы.

– Не знаю, – сказал я, – но его друзья, думаю, могли бы меня убить. Чем они занимаются, Карен? Почему так не хотят, чтобы кто-то что-то узнал?

Она с усилием сглотнула и поморщилась.

– Потому что умирают. Они все умирают.

И дверь захлопнулась.

* * *

Посетителей в «Парусном мастере» все так же не было, в чем я убедился, заглянув в бар через стеклянную дверь, и Джимми Джуэл все так же сидел на том же стуле у стойки, но теперь перед ним лежали какие-то бумаги, а сам он считал что-то на калькуляторе.

Освещение в баре постоянно менялось. Блики солнечного света разбивали полумрак и тут же снова поглощались движущимися облаками: так пропадают в океанской тьме стайки серебристых рыб. Заведение уже должно было работать, но Джимми не дал Эрлу команды открыть дверь. «Парусный мастер» унаследовал некоторые привычки «Голубой луны»: он мог открыться до полудня или в пять пополудни, но мог и не открыться вообще. Завсегдатаи знали, что колотить в дверь бесполезно. Когда Джимми и Эрл будут готовы, для них место найдется, а уже потом никто не станет им мешать, пока они не свалятся на пол.

Но я завсегдатаем не был, а потому постучал. Джимми поднял голову, посмотрел на меня, решая, не отправить ли гостя поиграть с разметкой на трассе, и сделал знак Эрлу. Эрл открыл дверь и вернулся к работе, стал заправлять кулеры, что не требовало особых способностей, поскольку ничего экзотического в плане пива бар не предлагал. Здесь можно было заказать «Миллер хай лайф», и «Пабст блю риббон» здесь пили без намека на иронию.

Я сел на табурет у стойки, а Эрл отправился сварить свежего кофе для хозяина. Если бы я ежедневно выпивал столько же кофе, сколько его выпивал Джимми, то вряд ли смог бы написать разборчиво собственное имя. А вот на него кофе как будто и не действовал вовсе. Возможно, он обладал огромным запасом спокойствия, который мог всегда использовать при необходимости.

– Знаешь, у меня такое впечатление, что и минуты не прошло, как ты был здесь в последний раз. То ли время летит быстрее, чем должно, то ли

ты не даешь мне возможности по тебе соскучиться.

– Тобиас снова в пути, как поется в песне^[17].

Джимми смотрел в документы, что-то подсчитывал и делал пометки.

– А у тебя какой в этом интерес? Или уже работаешь на правительство?

– Нет, предпочитаю частную пенсию. Интерес же у меня такой, что прошлой ночью у меня завелись новые друзья.

– Кроме шуток? Ну так радуйся. Что-то мне подсказывает, что друзья тебе могут пригодиться.

– Эти пытались меня утопить, пока я не сказал им все, чего они хотели. Без таких друзей я вполне обойдусь.

Карандаш застыл в воздухе.

– И что они хотели знать?

– Интересовались, почему я навожу справки о Джоэле Тобиасе.

– Что ты им сказал?

– Правду.

– А соврать желания не возникло?

– Ничего толкового придумать не успел – уж очень старался не отдать концы.

– То есть один раз тебя предупредили, причем без особых церемоний, а ты все равно со своими расспросами?

– Именно потому, что они были невежливы.

– Невежливы. А ты что, графиня какая-нибудь?

– Есть и еще одно: место, куда меня отвезли для допроса.

– И что же это за место?

– «Голубая луна». Точнее, то, что от нее осталось.

Джимми отодвинул калькулятор.

– Я так и знал, что от тебя, кроме неприятностей, ждать нечего. Сразу понял, как только ты появился здесь в первый раз.

– А я думаю, что когда ты выскочил перед Тобиасом там, в «Дьюи», ты натолкнул их на мысль... в общем, они взяли и связали меня с тобой. Или наоборот. Так или иначе, «Голубая луна» – предупреждение нам обоим, только мне его сделали напрямую, а тебе – косвенно.

Эрл вернулся из подсобки и теперь молча наблюдал за нами. Тема «Голубой луны» его не обрадовала, но, с другой стороны, по Эрлу трудно что-то определить. Лицо у него как неудачная татуировка. Джимми куда-то вышел ненадолго, а когда вернулся, заговорил по-стариковски устало:

– Может, пора уже выходить из этого бизнеса.

Имел он в виду бар, контрабанду или даже саму жизнь – не знаю. В

конце концов уйти все-таки придется, подумал я, но утешать его этой мудростью не стал и промолчал.

– Знаешь, у меня в эту пристань деньги вложены. Думал, получу дивиденды, когда тут начнут что-то переустраивать, но теперь, похоже, если и увижу какие-то деньги, то разве что страховые, когда она обрушится в залив, а тогда, наверное, она и меня с собой прихватит, так что и попользоваться ими не успею.

Он любовно провел ладонью по стойке – так гладят любимого, пусть и норовистого, старого пса.

– Я всегда считал себя честным трейдером. Для меня это была игра – перебросить груз через границу, попытаться стырить у Дяди Сэма пару грошей. Иногда кому-то делал больно, но всегда старался, чтобы такое случалось не слишком часто. За наркотики брался без особой охоты, если тебе это интересно, и изыскивал способы успокоить совесть. Но, если уж начистоту, чаще всего ни о чем таком не думал и голову себе лишними проблемами не забивал. Так же и к людям относился. Для меня все одинаковы – и китаец, ищущий работы на кухне какого-нибудь ресторана в Бостоне, и шлюха из Восточной Европы. Я просто посредник. – Он повернулся ко мне. – Ты, наверное, считаешь меня лицемером или думаешь, что я сам себя обманываю такими рассуждениями.

– Тебе виднее, кто ты такой. И я здесь не для того, чтобы грехи отпускать. Мне нужна информация.

– Другими словами, ближе к делу.

– Да.

Эрл мгновенно ожил и, нутром чуя, когда боссу требуется смазка, налил Джимми свежего кофе. Вторую кружку он поставил передо мной. Я накрыл ее рукой, показывая, что не хочу, и вдруг подумал, что Эрл чего доброго прольет горячий кофе мне на пальцы – просто чтобы показать, что ему наплевать, хочу я чего-то или нет. Он, правда, удовольствовался тем, что повернулся ко мне спиной и направился в дальний конец бара, где достал из-под стойки книгу. Читал он ее или только делал вид, не знаю. Книжка была в обложке, из старой серии «пингвиновской» классики, но имени автора я не видел. Я бы хотел сказать, что не удивился, но это было бы неправдой. В моем представлении Эрл никак не походил на человека, озабоченного самосовершенствованием.

Джимми проследил за направлением моего взгляда и продолжал:

– Старею. Мы все стареем. В былые времена Эрл к книжке и не притронулся бы, разве что к телефонному справочнику, а когда бил кого-то, то старался не оставлять синяков. Но с годами все мы немножко

смягчаемся, и в хорошем, и в плохом. Раньше Эрл не уступил бы так легко такому, как Джоэл Тобиас, а теперь этот парень вырубил его и глазом не моргнул. А мог бы, если б захотел, и покалечить. Я видел, мог бы.

– Но не покалечил.

– Нет. Он и впрямь хотел только, чтобы мы оставили его в покое, но его желание в данном случае несущественно. Мне нужно знать, чем он занимается. Это важно для моего бизнеса, но также имеет решающее значение для поддержания нынешнего баланса. В переброске груза через границу заинтересованы многие – мексиканцы, колумбийцы, доминиканцы, русские, я сам, – и все мы существуем в состоянии равновесия. Равновесие это очень хрупкое, и если кто-то, не понимая правил, начнет тянуть на себя, все рухнет, и тогда неприятностей не избежать никому. Я не понимаю, какую игру ведет здесь Тобиас, а когда я чего-то не понимаю, меня это нервирует. Так что...

– Так что?

– Я мог бы дать наводку таможенникам, но когда дело касается закона, не стоит обращаться с вопросом, на который ты еще не знаешь ответ. Если это сыграет мне на руку, я сдам им Тобиаса, но только после того, как узнаю, что именно он возит через границу. Я уже попросил кое-кого об одолжении. Каждый раз, когда Тобиас получает заказ на перевозку, мне передают копии документов. В последнее время он работал с Новой Англией, и по бумагам дело вроде бы чистое. На этой неделе у него доставка корма из Канады, а это означает пересечение границы.

– И ты пристегнул к нему своих ребят.

Джимми улыбнулся.

– Скажем так, я убедил кое-кого из своих друзей повнимательнее присмотреться к Джоэлу Тобиасу.

Ничего больше я от Джимми Джуэла не добился, за исключением названия компании-поставщика в Квебеке и компании-заказчика в Мэне. Скорее всего, этим его информация и исчерпывалась. Как и я, Джимми пребывал в темноте.

Я вернулся к машине. Запах протухшей воды снова ударил в нос. Источником его, по всей видимости, был «Мустанг», подхвативший вонь в «Голубой луне». А может, эта тухлятина существовала только в моем воображении и была частью моей реакции на случившееся.

Я поехал в «Голубую луну». В центре на полу, под куском обуглившейся крыши, стояла бочка из-под мазута. Внутри нее, над темной водой, жужжали насекомые. При одном лишь виде бочки меня потянуло на рвоту – организм среагировал на воспоминания, ассоциировавшиеся с

запахом. Я задышал быстрее. Потом, подавив позыв, достал из кармана фонарик и тщательно осмотрел коробку. Увы, люди, привозившие меня ночью, никаких следов своего пребывания здесь не оставили.

Выйдя на свежий воздух, я позвонил Беннету Пэтчету и попросил составить список сослуживцев его сына, которые жили теперь здесь, и в первую очередь тех, кто присутствовал на похоронах. Он ответил, что сразу же этим займется.

– Смотрю, гнев к вам вернулся? – спросил Беннет.

– Похоже, обнаружились непочатые резервы, – ответил я и дал отбой.

Было ли все дело в психологии или нет, но «Мустанг» все равно вонял. Я поехал в автомойку в южном Портленде «Все у Фила». Машины там мыли вручную, а не шлангом, потому что при пользовании шлангом вода проникает во все щели, и обивка так промокает, что даже окна запотевают. Пока я пил содовую, парни почистили «Мустанг» внутри и даже грязь под крыльями убрали.

Там-то они и обнаружили эту штуковину.

Фил Дюкасс выглядел именно так, как и должен выглядеть управляющий автомастерской. Сомневаюсь, что в его гардеробе была хоть одна вещь без масляного пятна. Щетина у него отрастала уже к полудню, а руки выглядели грязными, даже когда были чистыми. Пристрастие к бургерам отложилось несколькими фунтами дополнительного веса, в глазах застыло усталое нетерпение мастера, всегда лучше всех знающего, в чем проблемы того или иного двигателя – будь время, он починил бы все быстрее любого другого, да вот только времени этого у него никогда не было. И вот теперь, вооружившись лампой, он указал мне на некий предмет длиной около тридцати сантиметров, державшийся на внутренней стороне крыла на двух магнитах и обмотанный черным скотчем.

– Эрнесто подумал, что, может, это бомба, – сказал Фил, имея в виду парнишку-мексиканца, работавшего с машиной и обнаружившего неизвестное устройство. Сам Эрнесто вместе с большинством механиков мастерскую покинул и стоял на некотором удалении от нее, хотя копов никто еще не вызвал.

– А ты что думаешь?

Фил пожал плечами.

– Может, и бомба.

– Тогда чего мы здесь стоим и чуть ли не обнюхиваем ее?

– Может, это и не бомба.

Я присмотрелся к штуковине повнимательнее.

– Судя по форме, эта штука состоит из каких-то электронных компонентов. На взрывное устройство, по-моему, не похоже.

– Хочешь знать мое мнение? – спросил Фил. – Думаю, тебя пометили. Это «жучок».

А почему бы и нет? Они вполне могли поставить жучок, пока допрашивали меня в «Голубой луне».

– Что-то уж очень большой, – сказал я. – Незаметным такой не назовешь.

– Но и в глаза не бросается. Если специально не искать, то и не заметишь. Хочешь удостовериться? Я могу позвонить.

– Кому?

– Есть один паренек. Настоящий гений.

– Надежный?

– У тебя бумажник есть?

– Есть.

– Тогда надежный.

Минут через двадцать к автомойке на красном мотоцикле «Ямаха Стрит-трэкер» подкатил парень в футболке «Растик овертонс» с ярко-желтыми дредами и жиденькой бородкой.

– Семьдесят седьмой год. – Фил расцвел улыбкой, как гордый папаша на выпускном сына. – XS650. Полное восстановление. По большей части моих рук дело. Парнишка тоже помогал, но я в этот байк столько нервов вложил.

Звали парнишку Майк. Он был до невозможности вежлив и обращался ко мне не иначе как «сэр», отчего я чувствовал себя кем-то вроде члена ААП^[18].

– Вау, клево, – сказал Майк, едва взглянув на нашу находку. Потом он аккуратно снял устройство и положил на рабочее место. Прошелся по периметру кончиками пальцев. Достал нож и, надрезав скотч в нескольких местах, обследовал то, что было под ним. Завершив осмотр, Майк одобритительно кивнул.

– Ну? – сказал я.

– Следящее устройство. Довольно мудреное, хотя с виду и не скажешь. Я бы предположил, что это военный образец. Может, вы правительству чем-то не понравились?

Он посмотрел на меня с надеждой, но я не клюнул.

– Так или иначе, тот, кто его поставил, скорее всего, торопился. Будь у него побольше времени, он бы взял что-нибудь поменьше, что легче спрятать, и подключил к вашему аккумулятору, тогда бы и собственный

источник питания не потребовался. Но для этого нужно минут пятнадцать-двадцать, и чтоб никто не мешал.

Майк указал отверткой на выступ в центре устройства.

– Джи-пи-эс-приемник. Вроде тех, что используются в обычных спутниковых навигаторах. Определяет положение автомобиля таким образом, что его можно проверить на компьютере. Источник питания вот здесь, на конце, восемь двенадцативольтовых батареек. Менять их надо регулярно, так что если речь идет о долговременном слежении, есть смысл по возможности установить штуку поменьше и подсоединить ее к аккумулятору, хотя и эта малышка дело свое делать будет. Магниты здесь ни на что не влияют, и снять такой «жучок» труда не составит.

– Тот, кто поставил это устройство, узнает, что его сняли?

– Вряд ли. Я специально не стал уносить его далеко от машины и не думаю, что оно уж очень чувствительное.

Я прислонился к столу. Выругался. Надо же быть таким невнимательным и неосторожным. По пути к Карен Эмори, а потом к Джимми Джуэлу я намеренно выбирал кружные маршруты с тупиками и разворотами на 180 градусов и постоянно проверял, не прицепился ли «хвост», но никаких признаков слежки не обнаружил. И теперь понял, почему. Плюс к тому, люди, допрашивавшие меня в «Голубой луне», уже знали, что я навещал Карен и Джимми и, следовательно, не внял их предупреждению.

– Хотите, чтобы я поставил его на место? – спросил Майк.

– Шутишь? – удивился Фил. – Может, повесишь эту штуку ему на грудь, чтобы они и по дому его передвижения отслеживали.

– Э... наверное, вы этого не захотите, сэр, – сказал Майк. Сарказм Фила, похоже, до него не дошел, что только добавило ему моей симпатии.

Я оглядел парковку. Только что въехавший на нее трейлер мигал фарами, вызывая о помощи. Я подумал о Джоэле Тобиасе. Где он сейчас и что везет через границу? Судя по номерам, прибывший трейлер был из Джерси. Джерси... Фил проследил за моим взглядом.

– Водителя я не знаю, – сказал он. – Так что мне без разницы.

В итоге вместо того чтобы отправить «жучок» в Джерси, я попросил Майка вернуть устройство на место. Он, похоже, обрадовался, что мое мнение совпало с ходом его мыслей; зная о приборе, я мог при случае воспользоваться им против тех, кто его установил.

Я щедро заплатил Майку за потраченное время, а он дал мне свой номер телефона на случай, если мне потребуется какая-то помощь.

– Хороший паренек, – сказал я, провожая Майка взглядом. –

Соображает.

– С моей сестрой встречается.

– А «дядей Филом» тебя ни разу не назвал.

– Говорю же, малый надежный.

Дал я денег и Эрнесто. Он поблагодарил, но всем своим видом показал, что пережитый шок заслуживает более весомой компенсации. Поскольку на воздух он все-таки не взлетел и пострадал только морально, его скорбное выражение лица я оставил без внимания.

– Есть мысли, кто это тебе прилепил? – спросил Фил.

– Есть.

– Думаешь, могут?..

– Могут.

– Помощь требуется?

– Жду.

– Если бы на мою машину поставили маячок военного образца, я бы не отказался от помощи посерьезней. Ты такой ждешь, со стволом?

– Нет. Та, что я жду, – с батареей стволов.

Глава 10

Его остановили на трассе 27, в нескольких милях к югу от Музхорна. Машина шла за ним от самой границы, но он не придавал этому особого значения. Тобиас столько раз ходил этим маршрутом, что утратил бдительность; главной заботой был таможенный пост в Коберн-Гор на американской стороне, и, благополучно его миновав, он обычно позволял себе расслабиться. В этот раз все складывалось не лучшим образом; он вез лишь часть того, на что рассчитывал, и к тому же изрядно устал нести ответственность за поездки в одиночку. Люди умирали, и их группа неуклонно сокращалась – отсюда больше работы, больше риска на каждого, но и вознаграждение в итоге возрастало соответственно.

Ко всему добавилась проблема на складе. Соседний комплекс кишмя кишел канадскими полицейскими, проводившими операцию по поиску наркотиков, и трогать груз под носом у служителей закона было бы безрассудством. Поставленный перед выбором – подождать или сделать еще ходку, когда суета уймется, – Тобиас выбрал второй вариант. Потом он не раз корил себя за то, что не проявил должной внимательности на обратном пути, но его заверили, что с Паркером разобрались и что детектив, судя по показаниям маяка, остался в Портленде.

Детектив внушал некоторые опасения, но все же куда большие вызывал Джимми Джуэл. Тобиас рассказал о нем остальным сразу после неудачной попытки в баре «Дьюи» – мол, с чего бы такой интерес к его, Тобиаса, делам, – но ему только посоветовали понаблюдать, что будет дальше. Единственное, в чем ему удалось убедить их, это в необходимости взять паузу, но время шло, ничего не происходило, и нетерпение нарастало, так что он снова вышел на маршрут через границу. За Джимми и громилой, прикрывавшим его тыл, установили наблюдение, но Джимми, похоже, решил оставить Джоэла Тобиаса в покое. Сам Тобиас вовсе не был в этом уверен, но остальные очень старались убедить его в обратном. Поскольку Джимми явно переключился на свои дела, а других любопытных не наблюдалось, Джоэл немного успокоился.

А еще он устал. Рейсов становилось больше и больше, спрос на продаваемый ими продукт неуклонно рос. Все шло так, как они и предсказывали: слухи о качестве и редких свойствах товара расходились кругами. До последнего времени поставки только восполняли объем проданного, но теперь Джоэл доставлял груз в расчете на последнюю

большую распродажу, «пожарную распродажу», как они это называли. Все с самого начала понимали, что уже первые продажи могут привлечь нежелательное внимание, но они были необходимы, чтобы получить средства и подтвердить качество следующих поставок. Теперь впереди маячили крупные суммы, но Джоэл играл главную роль, и когда Джимми, а потом детектив начали разносить что и как, он серьезно разнервничался. Авансовые платежи заметно увеличились, но все же не в такой степени, как ему хотелось бы, учитывая, что весь риск приходился на него. Недовольство выливалось в слова, слова в споры. Плюс к этому их возмутительно легкомысленное отношение к истории с Джуэлом. Тобиас чувствовал, что без выяснения отношений не обойтись. Возможно, было бы лучше держать рот на замке, но в глубине души он чувствовал свою правоту и именно поэтому подал голос. Разозлить Джоэла удавалось не всякому. Он закипал медленно, но когда такое все же случалось, попавшему под руку оставалось только взывать к небесам.

А еще ему все чаще и чаще досаждали кошмары. Нарушение привычного режима сна отзывалось раздражением и вспыльчивостью, из-за чего страдала Карен. Тобиас ненавидел себя за это. Карен была девушкой особенной, и ему повезло с ней, но иногда она просто не понимала, что надо остановиться, не лезть с расспросами и помолчать. Она сильно изменилась после смерти Дэмиена и других, возможно, боялась, что и его постигнет та же участь, но Джоэл не собирался кончать самоубийством. И все же смерть Дэмиена ударила по нему сильнее, чем предыдущие. Теперь из его бывшего взвода умерли уже трое. Все покончили с собой, но Дэмиен... Дэмиен был лучшим. Всегда.

Теперь они снились ему, Дэмиен и другие, мертвые, окровавленные. Они говорили с ним, но не на английском. Он не понимал, что они говорят. Как будто там, по ту сторону могилы, они выучили какой-то новый язык. Но и во сне Тобиас спрашивал себя, действительно ли они те самые, его настоящие братья по оружию. Они пугали его, пугали черными глазами, в которых как будто застыла маслянистая вода. Деформированные тела, сгорбленные спины, длинные, вытянутые руки, сухие, цепкие пальцы...

Какой уж тут покой.

По крайней мере, заграничные поездки кончались. Он долго и терпеливо обрабатывал, приручал таможенников и тупиц из министерства безопасности. На номерной табличке стояла отметка – «ветеран», кабина была оклеена соответствующими наклейками. Он носил армейскую бейсболку, внимательно слушал рассказы других ветеранов, работавших теперь на таможне. Ненавязчиво угощал сигаретами, жаловался при случае

на раны, и они в ответ делали, что могли. Никто не знал, каких трудов стоит работа над образом и насколько успех их общего предприятия зависит от него.

Неудивительно, что со всеми этими проблемами Джоэл Тобиас не обратил должного внимания на прилепившуюся сзади машину. Когда она проехала мимо него дальше, он с облегчением проводил ее глазами, но это была естественная реакция водителя фуры на приближение другого автомобиля. Ты знаешь, что рано или поздно тот, другой, постарается пойти на обгон, и надеешься, что он не выкинет какой-нибудь фортель. Есть, конечно, лихачи, которым нравится играть с нетерпеливыми автомобилистами, а есть такие, что считают себя самыми большими плохишами на дороге, монстрами и сукиными детьми, и если ты хочешь с ними поиграть, то приготовься к собственным похоронам, иногда в буквальном смысле. Джоэл этим никогда не занимался, и до того, как начал ходить за границу тоже, так как трюкачество на дороге могло привлечь внимание полиции и закончиться немалым сроком. Места было мало, и ветки деревьев царапали кабину, но он все же слегка подал к обочине, пропуская легковушку. Участок для обгона они выбрали не самый лучший – впереди виднелся поворот, и если бы кто-то вылетел навстречу на приличной скорости, полосы могло бы на всех не хватить. Но путь оказался свободен, красные точки впереди исчезли в темноте, и он снова остался один.

Примерно через полмили Тобиас увидел мелькающие огоньки и фигуру, размахивающую парой неоновых химических фонарей. Он ударил по тормозам, и тут фары выхватили из ночи только что обогнавший его «Плимут». Машина стояла поперек дороги, на белой линии разметки. Рядом находился другой автомобиль, тот, что мигал красными и голубыми огоньками. Никаких опознавательных знаков Тобиас не увидел, что показалось ему странным.

Человек в форме подошел к фуре. Голова его была какой-то неестественной формы. Тобиас опустил стекло.

– В чем дело? – спросил он.

Свет ударил в лицо, и он машинально вскинул руку, защищая глаза. Незнакомец выхватил пистолет, а из-за деревьев вышли еще двое, вооруженные полуавтоматическими ружьями. Лица их скрывали жутковатые маски. Человек в форме тоже надвинул маску, но Джоэл все же успел рассмотреть его и подумал – мексиканец. Догадка подтвердилась, когда незнакомец заговорил:

– Держи руки так, чтобы мы их видели, *buey*^[19], и тогда никто не

пострадает. Договорились?

Джоэл кивнул. Тот факт, что они были в масках, придавал уверенности в том, что его не убьют. Грабителям на пустынной дороге, если они настроены на убийство, нет нужды беспокоиться о том, что жертва их опознает.

– Мои друзья сядут с тобой в кабину и скажут, что надо делать. Слушайся их, и все скоро закончится, и ты сможешь вернуться домой, к своей *novia, sí?*^[20]

Джоэл снова кивнул. Они знали о его подружке, а значит, сами, или через своего человека, следили за ним в Портленде. Он запомнил это на будущее.

Двери кабины были не заблокированы, и пока двое незнакомцев забирались в нее, Тобиас держал руки на руле. Один устроился позади, другой, слегка развернувшись, сел рядом, прислонился спиной к двери и небрежно положил дробовик на бедро. И вообще все делалось как-то небрежно, словно понарошку. Но только Джоэл так подумал, как рация у человека в форме, затрещала, ожила, и все изменилось.

– *Andale!*^[21] – сказал он и махнул рукой сообщникам в других машинах, а потом направил пистолет на Джоэла через ветровое стекло. – *Apurate!*^[22] – «Плимут» дал задний ход и развернулся к югу. Человек в форме побежал к другой машине, та выключила фары, отъехала в сторону, чтобы пропустить фуру Джоэла, и пристроилась за ним. Теперь его зажали с двух сторон.

– Куда ехать?

– Смотри на дорогу, *bueu*.

Джоэл последовал совету и больше вопросов не задавал. Он мог бы спросить, знают ли они, с кем связались, пригрозить серьезными последствиями, если они сейчас же не уберутся к чертовой матери из его машины, но не стал. Сейчас важно было другое: выйти из этой передраги целым и невредимым и, если повезет, с грузовиком в рабочем состоянии. Для начала надо вернуться в Портленд, а там уж позвонить кому следует. Какие есть варианты? Если это обычное ограбление, то парни либо ошиблись с фурой, либо получили неверную информацию, и в этом случае весь их навар – корм для животных на сотню тысяч баксов. Другой вариант – ограбление не стандартное, а значит, информированы они хорошо, и тогда его ждут неприятности и, возможно, пытки.

У идущего впереди «Плимута» включился правый поворотник.

– Держись за ним, – сказал тот, что сидел рядом, и Джоэл начал

понемногу притормаживать. Дорога была узкая и шла слегка под уклон.

– Хочешь, чтобы я еще и в угольное ушко проскочил? – огрызнулся он. Холодное дуло пистолета коснулось его щеки.

– За руль и я могу сесть, – произнес голос над ухом, и Джоэл ощутил на лице теплое дыхание. – Не хочешь ты, поведу я, но тогда, *mi hijo*^[23], зачем ты нам нужен?

Незнакомец, скорее всего, блефовал, но проверять свое предположение Джоэл не решился. Он выполнил поворот и последовал за «Плимутом».

– Видишь, ты все можешь. Тебя только подтолкнуть немного надо, – сказал тот, что сидел рядом.

«Плимут» снова помигал, и они выехали на полянку перед заброшенным домом, каменная труба которого высилась над провалившейся крышей. Здесь их ждали двое мужчин, стоявших около черного внедорожника. Как и остальные, они были в масках, но вместо кожаных курток – костюмы. Дешевые, но костюмы. Джоэл ударил по тормозам.

– Выходи, – сказал тот, что сидел рядом.

Он вышел. Подтянулась коричневая легковушка. Теперь Джоэл и его фура стояли в свете фар трех автомобилей. Один из тех, что были в костюмах, вышел вперед. Невысокий, на фут ниже Джоэла, но плотный и мускулистый. Он протянул руку, и Джоэл, после секундной паузы, пожал ее. Незнакомец заговорил на английском, но с легким акцентом.

– Можешь называть меня Рауль. Предлагаю сделать все по возможности быстро. Что у тебя в трейлере?

– Корм для животных.

– Открывай. Дай посмотреть.

Под угрозой оружия Джоэлу ничего не оставалось, как открыть двойные двери. Фонарики высветили мешки с кормом, лежавшие на шести деревянных поддонах. Рауль сделал знак, подняв два пальца, и двое его людей забрались в трейлер и принялись методично взрезать мешки и высыпать содержимое на пол.

– Надеюсь, они приберут потом за собой, – сказал Джоэл.

– На этот счет не беспокойся, – ответил Рауль. – Если они не найдут то, что ищут, у тебя будет побеспокоиться о чем посерьезнее. Это я гарантирую.

– И что же они ищут? Протеина не хватает? Это же корм для животных. Ты взял не ту фуру, приятель.

Рауль промолчал. Закурил сигарету, предложил Джоэлу. Тот отказался. Обыск продолжался, а когда все мешки были вспороты, двое в трейлере

стояли по голень в рассыпанном корме.

– Хорошая фура, – заметил Рауль. – Не хотелось бы ее портить.

– Послушай, я же сказал: вы взяли не тот груз.

Рауль пожал плечами. Джоэл уловил какое-то движение за спиной. В следующее мгновение его схватили за руки и заставили опуститься на колени. Рауль закурил новую сигарету, опустился на корточки, так что они оказались лицом к лицу, и, схватив Джоэла за волосы, прижал тлеющий кончик сигареты к его правой щеке. Ни угроз, ни предупреждений, только острая боль, запах обожженной плоти и шипение, которое заглушил крик. Через пару секунд Рауль опустил руку. Кончик сигареты еще тлел, и он дул на нее, пока она не разгорелась.

– Слушай меня. Мы можем разобрать твою фуру на части, а потом сжечь у тебя на глазах. Мы можем даже убить тебя и закопать здесь, в лесу. Или не утруждаться и закопать живьем. Все эти варианты возможны, но мы не хотим так поступать с тобой, потому что у меня лично к тебе претензий нет. И вот что получается. Мы знаем, что ты возишь контрабанду. Мне нужно знать, что ты возишь, поэтому ты покажешь нам тайники. И пока не покажешь, я буду тебя прижигать. А теперь говори.

После третьего раза Джоэл сдался.

* * *

Его оставили на поляне. Прежде чем уехать, Рауль дал Джоэлу мазь для ожогов – одного на лице и двух на руках, между большим и указательным пальцами. Когда три попытки не сработали, Рауль пригрозил выжечь правый глаз. Джоэл поверил и сказал, где тайник. Но даже получив подробные инструкции, они не смогли его найти. Тайник был устроен профессионально, с таким расчетом, чтобы пройти любой обыск, кроме самого дотошного. Джоэл показал, как снять сиденье, чтобы получить доступ к пространству во всю ширину кабины. А потом и открыл тайник, осторожно нажав на два нижних угла.

Отсек можно было разделить на небольшие секции в зависимости от груза. В данном случае это был пластмассовый ящик для инструментов с дюжиной маленьких цилиндрических предметов, по длине похожих на бруски мела и завернутых в несколько слоев ткани и пластика. Один такой предмет, украшенный искусной резьбой, запечатанный с двух концов золотом и инкрустированный драгоценными камнями, развернули и передали Раулю. Он подержал его на ладони, оценивая на вес, потом

спросил:

– Что это?

– Не знаю. Я только перевозчик и вопросов не задаю.

– Штука на вид старинная и ценная. – Рауль протянул руку, и ему подали фонарик. Он посветил на камни, присмотрелся повнимательнее. – Изумруды и рубины, а это должно быть бриллиант.

Печать в руке Рауля датировалась 2100-м годом до Рождества Христова. Инструмент бюрократа, использовавшийся для утверждения деловых и юридических сделок – его прижимали к документу, написанному на глиняной дощечке. Джоэл повидал их достаточно и кое-что знал, но предпочел помалкивать.

Рауль осторожно завернул предмет и передал одному из своих людей.

– Заберите все и обращайтесь с ними бережно.

Он закурил и усмехнулся, заметив, что Джоэл непроизвольно вздрогнул.

– Говоришь, ты просто перевозчик и ничего о грузе, за транспортировку которого тебе платят, не знаешь. Я тебе не верю, но сейчас это значения не имеет. Я поспрашиваю насчет этих штучек и, если они ценные – а с виду так и есть, – то, может быть, оставлю несколько себе. Скажи своим нанимателям, если они наниматели, пусть считают, что их наказали за попытку вести операции в обход соответствующих властей. И под властями я не имею в виду Таможенную службу Соединенных Штатов. Если они хотят и дальше возить такие вещицы, то должны связаться со мной, и мы что-нибудь придумаем.

– А почему с тобой? – спросил Джоэл. – Почему не с доминиканцами или Джимми Джуэлом?

В глазах Рауля что-то мелькнуло, и он понял, что попал в цель.

– Потому что цилиндрики у нас.

С этим Рауль и ушел, оставив Джоэла залечивать раны, но прежде растоптал сотовый и слил из баков почти весь бензин – остатков едва хватило, чтобы дотянуть до мотеля на въезде в Юстис. Ожог на лице, когда он вошел в фойе, привлек несколько удивленных взглядов, но комментариев не последовало. Джоэл нашел автомат с кубиками льда, завернул пригоршню кубиков в полотенце и приложил к лицу и рукам, чтобы смягчить боль. После чего позвонил из своей комнаты.

– Есть проблема, – сказал он, когда трубку сняли, и подробно, почти ничего не упуская, рассказал обо всем случившемся.

– Нам нужно их вернуть, – последовал ответ. – Говоришь, этот парень, Рауль, хочет оставить их себе как некоего рода штраф?

– По крайней мере, он так сказал.
– И что он с ними будет делать? Маркировать пакеты с кокаином?
– Думаю, постарается их продать.
– До сих пор дело шло хорошо, потому что мы были осторожны.
Печати не должны появиться на открытом рынке.

Джоэл постарался не выплеснуть раздражение. Почему его считают идиотом, только на том основании, что он водит фуру? В конце концов, он участвовал в операции с самого начала и на каждом этапе. Без него весь бизнес давно бы развалился.

– Понимаю, – сказал он с излишней резкостью.
– Не наглей. Не я потерял груз.
– Ну да, просто я не надеялся на достаточную компенсацию за потерю глаза.

– Ты получал больше всех. Не нравится расклад – уходи.
Джоэл посмотрел на раны на руках.
– Я не это имел в виду. Просто давай разберемся с этим дерьмом.
– Раулю много времени не понадобится, чтобы выяснить, что у него в руках. А уж потом и ребенок смекнет, что именно происходит. Я наведу справки, узнаю, кто он такой.

– Джимми Джуэл знает.
– Уверен?
– Вполне. Думаю, это его заказ.
– Ну что ж, тогда с этого и начнем. Говоришь, взяли все?
– Да. Все у них.
– Ладно. Поезжай домой. Выпись, подлечи ожоги. Позвони мне завтра, когда отдохнешь. Тут и другого дерьма хватает.

Что именно имел в виду собеседник, Джоэл не понял, но задавать уточняющие вопросы не стал. Он слишком устал. Все болело. Джоэл повесил трубку и пошел на заправочную станцию через дорогу, где купил упаковку пива. Вернувшись в комнату, он прижал холодную бутылку к щеке и долго смотрел в окно на огни проезжающих машин и вглядывался во тьму, окутавшую озеро Флагстафф. После второй бутылки к горлу подступила тошнота. Он так давно не переживал настоящий шок, что почти забыл, как это бывает, но то, что произошло с ним на поляне, воскресило в памяти некоторые моменты.

Джоэл рассеянно потер левую голень со старым шрамом и ямочкой в мышце. Позвонил Карен – ее дома не оказалось – и оставил сообщение: устал, решил заночевать в мотеле. Сказал, что любит, извинился за утреннюю стычку. Вообще-то, виноват был тот детектив и старый хрен

Пэтчет, любитель совать нос в чужие дела. Джоэл слышал о детективе вполне достаточно, чтобы отнестись к нему с уважением, и вовсе не был уверен, что угрозы – именно тот способ, который годится в данном случае, но все же испытал облегчение, узнав, что Паркера наняли выяснить, что происходит у него с Карен, а не расследовать другое, куда более важное дело.

Хотелось спать. Джоэл проглотил несколько таблеток и сел на кровать, вытянув ноги. Сунул руку в карман куртки, достал две золотые сережки исключительно тонкой работы. Сказав, что мексиканцы забрали все, он солгал. Разве ему не полагается компенсация за боль, и, кроме того, если учесть, что переправленное раньше стоит целое состояние, то в этих масштабах ему досталось лишь несколько баксов. А еще надо загладить вину перед Карен.

Он поднес украшение к свету и, несмотря на боль, залюбовался его красотой.

Часть II

...Мне снятся всадники среди дымящихся холмов, тени на конских крупах, тростниковые нагрудники, арапники, полумесяц. Какая-то другая война. Какая-то другая, древняя, но здесь же...

Ричард Карри «Пересечение: вьетнамские истории».

Война – это зловоние. Воняет канализацией и экскрементами. Воняет мусором, гниющими продуктами и стоячей водой. Воняет падалью,дохлыми собаками и человеческими трупами. Воняет бездомными, умирающими и мертвецами.

Их доставили самолетом из Маккорда на авиабазу Рейн-Майн, оттуда в Кувейт. Летели в полной экипировке, с оружием, со снятыми затворами в карманах. В Кувейте стены и днища машин обложили мешками с песком – для защиты от шрапнели. Через пару дней сообщили – их бросают в пекло. Офицеры радовались, им хотелось нашивок и боевых наград. Бывать в пустыне ему еще не приходилось, если не считать пустыню штата Мэн, представляющую собой всего-навсего поле с горсткой песка. Он не думал, что в пустыне будет так холодно. Впрочем, о пустынях он знал примерно столько же, сколько и об Ираке. До отправки туда он вряд ли смог бы найти эту страну на карте. Да и зачем ее искать, если ты туда не собираешься? Но теперь он знал много всякого...

Что делают эти люди? Как живут? Здесь же ничего не растет. Босые мальчишки, дома из глины. Им сказали: верить никому нельзя, но он, когда мог, раздавал детишкам конфеты и воду. Так поступали большинство солдат, но потом начались восстания, реки были забиты трупами, а хаджи^[24] начали использовать детей как разведчиков, живые щиты и солдат. Вот тогда они перестали относиться к детям как к детям. К тому времени он жил по большей части в состоянии страха, но это было место, где само понятие страха утратило конкретное значение, ибо страх присутствовал постоянно и повсюду, приглушенно или во всю мощь.

И еще пыль: она была везде. Он старательно чистил и смазывал свой

«М4», но это не всегда помогало, и автомат иногда заклинивало. Некоторые говорили, что стандартный очиститель – полное барахло, и парни писали домой, просили, чтобы им выслали надежные, качественные смазочные средства. Позднее он узнал, что иракская пыль отличается от штатовской, которую используют при испытаниях оружия. Она мельче и содержит больше солей и карбонатов, которые вызывают коррозию. Кроме того, иракская пыль вступает в реакцию с некоторыми ружейными смазками, и в результате образовывались более крупные частицы, которые забивали патронник. Казалось, сама земля восстала против чужаков.

Страна была древняя. Они не понимали этого. Он тоже не понимал, сначала. И только потом, начав знакомиться с ее историей, он понял, что здесь – колыбель цивилизации, что предки людей, боязливо выглядывающих из глиняных хижин, создали письмо, философию, религию. Армия танков, ракет и самолетов шла путем, проложенным ассирийцами, вавилонянами и монголами, Александром Македонским, Юлием Цезарем и Наполеоном. Когда-то здесь была величайшая в мире империя. Читая о Гильгамеше и Месопотамии, царях Агада и шумерах, он пытался представить, сколько же лет этой земле.

А потом он наткнулся на имена Энлиль и Нинлиль и историю о том, как Энлиль в трех разных обликах трижды овладел женой, и от этих союзов родились Нергал, Ниназу и еще один, чье имя затерялось, а древние камни, хранившие историю о нем, были разбиты. Три союза, три сущности – порождение загробного мира.

Демоны.

И вот тогда он начал понимать.

Глава 11

Джеки Гарнер позвонил на следующее утро и сразу начал с извинений. Ему удалось проследить за Джоэлом Тобиасом до Блейнвиля в Квебеке, где и произошла погрузка корма для животных. Не заметив ничего необычного, Джеки сопровождал объект до границы, где что-то – то ли в его внешности, то ли в запахе – возбудило у пограничников подозрение. Его сумка подверглась химическому тестированию, в результате которого были обнаружены следы взрывчатых веществ. Учитывая, что Джеки Гарнер – король взрывчатки, было бы чудом не обнаружить их. Так или иначе, его машину обыскали, ему самому пришлось ответить на несколько неудобных вопросов о своих увлечениях, и только потом он получил разрешение продолжить путь. К тому времени след Джоэла Тобиаса уже простыл.

– Не принимай близко к сердцу, – сказал я. – Что-нибудь придумаем.
– Что мне делать? Вернуться к его дому и подождать там?
– Почему бы и нет. – По крайней мере, Джеки будет чувствовать себя в безопасности, подумал я.

– Есть новости из Нью-Йорка?
– Будут вечером.
– Не скажешь им, как я облажался?
– Ты не облажался. Тебе просто не повезло.
– Я был неосторожен, – вздохнул Джеки. – Но мне нравится заниматься взрывчаткой.

Через какое-то время Беннет Пэтчет прислал по электронной почте список бывших сослуживцев Дэмиена, присутствовавших на его похоронах. Первыми в нем значились Вернон и Причард. В примечании Беннет указал, что не уверен в правильности написания этих двух фамилий. Он также добавил, что, к сожалению, не помнит всех, потому что некоторые не оставили записей в книге соболезнований и не все представились ему лично, но, по его мнению, всего их было не меньше дюжины. Беннет вспомнил женщину – ее звали Кэрри Сандерс, – занимавшуюся делами ветеранов, но не контактировавшую, насколько ему известно, с Дэмиеном напрямую. Присутствовал в списке и Бобби Жандро – из-за полученных в Ираке ранений он был в инвалидном кресле. Бобби числился и в моем списке тех, с кем я намеревался потолковать по прибытии подкрепления из Нью-Йорка.

– Среди присутствовавших на похоронах были чернокожие? – спросил

я.

– Вернон – цветной. А это важно?

– Просто любопытно.

Я сделал пометку для себя позвонить Кэрри Сандерс и навести справки о Бобби Жандро, но сначала отправился в Скарборо-Даунс, где неподалеку от ипподрома жил Роналд Стрейдир. Во время вьетнамской войны Роналд служил в К-9. Гибель боевых товарищей и потеря собаки, которую ему пришлось оставить при падении Сайгона, до сих пор висели над ним черной тенью. В последнее время его дом стал перевалочным пунктом для ветеранов, проезжавших через город, которым надо было выпастись, выпить пива, затянуться сигаретой с марихуаной, и чтоб никто не досаждал глупыми расспросами. Не знаю, зарабатывал ли Роналд этим на жизнь, но, возможно, это имело какое-то отношение к запасам «травки», всегда имевшейся у него под рукой.

В последнее время Роналд озадачился правами ветеранов. Ему на собственном опыте пришлось столкнуться с проблемами, с которыми сталкивались ветераны по возвращении из Вьетнама и особенно после 11 сентября, и, видимо, он верил, что тогдашнее безобразие не повторится. Но то, что ожидало нынешних ветеранов, оказалось еще хуже. Тогда возвратившихся солдат винили за непопулярную войну, их критики распаляли себя образами мальчишек, умирающих в студенческих кампусах или сгорающих от напалма на вьетнамском мосту. Теперь гнев сменился неведением о последствиях, как физических, так и психологических, боевых действий для бывших солдат и нежеланием тех, кто с готовностью отправлял их воевать, заботиться о раненых и пострадавших, когда они вернулись домой. Пару раз я видел Роналда на местном телевидении, газетчики часто обращались к нему за комментариями, когда в обществе поднималась тема ветеранов-инвалидов. Он учредил неформальную организацию «Небезразличные ветераны Мэна» и, похоже, впервые за то время, что я знал его, обрел истинный смысл жизни, ввязался в новый бой, вместо того чтобы прокручивать старый.

Подъехав, я заметил, как дернулась в окне занавеска. В конце дорожки, что вела к его дому, стоял сенсор, и всякая живность крупнее мелкого зверька попадала под луч. Сколь-либо значительных запасов «травки» Роналд дома не держал, так что, случись обыск, найденного никак не хватило бы на обвинение в «хранении с целью сбыта». Местные органы правопорядка прекрасно знали, чем занимается Роналд, но смотрели на это сквозь пальцы, потому что он не продавал наркотики детям, сторонился насилия и при необходимости помогал копам. Никакой наркоимперией он

не управлял, потому что в противном случае не жил бы в скромном домишке у Скарборо-Даунс.

Он жил бы в большом скромном доме у Скарборо-Даунс.

Когда я вышел из машины, Роналд уже стоял у двери. Высокий, крупный, с коротко постриженными черными волосами, изрядно тронутыми сединой. Облегающие джинсы, свободная клетчатая рубашка навывпуск. На шее – кожаный мешочек.

– Это что? – спросил я. – Чудодейственный амулет?

– Нет. Я там мелочь держу.

Он протянул руку, загорелую, с буграми мышц и веревками вен, и моя исчезла в ней, как речная мелюзга в пасти бывалого старого сома.

– Ты – единственный коренной американец, которого я знаю, и ты не делаешь ничего из того, что положено делать коренным американцам.

– Ты огорчен?

– Немного. Просто у меня такое ощущение, что ты не очень-то и напрягаешься.

– Я даже не хочу называться коренным американцем. Лучше просто индейцем.

– Вот видишь! Держу пари, явись я сюда, вырядившись ковбоем, ты бы и глазом не моргнул.

– Точно. Я бы, может, застрелил тебя, но моргать бы не стал.

Мы сели за стол во дворе. Роналд достал из холодильника две банки содовой. Из кухни доносились звуки музыки, смесь индейского блюза, фолка и американцы: «Слайдин Клайд руллет», Кит Секола, Буч Мадбоун.

– Светский визит? – спросил он.

– Дружеский, – ответил я. – Помнишь такого парня, Дэмиена Пэтчета? Местный, служил в Ираке, в пехоте.

Роналд кивнул:

– Я был на его похоронах.

Нетрудно было догадаться. Роналд по возможности всегда старался посещать похороны местных ветеранов. Отдавая долг одному, он отдавал долг всем и считал это своей обязанностью.

– Ты его знал?

– Нет, не встречались.

– Я слышал, что он вроде бы покончил с собой.

– Кто так сказал?

– Его отец.

Роналд коснулся серебряного крестика, висевшего на кожаном ремешке на запястье, – жест скорби и уважения памяти Дэмиена Пэтчета.

– Все повторяется. Ты надеешься, что военная верхушка и политики чему-нибудь научатся, но этого не происходит. Война меняет людей, и некоторые меняются настолько, что уже сами на себя не похожи. Они ненавидят себя таких, какими стали. На мой взгляд, у нас просто улучшается статистика самоубийств, вот и все. Ветеранов Вьетнама, покончивших с собой после той войны, больше, чем погибших на ней. И ветеранов Ирака, которые уйдут из жизни добровольно, будет в этом году больше, чем убитых в самом Ираке. По крайней мере, на это указывают цифры. И для обеих войн действует один и тот же принцип: плохое отношение там – плохое отношение по возвращении домой.

– Что говорили о Дэмиене?

– Что он ушел в себя, что у него были проблемы со сном. Многие сталкиваются с этим после возвращения. Но проблемы проблемам рознь. Знаешь, когда не можешь уснуть, в голове все путается, ты не в духе, и начинается депрессия. Кто-то увлекается выпивкой, другие принимают что-нибудь, чтобы прийти в себя, и с каждым днем нужно немножко больше того и другого. Дэмиен принимал тразодон^[25], но бросил.

– Почему?

– Тебе надо поговорить с кем-то, кто знал его лучше меня. Не всем нравится принимать снотворное, от него по утрам что-то вроде отходняка и нарушения фазы быстрого сна. Но, вообще-то, все, что я знаю о Дэмиене, это новости из вторых рук. Тебя его отец нанял?

– Можно и так сказать.

– Насчет того, как он умер, вроде бы никаких сомнений нет.

– Сомнений нет. По крайней мере, в отношении последних моментов. Отец хочет понять, что могло довести Дэмиена до самоубийства.

– Так ты теперь выясняешь, не было ли у него посттравматического стресса?

– В каком-то смысле.

– Вижу, ты до сих пор так и не можешь ответить на прямой вопрос.

– Предпочитаю осторожный подход.

– Ага, как перед налетом. Может, тебе все-таки стоило натянуть ковбойскую шляпу.

Он отхлебнул содовой и отвернулся. Не то чтобы обиделся, скорее выразил неудовольствие в приличествующей истинному индейцу форме.

– Ладно. Сдаюсь. Вот тебе имя: Джоэл Тобиас.

Роналд и бровью не повел. Разве что веки чуть заметно дрогнули, но и этого было достаточно, чтобы понять – до Джоэла Тобиаса ему особого дела нет.

– Тоже был на похоронах. Их там несколько человек собралось, сослуживцев Дэмиена. Некоторые издалека приехали. На кладбище небольшой инцидент вышел, но его быстро погасили, так что Пэтчеты ничего не заметили.

– Что за инцидент?

– Там фотограф болтался, парень из одной газетенки, «Сентинел Игл». Снимал, вроде бы собирался подготовить фотоочерк и послать в «Нью-Йорк таймс». Ну, сам знаешь, похороны павшего солдата, скорбь и все такое. Разрешение ему дал кто-то из родных, должно быть сам Беннет. Но понравилось это не всем. Пара приятелей Дэмиена потолковали с ним по-свойски, и фотограф убрался. Одним из этих парней был Тобиас. Меня с ним потом познакомили, в баре. К тому времени все уже изрядно набрались.

– Тобиас не возникал у тебя на радаре?

– С какой стати?

– Кое-кто подозревает, что он занимается контрабандой.

– Если Тобиас что и возит, то не «травку». Я бы знал. Ты разговаривал с Джимми Джуэлом?

– Он тоже не знает.

– Если Джимми не знает, то где уж мне. Потратишь доллар, а он уже слышит, как сдача на стойку падает.

– Но что-то же ты знаешь?

Роналд поерзал на стуле.

– Так, слухи.

– Что за слухи?

– Мол, Тобиас крутит какое-то дело. Такой он парень.

– Это он не хотел попасть на фотографию?

– С фотографом, насколько я помню, разговаривали четверо или пятеро. Среди них был и Тобиас. Один из этих парней примерно через неделю и сам попал в газеты.

– В связи с чем?

– Бретт Харлан. Из Каратунка.

Что-то знакомое. Харлан. Бретт Харлан...

– Убийство и самоубийство, – сказал я. – Убил жену, потом покончил с собой.

– Да. Штыком от «М9». Тяжелый случай. Младший сержант Бретт Харлан, отделение «Страйкер Си», Вторая кавалерийская бригада, третий пехотный. Жена служила в 172-м батальоне военной разведки. Приехала в отпуск.

- Дэмиен служил во Второй кавалерийской бригаде.
- Как и Берни Крамер.
- Кто такой?
- Капрал Берни Крамер. Повесился в номере отеля в Квебеке три месяца назад.
- На память пришли слова Карен Эмори: *«Они все умирают»*.
- Кластерный суицид.
- Похоже на то.
- И что за причина?
- Точно не знаю. Но вот что я тебе скажу. Есть одна женщина, из «Тогуса», бывшая военная. Зовут Кэрри Сандерс. По-моему, она встречалась и с Харланом, и с Крамером. Тебе бы надо с ней поговорить. Она проводит исследование и приходила ко мне кое за какой информацией, хотела узнать имена ребят, которые были бы не против ответить на вопросы. Я помог ей как мог.
- Беннет сказал, что Кэрри Сандерс была на похоронах Дэмиена.
- Может быть, в церкви. Сам я ее не видел.
- А тема ее исследования?
- Роналд допил содовую, смял банку и бросил в мусорную корзину.
- Она занимается посттравматическими расстройствами. Ее специализация – самоубийства.

* * *

Солнце стояло уже высоко. День выдался чудесный – теплый, ясный, с легким ветерком, – но мы уже ушли со двора. Роналд повел меня в свой крохотный офис, откуда он и руководил работой «Небезразличных ветеранов Мэна». На стенах висели газетные вырезки, таблицы потерь, фотографии. На одной, над компьютером Роналда, женщина помогала раненому сыну подняться с кровати. Было видно только лицо матери, и я не сразу понял, что на фотографии не так: у парня не хватало едва ли не половины головы, а то, что осталось, было иссечено шрамами и трещинами и напоминало поверхность луны. На лице матери смешалось столько эмоций, что передать его выражение было невозможно.

– Граната, – сказал Роналд. – Потерял сорок процентов мозга. Нуждается в постоянном уходе до конца жизни. А мать уже немолода, а? – Он сказал это так, как будто видел снимок впервые, хотя смотрел на него каждый день.

– Немолода.

Что лучше для него, подумал я, умереть раньше матери и не испытывать больше боли, и тогда ее боль станет другой, – или же пережить ее, и тогда она проведет с ним все отведенное ей время и до конца останется той же матерью, какой была с его детства, когда весь этот ужас мог привидеться ей разве что в кошмаре. Первый вариант, наверное, был бы предпочтительнее, потому что без нее он рано или поздно стал бы тенью в углу комнаты, именем без прошлого, всеми забытым и без собственной памяти.

В таком вот окружении Роналд и говорил со мной о самоубийцах и бездомных, пагубных пристрастиях и кошмарах, об изувеченных, пытающихся добиться от властей признания их полной инвалидности; о том, что количество накопившихся заявлений достигло четырехсот тысяч и продолжает расти; о тех, чьи шрамы не видны, кто пострадал не физически, а психологически, чьи жертвы до сих пор не признаны правительством, поскольку им отказали в «Пурпурном сердце». Он говорил, и его гнев разгорался все сильнее и сильнее. Он не повышал голос, не сжимал кулаки, но я ощущал идущую от него злость, как тепло от радиатора.

– Это скрытые издержки, – заключил он. – Бронежилет защищает тело, и каску лучше носить, чем не носить. Медицина реагирует быстрее и лучше. Но вот рядом с тобой или под твоим «Хаммером» взрывается самодельная бомба, и ты теряешь руку или ногу или осколок шрапнели бьет тебя в шею и парализует на всю оставшуюся жизнь. Можно остаться в живых после самых страшных ранений и при этом жалеть, что не умер. Читаешь «Нью-Йорк таймс», читаешь «Ю-Эс-Эй тудей», видишь, как растет показатель потерь в Афганистане и Ираке в черной рамочке, что отведена для плохих новостей, отмечаешь, что растет он не так быстро, как раньше, – по крайней мере в Ираке, и думаешь, что, может быть, дела идут на поправку. Так и есть, если учитывать погибших, но чтобы подсчитать раненых, эту цифру надо умножить на десять, но и тогда невозможно сказать, сколько из них ранены серьезно. Один из четырех вернувшихся домой из Ирака и Афганистана нуждается в медицинской или психологической помощи. Иногда эта помощь недоступна им в должной мере, но если кому-то удастся получить необходимое, правительство пытается словчить при каждом удобном случае. Ты не представляешь, как трудно получить полную инвалидность, и при этом люди, отправлявшие ребят воевать, пытаются ради мизерной экономии закрыть армейский госпиталь Уолтера Рида. Они ведут две войны и хотят закрыть ведущий

медицинский центр, так как им кажется, что он обходится слишком дорого. За войну ты или против – неважно. Каким бы ярлыком – либерализма, консерватизма или другим – это ни прикрывалось – неважно. Важно делать все необходимое для тех, кто сражается, а они этого не делают. И никогда не делали. Никогда... никогда...

Роналд замолчал, а когда заговорил снова, то уже другим тоном.

– Когда правительство не делает, что должно, и военные не в состоянии позаботиться о своих раненых, тогда, вероятно, имеет смысл другим предпринять что-то. Джоэл Тобиас рассержен, и, может быть, он и собрал других таких же, как он, ради своего дела.

– Своего дела?

– Чем бы ни занимался Тобиас, намерения у него самые лучшие. Он знал людей, которым приходится нелегко. Мы все их знаем. Что-то им пообещал. Что им помогут.

– Хочешь сказать, деньги от того, что они там перемещают за границу, предназначались для раненых солдат?

– Часть их. Бо€льшая. Поначалу.

– Что изменилось?

– Пошли большие деньги. Так я слышал. Чем больше денег, тем больше их хочется.

Роналд поднялся. Наш разговор закончился.

– Тебе надо поговорить с кем-то еще.

– Назови.

– В «Салли» случилась потасовка. – Бар «Салли» пользовался в Портленде незавидной репутацией. – Уже после похорон Дэмиена Пэтчета. Мы сидели в углу, а Тобиас с несколькими парнями у стойки. Один был в инвалидной коляске, штанины к паху пристегнуты. Перебрал, набросился на Тобиаса, обвинил в предательстве. Назвал Дэмиена и еще одного парня, Крамера. Он еще и третьего упоминал, да я имя не расслышал. Начинается с «Р». Рокхэм или что-то в этом роде. Кричал, что Тобиас – лжец, что отнимает у мертвых.

– И что Тобиас?

Роналд скривился от отвращения.

– Толкнул его к двери. Парень в коляске сделать, конечно, ничего не мог, только на тормоз нажать. Он бы, наверное, на пол свалился, но Тобиас его поддержал. А потом они просто взяли и вынесли его вместе с коляской на улицу. Нехорошо с человеком обошлись. Недостойно. Напомнили, что он никто. Думаю, им самим это не понравилось – никто не смеялся, двое даже глаз не поднимали, но что сделано, то сделано. В общем, не заслужил

парень такого унижения.

– Его звали Бобби Жандро?

– Верно. Вроде бы служил вместе с Дэмиеном Пэтчетом. Слышал, он и жизнью Дэмиену обязан. Я потом вышел посмотреть, все ли в порядке, но он от помощи отказался. Понимаешь, его унизили. А помощь ему нужна, я это понял. Парень уже покатился вниз. Ну так что, теперь ты знаешь больше, чем когда пришел сюда?

– Да. Спасибо.

Он кивнул.

– Мне где-то даже хотелось, чтобы у них получилось. У Тобиаса, у тех, кто ему помогает... Чтобы у них все вышло.

– А теперь?

– Теперь не хочу. Будь осторожен, Чарли. Им не понравится, что ты суешь нос в их дела.

– Они уже меня предупредили, топили в бочке из-под нефти.

– Да? И как, у них получилось?

– Не очень хорошо. Тот, что разговаривал, вежливый, с южным акцентом. Если есть мысли, кто это может быть, с удовольствием послушаю.

* * *

В тот же день я попытался дозвониться Кэрри Сандерс в «Тогус», но попал на автоответчик. Тогда я позвонил в «Сентинел Игл», еженедельную газету в Ороно, и получил от редактора отдела новостей номер сотового фотографа Джорджа Эберли. Эберли в штате газеты не состоял и работал фрилансером. Он ответил после второго гудка и, когда я сказал, что мне нужно, с удовольствием согласился поговорить.

– Все было согласовано с Беннетом Пэтчетом. Он сообщил о моих намерениях другим членам семьи. Я сказал, что это будет в память о его сыне, и я попробую связать всех с другими семьями, потерявшими на войне сыновей и дочерей или отцов и матерей. Беннет понял меня. Я пообещал, что не буду навязываться, привлекать к себе внимание, и держался в сторонке. Меня никто не замечал, пока не появилась эта кучка громил.

– Они объяснили, что их не устраивает?

– Сказали, что это частная церемония. Когда я указал, что имею разрешение семьи, один из них попытался отобрать у меня камеру, а остальные его прикрывали. Я отступил, и какой-то парень, здоровяк без

двух пальцев, схватил меня за руку и велел уничтожить все фотографии, на которых не было родственников. Пообещал, если я не сделаю этого, разбить камеру, а потом найти меня и сломать уже что-нибудь мне. Что-нибудь такое, что, в отличие от объектива, нельзя заменить.

– И вы уничтожили фотографии?

– Черта с два. У меня новый «Никон». Машина сложная, если не знать, что делаешь. Я нажал пару кнопок, закрыл экран и сказал, что ничего больше нет. Они меня отпустили. Вот и все.

– А взглянуть на эти фотографии можно?

– Конечно, почему бы нет.

Я дал ему адрес своей электронной почты, и он пообещал прислать фотографии, как только доберется до компьютера.

– Знаете, – добавил Эберли, – была ведь еще связь между Дэмиеном Пэтчетом и неким капралом, Берни Крамером, покончившим самоубийством в Канаде.

– Да, знаю. Они служили вместе.

– Семья Крамер приехала из Огайо. После его смерти мы опубликовали кое-что из написанного им. Сестра попросила. Она все еще живет здесь. Сказать по правде, тогда-то я и задумал весь этот фотопроект. Статья наделала немало шума, военные предъявили претензии редактору.

– И о чем же писал Крамер?

– О ПТСР. Посттравматическое стрессовое расстройство. Я перешлю вам материал вместе с фотографиями.

Письмо от Эберли пришло через два часа, когда я готовил стейк на обед. Я снял с огня сковородку и поставил в сторону охладиться.

Заметка Берни Крамера была короткая, но емкая. В ней рассказывалось о его борьбе с тем, что он принимал за посттравматическое расстройство – паранойей, недоверием, приливами страха, – и приведшем его в бешенство отказе военных признать ПТСР военной травмой, а не просто недугом. Заметка была частью большого письма редактору газеты, письма, которое так и не было отослано. Тем не менее редактор оценил его потенциал и опубликовал на своей страничке. Особенно сильное впечатление произвело описание Крамером пребывания в пересыльной части в Форт-Брэгге. Из него следовало, что Форт-Брэгг использовался как отстойник для солдат, злоупотреблявших наркотиками, и постоянная смена штата означала, что награды, выписки и церемония выхода в отставку просто игнорировались. «К тому времени, когда мы вернулись домой, о нас уже забыли», – делал вывод Крамер.

Понятно, что зафиксированные откровения одного из бывших

военнослужащих не могли обрадовать военное руководство, хотя в солдатских блогах описывались факты и похуже. Тем не менее маленькая провинциальная газета была легкой мишенью для любого военного пресс-атташе, поставившего целью выслужиться перед начальством.

Я распечатал статью и добавил документ к уже собранным материалам, касавшимся смерти Бретта Харлана и его жены Маргарет. Сделал для себя пометку о ПТСР и самоубийствах среди военных. И наконец просмотрел фотографии, сделанные Эберли на похоронах Дэмиена. Лица напавших на него, в том числе и Джоэла Тобиаса, фотограф обвел кружками. Чернокожий среди них был только один, и я решил, что это, вероятно, и есть Вернон. Я проверил фотопринтер, убедился в наличии бумаги и распечатал лучшие фотографии. Теперь мне нужно было узнать имена остальных. Помочь в этом мог бы Роналд Стрейдир, и я отправил ему несколько фотографий. Эберли также прислал номер телефона сестры Берни Крамера, Лорен Фэннан. Я позвонил ей, и мы поговорили. Она рассказала, что Берни вернулся из Ирака «больным», и в следующие месяцы его состояние неуклонно ухудшалось. У нее сложилось впечатление, что на брата оказывали давление, что его убеждали не рассказывать о своих проблемах, но кто именно оказывал это давление, военные или его же приятели, она не знала.

– Почему вы так говорите? – спросил я.

– У него был друг, Джоэл Тобиас. Они вместе служили в Ираке. Именно из-за Тобиаса Берни и оказался в Квебеке. Брат хорошо говорил на французском и делал там что-то для Тобиаса. Что-то связанное с перевозками. Берни принимал лекарства, помогавшие ему уснуть, и Тобиас сказал, чтобы он отказался от пирема, потому что из-за лекарств Берни не всегда справлялся с работой.

Если Джоэл Тобиас велел Берни Крамеру отказаться от лекарств, мешавших ему исполнять предписанные обязанности, то, не исключено, что из-за него и Дэмиен Пэтчет бросил принимать тразодон...

– Берни получал профессиональную помощь?

– По-моему, какую-то помощь брат получал – я сужу об этом по тому, как он говорил о своем состоянии, – но от кого, не знаю. После смерти Берни я позвонила Тобиасу и сказала, что его присутствие на похоронах нежелательно, так что он не пришел. Больше я Тобиаса не видела. Письмо, в котором брат писал о своем недуге, я нашла среди его личных бумаг и решила переслать в газету, потому что люди должны знать, как наше правительство обошлось с ветеранами. Берни был хорошим человеком, мягким, добрым. Он не заслужил такой участи.

– Вы упомянули личные бумаги Берни. Они еще у вас?

– Кое-что я сохранила. Остальное сожгла.

В них что-то было.

– А почему вы их сожгли, миссис Фэннан?

Она расплакалась, и дальше из-за ее всхлипываний не все можно было разобрать.

– Он исписал страницы... это безумие... как он слышит голоса, видит всякое. Я думала, это результат болезни, но это было так ужасно... словно записки сумасшедшего. Я не хотела, чтобы это прочел кто-нибудь еще, потому что тогда весь этот ужас отвлек бы внимание от письма. Берни писал о демонах, о том, что его преследуют. Полная бессмыслица. Бред.

Я поблагодарил ее и дал отбой. В почтовый ящик упало письмо от Роналда Стрейдира. Он распечатал одну из фотографий, пометил ее, отсканировал и прислал мне. Фотографию сопровождала короткая записка.

«После того как ты уехал, я вспомнил кое-что еще, что показалось мне странным. На похоронах и потом в баре «Салли» вместе с Тобиасом был ветеран первой иракской войны, Гарольд Проктор. Насколько я понял, он не парился ни о чем. Если Проктор так близок с Тобиасом, то лишь потому, что он играет какую-то роль в происходящем. У него есть захудалый мотель неподалеку от Лэнгдона, северо-западнее Рейнджли. Думаю, мне не надо напоминать тебе, насколько это близко к канадской границе».

Ни на одну из фотографий Проктор не попал. Мне приходилось слышать о системе, согласно которой ветераны прошлых войн встречали возвращающихся солдат, но я понятия не имел, как выяснить, участвовал ли в этом Проктор и мог ли он быть среди встречавших Дэмиена Пэтчета, когда тот вернулся домой. Но если Роналд был прав в своей оценке Проктора – а сомневаться в нем у меня не было оснований, – то этот тип представлялся неподходящим кандидатом для торжественной встречи героя.

Роналд дал мне еще два имени: Маллак и Баччи. Напротив имени первого он написал – «из Юнионвилла, но рос в Атланте». Он также подтвердил, что чернокожий и есть Вернон, а бородатый рядом с ним – Причард. Рядом с перечеркнутым лицом высокого мужчины в очках Роналд написал «покойный Харлан». И наконец опознал он и мускулистого парня в инвалидной коляске, едва заметного на заднем плане, – Бобби Жандро. Как там сказал Кайл Куинн, когда я рассматривал в газете фотографию Фостера

Жандро?

Нехорошее дело.

Я взял ручку и добавил Фостера Жандро в список покойников.

Глава 12

В мотель Гарольда Проктора Тобиас поехал на следующее утро. Он подумал, что это – судьба: он направлялся именно к Проктору, когда его перехватили мексиканцы. Вот почему, получив указание даже без груза следовать прежним маршрутом, Тобиас не стал перечить. Цель поездки представлялась теперь неясной, хотя, обдумав все как следует, он пришел к выводу, что предвидел именно такой вариант.

– Проктор отваливает, – сказал голос с другого конца телефонной линии. – Хочет выйти. Забери, что еще осталось, и расплатись с ним. Там все равно одна мелочь.

– Уверен, что он не станет болтать лишнего? – спросил Тобиас.

– Он прекрасно знает, какие могут быть последствия.

Тобиас не разделял уверенности звонившего. Он намеревался переговорить с Проктором при встрече, чтобы лично убедиться, что тот в полной мере понимает, чего он не должен делать.

Болело лицо, болели руки. Ибупрофен притупил боль, но не настолько, чтобы он смог уснуть. Впрочем, бессонница в последнее время была ему не внове. В Ираке он так уставал, что мог уснуть даже под минометным огнем, но после возвращения домой начались проблемы – выспаться не получалось, а когда сон все же приходил, то приносил с собой видения. А в последнее время настоящие кошмары. Подумав, он связал ухудшение с одной из недавних, около месяца назад, поездок к Проктору. С тех пор что-то с ним было не так.

Тобиас не был большим любителем спиртного, но сейчас было бы неплохо как следует надраться. Можно было бы попросить у Проктора, но Тобиас не планировал испытывать его гостеприимство долгим присутствием. Да и в любом случае меньше всего он хотел, чтобы копы поймали его с запахом спиртного за рулем фуры, тем более с грузом, стоившим больше любого другого, когда-либо перевозившегося по территории штата.

Словно в подтверждение разумности принятого решения – подождать с утолением жажды до возвращения в Портленд – по дороге в восточном направлении промчался пограничный патруль. Тобиас поднял руку в приветственном жесте – ему ответили тем же. Несколько секунд он смотрел в зеркало заднего вида и облегченно выдохнул, когда патруль скрылся из виду. Нарваться на копов после случившегося прошлой ночью –

какая удача! Проктор был просто дерьмовой глазурью на торте из дерьма.

Никаких теплых чувств к ветерану он не испытывал. Проктор был пьяницей и свято верил, что все бывшие военные – братья, но Тобиас смотрел на жизнь иначе. Они сражались в разных войнах, разделенных во времени более чем десятком лет. Они шли разными дорогами. Проктор упивался до смерти, Тобиас поставил целью заработать денег и улучшить свои жизненные условия. Может быть, жениться на Карен, а потом, когда все наладится, уехать куда-нибудь на юг, подальше от проклятых здешних холодов. Летом, за исключением нескольких августовских дней, в Мэне было хорошо, не так жарко и душно, как во Флориде или Луизиане, но зимы сводили на нет все эти преимущества.

Он снова подумал о выпивке. Махнет пару пива по возвращении в Портленд. Тобиас терпеть не мог пьяных – и себя, когда такое случалось, и других. Поэтому и разозлился на Бобби Жандро в «Салли». Бобби набрался и стал открывать рот, привлекая к себе внимание, пусть даже в баре никто уже и не замечал, что творится рядом. Ему было жаль Бобби. Он не представлял, как смог бы жить с такими, как у Бобби, увечьями. Ему хватало и своих ран: он хромал на каждом шагу, испытывал фантомные боли там, где были когда-то пальцы. Но увечья не давали Бобби права трепаться направо и налево. Ему обещали долю, и Джоэл был готов держать слово даже после всего сказанного в «Салли», но теперь этого не хотел Бобби. Он вообще не желал иметь с ними ничего общего, что беспокоило и Джоэла, и остальных. Бобби пытались урезонить, но ничего не получилось. В баре с ним обошлись нехорошо, унизили, но что еще им оставалось?

Никто не пострадает – в этом была суть их договоренностей. К сожалению, в реальном мире такое не всегда возможно, и провозглашенный принцип пришлось слегка подкорректировать. Теперь он звучал так: не пострадает никто из своих. Детектив Паркер сам напросился на неприятности. И Фостер Жандро тоже. И пусть не Тобиас спустил курок, но он согласился с тем, что это необходимо.

Он уже высматривал указатель с названием мотеля Проктора, чтобы подготовиться к повороту. И нервничал. Фура, сворачивающая к богом забытому мотелю, – картина необычная. Такой маневр, да еще вблизи границы, мог привлечь нежелательное внимание. Сам Тобиас в тех случаях, когда перевозились небольшие предметы, предпочитал производить обмен на заправочных станциях или в придорожных забегах. Транспортировка крупных предметов, требовавшая заезда в мотель, стоила нервов, но таких поездок оставалось одна-две, и для хранения груза еще

нужно было найти подходящее место недалеко от Портленда. После смерти Крамера они приняли решение, что с учетом всех логистических трудностей большая часть габаритного груза не стоит риска. Уж лучше подыскать другой вариант сбыта, даже с меньшей прибылью. Преодолено много трудностей, груз доставлен в Канаду, и было бы непростительной глупостью прятать его в тайник или сбрасывать в какой-нибудь карьер. Покупатели на часть статуй уже нашлись, и на Тобиаса была возложена задача переправить товар через границу. Первую партию он доставил по назначению – груз оформили как каменное садовое украшение для тех, у кого денег больше, чем вкуса, – и без малейших проблем прямо на склад в Пенсильвании. Вторую партию пришлось держать пару недель у Проктора, и для погрузки понадобилось четыре человека и пять часов. Все это время Тобиас ждал появления полицейских или таможенников и до сих пор помнил, какое облегчение испытал, когда работа была сделана, и он вернулся на шоссе и полетел домой, к Карен. Оставалось только рассчитаться с Проктором – и все, конец. Если Проктор и впрямь хочет выйти, что ж, тем лучше. Скучать по нему Тобиас не будет. Ни по нему самому, ни по его вонючему домишке, ни по его паршивому, медленно проседающему мотелю.

Человеку, который не способен справиться с тягой к выпивке, доверять нельзя. Это признак более глубокой слабости. Тобиас поставил бы доллар против мелочи на то, что Проктор вернулся из Ирака наипервейшим кандидатом на посещение психотерапевта в связи с ПТСР, или как это тогда называлось. Но вместо этого он укрылся в заброшенном мотеле на краю леса и попытался сразиться со своими демонами в одиночку, помогая себе только бутылкой и едой в пакетах с обозначенным временем приготовления.

Тобиас и мысли не допускал, что может страдать от посттравматического стресса. Да, у него были проблемы: не всегда получалось расслабиться, и ему все еще приходилось напрягаться, чтобы не вздрагивать, когда взрывается фейерверк или «стреляет» двигатель. Да, бывали дни, когда не хотелось вылезать из постели, и ночи, когда не хотелось ложиться, не хотелось закрывать глаза из страха перед тем, что может прийти во сне. И это было еще до кошмаров. Но посттравматический стресс? Нет. Ну, по крайней мере, не в острой форме. Ты не накачиваешься наркотой до такой степени, что она бьет из всех пор как обесцвеченный пот, не начинаешь вдруг плакать без причины; не поднимаешь руку на свою женщину только за то, что она пережарила бекон или пролила пиво.

С тобой ведь не так.

Однако уже близко. И ты ведь уже поднял руку, так?

Тобиас оглянулся – где-то рядом, в кабине, прозвучал странно знакомый голос. Руль дернулся, сердце дрогнуло и замерло на мгновение от страха, прежде чем он вывернул, – еще немного, и фура загрохотала бы вниз по склону и перевернулась, а его жизнь оборвалась бы здесь, в ловушке кабины, когда уже почти виден старый мотель.

Нет, еще нет.

Откуда же был голос? И тут он вспомнил: склад с потрескавшимися стенами и протекающей крышей – результат обстрела и строительных недоделок; мужчина – кучка окровавленного тряпья и тускнеющие глаза. Тобиас стоял над ним с «М4» в руках, все еще целясь в голову врага, как будто эта разорванная свинцом тряпичная кукла могла представлять собой какую-то угрозу.

– Возьми... возьми все... оно твое... – Заляпанные кровью пальцы указали на коробки, ящики и статуи, которыми был заполнен склад. Удивительно, как он еще мог говорить, получив четыре или пять пуль. Он даже махнул рукой в свете фонарика, как будто мог распоряжаться всем этим, отдать или оставить себе.

– Спасибо. – Слово благодарности прозвучало усмешкой. Тобиас услышал сарказм в собственном голосе, и ему стало стыдно перед умирающим. Он ненавидел его, ненавидел их всех – террористов, хаджи, суннитов и шиитов, чужаков и иракцев. Для него они все были одинаковы. И не важно, как они себя называли, «Аль-Каидой» или какими-то другими дурацкими словами, выбранными наугад – как выбирают из коробки магнитные слова, чтобы приклеить на холодильник, – и слепыми в дурацкие фразы: *Победоносные мученики бригады джихада* или *Смертоносный фронт имамского сопротивления* – все взаимозаменяемое, все похожее. Хаджи. Террорист.

И все же есть в таких моментах некая интимная близость к смерти, соблазн отдаться ей и принять ее, и он нарушил протокол, отозвавшись как самоуверенный мальчишка, а не мужчина.

Хаджи улыбнулся; сквозь кровь, заполнившую рот и запачкавшую зубы, проступило что-то белое.

– Не благодари меня, – прохрипел он. – Пока...

Пока... Именно этот голос он слышал, голос мужчины, которого уже ждала в раю сотня девственниц, голос человека, защищавшего то, что хранилось на том складе.

Защищавшего, да, но недостаточно упорно. Дэмиен так и сказал ему:

да, они дрались, но без должной стойкости.

Почему?

Впереди слева показался мотель. При одном лишь взгляде на заколоченные окна Тобиас невольно вздрогнул. Жутковатое местечко, аж мурашки по спине. Неудивительно, что Проктор стал тем, кем стал; один как перст, только лес позади и это проклятое наследство, эта дыра впереди. Смотришь на опустевшие комнаты и представляешь невидимых, нежеланных гостей, бесшумно бродящих за стенами, тех, кому по вкусу сырость, плесень и обвивший кровати плющ; гостей, уже затронутых распадом, зловещие тени, сплетенные на усыпанных листьями кроватях, увядшие тела, движущиеся ритмично, бесстрастно, отстраненно... с рогами на голове...

Тобиас на мгновение зажмурился. Какие яркие, какие четкие образы. Как те, что являлись в кошмарах, только те были тенями, таящимися существами. Здесь они обрели форму.

И, господи, у них были рога.

Шок, решил он, отложенная реакция на все, что выпало ему прошлой ночью. Тобиас остановился так, чтобы его было видно из мотеля, и стал ждать Проктора. Но Проктор не выходил. Его грузовик стоял справа от дома. В другой ситуации Тобиас посигналил бы и разбудил старого прощельгу, но сейчас оповещать о своем прибытии весь лес было бы некстати, тем более что у Проктора был сосед, который мог не устоять перед искушением и явиться взглянуть, из-за чего шум.

Тобиас заглушил мотор и спустился из кабины. Раны под повязками не подсыхали, и единственным утешением за боль и унижение была надежда на то, что скорая расплата не заставит себя ждать. Эти «мокрые спины»^[26] не на тех напали.

Он подошел к дому и позвал Проктора через дверь. Никто не отозвался.

– Эй, Гарольд! – Тобиас постучал в дверь. – Проснись! Это я, Джоэл.

И только тогда он попробовал открыть дверь. Осторожно. Медленно. Проктор имел привычку спать с оружием под рукой, и Тобиасу совсем не улыбалось получить пару пуль от неожиданно очнувшегося пьянчуги, который вполне мог принять его за чужака.

Пусто. Это было ясно, несмотря на полумрак, царивший в комнате с двумя непарными задернутыми занавесками. Он щелкнул выключателем – неубранная постель, разбитый телевизор, разбитый телефон, в углу – переполненная корзина с бельем. И запах запустения, жилища опустившегося человека. Справа – совмещенная с гостиной кухня. Тобиас

заглянул туда и выругался. Сорвался, говнюк.

Оставшиеся ящики и коробки, те, что должны были находиться в номерах 11, 12, 14 и 15, лежали здесь, штабелями до потолка. Любой, кто просто сунул бы нос в обитель Проктора, понял бы, что здесь происходит. Вместо того чтобы подождать Тобиаса и передать груз ему, свихнувшийся идиот перетащил все сам. И даже не потрудился накрыть чем-нибудь ящики. Из одного выглядывало каменное женское лицо; в другом лежали печати, драгоценные камни на которых блеснули, когда Тобиас подошел ближе.

Но и это было еще не все. На кухонном столе без упаковки, совершенно открыто, стоял золотой ларец – примерно два фута в длину, два в ширину и фут глубиной – с незамысловатой крышкой, украшенной лишь концентрическими кругами, расходящимися от небольшого шипа. По его краям шли надписи на арабском, а на боковых сторонах были представлены сцены с переплетенными телами: скрюченные, вытянутые фигуры с торчащими рогами.

Как те, что мне привиделись, подумал Тобиас. Он сам помогал переносить ларец в тот первый вечер и помнил, как они открыли свинцовый контейнер, посветили внутрь фонариками, и в глубине тускло блеснуло золото. Уже потом Берни Крамер, происходивший из семьи ювелиров, сказал, что ларец недавно почистили. Кое-где на нем еще виднелись следы, как будто ларец когда-то был покрыт краской, чтобы замаскировать его истинную ценность. Тогда он едва взглянул на него – артефактов было много, и в крови после боя еще шумел адреналин. Не заметил он тогда и сцен на боковых сторонах. Откуда ему было знать, что за существа на нем изображены, и уж тем более он не мог хорошо запомнить детали.

Тобиас осторожно подошел к ларцу. Три его стороны были запечатаны двойными запорными устройствами в форме пауков, передняя – одним замком, а всего пауков было семь. Крамер пытался открыть ларец, но не смог понять, как устроен механизм. Кто-то предложил разбить контейнер, хотя бы для того, чтобы посмотреть, что внутри, но в ходе обсуждения возобладала более разумная точка зрения. Кому-то заплатили, и ларец просветили рентгеном. Оказалось, что он состоит из нескольких связанных между собой отделений, каждое из которых имеет по три стенки, четвертая же – для всех отделений и для ларца общая. Кроме того, каждое отделение запиралось на семь замков, но их расположение и размеры несколько отличались. Семь отделений, семь замков на каждом – всего сорок девять замков. Хитроумное устройство, но, как определил рентгенотехник, пустое,

если не считать фрагментов кости, обернутых чем-то похожим на проволоку, и каждая проволочка, в свою очередь, соединялась с замками. На экране вся штукавина напоминала бомбу, но Крамер предположил, что ларец – это своего рода ковчег. Он также перевел арабскую надпись на крышке. «*Ашраб мин дамхум*» – «Я выпью их кровь». Ящик решили оставить как есть и замки не трогать.

Дело шло к завершению, и вот Проктор едва все не испортил. Пусть делает, что хочет, пусть хоть упьется до смерти – Тобиасу было наплевать. Он сказал, что доля от последней сделки ему не нужна, главное, чтобы вывезли груз, и Тобиаса такая договоренность устраивала как нельзя лучше.

На то, чтобы перетащить все в фуру, понадобился целый час. Особенно тяжелыми оказались две статуи. Пришлось воспользоваться транспортной тележкой, но и то оказалось тяжковато.

Золотой ларец Тобиас оставил напоследок. А когда поднимал его со стола, внутри как будто что-то сдвинулось. Он осторожно наклонил его и прислушался. Ничего. Никакого движения. Фрагменты кости, как показало исследование, были вставлены в проделанные в металле отверстия и закреплены проволокой. К тому же и сдвиг, который он ощутил, напоминал не перемещение кости, а отчетливое перемещение веса справа налево, как будто там, внутри, ползало какое-то животное.

Но движение прекратилось, и никаких странных ощущений не возникало. Ларец не воспринимался как пустой, но в нем ничего не болталось. Тобиас отнес его в фуру и поставил рядом с двумя стенными орнаментами. Мексиканцы оставили после себя рассыпанный корм и разорванные мешки, и ему пришлось повозиться, чтобы навести маломальский порядок. Мешки послужили теперь дополнительной упаковкой для артефактов. Клиенту в южном Портленде нужно будет предложить какую-то историю и компенсацию, но и то, и другое не проблема. Тобиас запер трейлер, поднялся в кабину и осторожно сдал назад, чтобы развернуться к дороге. Теперь мотель был прямо перед ним. Там ли еще Проктор? Как-никак грузовик здесь, а значит, и Проктор где-то рядом. Может, с ним действительно что-то случилось? Например, упал.

Вместе с мыслью о сокровищах, лежавших на виду в берлоге Проктора, вернулось ощущение усталости, боль в руках и лице. Он вспомнил о Карен, ждущей его дома, Карен, с ее гладкой, чистой кожей, упругими грудями и мягкими алыми губами. Желание увидеть ее, взять ее накатило с такой силой, что у него закружилась голова.

К черту Проктора. Пусть получает, что заслужил.

Тобиас гнал на юг, не чувствуя никакой вины за то, что не осмотрел мотель и, может быть, бросил раненого человека, ветерана, служившего своей стране так же, как и он сам. Ему даже не пришло в голову, что такой поступок совершенно не в его натуре, поскольку мыслями и желаниями он был где-то далеко, и сама натура его уже начала меняться. Вообще-то, меняться она начала с того момента, когда он в первый раз увидел золотой ларец, и его согласие на убийство Жандро и пытку детектива было просто другим аспектом этой перемены. Теперь этот процесс ускорялся. Он ощутил слабый дискомфорт всего один раз, когда проезжал Огасту. В голове появился звук, напоминающий шум бьющихся волн. Поначалу это встревожило его, но мили бежали, и тревога убывала, уступая ощущению покоя и даже дремоты. Он уже забыл, что хотел выпить. Ему нужна была только Карен. Он возьмет ее, а потом уснет.

Дорога разворачивалась лентой, и в голове звучала тихая песня моря, шумели бьющиеся волны.

Шептали.

Глава 13

Склад Рохасов находился на северной окраине Льюистона. Когда-то здесь располагалась пекарня, на протяжении полувека принадлежавшая одной и той же семье, о чем напоминала и проступавшая под тонким слоем выгоревшей белой краски фамилия на стене здания – БАНДЕР. Слоган компании «Бандер – чудо-хлеб» частенько звучал по местному радио под мелодию, крайне напоминавшую музыку из телесериала «Чемпион, чудо-конь». Франц Бандер, во всех смыслах отец-основатель бизнеса, просто взял ее и пустил в дело, и ни он сам, ни джентльмены, ответственные за создание рекламы, не озаботились такими вопросами, как авторские права или гонорар. Учитывая тот факт, что реклама звучала только в восточном Мэне, и ни один любитель черно-белого «лошадиного» сериала не считал себя оскорбленным и жалобы не подал, мелодия продержалась до того самого дня, когда булочная Бандера испекла последний каравай и вышла из бизнеса под напором больших людей. Произошло это в начале восьмидесятых, задолго до того, как вокруг стали понимать ценность и значимость небольших семейных предприятий.

Антонио Рохас, более известный в тамошних краях под им же самим избранным именем Рауль, такой ошибки никогда бы не совершил. В своем бизнесе он целиком и полностью зависел от семьи, близкой и большой, и остро ощущал свою связь с более широким сообществом, поскольку оно покупало у него марихуану, кокаин, героин, а в последнее время еще и кристаллический мет, за что Рауль был ему благодарен. В штате именно метамфетамин получил самое широкое распространение и как порошок, и как «лед», и Рохас своевременно оценил его потенциал, тем более что быстро формирующаяся зависимость гарантировала постоянно расширяющийся рынок. На руку ему сыграло и то обстоятельство, что особую популярность приобрела именно мексиканская разновидность наркотика. Рауль использовал свои каналы и связи с партнерами к югу от границы и не полагался на местные лаборатории, которые даже при наличии прямого доступа к исходным материалам, включая эфедрин и псевдоэфедрин, не могли обеспечить долговременные и стабильные поставки, что имело важное значение для бизнеса Рауля. Так что мет Рохас получал из Мексики и теперь обеспечивал им не только Мэн, но и ближайшие штаты Новой Англии. При необходимости он мог обратиться и к поставщикам помельче. К присутствию на рынке лабораторий Рауль

относился снисходительно при условии, что они не представляли угрозы его интересам и платили за возможность работать.

Рохас старался не настраивать против себя конкурентов. Торговлю героином в штате контролировали, причем весьма профессионально, доминиканцы, поэтому он при возможности делал у них оптовые закупки и не пытался выдавить с рынка, что грозило бы ответными мерами. Доминиканцы, помимо прочего, имели свой интерес в метамфетаминовом бизнесе, но Рохас несколько лет назад организовал встречу, на которой было достигнуто соглашение о разделе сфер влияния. До сих пор обе стороны выполняли соглашение. Кокаиновый рынок считался относительно открытым, и Рохас предпочитал заниматься крэком, которому наркоманы отдавали предпочтение по причине простоты употребления. Легкие деньги зарабатывались и продажей нелегальных фармацевтических средств из Канады: виагра, перкосет, викадин и оксиконтин. В итоге: с коксом и медпрепаратами мог играть любой, героин держали за собой доминиканцы, Рохас удовлетворял спрос на мет и марихуану – и все были довольны.

Ну или почти все. Другое дело банды байкеров. Их Рохас старался не трогать. Если они хотели продавать мет или что-то еще, что ж, на здоровье и *vaya con Diós, amigos*^[27]. В Мэне байкеры захватили большую долю рынка марихуаны, поэтому Рохас продавал свой продукт – главным образом, канадский каннабис – за пределами штата. Связываться с байкерами было опасно и в конечном итоге убыточно. На его взгляд, люди это были чокнутые, а ссориться с чокнутыми могут только другие чокнутые. Так или иначе байкеры были величиной известной и могли быть включены в общее уравнение ради поддержания равновесия. Равновесие – вещь важная, на этот счет Рауль и Джимми Джуэл, который участвовал в некоторых его предприятиях и чьими связями в транспортной сфере ему случалось пользоваться, придерживались схожей точки зрения. Нарушение баланса грозило кровопролитием и, как следствие, вниманием со стороны полиции.

Впрочем, проблем, требовавших внимания самого Рауля, в последнее время хватало. Была среди них и перспектива столкнуться с силами, влияющими на его бизнес и находящимися вне сферы его контроля. Кровные узы связывали Рауля с небольшим, но амбициозным картелем «Ла Фамилиа», ввязавшимся во все расширяющуюся войну не только с конкурирующими картелями, но и с мексиканским правительством президента Фелипе Кальдерона. А это означало конец так называемому Рах Mafiosa, джентльменскому соглашению между властями и картелями, по

которому стороны обязывались воздерживаться от враждебных действий в отношении друг друга.

Рохас не для того стал наркодилером, чтобы восставать против кого-то. Он стал наркодилером, чтобы разбогатеть, и соответствие нынешней роли обеспечивали два фактора: связи с «Ла Фамилиа» через брачные узы и статус натурализованного гражданина США, полученный благодаря покойному отцу-инженеру. Главной проблемой «Ла Фамилиа», по крайней мере в том, что касалось Рохаса, был ее духовный лидер, Назарио Морено Гонсалес, известный, и не без основания, под кличкой Эль-Мас-Локо, Буйнопомешанный. Соглашаясь принять некоторые правила Эль-Мас-Локо, например запрет на продажу наркотиков на его территории, никак не влиявший на его собственные операции, Рохас полагал, что духовным лидерам нечего делать в наркокартелях. Эль-Мас-Локо требовал, чтобы дилеры и киллеры воздерживались от алкоголя, и даже организовал сеть реабилитационных центров, из которых картель активно рекрутировал новых членов, продемонстрировавших желание и возможности соответствовать правилам. Парочку таких новообращенных навязали Рохасу, но ему удалось сплавить их в Британскую Колумбию для налаживания и поддержания контактов с канадскими производителями марихуаны. Уж пусть лучше с ними разбираются канадцы, а если с юными киллерами случится по дороге какая-то неприятность, что ж, вопросы можно снять за парой пива. Рохас любил пиво.

Склонность Эль-Мас-Локо к тому, что Рохас считал не иначе как дурновкусием, проявлялась в потакании театральным выходкам: в 2006 году один из членов «Ла Фамилиа» заявился в ночной клуб в Уруапане и подбросил на танцпол пять отрубленных голов. Рохас такие жесты не одобрял. За годы жизни в Штатах он понял, что чем меньше привлекать внимания, тем легче делать бизнес. Более того, в своих кузенах на юге он видел варваров, разучившихся вести себя, как принято у нормальных людей, если, конечно, они вообще что-то знали об общепринятых правилах поведения. Визитов в Мексику он старался по возможности избегать и делал исключение лишь в самых неотложных случаях, поручая такие дела доверенным подручным. Сами *los narcos* в больших шляпах и сапогах из кожи страусов, с их пристрастием отрубать головы и пытаться выглядели абсурдно и даже комично, как пережитки минувших времен. Напрягала и необходимость, возникшая в силу его связей среди перевозчиков, содействовать переброске через границу оружия, приобретавшегося на оружейных складах Аризоны и Техаса. Он опасался, что рано или поздно станет мишенью как для конкурентов из «Ла Фамилиа», так и для

Управления по борьбе с наркотиками. Обе перспективы радости не вызывали.

Проблемы Рохаса усугублялись глобальной финансовой рецессией. Он отложил значительную сумму наличными, одна часть которой причиталась ему по праву положения и роли в операциях «Ла Фамилия», а другая – нет. С самого начала деловой карьеры Рохас вкладывал средства в банки-пустышки на Монтсеррате, имеющие дурную репутацию и возможность отмывать деньги. Его банкиры вели операции из бара в Плимуте, а когда ФБР усилило давление на власти Монтсеррата, перебрались на Антигуа. Дела шли, как обычно, под управлением двух Бердов, отца и сына, пока не вмешалось американское правительство. К несчастью для себя, Рохас слишком поздно открыл обратную сторону взаимодействия с банками-мошенниками: они склонны к мошенничеству, причем страдают в первую очередь их клиенты. Главный банкир Рохаса в настоящий момент томился в тюрьме строгого режима, а инвестиции, на протяжении двух десятилетий аккуратно отправлявшиеся в офшор, потеряли до семидесяти пяти процентов стоимости. И Рохас хотел выйти как можно скорее, до того, как его убьют или отправят за решетку, что было равнозначно смерти, поскольку в тюрьме продолжительность его жизни исчислялась бы часами. Если бы Рохаса не достали конкуренты, рот ему закрыли бы свои же.

Он хотел сбежать, но прежде повернуть крупное дельце. И вот теперь, похоже, такую возможность мог предоставить Джимми Джуэл. Со старым контрабандистом он разговаривал уже дважды, причем в первый раз просто сообщил о том, что найдено в фуре. Второй разговор состоялся уже после того, как Рохас отослал Джимми фотографии. Они оба не доверяли электронной почте, зная, на что способны федералы, когда дело доходит до наблюдения. Проблему решили просто: открыли почтовый аккаунт, пароль к которому знали только сами. Письма не отсылались, а сохранялись как черновики, и прочитать их, не привлекая внимания федеральных соглядатаев, могли только двое. Ознакомившись с фотографиями, Джимми посоветовал соблюдать осторожность до того, как станет ясно, с чем они имеют дело. Он пообещал навести справки. Рохасу надлежало позаботиться о сохранности груза.

Обещание Джимми сдержал. Контакты у него были повсюду, и уже в скором времени эксперты идентифицировали предметы как древние цилиндрические печати из Месопотамии. Рохас никогда ранее не интересовался такими подробностями и теперь как зачарованный слушал рассказ Джимми о доставшихся ему печатях, датируемых 2500 годом до новой эры, или раннединастическим периодом Шумера. Печатями заверяли

документы, ими подтверждали право собственности, они использовались как амулеты удачи, исцеления и власти. Рохасу это нравилось. Джимми сказал, что головки печатей, похоже, золотые, а использованные для инкрустации камни – изумруды, рубины и бриллианты, но в этом вопросе Рохас мог разобраться и сам, он прекрасно знал, как выглядят драгоценные камни и золото.

В ходе второго, только что закончившегося разговора Джимми сообщил, что джентльмен, с которым он консультировался, предсказал большой интерес к печатям у богатых коллекционеров и ожесточенную борьбу за них, а значит, и высокие ставки. Эксперт также предположил, что печати похищены, вместе с другими ценностями, из музея в Багдаде, подвергшегося разграблению вскоре после вторжения. Эта версия давала ответ на вопрос, как печати могли попасть в руки бывшего солдата, а ныне водителя-дальнобойщика. Проблема теперь заключалась в том, как избавиться от печатей прежде, чем власти узнают об их местонахождении и наведаются к Рохасу с визитом.

Как ни нравился Джимми Джуэл Рохасу, полностью он старому контрабандисту не доверял. В конце концов, именно он, Рохас, взял фуру, и теперь ему полагалась достойная компенсация за риск. И еще нужно было провести независимую оценку стоимости трофеев. Рохас уже снял золото и камни с двух печатей и показал знающему человеку: даже с учетом посреднических услуг и того, что товар не попадет на открытый рынок, прибыль могла составить 200 000 долларов. Настроение слегка подпортил Джимми – оказывается, печати представляли наибольшую ценность именно в нетронutom виде, и, испортив их, он потерял по меньшей мере вчетверо или впятеро большую сумму. Уничтожение древнего артефакта не беспокоило Рохаса. Он знал, как делать деньги из золота и драгоценных камней, тогда как рынок древних печатей, даже очень ценных, был существенно меньше, и оценить их могли только специалисты. Интересно, сколько еще печатей или подобных им вещей припрятаны у водилы по имени Тобиас и его приятелей? Они перевозили все эти богатства по территории, которую он считал своей, и никто ни о чем не подозревал, пока не вмешался Джимми Джуэл.

Рохас жил на верхнем этаже склада Бандера, переделанного в лофт-апартаменты. Кирпичные стены, обстановка в строго маскулинном стиле: кожа, темное дерево, плетеные коврики. В одном углу стояла огромная плазма, хотя телевизор Рохас смотрел нечасто. Женщины здесь тоже не появлялись – развлекать их он предпочитал в спальне одного из соседних домов, принадлежавшего члену семьи. И даже деловые встречи

проводились на стороне. Лофт был его личным пространством, и Рохас ценил обретенное здесь уединение.

Этажом ниже стояли койки, кресла и телевизор, показывавший, казалось, исключительно мексиканские мыльные оперы и футбол. Была кухня, где в любое время можно было увидеть как минимум четырех вооруженных мужчин. Пол у Рохаса был звуконепроницаемый, так что их присутствия он почти не замечал. Тем не менее охранники старались поменьше разговаривать и приглушали звук телевизора, чтобы не беспокоить босса.

Устроив настольную лампу так, чтобы свет падал из-за плеча, Рохас рассматривал одну из оставшихся печатей. Водил пальцем по рельефным надписям. Любовался зелеными и красными отсветами изумрудов и рубинов. Он не собирался передавать Тобиасу или кому-то еще, кто будет участвовать в операции, все неповрежденные печати и уже придумал, что делать с драгоценными камнями, но сейчас впервые подумал, что не станет продавать все печати, а несколько оставит себе. Лофт был обставлен новыми, недавно приобретенными вещами, красивыми, но безликими. Ничего особенного, ничего такого, чего не мог бы купить любой при наличии денег и толики вкуса. Печати – дело совсем другое. Он посмотрел влево, на камин с каменной полкой, и представил, как они лежат на граните. Для них можно было бы заказать специальный стенд. Или, еще лучше, он сделает сам, благо руки у него растут откуда надо.

На полке уже стояло домашнее святилище Хесусу Мальверде, мексиканскому Робин Гуду и покровителю наркодилеров. Статуя Мальверде, с усами и в белой рубашке, имела явное сходство с мексиканским певцом и актером Педро Инфанте, хотя Мальверде и погиб от рук полиции в 1909-м, за тридцать лет до рождения Педро. Рохас не сомневался, что Хесус Мальверде был бы только «за», если бы печати лежали рядом с ним. Может быть, он даже благословил бы планы Рохаса.

«Может быть» превратилось в «так тому и быть» – он сохранит печати.

Глава 14

Комната диаметром около сорока футов, почти идеально круглая, как будто находилась в башне, была заставлена книгами от пола до потолка. Центральное место в ней занимал старый банкирский стол, освещаемый лампой с зеленым абажуром. Поблизости находился и более современный осветительный прибор – из нержавеющей стали, поворотный, луч которого мог сужаться до булавоочной головки. Рядом лежало увеличительное стекло и набор инструментов: крошечные лезвия, микрометр, щипчики и кисти. Из сложенных друг на друга справочников торчали цветные ленточки закладок, а из папок расползались фотографии и рисунки. Даже пол представлял собой лабиринт из сложенных стопками книг, которые кренились и, казалось, вот-вот обрушатся, но не обрушивались; это было как бы олицетворением лабиринта тайного знания, верную дорогу через который знал только один человек.

Книжные полки, некоторые из которых прогнулись в средней части под тяжестью фолиантов, использовались еще и для других целей. Перед книгами, старинными, в кожаных переплетах, и новыми, стояли древние, в червоточинах статуэтки и лежали фрагменты керамики, в основном этрусские, орудия труда железного века, украшения бронзового века и десятки египетских скарабеев, причудливых жуков, были разбросаны тут и там среди других реликвий.

В комнате не было ни пылинки, как не было и окон, которые выходили бы на старое массачусетское селение внизу. Единственным источников света были лампы, стены поглощали любой шум. Несмотря на присутствие кое-каких современных устройств, в том числе небольшого ноутбука, скромно пристроенного на приставном столике, в комнате ощущалась атмосфера безвременья, и за единственной дубовой дверью, если ее открыть, могло оказаться что угодно, даже тьма и звезды вверху и внизу, словно комната была подвешена в пространстве.

За массивным столом сидел Ирод и рассматривал лежащий перед ним фрагмент глиняной таблички. Прижав к глазу лупу ювелира, он изучал выдавленный на дощечке клинописный символ. Шумеры первыми придумали и использовали клинописную систему письма, которую затем позаимствовали соседние племена, в первую очередь жители Аккада, обитавшие к северу от шумеров и говорившие на семитском языке. С воцарением в 2300 году до н. э. аккадской династии шумерский язык

пришел в упадок, мало-помалу превратившись в мертвый, используемый только для литературных целей, тогда как аккадский просуществовал еще две тысячи лет, постепенно развившись в вавилонский и ассирийский.

Помимо трудностей естественного характера, связанных с возрастом таблички, определить точное значение исследуемой логограммы мешало различие между шумерским и аккадским языками. Шумерский – агглютинативный язык, в котором фонетически неизменяемые слова и частицы соединяются, образуя фразы. Аккадский же язык флективный, то есть из базового корня можно образовать слова с разными, хоть и родственными значениями путем прибавления букв, суффиксов и префиксов. Таким образом, используемые в аккадском языке шумерские логограммы не передают в точности своего значения и в зависимости от контекста означают разные понятия – лингвистическая особенность, известная как поливалентность. Во избежание путаницы жители Аккада использовали некоторые знаки из-за их фонетики, отбрасывая при этом лексическое значение, чтобы воспроизвести нужные словоформы. Аккадский язык также унаследовал от шумерского омофонию, то есть возможность передавать один и тот же звук разными знаками. Вкупе с письменной системой, включавшей в себя от семи до восьми сотен знаков, это означает, что аккадский язык невероятно труден для перевода. В тексте определенно содержалось упоминание о некоем божестве загробного мира, но о каком?

Будучи необычным человеком, Ирод любил такие сложные задачи. Самоучка, он с детства увлекался старинными вещами, отдавая предпочтение древним цивилизациям и полузабытым языкам. Много лет он бесцельно барахтался в этом море, оставаясь одаренным любителем, пока его не изменила смерть.

Собственная смерть.

Справа тихо запищал компьютер. Ирод не любил держать лэптоп на рабочем столе. Ему казалось неправильным такое смешение древнего и современного, даже если компьютер во много раз облегчал решение некоторых задач. Ирод любил работать с бумагой и ручкой, с книгами и манускриптами. Все, что ему требовалось, содержалось в одном из множества томов, стоящих в этой комнате, или хранилось где-то в памяти, физически воплощенной в библиотеке, где он трудился.

В обычных обстоятельствах Ирод не стал бы прерывать столь тонкую работу, чтобы ответить на электронное письмо, но система была настроена предупреждать о посланиях от ряда особых контактов, поскольку доступ к Ироду тщательно регулировался. Только что пришедшее письмо поступило

от проверенного источника на адрес для приоритетной корреспонденции. Ирод вынул лупу, зажатую в глазнице, и легонько постучал по оргстеклу кончиком пальца, как игрок, вынужденный оставить шахматную партию в решающую минуту, словно говоря: «Мы еще не закончили. Рано или поздно ты сдашься». Он поднялся и, осторожно лавируя между башнями бумаг и книг, подошел к компьютеру.

Письмо содержало серию снимков высокого разрешения, изображающих цилиндрическую печать, инкрустированную драгоценными камнями. Печать лежала на куске черного фетра, затем ее слегка поворачивали для очередной фотографии так, чтобы запечатлеть все стороны. Детали, заслуживающие особого внимания, – драгоценные камни, безупречно выполненное резное изображение царя на троне – были сняты крупным планом.

Сердце забило быстрее. Ирод придвинулся к экрану, прищурился, потом распечатал все снимки и вернулся вместе с ними за стол, где еще раз изучил с лупой. Закончив, он позвонил. Женщина ответила почти сразу, как он и ожидал, голос у нее был надтреснутый и старый – подходящий инструмент для старой высохшей карги. Тем не менее она очень давно занималась антикварным бизнесом и еще ни разу не ввела Ирода в заблуждение. Они были схожи по натуре, хотя ее злоба и враждебность звучали лишь глухим эхом того, на что был способен Ирод.

– Где вы ее взяли? – спросил он.

– Не взяла. Мне ее принесли и попросили определить стоимость.

– Кто принес?

– Один мексиканец. Он называет себя Раулем, но его настоящее имя Антонио Рохас. Тесно сотрудничает с человеком, которого зовут Джимми Джуэл. Джуэл живет в Портленде, штат Мэн. Рохас сказал, что есть и другие печати; некоторые, к сожалению, испорчены.

– Испорчены?

– С них ободрали золото и камни. Он показал мне фрагменты. У меня глаза были на мокром месте от зрелища.

В обычных обстоятельствах Ирод тоже опечалился бы из-за уничтожения прекрасной вещи, но были и другие печати, такие сокровища не уникальны. То, что искал он, было неизмеримо ценнее.

– И вы считаете, это связано с тем, что я ищу?

– Согласно каталогу, печать находилась в хранилище 5. Другие, менее ценные печати из того же хранилища были найдены на месте расстрела вместе с замком от свинцового контейнера.

– Где Рауль взял печати? – спросил Ирод.

– Не говорит, но он не коллекционер. Он – уголовник, наркодилер. Я когда-то помогала ему продать кое-какие вещицы, поэтому он и пришел ко мне. Если у него и правда есть еще печати, то могу предположить, что он их украл или взял в качестве оплаты долга. В любом случае он не имеет представления об их истинной ценности.

– Что вы ему сказали?

– Что поспрашиваю и свяжусь с ним. Он дал мне два дня. В противном случае грозит вынуть камни из оставшихся печатей и продать их.

Ирод против своих правил издал неодобрительный звук и поймал себя на том, что уже презирает угрожавшего ему типа. Что ж, оно и к лучшему. Тем легче сделать следующий необходимый шаг.

– Отличная работа, – похвалил он собеседницу. – Вы будете щедро вознаграждены.

– Спасибо. Хотите, чтобы я разузнала больше о Рауле?

– Естественно, но будьте осмотрительны.

Ирод повесил трубку. Усталость как рукой сняло. Он искал это так долго, и вот теперь, кажется, поиски приближались к концу; миф обретал очертания.

Он ощутил потребность облегчиться и, разорвав кокон уединения, вышел из библиотеки и прошел через гостиную в спальню. Он всегда пользовался ванной при спалне, потому что ее было легче убирать. Ирод встал над унитазом и прикрыл глаза, чувствуя желанное облегчение. Такое, казалось бы, незначительное удовольствие, однако его не стоило недооценивать. Когда собственный организм отказывает во многих отношениях, приятно сознавать, что какой-то орган еще функционирует должным образом.

Когда журчание стихло, Ирод открыл глаза и посмотрел на свое отражение в зеркальной стене ванной. Рана на губе причиняла невыносимые мучения. Хирурги предложили еще раз попробовать удалить омертвевшую ткань, и ему ничего не оставалось, как согласиться. Один раз они уже потерпели неудачу, когда химиотерапия не остановила распространение метастазов в клетках. Болезнь съедала его заживо изнутри и снаружи. Человек послабее уже сдался бы, предпочел бы покончить со всем этим, но у Ирода была цель. Ему была обещана награда: конец страданиям, которые вместо него падут на головы других. Обещание было дано, когда он умер; вернувшись в эту жизнь, он приступил к поискам, и его коллекция начала расти.

Ирод вздохнул и стал застегивать пуговицы. Всякие там молнии не для него. Он был человеком старых привычек. Одна из пуговиц никак не

поддавалась, и он опустил взгляд вниз и попытался просунуть ее в петлю.
А когда снова посмотрел в зеркало, у него не было глаз.

* * *

Ирод умер 14 сентября 2003 года. Сердце остановилось во время операции по удалению больной почки. Это была первая из бесплодных попыток остановить распространение раковых опухолей. Позже хирурги опишут этот случай как необычный, даже необъяснимый. Сердце Ирода не должно было перестать биться, и все же перестало. Они боролись за спасение пациента, за возвращение его в этот мир, и им это удалось. В палате интенсивной терапии его навестил капеллан, поинтересовавшийся, не хочет ли Ирод поговорить или помолиться. Ирод покачал головой.

– Мне сказали, что на операционном столе у вас остановилось сердце, – продолжал священник. Он был лет пятидесяти, тучный, с красным лицом и добрыми, поблескивающими глазами. – Вы умерли и вернулись. Немногие могут похвастаться таким.

Он улыбнулся, но Ирод на улыбку не ответил. Голос его звучал слабо, каждое слово отдавалось болью в груди.

– Хотите узнать, что там, за могилой, святой отец? – спросил он, и, даже несмотря на слабость больного, капеллан расслышал в его голосе враждебность. – Ощущение было такое, словно темная вода смыкается над головой, словно меня душат подушкой. Я чувствовал приближение конца и все понимал. За пределами этой жизни нет ничего. Ничего. Теперь вы довольны?

Священник поднялся.

– Оставляю вас в покое, – сказал он. Злоба этого человека его не расстроила. Он слышал слова и похуже, но вера его была крепка. И странно, но у него возникло чувство, что пациент, Ирод – и кто только его так назвал, или это чья-то мрачная шутка? – лжет. Любопытно, что за этим ощущением пришло и кое-что еще. Если Ирод солгал, зная правду священник не хотел. Он не хотел такой правды. Правды Ирода.

Ирод проводил священника взглядом, потом закрыл глаза и приготовился еще раз пережить момент собственной смерти.

* * *

Свет пробивался краснотой сквозь веки. Ирод открыл глаза.

Он лежал на операционном столе. В боку открытая рана, но ему совсем не больно. Он дотронулся до нее пальцами и поднял руку – пальцы в крови. Он огляделся, но операционная была пуста. Нет, не просто пуста, ее покинули и уже довольно давно. Оттуда, где он лежал, была видна ржавчина на инструментах, пыль и грязь на кафеле и стальных подносах. Справа донеслось какое-то щелканье, и он увидел, как убегает таракан. Он лежал в круге света огромной лампы, висевшей над столом, но на стенах операционной дрожал другой свет, более мягкий, хотя он и не мог определить его источник.

Он сел, потом спустил ноги на пол. Воняло разложением, гнилью. Он ощутил пыль между пальцами, посмотрел вниз и не обнаружил никаких других следов. На краях раковины справа – коричневые пятна засохшей крови. Он повернул кран. Вода не потекла, но из труб донеслись характерные звуки. Эхо отлетело от кафельных стен, и его едва не стошнило. Он закрутил кран, и звуки прекратились.

Только когда шум из труб нарушил тишину, он обратил внимание, насколько она мертва. Он толкнул двери операционной и ненадолго задержался в соседнем помещении. Раковины здесь тоже были залепаны кровью, но ею был забрызган еще пол и стены – мощная струя, которая, казалось, шла из самих раковин, как будто трубы выплюнули назад всю жидкость, которую в них столько времени сливали. Зеркала над раковинами также были перепачканы засохшей кровью, но в одном пыльном и свободном от бурой корки уголке он заметил свое отражение – бледный, вокруг рта желтые пятна, но в целом, не считая дырки в боку, здоров. Непонятно, почему нет боли?

Должна быть боль. Я хочу боли. Боль подтвердит, что я жив, а не...

Умер? Это смерть?

Он пошел дальше. Коридор за операционной был пуст, не считая пары каталок, на сестринском посту – никого. Он шел мимо палат. Везде неубранные постели, грязные простыни отброшены в сторону или свисают на пол, вытянутые из-под матраса, где...

Пациенты сопротивлялись, не давали себя утащить, цепляясь за простыни в последней попытке предотвратить неизбежное. Картина напоминала госпиталь, эвакуированный в военное время и оставшийся незанятым. Или, возможно, из госпиталя эвакуировали больных, когда нагрянул противник, и началась бойня. Но если так, то где же тела? Ироду вспомнились кадры из старых документальных фильмов о Второй мировой войне: зачищенные нацистами деревни, разбросанные повсюду останки,

словно покрывающие шоссе дохлые вороны в теплый спокойный день; сваленные кучей бледные трупы в ямах концлагерей, как фигуры из ночных кошмаров Босха.

Тела. Где же тела?

Он повернул за угол. Двери лифта были открыты, шахта зияла пустотой. Он осторожно, держась за стену, заглянул в нее и вначале ничего не увидел, кроме черноты, но когда уже собрался отойти, далеко внизу что-то задвигалось. До него донеслось чуть слышное царапанье, во тьме промелькнуло что-то серое, как мазок кисти на черном холсте. Он попытался заговорить, позвать на помощь, но с губ не слетело ни звука. Он не мог произнести ни звука, онемел, но что-то там, в глубине шахты лифта замерло, и он ощутил его внимание как зуд на своем лице.

Медленно и осторожно он отступил назад, и в это время свет в коридоре стал гаснуть, погружая путь, по которому он шел, в темноту. Разве это важно, подумал он. Зачем возвращаться? Ему надо продолжить поиски. Свет постепенно гас, вынуждая его идти вперед, а темнота подталкивала в спину. Сзади возникло какое-то движение, но он не обернулся посмотреть из страха, что те серые пятна могут принять более осязаемую форму с клыками и когтями.

Чем дальше, тем окружающий интерьер госпиталя становился древнее. Краска поблекла, потрескалась и осыпалась, оставляя голые стены. Кафель сменился деревом. В дверях больше не было стекол. Инструменты в процедурных выглядели грубее и примитивнее. Операционные столы превратились в простые деревянные колоды со щербинами и червоточинами, рядом стояли ведра с вонючей водой, чтобы смывать с них кровь. Все, что он видел, говорило о боли, древней и вечной, свидетельстве слабости тела и пределах его выносливости.

Наконец он подошел к грубо сколоченным деревянным дверям с распахнутыми створками. За ними мерцал свет. Сзади подбиралась темнота со всем, что в ней водилось.

Он прошел в дверь.

Никакой мебели в комнате вроде бы не было. Стены и потолок терялись в полумраке, но он представлял, что они невозможно высокие и неизмеримо широкие. Тем не менее его вдруг накрыла волна клаустрофобии. Он хотел пойти назад, убратся отсюда, но возвращаться было некуда. Двери за спиной закрылись, и он больше не видел их. Остался только свет: лампа на грязном полу с едва теплящимся пламенем.

Свет и то, что он освещал.

Сначала он принял это за мусор, сметенный в кучу и забытый. Потом,

подойдя ближе, увидел: куча затянута паутиной; нити ее были такие старые, что покрылись пылью, образовав нечто вроде нитяного одеяла, почти полностью скрывавшего то, что лежало под ним. Проступавшие очертания напоминали человеческие, но слишком крупные для человека. Ирод различил мышцы на ногах и изгиб позвоночника, лицо было скрыто, голова опущена, а руки вскинута над головой в попытке защитить ее.

Затем, как будто медленно воспринимая его присутствие, фигура пошевелилась, как насекомое в коконе, руки опустились, голова начала поворачиваться. Сознание Ирода вдруг заполнили слова и образы...

...книги, статуи, рисунки...

(ларец)

...и в этот миг цель его стала ясна.

Внезапно тело Ирода выгнулось дугой, а боль в боку стала невыносимой. За ней последовала сильнейшая конвульсия. Он увидел

свет

и слышал

голоса.

Покрывало из паутины разорвалось, и оттуда появился тонкий палец с острым грязным ногтем. Снова шок... дольше, болезненнее. Глаза его были открыты, во рту лежало что-то пластиковое. Над ним склонились лица в масках, видны одни глаза. На его сердце лежали руки, и голос говорил с ним мягко и настойчиво о мрачных тайнах, о том, что должно быть сделано. Уже перед самым воскрешением голос произнес его имя и предупредил, что найдет его, и он узнает, когда это случится.

Теперь он отступил от зеркала в ванной, но отражение осталось на месте – безликая, безглазая маска, висящая за стеклом. Потом под ней появился ворот старого костюма в клетку, как у ярмарочного зазывалы, и красный галстук-бабочка, туго повязанный под воротничком желтой рубашки, украшенной воздушными шарами.

Ирод всмотрелся в зеркало, а когда узнал, не испугался.

– О Капитан, – прошептал он. – О Капитан! Мой Капитан...

Глава 15

Город менялся, но ведь это – в природе городов; может быть, все дело в том, что я сам старел и, наблюдая слишком много перемен, не мог привыкнуть к закрытию знакомых ресторанов и магазинов. По-настоящему трансформация Портленда из города, всегда боровшегося за то, чтобы не уйти на дно залива Каско, в город процветающий, творческий и безопасный началась в 1970-е и финансировалась по большей части из федеральных средств через «казенные пироги», госсубсидии на местные проекты, недовольство которыми выражают едва ли не все, кроме тех, кто греет на них руки. Конгресс-стрит обзавелась мощеными тротуарами, помолодел Старый порт, муниципальный аэропорт стал международным джетпортом, что по крайней мере звучит футуристически, пусть даже в последнее десятилетие и невозможно улететь напрямую в Канаду, не говоря уже о других, не находящихся в непосредственной близости местах, отчего наименование «международный» теряет свой смысл.

В последние годы глянец Старого порта несколько потускнел. Эксчендж-стрит, одна из самых прелестных улиц города, пребывала в промежуточном состоянии. «Букс этсетере» исчез, «Эмерсон букс» готовился к закрытию, поскольку владельцы решили отойти от дел, и во всем районе мог остаться единственный книжный магазин «Лонгфелло букс». Ресторан «Уолтер», где я бывал со Сьюзен, моей покойной женой, и Рейчел, матерью моего второго ребенка, закрыл свои двери, готовясь к переезду на Юнион-стрит.

Но Конгресс-стрит все еще держала первенство по части чудаковатости и эксцентричности как небольшой фрагмент перенесенного на северо-восток техасского Остина. Вполне приличная пиццерия «Отто» допоздна предлагала вкусную пиццу, а к разнообразным галереям и букинистическим магазинчикам, виниловым аутлетам и торговым точкам «Фоссил» добавились магазин, где продавались комиксы, и новый книжный «Грин хэнд», с музеем криптозоологии в заднем помещении, радующем сердце каждого любителя странностей и необычностей.

Ну, почти каждого.

– Что это за хрень такая – криптозоология? – спросил Луис.

Мы сидели на Моньюмент-сквер, потягивая вино, созерцая мирскую суету. Луис был одет от «Дольче и Габбана»: костюм на трех пуговицах, белая рубашка, без галстука. Несмотря на то, что говорил он негромко,

старушка, которая ела суп на открытой площадке перед рестораном, посмотрела на него неодобрительно. Ее смелость не могла не вызвать восхищения. Большинство людей стараются вообще не смотреть на Луиса, разве что со страхом и завистью. Высокий, черный, он выглядел смертельно опасным.

– Прощу извинить, – кивнул ей Луис. – Не хотел, вырвалось. – И, повернувшись ко мне, сказал: – Так что это за фигня, как бы она там ни называлась?

– Криптозоология, – повторил я. – Наука о существах, которые могут существовать, а могут и нет. Снежный человек, например, или лох-несское чудовище.

– Лох-несское чудовище сдохло, – изрек Ангел.

Ангел был в затертых джинсах, безмянных кедах с красными и серебристыми полосками и ядовито-зеленой футболке с рекламой бара, закрывшегося где-то во времена эпохи Кеннеди. В отличие от своего партнера по жизни и любви, Ангел обычно вызывал у людей либо недоумение, либо озабоченность – уж не страдает ли парень цветовой слепотой. Он тоже был смертоносным, пусть не так, как Луис. Впрочем, ядовитая змея всегда ядовита, а опасный человек всегда опасен.

– Читал где-то, – продолжал Ангел. – Один эксперт – он искал его много-много лет – решил, что оно сдохло.

– Ага, эдак двести пятьдесят миллионов лет назад, – отозвался Луис. – Конечно, сдохло. Иначе и быть не может.

Ангел покачал головой, сопровождая жест тем выражением лица, какое бывает у взрослого в разговоре с не самым сообразительным ребенком.

– Нет, сдохло оно *недавно*, а до того живое было.

Луис долго смотрел на партнера тяжелым взглядом, потом сказал:

– Знаешь, по-моему, нам надо установить ограничение на разговоры, в которых ты можешь участвовать.

– Как в чурраскарии^[28], – подхватил я. – Мы могли бы показывать зеленую карточку, когда тебе разрешается говорить, и красную, когда ты должен сидеть тихо и переваривать услышанное.

– Парни, я вас ненавижу, – сказал Ангел.

– А вот и нет.

– Ненавижу, – подтвердил он. – Вы меня не уважаете.

– Это верно, – согласился я. – Но, с другой стороны, у нас нет для этого никаких оснований.

Подумав, Ангел признал, что в чем-то я прав. Мы перешли на тему

моей сексуальной жизни, которая, хотя и была той полянкой, на которой он мог резвиться до бесконечности, не отвлекла нас надолго.

– А что та полицейская? Ну, что захаживала в «Шатун»? Кэгни?

– Мейси.

– Да, точно.

Шэрон Мейси, симпатичная брюнетка, определенно подавала сигналы, но я все еще не определился, как воспринимать тот факт, что Рейчел и наша дочь живут сейчас в Вермонте, и мои отношения с Рейчел практически завершены.

– Слишком рано.

– «Слишком рано» никогда не бывает, – возразил Луис. – Бывает «слишком поздно», а потом – «сдох».

Троица парней в широких джинсах, просторных футболках и новеньких кедах проплыла по Конгресс-стрит, как водоросль по поверхности пруда, в направлении баров на Фор-стрит. «Деревня» – это клеймо стояло на каждом из них, на каждом квадратном дюйме, не занятом фирменным лейблом или именем какого-нибудь рэпера. Один, господи прости, даже натянул майку с лозунгом «Власть черных», дополненным изображением сжатого кулака, хотя все трое были такими белыми, что на их фоне даже Пи-Ви Херман^[29] выглядел бы Малкольмом Иксом^[30].

Рядом с нами, никому не мешая и не привлекая ничего внимания, двое мужчин ели бургеры. На лацкане пиджака одного из них висел скромный радужный треугольник, а под ним значок с надписью «Голосуй НЕТ по пункту 1», что относилось к предстоящему решению штата по бракам между лицами нетрадиционной ориентации.

– Собираешься за него, сучка? – спросил один из троих, и его приятели засмеялись.

Мужчины за столиком никак не отреагировали.

– Педики. – Парень явно поймал волну. Невысокий, но накачанный, он наклонился и взял картофельную соломку с тарелки мужчины со значком, который отозвался сердитым «Эй!».

– Да не буду я ее есть, – продолжал шутник. – Кто знает, что от тебя можно подхватить.

– Ну, Род завелся! – сказал второй из троих. – Держи пять! – И они хлопнули ладонями.

Род бросил соломку на землю и переключил внимание на Ангела и Луиса, которые наблюдали за происходящим с бесстрастными лицами.

– Чего пялитесь? – спросил Род. – Тоже педики?

– Нет, – ответил Ангел. – Я – гетеросексуал под прикрытием.

– А я на самом деле белый, – добавил Луис.

– Он и правда белый, – подтвердил я. – Часами накладывает грим, прежде чем выйти из дома.

Род заметно растерялся. Судя по тому, с какой легкостью его лицо приняло соответствующее выражение, такое случалось с ним и прежде.

– Так что я такой же, как ты, – продолжал Луис, – потому что ты ведь на самом деле тоже не черный. И подумай вот о чем: все эти команды на твоих рубашках терпят тебя только потому, что ты кладешь денежки им в карманы. Они – соль земли, они говорят с черными о черных. В идеальном мире ты бы им не понадобился, и тебе пришлось бы снова слушать «Брэд», или «Колдплей», или еще какое-то заунывное дерьмо из того, что бормочут сейчас белые парни. Но пока эти парни берут твои денежки, и если ты когда-нибудь забредешь в один из тех кварталов, откуда они вышли, тебе не только намнут бока, у тебя отнимут оставшуюся мелочь и, может, даже кроссовки.

– «Брэд»? – вмешался я. – По-моему, ты немного не в курсе поп-культуры, а?

– Все дерьмо звучит одинаково, – проворчал Луис. – Я по детишкам равняюсь.

– Ага, по детишкам из девятнадцатого века.

– Надрал бы я тебе задницу, – сказал Род, откликаясь на потребность внести свой вклад в разговор. Возможно, он был настолько туп, что и сам в это верил, но его спутники соображали лучше, хотя в их условиях вряд ли стоило это афишировать, и уже пытались увести его за собой.

– Да, надрал бы, – согласился Род. – Полегчало?

– Между прочим, – сказал Ангел, – на самом деле я не гетеросексуал, а он никакой не черный.

Я удивленно посмотрел на Ангела.

– Эй, вы не говорили, что вы геи. Знал бы, ни за что бы не позволил вам усыновить тех детишек.

– Теперь уже поздно, – сказал Ангел. – Все девочки носят удобную обувь, а мальчики распевают песенки из шоу.

– Ну и хитрые ж вы, геи. Вы могли бы править миром, если бы не были заняты тем, чтобы сделать все вокруг красивее.

Род, похоже, собирался сказать что-то еще, когда Луис шевельнулся. Он не поднялся со стула и вообще не сделал ничего очевидно угрожающего, но ощущение было такое, словно дремавшая дотоле гремучая змея сжимает кольца, готовясь к броску, или паук застывает в углу паутины, наблюдая за взлетающей мухой. И тут даже алкогольный туман и

завеса глупости не помешали Роду понять, что в самом ближайшем будущем он может серьезно пострадать. Вероятно, даже не здесь, на людной улице с курсирующими по ней полицейскими машинами, а потом – к примеру, в баре, туалете или на парковке.

Не говоря ни слова, троица молодых людей поспешила продолжить путь, причем ни один из них даже не оглянулся.

– Красиво, – сказал я Луису. – А что сделаешь в следующий раз? Напугаешь щенка?

– Можно отнять игрушку у котенка. Положить на верхнюю полку.

– Ну, защитником ты себя показал. Я только не понял, что ты защищал.

– Качество жизни, – сказал Луис.

– Наверно. – Сидевшие неподалеку мужчины оставили на столике недоеденные бургеры, выложили двадцатку и десятку и, не издав ни звука, поспешно удалились. – Ты даже своих пугаешь. Может, убедил того парня сказать «да» по первому пункту на случай, если ты решишь сюда переехать.

– Раз уж зашла речь, напомни-ка, зачем мы здесь, – сказал Ангел. Они приехали не более часа назад, и их сумки еще лежали в багажнике машины. Самолетами эта парочка пользовалась лишь в самых крайних случаях, поскольку их профессиональные инструменты не соответствовали представлениям авиалиний о безопасности полета. Я рассказал им все, начиная от первой встречи с Беннетом Пэтчетом и обнаружения следа устройства на своей машине и заканчивая разговором с Роналдом Стрейдиром и фотографиями с похорон Дэмиена Пэтчета.

– Значит, они знают, что дело ты не бросил? – уточнил Ангел.

– Если маяк работал, то да, знают. А еще знают, что я побывал у Карен Эмори, и это может обернуться для нее не очень хорошо.

– Ты ее предупредил?

– Передал сообщение на сотовый. Еще один звонок только бы усугубил проблему.

– Думаешь, они снова за тобой придут?

– А ты так не думаешь?

– Я бы убил тебя сразу, – сказал Луис. – Если они приняли тебя за парня, который отходит в сторону после первого любительского сеанса пытки водой, то сильно просчитались.

– Стрейдир сказал, что поначалу они просто хотели помогать раненым солдатам. Возможно, убийство для них – последнее средство. Тот, который меня допрашивал, сказал, что от их действий никто не пострадает.

– Но для тебя он сделал исключение. Интересно, что с тобой такое случается постоянно.

– Теперь мы подошли к тому, зачем вы здесь.

– И почему ты встречаешь нас в публичном месте, чудесным летним вечером. Хочешь, чтобы они знали, что ты теперь не один?

– Мне нужна пара дней. И будет гораздо легче, если мне удастся держать их на расстоянии.

– А если они не захотят держаться на расстоянии?

– Тогда можете сделать им больно.

Луис поднял бокал. Выпил.

– За то, чтобы нам не пришлось держаться на расстоянии.

Мы расплатились и направились в «Гриль-рум» на Эксчендж – за стейком, потому что перспектива сделать кому-то больно всегда вызывала у Луиса голод.

Глава 16

Джимми Джуэл сидел на своем обычном месте. Эрл готовился к закрытию. Время близилось к полуночи, и в баре весь вечер было тихо: лишь несколько пьянчужек забрели поправить голову после вечера накануне, но на очередной кутеж им не хватило ни здоровья, ни финансов, да парочка туристов из Массачусетса, заплутав, попали в «Парусный мастер» по ошибке и решили отметить знакомство с неприкрашенной стороной местной действительности кружкой пива. К их сожалению, Эрлу не нравилось, когда клиенты, да еще заезжие, позволяли себе неуважительные реплики в адрес заведения, где он работал. В добрые старые времена такие типы заканчивали тем, что целовали крышку мусорного бака на заднем дворе в знак признания своих плохих манер. Попытавшись пойти на второй круг, туристы наткнулись на пустой взгляд и предложение переместиться куда подальше, желательно за пределы штата.

– Умеешь ты с людьми обращаться, – сказал Эрлу Джимми. – Тебе бы в ООН надо, решать проблемы в горячих точках.

– Если хотел, чтоб они остались, так бы и сказал, – ответил Эрл, сохраняя невинно-простодушное выражение лица. Иногда даже сам Джимми не мог понять, искренен его бармен или нет. В тихом омуте и все такое. Время от времени Эрл отпускал какую-нибудь реплику или делился наблюдением, и Джимми застывал как вкопанный, пытаясь осмыслить услышанное и переоценить Эрла, которого, как ему казалось, он знал вдоль и поперек. Иногда его ставил в тупик читательский выбор Эрла, который, похоже, наверстывал упущенное по части классической литературы, причем не ограничивал себя Томом Сойером и Гекльберри Финном. В начале этого вечера он, например, читал «Хозяин и работник» Льва Толстого. Отвечая на вопрос Джимми, Эрл изложил сюжет: богач и работник застигнуты ночью метелью, богач уходит, чтобы спастись, потом возвращается, но умирает, а работник остается жив.

– И какой во всем этом смысл? – спросил Джимми.

– Для кого?

Для кого? Спрашивает, как будто он Джон Хаусман^[31] какой-нибудь.

– Ну, не знаю. Для богачей с нечистой совестью.

– Я не богач, – сказал Эрл.

– Так ты себя с тем, другим, равняешь?

– Наверно. В смысле, я не так все понимаю. Тут не надо ни с кем себя

равнять. Это просто рассказ. История.

– Если нас захватит метель и одному будет суждено умереть, думаешь, я не воспользуюсь тобой как одеялом? Думаешь, я бы позаботился о тебе?

Эрл задумался. Потом кивнул:

– Да. Думаю, позаботились бы. Так уже бывало.

Джимми понял, что Эрл имеет в виду Салли Кливер и что после первого визита детектива вина за тот случай гнетет его совесть. Хорошо зная Эрла, он видел, когда тот начинает прислушиваться к шепоту призрака.

– Да ты рехнулся, – сказал Джимми.

– Может, и рехнулся, – согласился Эрл. – Да только я бы вам не позволил, мистер Джуэл. Я бы не дал вам умереть, даже если бы мне пришлось задушить вас в объятиях.

Заявление содержало явное противоречие, а еще Джимми стало несколько тревожно, когда он представил себя затерявшимся в складках мясистого тела Эрла. Пожалуй, заводить разговор на эту тему было ошибкой, повторять которую больше не стоит. Клиентов не осталось, и Джимми сказал Эрлу закрыть дверь на ночь – его самого ждали неотложные дела.

Зал подметен, посуда вымыта, скромная вечерняя выручка надежно заперта в сейф в офисе Джимми. Прочитанная наполовину газета у его левой руки. Странно, подумал Эрл. Обычно к этому времени Джимми уже прочитывал ее полностью и даже разгадывал кроссворд, но сейчас он просто смотрел на лежавший на стойке карандаш, словно ожидая, когда же тот сам придет в движение и начнет заполнять клеточки.

Джимми был прав насчет Эрла. Огромный, необъятный, производящий впечатление человека, сородичи которого до сих пор ищут друг у друга блох на ветвях фамильного дерева, Эрл вовсе не был бесчувственным. Работа в баре приносила в его жизнь порядок, позволявший функционировать с минимумом ненужных сложностей, но и дававшая время подумать. Его роль состояла в том, чтобы поднимать, переносить, угрожать и охранять, и он делал это все охотно, с желанием и без жалоб. Платили ему относительно неплохо, но он и без денег был предан Джимми. Джимми заботился о нем, и он, в свою очередь, заботился о Джимми.

Но, как верно подметил босс, в последние дни Эрл пребывал в задумчивости. Он не любил, когда ему напоминали о Салли Кливер. Жаль, конечно, что с ней так случилось, и, наверное, он не сделал всего, что мог бы, но семейные разборки в «Голубой луне» бывали и раньше, и Эрл

прекрасно понимал, что лучше всего в такой ситуации ни во что не вмешиваться, вывести враждующие стороны за пределы заведения, а дальше пусть разбираются у себя дома. Только когда Клиффи Андреас вернулся в бар с окровавленными руками и лицом, до Эрла стало доходить, что его поведение квалифицируется как «уклонение от ответственности», как сказал позднее один из детективов, и в справедливом мире он вместе с Клиффи попал бы за решетку. В глубине души, гораздо глубже, чем даже Джимми позволял себе, Эрл знал, что полицейский прав, и каждый год, в годовщину смерти Салли Кливер, оставлял на заросшей сорняками и замусоренной стоянке у «Голубой луны» букетик цветов и извинялся перед тенью погибшей девушки.

Джимми за случившееся никогда Эрла не винил, хотя для него самого дело закончилось закрытием «Голубой луны». Когда начались разговоры о привлечении Эрла как соучастника, он обеспечил ему наилучшее юридическое представительство. Эмоциональной стороны вопроса коснулись только раз, когда Джимми сообщил, что не собирается снова открывать бар. Эрл понял это так, что надо искать другое место, что босс отказывается от него и умывает руки, поскольку в городе бармена «Голубой луны» даже по имени не называли. Эрл снова принялся извиняться за то, что не предотвратил случившееся и позволил Салли умереть, и тут голос у него дрогнул. Он пытался склеить предложения, но ничего не получалось. Джимми усадил его и, не перебивая, слушал, а Эрл рассказывал, как вышел на улицу и увидел обезображенное лицо Салли Кливер, как опустился рядом с ней на колени и как шевельнулись ее губы, произнося последние в жизни слова.

«Извини», – прошептала Салли, когда Эрл, не зная, что еще делать, положил свою огромную лапищу на ее лоб и осторожно убрал с глаз окровавленные пряди. Ночами он видел лицо Салли, и его рука машинально тянулась к ее глазам. Я вижу ее каждую ночь, сказал Эрл, перед тем как уснуть. Джимми согласился, что случай вопиющий, но все, что можно сделать теперь, это не допустить повторения трагедии с другой женщиной. На следующий день Эрл приступил к работе в «Парусном мастере», хотя ее там едва хватало и для старого бармена, Верна Сатклиффа. Через год Верн умер, и Эрл остался в «Парусном мастере» единственным барменом.

Теперь, после долгих размышлений о том, как и с чего начать, Эрл пришел к выводу. Поставив в холодильник последние бутылки пива, он осторожно приблизился к тому месту, где сидел Джимми, и положил руки на стойку.

– Что-то не так, мистер Джуэл?

Очнувшись от раздумий, Джимми с некоторым даже изумлением посмотрел на него.

– Что ты сказал?

– Я спросил, что не так, мистер Джуэл.

Джимми улыбнулся. За все время, что они были знакомы, Эрл задал ему не больше двух-трех вопросов более или менее личного свойства. Теперь, всего лишь через несколько минут после заявления о готовности положить жизнь за хозяина, Эрл стоял перед ним с озабоченным лицом. Если так пойдет дальше, они, чего доброго, еще и обвенчаются в церкви, а потом и переберутся в Огункит или Хэллоуэлл, или куда-нибудь еще, где из окон свисают радужные флаги.

– Спасибо, что спросил. Все в порядке. Просто я сейчас раздумываю над решением одного вопроса. Когда мне станет ясно, как это сделать, я, возможно, попрошу тебя о помощи.

Эрлу сразу стало легче. Он уже едва не признался в теплых чувствах к мистеру Джуэлу и не представлял, что бы делал в таком случае. Потоптавшись, бармен прихватил мятую коробку и отправился во двор. Оставшись один, Джимми вытащил из-под газеты фотографии инкрустированных драгоценными камнями печатей. Даже одни только камни стоили целое состояние, а сколько мог заплатить за артефакт заинтересованный человек, этого Джимми даже представить не мог.

Теперь он знал, что Тобиас и его приятели возили через границу не наркотики, а антиквариат. Интересно, что еще у них может быть, кроме печатей? Целый день он просчитывал ситуации, вычислял, какую выгоду можно извлечь из того, что уже известно, и как получить дополнительную информацию. Сожалел Джимми только о том, что вовлек в это дело Рохаса. Мексиканец уже дал понять, что пытается продать драгоценные камни и золото, и пообещал Джимми долю в двадцать процентов, комиссионные посредника, как будто Джимми был каким-то простаком, от которого можно отделаться подачкой. Рохас не видел всей картины. Проблема заключалась только в том, что не видел ее и Джимми. Правда, в отличие от него, мексиканец не хотел ждать, пока она явит себя целиком.

Джимми покрутил пальцем блюдце, и холодный кофе в чашке качнулся. Денег ему вполне хватало, но их ведь много не бывает. Экономический спад и неопределенность с развитием набережной означали только одно: его средства оказались вложенными в здания и строения, которые изо дня в день разрушаются. Безусловно, рынок когда-нибудь восстановится – так происходило всегда, но Джимми не молодеет.

Он не хотел, чтобы восстановление рынка порадовало его только возможностью обеспечить себя могильным камнем побольше.

Он поежился. С воды тянуло холодком, а Джимми был весьма подвержен простуде. Куртку он носил даже в самые жаркие летние дни. Так с ним было всегда, с самого детства. Слишком мало мяса на костях, вот теплу и задержаться не в чем.

– Эй, Эрл! – крикнул он. – Закрой-ка эту чертову дверь.

Ответа не было. Джимми выругался. Прошел через офис к двери, выходящей на небольшую парковку бара. Остановился. Эрла видно не было. Джимми снова окликнул его и ощутил неясное беспокойство.

Он шагнул на парковку и поскользнулся. Посмотрел вниз, под ноги, и увидел темное, расплывающееся пятно. Слева стоял грузовичок Эрла. Кровь текла из-под него. Джимми присел, заглянул под машину и увидел мертвые глаза. Эрл лежал на животе, между пассажирской дверцей и выставленными вдоль стены мусорными баками, с открытым ртом и застывшей на лице гримасой боли.

Джимми выпрямился и почувствовал, как в затылок ткнулся ствол. Осторожное, пробное прикосновение смерти.

– Назад, – произнес голос, и Джимми, услышав его, не смог скрыть удивления. Прежде чем войти, он еще раз взглянул на грузовик и заметил в окне отражение человека в маске. Дерзость обошлась дорого – на него тут же посыпались удары. Его прогнали пинками по коридору, втолкнули в кладовую. Бить прекратили, когда Джимми подполз к полкам со спиртным, чтобы ухватиться за что-нибудь и подняться. Во рту ощущался вкус крови, левый глаз заплыл. Джимми попытался заговорить, но слова вырвались хриплым шепотом. Но главное было ясно без слов: он просил времени, чтобы прийти в себя, просил не бить.

Не убивать.

Ему сломали ребро, и он почувствовал, как хрустит кость. Привалившись к стеллажам, прерывисто хватая ртом воздух, Джимми просительно поднял правую руку.

– Вы убили человека за сто пятьдесят с мелочью долларов. Слышите?

– Нет, я убил его за кое-что намного большее.

Вот тогда Джимми понял, речь идет не о деньгах, лежащих в сейфе. Это – из-за Рохаса и печати. Он увидел перед собой зев глушителя, черный, как ожидающая его бездна.

Джимми выложил все после первого же выстрела, но его мучитель выстрелил еще дважды – на всякий случай, чтобы убедиться, что он ничего не утаивает.

– Больше ничего, – сказал Джимми. Кровь из ран стекала на пол, и в этих двух словах была мольба и признание, неприятие боли и смирение с тем, что все подошло к концу.

Незнакомец кивнул.

– Господи, – прошептал Джимми, – мне искренне жаль...

Он не слышал последнего выстрела, но успел ощутить милосердие пули.

* * *

Тела, его и Эрла, нашли лишь через несколько дней. Пришедшие в ту же ночь дожди смыли кровь Эрла с парковки, прогнали по деревянным сваям старого причала и бросили в море, соль к соли. Грузовичок Эрла стоял у «Мэн-молла», и через два дня один из охранников этого торгового центра заинтересовался брошенной машиной. Прибыла полиция. К тому времени уже было ясно, что Джимми Джуэл куда-то пропал. Никто не отвечал на звонки, никто не заказывал пиво в «Парусном мастере», и пьянчуги, явившись к месту поклонения, обнаружили отсутствие святынь.

Джимми нашли в кладовой. Ему прострелили обе ступни и колено, хотя к тому времени он, по-видимому, все уже рассказал. Четвертую пулю пустили в сердце. Эрл лежал у изуродованных ног Джимми, как верный пес, призванный охранять хозяина и в другой жизни. Лишь спустя время кто-то заметил совпадение в датах: Эрла и Джимми убили 2 июня, ровно через десять лет после того, как Салли Кливер испустила дух на задворках «Голубой луны».

Старики пожали плечами и сказали, что ничего удивительного в этом нет.

Глава 17

Проснувшись, Карен Эмори обнаружила, что Джоэла рядом нет. Она полежала, прислушиваясь, но так ничего и не услышала. Часы на прикроватном столике показывали 4.03 утра.

Ей снился сон, и теперь, лежа в постели и пытаясь уловить какие-либо признаки присутствия Джоэла в доме, Карен даже испытывала облегчение от того, что проснулась. Глупо, конечно. Часа через три надо вставать, одеваться, собираться на работу. Она уже решила, что поработает еще у мистера Пэтчета, о чем и сообщила Джоэлу, когда вернулась домой и увидела его с повязкой на лице. В чем дело, он не объяснил, но и не возразил по поводу работы, что стало для нее сюрпризом. Может быть, Джоэл согласился наконец с ее аргументами, что найти работу сейчас нелегко, а сидеть дома – это не для нее, тронешься от безделья; и повода вмешиваться в ее – или Джоэла – дела она никому больше не даст.

Надо поспать. От работы у нее всегда болели ноги. После восьмичасовой смены ноющая боль появлялась в пятках и подъеме стопы. Так было всегда, и тут не помогли бы даже самые лучшие туфли, которые она в любом случае не могла себе позволить. Мистер Пэтчет – хороший босс. Лучше многих. Лучший из всех, у кого ей доводилось работать. Именно поэтому Карен и хотела остаться в ресторане «Дюны». В свое время она повидала всяких хозяев, так что могла сравнить, и она была благодарна мистеру Пэтчету за доброе отношение. Ресторан вполне обошелся бы без еще одной официантки, а учитывая, что она пришла в числе последних, он вполне мог бы указать ей на дверь. Но не указал, оставил. Он заботился о ней, как заботился обо всех, кто у него работал. Время нелегкое, и с персоналом нигде особенно не церемонились, но мистер Пэтчет берег своих людей, даже в ущерб себе, и это говорило о многом.

С другой стороны, забота босса стала для нее проблемой, особенно после появления частного детектива, сующего, как выразился Джоэл, нос не в свои дела. Ей нужно осмотрительнее рассказывать мистеру Пэтчету о своей жизни. Она и детективу, когда он явился к ней, старалась не сболтнуть лишнего, но в итоге все равно проговорила.

Первым детектива засек Джоэл. У него на такие вещи был особый нюх, что-то вроде шестого чувства. Мужчины редко бывают такими восприимчивыми. Он сразу, стоило ему только посмотреть, замечал, когда

она грустила или задумывалась о чем-то. Прежде ей такие мужчины не попадались. Или, может, ей с ними просто не везло, и большинство мужчин тонко чувствуют своих женщин. Но в этом она сильно сомневалась. Джоэл был не таким, как все. И не только в этом отношении.

И все же Карен не хотела рассказывать ему о визите детектива. А почему, и сама не знала. Может быть, из-за неясного ощущения, что Джоэл не совсем откровенен с ней насчет некоторых периодов своей жизни, или из-за опасения за свою собственную жизнь. Потому, наверное, она и сказала детективу то, что сказала. Карен видела, как повлияла на Джоэла смерть друзей: он испугался, хотя и старался этого не показать. Накануне, придя домой с повязкой на лице и ранами на руках, он даже не пожелал ничего объяснить. Сразу ушел в подвал и стал переносить туда коробки из фуры. Она заметила, как он вздрогнул пару раз, когда коробка коснулась раны.

Когда же он пришел наконец в спальню...

Да, хорошего мало.

Карен вздохнула и потянулась. На часах сменились две цифры. В доме по-прежнему было тихо – никто не спускал воду в туалете, не хлопал дверцей холодильника. Интересно, что делает Джоэл? После того, что случилось, искать его она побаивалась. Может быть, он просто скрывал эту свою сторону, или она сама неверно его оценила. Нет, она не ошиблась. Ее элементарно провели. Как дурочку. Человек, которого она едва знала, подчинил ее и надругался над ней.

Она искала выхода, хотела вырваться из общежития Пэтчета. Да, она была благодарна ему за комнату, за то, что попала в женскую компанию, но такие места всегда рассматриваешь как временную остановку, хотя знакомая официантка, Эйлин, прожила в общежитии целых пятнадцать лет. Карен задерживаться не собиралась. Установленные мистером Пэтчетом старомодные правила – никаких мужчин в женском общежитии – ее не устраивали. Она же не какая-нибудь старая дева. Поначалу Карен делала ставку на Дэмиена, но он интереса к ней не проявил. Она даже подумала, что он – гей, но Эйлин говорила, что это не так. Оказалось, у него был роман с предыдущей старшей официанткой, и они вроде бы даже собирались сойтись, но она не захотела становиться женой военного или, хуже того, вдовой военного, и все закончилось ничем. Карен думала, что мистер Пэтчет был бы не против, если бы у них с Дэмиеном что-то сложилось, и, когда Дэмиен вернулся домой, его отец пытался их свести и приглашал ее пообедать с ними или посылал их вдвоем за покупками и на переговоры с поставщиками. Но к тому времени она уже встречалась с

Джоэлом, с которым познакомилась через Дэмиена. Когда она в первый раз позволила Джоэлу прийти за ней после работы, на лице мистера Пэтчета вроде бы промелькнуло разочарование. Он ничего не сказал, но прежней легкости между ними уже не было. Когда Дэмиен умер, Карен почему-то подумала, что мистер Пэтчет, может быть, винит ее в случившемся, что если бы у его сына был кто-то, о ком он мог бы заботиться и кто заботился бы о нем, то все не закончилось бы так, как закончилось. Может быть, отчасти поэтому он и нанял детектива: рассердился на нее за то, что она встречалась с Джоэлом, но выместил злость не на ней, а на нем.

Джоэл хорошо зарабатывал на своей фуре; как ей казалось, больше, чем мог зарабатывать независимый перевозчик. При этом он часто ездил через границу, в Канаду. Она пыталась узнать, как ему это удастся, расспрашивала, и он объяснил, что берется за любую работу, но объяснил так, что она поняла: разговор на эту тему не приветствуется, и больше не приставала. И все же сомнения остались...

Но она любила Джоэла. Решила, что любит после того, как встречалась с ним две недели. Просто поняла. Он был сильный, добрый, старше ее, а значит, лучше понимал жизнь, и поэтому с ним она чувствовала себя в безопасности. У него был свой дом, и когда он попросил ее переехать к нему, она согласилась, даже не дослушав предложение до конца. И опять-таки дом – это не какая-нибудь квартирка, где люди постоянно сталкиваются и действуют друг другу на нервы. Места было предостаточно: две спальни наверху, кладовая, большая гостиная и симпатичная кухня. Да еще подвал, где Джоэл хранил инструменты. Опрятностью и аккуратностью он тоже отличался от других ее знакомых мужчин. Да, в ванной и кухне пришлось поработать, но грязными они не были – она всего лишь навела там порядок. И сделала это с удовольствием. Карен гордилась их домом. Именно так она его воспринимала – как их дом. Не только Джоэла, но и ее тоже. Она понемногу меняла обстановку – на свой вкус, а он, похоже, не возражал. В вазах появились цветы, стало больше книг. Карен даже повесила картины, а когда спросила, нравятся ли они ему, он ответил, что да, конечно, и даже попытался изучить каждую в отдельности, как будто приценивался для будущей покупки. Она понимала, что Джоэл старается ради нее. Украшения и аксессуары интересовали его мало, и Карен сомневалась, что он когда-нибудь взглянет на картины еще раз, если только она не укажет ему на них, но само его старание проявить интерес было ей приятно.

Хороший ли Джоэл человек? Карен не знала. Поначалу она думала, что да, хороший, но в последние недели он сильно изменился. С другой

стороны, мужчины ведь всегда меняются, как только получают свое. Перестают быть внимательными, заботливыми. Когда им нужно привлечь женщину, они выставляют себя в наилучшем виде, распускают перья, а потом, когда цель достигнута, возвращаются в обычное состояние. У одних это происходит быстрее, чем у других. Да что там, у нее на глазах мужчины из овечек превращались в волков с последним стаканчиком на дорожку или звоном упавшей на барную стойку монеты. Джоэл менялся медленнее, постепенно, и потому происходившее с ним так тревожило и пугало. Сначала он просто уходил в себя и становился раздражительным. Меньше разговаривал с ней, а когда она все же пыталась завести разговор, обрывал. Карен думала, что это как-то связано с его ранениями. Иногда у него болела рука. В Ираке Джоэл потерял два пальца на левой руке и частично слух. Но ему еще повезло. Некоторые из тех, кто подорвался вместе с ним, домой не вернулись. Он редко говорил о том, что там произошло, но Карен и сама знала достаточно. Джоэл часто уезжал, и у него были армейские друзья, те, что приходили раньше и не приходили теперь. С ней они почти не разговаривали, а один, Пол Баччи, ее просто пугал – его взгляд, казалось, ползал по ее телу, задерживаясь на грудях, бедрах. Когда они приходили, Джо закрывался с ними в гостиной, и она слышала через стену ровный, приглушенный гул голосов – казалось, гудят попавшие в банку насекомые.

– Джоэл?

Ответа не было. Карен хотела пойти и посмотреть, где он, но боялась. Боялась, что он снова ее ударит. Все случилось, когда, открыв дверь в ванную, она увидела, как он смазывает ожоги на руках и лице, и попыталась спросить, откуда эти жуткие раны.

На ее вопрос Джоэл ответил своим:

– Почему ты не сказала, что у тебя был гость?

Карен не сразу поняла, что речь идет о детективе, Паркере. И потом, откуда он узнал? Она пыталась придумать подходящий ответ, но Джоэл вдруг отвесил ей пощечину. Похоже, самого Джоэла это шокировало не меньше, чем Карен. Удар получился несильный, но все же она отшатнулась к стене. А еще в этой пощечине ощущались сила и злоба, в отличие от первой, случайной. Джоэл тут же извинился, но Карен уже бежала в спальню. Он пришел через пару минут. Попытался заговорить – она не слушала. Не могла слушать, потому что плакала. Рыдала. Он просто обнял ее, а потом и уснул. И она уснула через какое-то время, можно сказать, сбежала в сон, чтобы не думать о том, что произошло. Посреди ночи он разбудил ее и снова просил прощения, и его губы касались ее губ, и его руки искали ее тело – и они помирились.

Но нет, не помирились. Не по-настоящему. Она только притворилась – ради него. Не хотела, чтобы он мучился. Не хотела, чтобы он... снова сделал ей больно.

Да, именно так. В этом-то и был весь ужас.

Теперь, лежа в темноте, Карен поняла, что ее мнение о нем изменилось так же сильно, как изменился он сам. Она хотела, чтобы он был хорошим человеком или хотя бы лучше некоторых из тех, с кем она встречалась раньше, но в глубине души понимала – он ничем не лучше. После того, как ударил ее... после того, как изменился столь сильно... Секс больше не был приятным. Разбудив ночью, он сделал ей больно, а когда она попросила быть нежнее, просто кончил и повернулся к ней спиной.

– Я хочу поговорить с тобой. – Она потянула его за плечо. Он напрягся, а когда повернулся, она невольно отпрянула, отодвинулась как можно дальше – так напугало ее, даже в темноте, выражение его лица. Ей показалось, что он снова ее ударит.

– Оставь меня в покое, – сказал Джоэл, и что-то мелькнуло в его глазах. Что-то похожее на страх. Казалось, он обращается не только к ней, но и к кому-то еще, некоему невидимому существу, присутствие которого ощущал только он один.

Потом Карен задремала, и ей приснился сон. Не кошмар, но... В этом сне она оказалась в тесном помещении, почти в гробу, но при этом помещение было больше, чем гроб, и одновременно меньше. Как такое возможно? Ей не хватало воздуха, а рот и нос были забиты пылью.

Что хуже всего, она была не одна. И то, чье присутствие она ощущала, *шептало*. Что именно *оно* говорило, Карен не поняла и даже не была уверена, что все эти слова предназначались ей, но лились они безостановочно.

Снизу донесся какой-то шум, незнакомый звук, чужой в темноте дома. Смешок. Короткий, придушенный. В нем было что-то детское, но и неприятное тоже. Спонтанный всплеск радости, вызванный словом или действием, не столько смешным, сколько шокирующим. Смех над чем-то, над чем смеяться не до€лжно.

Карен осторожно откинула одеяло и спустила ноги на пол. Половицы не скрипнули. Почти все в доме Джоэл сделал сам и на совесть. Она прошла по ковру и приоткрыла дверь. Шепот. Но голос был его, а не тех, других, из ее сна. *Другие*. Раньше она этого не понимала. Их было много, этих других. Много голосов. Они говорили на одном языке, но разные слова.

Карен подошла к лестнице, опустилась на колени и посмотрела вниз

между балясинами. Джоэл сидел около двери в подвал, поджав ноги под себя, руки на бедрах, пальцы сцеплены. Как маленький мальчик. Она даже почти улыбнулась.

Почти.

Джоэл разговаривал с кем-то, кто находился по ту сторону двери, ведущей в подвал. Эту дверь он всегда запирает на замок. Поначалу она не обращала внимания. Однажды, в первую неделю после переезда, Карен спустилась туда помочь ему красить и не увидела ничего необычного – коробки, запчасти, какой-то хлам. Потом она бывала там изредка, но всегда только с Джоэлом. Он не запрещал ей ходить туда, хитрец, а ей просто нечего было там делать. К тому же Карен не любила темных мест – наверное, поэтому ее так встревожил сон.

Затаив дыхание, она прислушалась. Джоэл шептал что-то, но ответа не было слышно. Он подождал, потом снова заговорил. Молча кивнул, словно в подтверждение какого-то аргумента.

Снова хихикнув, Джоэл тут же прикрыл рукой рот и машинально посмотрел вверх, но Карен успела отпрянуть в тень.

– Это плохо, – сказал он. – Ты плохой.

Он снова прислушался.

– Я пытался. Не могу. Не знаю, как.

Замолчал. Посерьезнел. С усилием сглотнул. Даже там, наверху, она ощутила его страх.

– Нет, – твердо сказал Джоэл. – Нет. Я не стану это делать. – Он покачал головой. – Нет. Пожалуйста. Не буду. Не проси. Ты не можешь просить об этом.

Он зажал ладонями уши, чтобы не слышать голос, который говорил только с ним. Поднялся.

– Оставь меня в покое. Прекрати. – Он уже почти кричал. – Перестань шептать. Перестань.

Он бросился вверх по ступенькам.

– Оставь меня в покое. – Она поняла по голосу, что он плачет. – Прекрати. Прекрати. Хватит.

Карен проскользнула в спальню и юркнула под простыню за секунду до того, как Джоэл открыл дверь и вошел в комнату. Он сделал это так шумно, что она не могла не отреагировать, но постаралась изобразить удивление.

– Милый? Ты в порядке? – сонно спросила Карен, отрывая голову от подушки.

Он не ответил.

– Джоэл? Что случилось?

Он шагнул к ней, и она испугалась. Он опустился на край кровати, коснулся рукой ее волос.

– Прости, что ударил. Но я никогда не сделаю тебе ничего плохого. По-настоящему плохого. – Живот скрутило, и она испугалась, что не добежит до туалета. *По-настоящему плохого...* Как будто давать оплеуху время от времени – это нормально, но только за дело, только когда не в меру любопытная сучка начинает задавать неположенные вопросы или развлекает сыщиков в кухне. Только тогда. И наказание должно соответствовать преступлению. А потом она может раздвинуть ноги, и они помирятся, и все будет хорошо, потому что он любит ее, и это именно то, что делают люди, когда любят друг друга.

– Когда я ударил тебя, – продолжал Джоэл, – это был не я. Это было что-то другое. Как будто я стал марионеткой, и кто-то дергал за ниточку. Я не хочу обижать тебя. Я люблю тебя.

– Знаю, – ответила Карен, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал. Получилось только наполовину. – Милый, в чем дело?

Он прислонился к ней, и она почувствовала, как по его щеке текут слезы. Она обняла его.

– Мне приснился плохой сон. – Ей показалось, что она слышит в нем того маленького мальчика. Она посмотрела вниз и увидела, что он смотрит на нее. Смотрит расчетливо, недоверчиво и как будто даже с затаенной усмешкой, словно они оба ведут здесь какую-то игру, но только он знает правила. Это длилось мгновение, а потом глаза закрылись, и он уткнулся лицом в ее груди. А она крепко обняла его, хотя больше всего ей хотелось оттолкнуть, убежать из этого дома и никогда, никогда не возвращаться.

* * *

Стресс разрушает мозг – вот чего они не понимали на родине, не понимали те, кто не был здесь. Даже армия этого не понимала, а когда поняла, было слишком поздно. Возьми небольшой отпуск, говорили они. Побудь с семьей. Побалуйся с подружкой. Займи себя чем-нибудь. Найди работу, войди в нормальную колею.

Но он не смог бы сделать это, даже если бы ноги не заканчивались ниже колен, потому что стресс как яд, токсин, который проникает в организм, но затрагивает только один жизненно важный орган – мозг. Он помнил, как в тринадцать лет угодил в автоаварию на шоссе 1 незадолго

до смерти отца. Катастрофы не было. Грузовик проскочил на красный свет, и удар пришелся со стороны пассажирской двери. Он сидел сзади, со стороны водителя. Чистая удача: на том участке дороги было агентство по продаже автомобилей, и около него в хорошую погоду всегда стояли клевые машины. Ему нравилось смотреть на них, представлять себя за рулем самых лучших. Если бы не это, он сидел бы на другой стороне и разговаривал бы с отцом, и кто знает, чем бы все тогда закончилось. Потом, когда тягач ушел и полицейские из Скарборо отвезли их домой, он вдруг побледнел, затрясся и его вырвало.

Вот что делает стресс. Он превращает тебя в больного физически и душевно. А если стрессовые ситуации повторяются изо дня в день, а промежутки между ними заполнены часами скуки, игрой в карты, едой, сном или сочинением короткого письма домой, в котором ты сообщаем родным и близким, что пока еще жив, но конца не видно, потому что вас снова задержали, вот тогда нейроны летят к чертям, и мозг начинает монтировать схему заново, меняя режим работы. Отростки нервных клеток в гиппокампе, имеющие отношение к обучаемости и долгосрочной памяти, начинают разрушаться. Изменяется работа мозжечковой миндалины, отвечающей за социальное поведение и эмоциональную память. Также происходят изменения в префронтальной коре, которая отвечает за чувства страха и сожаления и дает нам возможность различать реальное и нереальное. Подобная изношенность и изменения наблюдаются у шизофреников, социопатов, наркоманов и заключенных, отбывающих длительный срок. Ты превращаешься в отбросы, и это не твоя вина, потому что ничего плохого ты не сделал. Ты просто исполнял свой долг.

Во времена Гражданской войны это называли кардионеврозом. Для солдат Первой мировой придумали нервное истощение, для тех, кто воевал во Второй мировой – боевую психотравму, или военный невроз. Потом это стало вьетнамским синдромом, а сейчас – боевым посттравматическим стрессом. Интересно, было ли какое-то определение у римлян и греков. Вернувшись домой, он прочитал «Илиаду», отчасти потому, что хотел понять войну через литературу. В горе Ахиллеса по павшему другу Патроклу и в прорвавшемся в связи с этим гневом он видел собственное горе по погибшим товарищам и прежде всего по Дэмиену.

Они уходят, а ты остаешься один в таком состоянии. Эмоции больше не контролируются. Ты сам себя не контролируешь. Ты – депрессивный параноик, отрезанный от тех, кто тебе дорог. Ты как будто все еще на войне. По ночам воюешь с простынями. Отдаляешься от любимых, и они

уходят от тебя.

И может быть – только может быть, – ты начинаешь верить в призраков, в демонов, говорящих с тобой из ларцов, и если невозможно дать им то, чего они требуют, если ты не в состоянии удовлетворить их желания, они наказывают за это и обращают тебя против тебя же самого.

И может быть – только может быть, – это саморазрушение принесет облегчение.

Глава 18

Ирод прибыл в Портленд поездом в 11.30 с черным кожаным саквояжем, старым, но еще целым, что свидетельствовало о качестве производства. Он не питал отвращения к самолетам и редко возил с собой что-то, что могло бы вызвать проблемы во время проверки багажа при посадке, но предпочитал ездить поездом. Это напоминало ему эпоху более цивилизованную, когда жизнь шла медленнее, и у людей было больше времени на приятные мелочи. Кроме того, при его болезненном состоянии поездка за рулем на большое расстояние не только становилась неудобством и тяжким бременем, но и несла в себе потенциальную опасность, поскольку принимаемые для облегчения боли лекарства вызывали сонливость. К несчастью, теперь эта проблема отошла на второй план: он уменьшил дозу, чтобы сохранять ясность мысли, и, как следствие, боль усилилась. В поезде можно встать и пройтись по вагону, посидеть в ресторане со стаканчиком, отвлечься от страданий. На Пенсильванском железнодорожном вокзале он сел в тихий вагон и, когда поезд вырвался из-под земли навстречу рассеянному в тумане солнечному свету, встретил утро довольной улыбкой. Рот его прикрывала синяя хирургическая маска, привлекавшая лишь пару взглядов у проходивших мимо пассажиров.

Присутствие Капитана он ощутил сразу после того, как Манхэттен скрылся из виду. Капитан сидел через проход, и Ирод видел только его отражение в оконном стекле, да и то частично – расплывчатое пятно, движущаяся фигура, захваченная объективом, когда все вокруг замерло. Ироду было легче смотреть на отражение, чем непосредственно на него.

Капитан вырядился клоуном. Про него можно говорить всякое, подумал Ирод, но к старым, проверенным вещам он питал определенную слабость. Пиджак в красную и белую полоску и маленький котелок, из-под которого торчали рыжие растрепанные космы парика. В искусственных волосах запуталась паутина, и Ироду даже показалось, что в них, если присмотреться, можно обнаружить ползающих пауков. Руки лежали на подлокотниках, почти полностью скрытые засаленными белыми перчатками, и лишь острые, с черной полоской грязи ногти виднелись сквозь порванную материю на пальцах. Указательный палец правой руки ритмично постукивал по подлокотнику, медленно поднимаясь и опускаясь, как некое заведенное механическое устройство. Лицо Капитана было раскрашено белым, большой красный рот неодобрительно кривился. На

щеках темнели пятна пудры, пустые глазницы густо подведены черной тушью. Капитан смотрел прямо перед собой, и только палец нарушал картину полной неподвижности.

Вагон был полон, но место Капитана оставалось пустым, как и соседнее с Иродом, как будто аура Капитана распространялась через проход. Сидевшая у окна, рядом с Капитаном, старушка чем дальше, тем явственнее выражала беспокойство. Ерзала. Старалась положить руку на общий подлокотник, но убирала ее через несколько секунд и потирала. Время от времени она морщила нос и даже кривилась от отвращения. Потом она принялась расчесывать волосы, и Ирод, наблюдая ее отражение, заметил, что несколько пауков Капитана перебрались на ее седые пряди. В конце концов она схватила пальто и сумочку и ушла в соседний вагон. На каждой станции в вагон заходили новые пассажиры, и некоторые из них останавливались возле двух пустых сидений, однако некий первобытный инстинкт гнал их дальше.

И все это время Капитан продолжал постукивать пальцем. *Та-та-та...*

Ирод сошел с поезда на новом железнодорожном вокзале в Портленде. Он еще помнил старый Юнион-стейшн, куда приходили поезда из Бостона. В последний раз он был там... когда? В 1964-м? Да, определенно в 1964-м. В памяти сохранилась картинка: большой серебристый вагон с переплетенными буквами В и М. Тот факт, что между Бостоном и Мэном снова ходит поезд, приятно его порадовал, хотя это и означало пересадку.

В аэропорт, где его ждал заказанный автомобиль, он приехал на такси. Здесь, как и при покупке билета на поезд, Ирод воспользовался вымышленным именем. Теперь он путешествовал как Учелло. Ирод всегда брал имя какого-нибудь художника эпохи Возрождения. Его водительские права и паспорта были выписаны на Дюрера, Брейгеля и Беллини, но особенную слабость он питал к Учелло, одному из первых живописцев, применивших в своем творчестве перспективу. Ему нравилось считать себя человеком, понимающим перспективу.

Капитана рядом не было. Капитан был... где-то еще. Добравшись до Портленда, он нашел бар некоего Джимми Джуэла, припарковался возле здания напротив, положил в карман пальто пистолет и отправился на другую сторону пристани. Бар был, похоже, закрыт, и никаких признаков жизни внутри не обнаруживалось. Ирод смотрел в окно, когда в стекле отразилась яркая фигура Капитана. Постояв секунду с застывшей на лице нарисованной гримасой, Капитан повернулся и прошел к задней стороне бара. Следуя за ним, Ирод как будто смотрел фильм в замедленном режиме. У задней двери он опустился на колени. Потрогал пятна крови, посмотрел

на дверь, понимающе кивнул и отвернулся.

Уже в машине, протянув руку к ключу зажигания, Ирод ощутил холодок в предплечье. Он посмотрел вправо и увидел в стекле пассажирского окна Капитана, левая рука которого и удерживала его на месте прикосновением колючих, как укусы насекомых, пальцев. Капитан смотрел на бар. Появившийся у главной двери человек попытался, как раньше Ирод, заглянуть внутрь. Рост – пять футов и десять дюймов, сидящие на висках волосы... Ирод с любопытством наблюдал за ним, ощущая исходящую от незнакомца угрозу: она проявлялась и в манере держаться, и в мрачноватой сдержанности. Чувствовалась в нем и какая-то «инаковость». С помощью Капитана Ирод узнал в нем похожего на себя человека, принадлежащего двум мирам. Интересно, что могло открыть этот разлом и наделить его способностью видеть так, как видел сам Ирод? Боль? Да, без нее не обойтись, но боль, что касается незнакомца, не только физическая. Ирод ощутил его горе, гнев, вину. Ощутил через Капитана, исполнявшего роль передатчика, пересылавшего проходящие через него пульсации эмоций.

Словно уловив интерес к себе, незнакомец повернулся и пристально посмотрел на Ирода. Нахмурился. Покалывание в руке усилилось – Капитан хотел, чтобы Ирод уехал. Он включил двигатель, тронулся с места и, уже поворачивая, миновал бросающуюся в глаза пару – изысканно одетого чернокожего и белого, пониже ростом и вырядившегося так, словно одежду он выхватил в спешке из корзины для прачечной. Он заметил в зеркало, что они смотрят ему вслед, а потом оба пропали, и вместе с ними исчез Капитан.

* * *

- Видел парня в машине? – спросил я у Луиса.
- Того, что в маске? Да. Не присматривался, но, по-моему, он чем-то болен.
- Он был один?
- Один?
- Да. На пассажирском сиденье кто-нибудь был?
- Луис нахмурился.
- Нет, только он один. А что?
- Ничего, должно быть просто ответ на стекле. Джимми Джуэла не видать. Попробую еще разок попозже. Поехали...

Ирод отправился в Уолдоборо, где жил его контакт, пожилая женщина, державшая магазин антиквариата. В закуской он заказал сэндвич и кофе и в ожидании заказа позвонил по платному телефону. Посетителей было немного, рядом никого, так что никто не подслушивал.

– Что у нас? – спросил он, когда на другом конце сняли трубку.

– Живет на складе, в Льюистоне. Старая пекарня.

Ирод выслушал подробные разъяснения и спросил:

– Поддержка есть?

– Кое-что есть.

– Объекты?

– Кое-кто уже проявляет интерес, но объекты пока у него.

Ирод поморщился.

– Как они узнали?

– Человек он неосторожный. Пошли слухи...

– Я уже еду. Свяжитесь с ним. Скажите, что с ним хотят поговорить.

– Я скажу мистеру Рохасу, что у меня есть потенциальный покупатель, и посоветую не предпринимать действий до нашей встречи. Повторяю, он не имеет представления об истинной ценности объектов. Возможно, заплатить придется немало.

– Думаю, я смогу убедить продавца проявить разумную сдержанность, поскольку меня больше интересует не товар, а источник поступления.

– Благоразумием он не отличается.

– Вот как? Очень жаль.

– Но и неразумным его назвать нельзя.

– Умный и неблагоразумный. Я бы сказал, качества взаимоисключающие.

– Если что, у меня есть его фотография. Распечатка с камеры наблюдения в магазине.

Ирод описал свою машину и объяснил, где припарковался. Машина будет открыта, и ей нужно положить конверт под пассажирское сиденье. Лучше не встречаться, решил он. Женщине пришлось приложить усилие, чтобы скрыть разочарование.

Ирод повесил трубку. Принесли заказ. Расположившись за столиком в углу, подальше от других посетителей, он приступил к трапезе. Ирод знал, что его вид не способствует аппетиту, но и сам не любил, когда на него пялились. Процесс поглощения пищи давался с трудом: аппетита не было,

но поддерживать силы приходилось. Тем более сейчас. Он думал о человеке, стоявшем у окна бара, и реакции Капитана на его присутствие.

На стене напротив его кабинки висело зеркало, в котором отражались дорога и маленькая девочка в рваном голубом платице. Повернувшись спиной к закусочной и держа в руке красный воздушный шар, она смотрела на проезжающие мимо грузовики и легковушки. Прямо на нее мчалась громадная фура «Мак», но девочка не шелохнулась, а водитель с высоты кабины ее, похоже, не видел. В тот миг, когда грузовик ударил девочку, Ирод отвернулся, с трудом сдержав крик. Фура умчалась, девочка исчезла, не оставив и следа.

Ирод снова повернулся к зеркалу – девочка стояла на том же месте, только смотрела теперь на закусочную и Ирода и как будто улыбалась. Даже в темных провалах глазниц прыгали смешинки. Потом она постепенно растаяла, и в отраженном мире остался только красный шар, возносящийся к серо-черным тучам с пурпурными и красными разрывами, похожими на раны в небесах. Вскоре небо расчистилось, и зеркало снова отразило этот унылый мир, а не окно в другой.

Перекусив в меру возможностей, Ирод задержался за кофе. Спешить было некуда. Сумерки опустятся нескоро, а Ирод предпочитал работать в темноте. Потом он нанесет визит мистеру Рохасу. Откладывать переговоры до следующего дня он не собирался. Он вообще не был настроен на переговоры.

Глава 19

В парижских апартаментах на Рю-дю-Сен, расположенных над аукционным залом почтенной арт-дилерской компании «Рошман и сын», готовились к заключению сделки. Эммануэль Рошман, последний в долгой череде Рошманов, чья комфортная жизнь обеспечивалась торговлей редким антиквариатом, терпеливо ждал, пока сидящий напротив него иранский бизнесмен перейдет к делу и объявит о решении, которое, как они оба знали, уже принято. В конце концов, эта встреча по поводу древних артефактов была всего лишь последним звеном в длинной цепочке переговоров, начавшихся много недель назад. Ему предложили прекрасные и большой редкости предметы – две изящные статуэтки из захоронений ассирийских цариц в Нимруде и пару лазуритовых цилиндрических печатей, возраст которых оценивался в 5500 лет, – более древние образцы такого рода, насколько знал Рошман, на продажу еще не выставлялись. И у иранского бизнесмена практически не было шансов увидеть их еще раз.

Иранец вздохнул и поерзал в кресле. Рошману нравилось иметь дело с иранцами. До сих пор они были едва ли не самыми активными покупателями ценностей, украденных из иракского музея, даже если в силу обстоятельств они, как и иорданцы, были вынуждены расстаться потом с большей частью добычи, попавшей к ним таким образом. Тысячи предметов все еще числились пропавшими, но большая часть ценностей возвращалась к законному владельцу. Возможность приобрести иракские сокровища становилась все более редкой, а число коллекционеров, готовых заплатить за них, соответственно, возрастало. С нынешним покупателем Рошман ранее не сталкивался, но его рекомендовали два бывших клиента, которые заключили с антикваром немало крупных сделок и при этом не настаивали на гарантиях подлинности и оформлении документов.

– Еще будут? – спросил иранец, называвший себя мистером Аббасом, «Львом». Имя явно было ненастоящее, но депозит в два миллиона долларов снимал все сомнения, и люди, рекомендовавшие иранца антиквару, заверили его, что два миллиона едва ли составляют дневную прибыль мистера Аббаса. Тем не менее француз уже начал уставать от сегодняшней львиной охоты. Ну давай же, думал он, я знаю, что ты их купишь. Скажи «да» и покончим с этим.

– Таких не будет, – сказал Рошман и, подумав – кто знает, какую дополнительную прибыль может обеспечить толика терпения, – уточнил: –

Статуэтки даже вполнину столь же прекрасные вряд ли когда-либо появятся на рынке снова. Если вы откажетесь, они исчезнут. Печати... – Он изобразил жест, означающий возможность, но с преобладанием негатива. – Но если вы будете удовлетворены этой покупкой, вполне вероятно, что артефакты подобного качества могут быть предложены вам снова.

– А подтверждение подлинности?

– Дом Рошманов подтверждает подлинность всего, что продает. Разумеется, в случае возникновения каких-либо юридических вопросов покупатель узнает об этом первым, но я уверен, что в данном конкретном случае такого рода трудности исключены.

Именно такую позицию занимал Рошман в тех редких случаях, когда ему действительно приходилось преступать черту закона. В том, что касается древностей, часто возникают серые зоны, но к сегодняшней сделке это не относилось. И антиквар, и иранец знали источник появления печатей и статуэток. Об этом не говорили вслух, и никаких квитанций здесь не выдавали.

Аббас согласно кивнул:

– Что ж, я согласен. Продолжим.

Он опустил руку в карман и достал золотую ручку.

– Ручка не понадобится, мсье Аббас, – сказал Рошман, и в этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвались вооруженные полицейские.

Мистер Аббас улыбнулся.

– Меня зовут аль-Дайни, месье Рошман. У нас с коллегами есть к вам несколько вопросов...

Глава 20

Ангел и Луис остались у меня в доме и, похоже, спали в ту ночь по очереди, имея в виду, что нападение может произойти в любой момент. На следующее утро мы просидели вместе целый час, сводя воедино всю имеющуюся информацию по Джоэлу Тобиасу. В этом деле он был главным звеном, так что время мы потратили не впустую. Поскольку Тобиас служил в армии, значительный период его жизни оставил четкий бумажный след. На первый взгляд здесь все было ясно. В 1990 году, окончив школу в Бангоре, он сразу ушел в армию, где получил специальность водителя грузовика. В начале 2007 года был уволен из армии по инвалидности, после того как подорвался на неустановленном взрывном устройстве, сопровождая медицинский груз в зеленую зону Багдада, – получил ранение в ногу и потерял два пальца на левой руке. В том же году вернулся в Мэн, сдал экзамены, прошел тесты и подал заявку на право управления грузовым автомобилем. После сдачи отпечатков пальцев и прохождения обязательной проверки по линии Транспортной администрации получил разрешение на перевозку опасных материалов. Так что с лицензией у него все было чисто.

В «Бангор дейли ньюс» от 19 июля 1998 года я нашел объявление о смерти матери Тобиаса; согласно другому объявлению, его отец, служивший в свое время во Вьетнаме, скончался в апреле 2007 года. Там же упоминался и сын умершего ветерана, также служивший в армии и проходящий курс реабилитации после ранения. Была в газете и фотография Тобиаса около могилы. Он был в полной военной форме и на костылях. И больше никого из родственников – Тобиас был единственным ребенком.

Я ощутил укол совести, чувство вины человека, не принесшего своей стране жертву, подобно тому, с кем он имеет дело. На первый взгляд Тобиас служил честно и пострадал. Я никогда даже не рассматривал для себя вариант с военной службой, но с уважением относился к тем, кто его выбрал. Что повлияло на решение Тобиаса пойти в армию? Сыграл ли свою роль пример отца? Но, с другой стороны, его отец не был кадровым военнотружущим. Многие вернувшиеся из Вьетнама клялись, что не допустят, чтобы их дети прошли через такой же ад. Добровольно поступая на военную службу, Тобиас либо бунтовал против отца, либо стремился снискать его уважение.

Я открыл файл на Бобби Жандро, учившегося в Бангоре в той же

средней школе, что и Тобиас, но с разницей в десять лет. Во время последней командировки в Ирак он получил серьезное ранение в бою под Газалией. Пуля попала в бедро, и, пока он лежал на земле, атаковавшие конвой шиитские боевики продолжали стрелять ему по ногам, стремясь выманить из укрытия его товарищей. В конце концов Жандро все же вытащили из-под огня, но спасти ноги не удалось, и их пришлось ампутировать.

Все эти подробности я узнал из газетной статьи о раненых ветеранах Мэна, в которой упоминалось и имя Жандро. В ней говорилось и о том, что спас его Дэмиен Пэтчет. Сам Дэмиен, если к нему и обращались за комментариями, дать их отказывался. Рассказывая о себе, Жандро признал, что живется ему нелегко, что у него возникла лекарственная зависимость, справиться с которой ему помогла подруга. Далее репортер писал: «Жандро смотрит в окно своего дома в Бангоре, сжимая подлокотники инвалидного кресла. «Никогда не думал, что все закончится вот так. Как и остальные ребята, я знал, что всякое может случиться, но всегда верил, что ранят или убьют кого-то другого, но только не меня. Пытаюсь найти в этой ситуации что-то позитивное, но ничего не вижу. Тошно». Мэл Нелсон, подруга ветерана, гладит его по руке. Она едва не плачет. У Жандро глаза сухие. То ли он в шоке, то ли слез уже не осталось».

– Не повезло парню, – сказал Ангел. Луис, тоже читавший статью с экрана, промолчал.

Найти адрес Бобби Жандро в Бангоре я не смог, но в статье упоминалось, что его девушка Мэл Нелсон работает офис-менеджером в лесозаготовительной компании своего отца в Визи. Она оказалась на месте, когда я позвонил, и у нас состоялся долгий разговор. Иногда люди как будто ждут нужного звонка. Оказалось, она уже не девушка Бобби, и ситуация ей не нравится. Да, Бобби ей дорог, да, она любила его, но он выгнал ее, а почему, она так и не поняла. В результате разговора я получил номер телефона и адрес Бобби Жандро, а Мэл Нелсон меня просто восхитила.

Мы еще завтракали, когда позвонила Кэрри Сандерс. Не могу сказать, что она была в восторге от перспективы нашей встречи, но я уже давно научился не принимать такие вещи близко к сердцу. Я сообщил, что работаю на Беннета Пэтчета, отца Дэмиена, и она подтвердила, что примет меня в своем офисе в медицинском центре для ветеранов «Тогус» в Огасте, после чего положила трубку. Луис и Ангел поехали со мной. Я с интересом ожидал развития ситуации, но никаких признаков преследования они не обнаружили.

Глава 21

Офис Кэрри Сандерс находился рядом со зданием психиатрической службы. На пластиковой табличке у двери значилось только ее имя – «доктор Сандерс», – и когда я постучал, мне открыла женщина лет тридцати пяти – тридцати шести, с короткими блондинистыми волосами и фигурой боксера легкого веса. На ней были черные деловые слаксы и темная футболка, позволявшая оценить четко вылепленные мышцы плеч и предплечий. Рост около пяти футов и семи дюймов, с немного землистым цветом лица. Скромный офис хозяйка использовала по максимуму: справа – три каталожных шкафчика, слева – книжные полки с медицинской литературой и картонные коробки для документов. На стенах – дипломы Военно-медицинского университета в Бетесде и Медицинского центра Уолтера Рида. Еще одна бумага подтверждала специализацию хозяйки кабинета в области психиатрии катастроф. На полу – практичный серый ковер. На письменном столе полный порядок и ничего лишнего. Около телефона одноразовый стаканчик из-под кофе и половинка рогалика.

– Перекусываю по мере возможности, – объяснила она, убирая остатки ленча. – Если проголодались, можно перехватить что-нибудь в столовой.

Я сказал, что все в порядке.

Она указала на пластиковый стул у стола и подождала, пока я сяду.

– Чем могу помочь, мистер Паркер?

– Если не ошибаюсь, вы занимаетесь изучением посттравматических расстройств.

– Верно.

– И особое внимание обращаете на самоубийства.

– На предотвращение самоубийств, – поправила она. – Позвольте спросить, кто вам рассказал обо мне?

Возможно, дело в моей врожденной антипатии к власти, особенно к власти, представленной военными, но я решил, что упоминать Роналда Стрейдира не стоит.

– Я бы предпочел не говорить. А что, есть какая-то проблема?

– Нет, просто любопытно. Частные детективы меня вниманием не балуют.

– Я заметил, что вы не спросили, в чем дело, когда мы разговаривали по телефону.

– Я навела справки. Репутация у вас та еще. Разве я могла отказаться

от встречи с таким человеком.

– Моя репутация – раздутая сплетня. Не верьте всему, что пишут в газетах.

Она улыбнулась.

– В газетах я о вас не читала. Предпочитаю иметь дело с людьми.

– В этом мы с вами сходимся.

– Возможно, только в этом. Скажите, мистер Паркер, вы проходили курс терапии?

– Нет.

– Психотерапевтическое консультирование?

– Нет. Хотите предложить свои услуги?

– Как вы заметили, я занимаюсь посттравматическими расстройствами.

– И я кажусь вам подходящим кандидатом.

– Так вы не согласны? Мне известно, что случилось с вашими женой и ребенком. Это ужасно, такое почти невозможно вынести. Я говорю «почти», потому что служила своей стране в Ираке, и то, что я видела там, то, что пережила, изменило меня. Каждый день я сталкиваюсь с последствиями насилия. У меня, можно сказать, есть контекст, в который укладывается то, через что прошли вы и, может быть, все еще остаетесь в этом состоянии.

– Это так важно?

– Важно, если вы пришли поговорить о посттравматическом стрессе. То, что вы узнаете сегодня, будет зависеть от вашего понимания концепции. Это понимание может значительно расшириться, если вы соотнесете его со своим опытом, каким бы частным он ни был. Пока ясно?

Улыбка никуда не подевалась. Такая же снисходительно-покровительственная, но доброжелательная.

– Вполне.

– Хорошо. Мое исследование является частью военной программы, цель которой – помочь справиться с психологическими последствиями войны тем, кто воевал и был списан по инвалидности, и тем, кто ушел по причинам, не связанным с ранениями. Это один аспект исследования. Другой имеет отношение к предотвращению травмы. На данном этапе мы вводим программы эмоциональной устойчивости, рассчитанные на улучшение боевых показателей и минимизацию проблем психического здоровья, включая ПТСР, гнев, депрессию и самоубийства. Эти симптомы отмечаются заметно чаще при повторном участии в боевых действиях.

Не каждый перенесший травму солдат страдает боевым

посттравматическим синдромом, точно так же, как в обычной гражданской жизни люди по-разному реагируют на, скажем, нападение, изнасилование, природную катастрофу или насильственную смерть любимого человека. Реакция на стресс, конечно, возникнет, но вовсе не обязательно в форме ПТСР. Психология, генетика, физическая форма, социальные факторы – все играет роль. У человека с крепкой структурой поддержки – семья, друзья, профессия – шансы на развитие ПТСР меньше, чем, например, у одиночки. С другой стороны, чем больше отсрочка в развитии ПТСР, тем острее оно может проявиться. При остром стрессе состояние начинает улучшаться через три-четыре месяца. При отсроченном этот период растягивается до десяти месяцев, и, следовательно, лечение проходит труднее. – Она помолчала. – Что ж, с лекционной частью покончено. Вопросы?

– Нет. Пока.

– Хорошо. Теперь вы готовы участвовать.

– А если нет?

– Тогда можете идти. Это обмен, мистер Паркер. Вам нужна моя помощь. Я готова предоставить ее, но только в обмен на что-то. В данном случае это ваша готовность сообщить, знакомы ли вам симптомы, которые я опишу. Отвечать можете в самых общих выражениях. Запись этого разговора храниться не будет. Если в какой-то момент в будущем вы сочтете возможным предложить более глубокое понимание того, через что вы прошли, я буду признательна. Не исключаю, что вам это пойдет на пользу и в терапевтическом плане. В любом случае мы возвращаемся к тому, что я сказала вначале. Вы пришли узнать о ПТСР. Это ваш шанс.

Признаюсь, она вызвала у меня восхищение. Я мог уйти, но тогда ничего бы не узнал, кроме того, что не стоит недооценивать женщин, которые похожи на боксеров, но это я понял задолго до встречи с Кэрри Сандерс.

– Ладно, давайте. – Я постарался сказать это так, чтобы согласие не прозвучало уступкой. Но, похоже, не очень преуспел.

– Различают три главные категории посттравматического стрессового расстройства. Первая включает в себя реминисценции, повторяющиеся переживания события, давшего толчок развитию расстройства или, что случается чаще и проявляется в менее острой форме, серии самопроизвольных, навязчивых мыслей, которые могут ощущаться как реминисценции, не будучи ими. Мы говорим о снах и неприятных воспоминаниях на одном уровне или выведении ассоциаций с событием из несоотносимых с ним ситуаций. Вы бы удивились, узнав, что многие солдаты терпеть не могут фейерверки. Я лично видела, как перенесшие

психологическую травму люди падали на пол, когда захлопывалась дверь или ребенок стрелял из игрушечного ружья. На другом уровне переживание случившегося может быть настоящим, воспринимаемым до такой степени реально, что оно нарушает обыденное, повседневное функционирование человека.

В комнате наступила тишина. За окном пролетела птица, и ее тень метнулась по стене: невидимое существо, отделенное от нас стеклом и кирпичом, заставившее нас ощутить его присутствие.

– Реминисценции, навязчивые мысли, называйте, как хотите, – это было, – сказал я наконец.

– В острой форме?

– Да.

– Повторялись часто?

– Да.

– Что их вызывало?

– Кровь. Ребенок – девочка – на улице, с матерью или без. Самые обычные вещи. Стул. Лезвие. Реклама, связанная с кухней. Определенные, угловатые формы. Не знаю, почему. Со временем образы, вызывавшие проблемы, стали появляться реже.

– А сейчас?

– Случается, но редко. Кошмары бывают, но не часто.

– Как думаете, почему?

Я сознательно старался не делать слишком долгих пауз перед ответами, чтобы не дать Сандерс оснований предположить, будто она обнаружила некую перспективную разработку. Поверить в то, что меня преследовали образы жены и ребенка или что-то столь же мрачное, что-то, принявшее затем формы менее опасные, но столь же непознаваемые, я бы вряд ли смог, даже если бы проходил групповую терапию вместе с Гитлером, Наполеоном и Джимом Джонсом^[32]. Учитывая обстоятельства, я даже похвалил себя за то, что мой ответ на ее последний вопрос прозвучал почти мгновенно.

– Не знаю. Время?

– Оно исцеляет не все раны. Это миф.

– Может, к боли просто привыкаешь.

Она кивнула.

– Возможно, вам даже будет не доставать ее, когда она уйдет.

– Вы так думаете?

– Это не исключено, если она давала вам цель.

Другого ответа она не дождалась и, поняв, что его не будет, двинулась

дальше.

– Симптомы избегания: оцепенение, отстраненность, социальная изоляция.

– Это когда не выходят из дома?

– Не настолько буквально. Человек просто держится подальше от людей и мест, которые ассоциируются с происшествием: бывших коллег, друзей, родных. Ему трудно о чем-то заботиться. Он может чувствовать, что смысл жизни утрачен, что у него нет будущего.

– Некоторая отстраненность была, – признался я. – Я не чувствовал себя частью обыденной жизни. Самой этой жизни не было. Был только хаос.

– А коллеги?

– Я избегал их, они избегали меня.

– Друзья?

Я подумал о ждущих меня в машине Ангеле и Луисе.

– Некоторые не хотели быть в стороне.

– Вы злились на них за это?

– Нет.

– Почему?

– Потому что они такие же, как я. Они разделяли мою цель.

– И что это за цель?

– Найти того, кто убил мою жену и ребенка. Найти и порвать на куски.

Ответы пошли быстрее. Я удивился, а потом даже рассердился на себя за то, что так легко позволил чужаку влезть мне в душу, но в этом было и какое-то удовольствие, как будто я избавлялся от чего-то. Может, я нарцисс, а может, слишком давно не был так откровенен с собой.

– Считали ли вы, что у вас есть будущее?

– Только ближайшее.

– И вы связывали его только с убийством того человека?

– Да.

Она слегка подалась вперед, и в ее глазах появились светлые блики. Сначала я удивился этому, а потом понял – это мое собственное лицо отражается в глубине ее зрачков.

– Симптом возбуждения. Трудности с концентрацией.

– Нет.

– Гиперреакция на неожиданный раздражитель.

– Вроде выстрела?

– Возможно.

– Нет, гиперреакции на выстрелы у меня не было.

- Гнев. Раздражительность.
- Да.
- Проблемы со сном.
- Да.
- Сверхнастороженность.
- Вполне оправданная. Моей смерти хотели многие.
- Физические симптомы: лихорадка, головные боли, головокружение.
- Нет. По крайней мере, ничего особенного.

Она откинулась на спинку стула. Мы почти закончили.

- Синдром выжившего.
- Да.

Да, постоянно.

Кэрри Сандерс вышла ненадолго и вернулась с двумя стаканчиками кофе. Достала из кармана несколько пакетиков с сахаром и заменителем сливок.

– Вы ведь и сами, без меня, все знаете, да? – Она положила в свой стаканчик столько сахара, что ложечка, наверное, могла бы стоять в ее стаканчике, даже если ее не придерживать.

- Да. Но вы ведь не первая.

Я отпил кофе. Крепкий, горький. Понятно, почему ей понадобилось столько сахара.

- Как вы сейчас?
- Сейчас в порядке.
- Обходитесь без лечения?

– Я знаю, как выпускать гнев. Это постоянный терапевтический процесс.

- Вы отслеживаете людей. И порой их убиваете.

Я не ответил, а вместо этого спросил:

- Где вы служили?

– В Багдаде. Я была в звании майора и приписана к оперативной группе «Железный конь» в лагере «Бум» в Бакубе.

- Лагерь «Бум»?

– Да. Там постоянно что-то взрывалось. Теперь его называют лагерь «Гэйб» – в память о сапере, Дэне Гэйбриэлсоне, погибшем в Бакубе в 2003 году. Когда я там оказалась, там почти ничего не было – ни водопровода, ни туалета, ничего. А когда уезжала, были ЖБК, водоснабжение для душевых и туалетов, новая электроподстанция, и там уже начинали тренировать иракскую национальную гвардию.

- ЖБК? – Я чувствовал себя так, словно слушаю кого-то, говорящего

на пиджине.

– Жилые блоки-контейнеры. Для вас – большие коробки.

– Женщинам там, должно быть, нелегко приходилось.

– Нелегко. Война ведь изменилась. Раньше женщины-солдаты не жили и не воевали вместе с мужчинами, как сейчас. Перемены приносят и новые проблемы. Формально мы существуем отдельно от боевых частей и считаемся «приписанными» к ним, но, как ни крути, все равно воюем и так же, как мужчины, умираем. Может, не так много, как мужчин, но в Афганистане и Ираке погибло более сотни женщин и сотни были ранены. Однако ж нас все равно называют шлюхами и сучками. На нас нападают, нас унижают наши же мужчины. Во избежание изнасилования нам рекомендуют ходить по территории базы парами. Но я не жалею, что служила. Нисколько. А здесь я потому, что страна еще в долгу перед многими солдатами.

– Вы упомянули, что начинали в лагере «Бум». А потом?

– Потом меня перевели в лагерь «Боевой конь», а позже в Абу-Грейб – по программе реструктуризации тюрьмы.

– Позвольте спросить, что входило в ваши обязанности?

– Поначалу я работала с заключенными. Нам нужна была информация, а они, разумеется, были настроены враждебно, особенно после всего, что творилось там в первое время. Приходилось искать новые подходы, чтобы разговорить их.

– Когда вы говорите «новые подходы»...

– Вы же видели фотографии: унижения, пытки – постановочные и не постановочные. Понятно, что легче нам от всего этого не было. Да еще всякие идиоты с радиобеседами, с их шуточками, смехом и полным непониманием того, как это влияет. У иракцев появилась еще одна причина ненавидеть нас, и они отыгрывались на наших военных. Американские солдаты погибали из-за Абу-Грейба.

– Ложка дегтя...

– Все, что происходило там, происходило с ведома и разрешения высшего начальства; если не в деталях, то в основном.

– А потом прибыли вы с новым подходом.

– Я и другие. Девиз был простой: никаких пыток. Если человека пытаться достаточно долго, он скажет вам все, что вы хотите. Все хотят одного – чтобы пытки прекратились.

Должно быть, она прочла что-то на моем лице, потому что остановилась и посмотрела пристальнее.

– С вами такое было?

Я промолчал.

– Расцениваю это, как «да». Хочу обратить ваше внимание на то, что даже умеренное давление – а под таковым я понимаю физическую боль, которая не вызывает страха смерти, – не проходит бесследно. На мой взгляд, перенесший пытку уже никогда не будет прежним. Человека как будто лишают чего-то, вырезают у него что-то, отнимают. Называйте это как угодно – душевное спокойствие, достоинство. Иногда, кажется, даже имя. Так или иначе, в краткосрочном плане пытка оказывает на личность глубоко дестабилизирующий эффект.

– А в долгосрочном?

– Ну... В вашем случае как давно это было?

– В последний раз?

– С вами такое не единожды случалось?

– Нет.

– Господи. Будь на вашем месте солдат, я бы обязательно позаботилась о том, чтобы он прошел курс интенсивной терапии.

– Вы меня ободрили. Но вернемся к вам...

– Отработав в Абу-Грейбе, я занялась консультированием и терапией. С самого начала стало ясно, с уровнями стресса есть проблемы, и они возрастают, если военные многократно иницируют передислокации, принудительное продление действительной военной службы и призывают резервистов. Я перешла в бригаду психиатрической помощи, работавшую в «зеленой зоне», но отвечавшую за две базы: «Острие» и «Боевой конь».

– «Острие»... Не там ли базируется Третий пехотный?

– Да, несколько бригад.

– А вы не встречали там кого-нибудь из подразделения «Страйкер»?

Она поставила стакан, и выражение ее лица изменилось.

– Вы для этого приехали? Поговорить о военнослужащих из подразделения «Страйкер Си»?

– Я не говорил о «Страйкер Си».

– Вам и не надо было.

Она ждала, что я продолжу.

– Насколько я могу судить, три бывших солдата из подразделения «Страйкер Си» покончили с собой. Один прихватил с собой жену. На мой взгляд, смахивает на кластерные самоубийства и, вероятно, вас это заинтересовало.

– Заинтересовало.

– Вы разговаривали с кем-либо из них до их смерти?

– Разговаривала со всеми. Но с Дэмиеном Пэтчетом только

неофициально. Первым был Бретт Харлан. Посещал центр для ветеранов в Бангоре. Наркоман. Ему помогло, что рядом с центром для ветеранов действует программа по выдаче чистых игл.

Это у нее шуточки такие? Я даже не понял.

– Что он вам рассказал?

– Это конфиденциальная информация.

– Он умер. Ему уже все равно.

– Я не буду раскрывать суть наших с ним разговоров, но он определенно страдал от посттравматического стрессового расстройства, хотя...

Она замолчала. Я ждал.

– У него был слуховой феномен, – неохотно добавила она.

– То есть Харлан слышал голоса.

– Диагностическим критериям по ПТСР это не соответствует. Пожалуй, ближе к шизофрении.

– Вы продолжили исследование?

– Он прервал курс лечения. А потом умер.

– Проблему спровоцировало какое-то специфическое событие?

Она отвела глаза.

– Ничего специфического, насколько я могу судить.

– Как вас понимать?

– У него были кошмары, проблемы со сном, но соотнести их с каким-то особенным событием он не мог. Это все, что я готова вам сказать.

– Что-то в его поведении указывало на намерение убить жену?

– Нет. Вы серьезно допускаете, что мы не вмешались бы, если бы допускали такой риск? Перестаньте.

– Возможно ли, что поведение всех трех определялось одной и той же причиной?

– Не уверена, что правильно вас поняла.

– Могло ли нечто произошедшее в Ираке привести к формированию... коллективной травмы?

Ее губы дрогнули в усмешке.

– Выдумываете психиатрические термины, а, мистер Паркер?

– Звучит подходяще. Другого объяснения тому, что я имею в виду, у меня нет.

– Неплохая попытка. Я дважды встречалась с Берни Крамером после его возвращения. Тогда симптомы проявлялись очень слабо и напоминали те, что наблюдались и у Бретта Харлана, но ни тот, ни другой о каком-либо общем для обоих травматическом эпизоде не упоминали. Крамер отказался

продолжить лечение. После смерти Берни Крамера у меня была непродолжительная беседа с Дэмиеном Пэтчетом в рамках моего исследования. Ничего такого, что соответствовало бы вашим предположениям, он не говорил.

– Мистер Пэтчет не упоминал, что Дэмиена кто-то консультировал.

– Никто его не консультировал. Мы просто поговорили после похорон Крамера и потом встретились еще раз, но о терапии речи не было. Как я уже сказала, Дэмиен выглядел человеком хорошо адаптировавшимся. Единственное, что его беспокоило, это бессонница.

– Вы выписывали кому-нибудь из них какие-то лекарства?

– Это часть моей работы. Когда возникает необходимость... Я против того, чтобы люди с психическими проблемами накачивали себя медикаментами. Они всего лишь маскируют боль и никак не помогают в решении основной задачи.

– Но вы все же выписывали рецепты.

– Тразодон.

– Дэмиену Пэтчету?

– Нет, только Крамеру и Харлану. Дэмиену я рекомендовала обратиться к врачу, если его мучает бессонница.

– Но проблемы у него были не только со сном.

– Похоже, что нет. Не исключено, что смерть Крамера стала катализатором углубления проблем для самого Дэмиена. Сказать по правде, я никак не ожидала, что Дэмиен покончит с собой. На похоронах я подошла к нескольким бывшим товарищам Крамера и предложила помочь с организацией консультаций, если они сочтут это нужным.

– Консультировали бы вы сами?

– Да.

– Потому что это было в интересах вашего исследования.

Впервые за время разговора она рассердилась.

– Нет, потому что это помогло бы им. Это не какие-то научные опыты, мистер Паркер. Речь идет о спасении жизней.

– В случае с подразделением «Страйкер Си» ваша программа не сработала. – Я нарочно ее провоцировал, но сам не знал для чего. Наверное, отыгрывался за то, что открылся. В любом случае нужно было остановиться, и тут она сама мне помогла и встала, давая понять, что наше время истекло. Я тоже встал, поблагодарил за информацию и направился к двери.

Она уже открывала папки на столе, чтобы заняться работой, когда я обернулся:

- Э, последний вопрос.
- Да. – Она даже не подняла головы.
- Вы были на похоронах Дэмиена Пэтчета?
- Да. То есть я была в церкви, но не пошла на кладбище.
- Можно спросить, почему?
- Мне дали понять, что мне там делать нечего.
- Кто?
- Это не ваше дело.
- Джоэл Тобиас?

Ее рука на мгновение зависла над страницей.

– До свидания, мистер Паркер. И примите профессиональный совет, вам еще нужно поработать над своими проблемами. На вашем месте я бы поговорила о них с кем-нибудь еще. Но только не со мной.

– Понимать так, что видеть меня в вашей программе вы не желаете?

Теперь она подняла голову.

– Думаю, я изучила вас достаточно. Пожалуйста, закройте дверь, когда будете выходить.

Глава 22

Бобби Жандро все еще жил в Бангоре, примерно в часе езды от Огасты, в доме на Палм-стрит. Ангел и Луис все так же сопровождали меня, и мы добрались до места назначения без происшествий. Снаружи дом выглядел скромно: одноэтажный, с шелушащейся, как больная кожа, краской и лужайкой, изо всех сил делавшей вид, что она не заросла сорняками. Лучшее, что приходило в голову в связи с внешним видом дома, – это то, что он не поощрял надежд в отношении интерьера. Дверь открыл Жандро в инвалидном кресле. На нем были серые спортивные штаны, подколотые на бедрах, и серая, в грязных пятнах футболка, слишком обтягивающая для изрядного брюшка. Голову Бобби брил, но зато отпускал бороду. В доме стоял затхлый запах, в мойке виднелась гора грязной посуды, на полу возле мусорного ведра валялись пустые коробки из-под пиццы.

– Чем могу? – спросил он.

Я показал удостоверение. Бобби взял его и принялся изучать с таким вниманием, словно получил от копов фотографию пропавшего ребенка и мог бы даже, если смотреть достаточно долго, вспомнить, где видел парнишку. Закончив, он вернул мне удостоверение, и руки упали между бедер и вцепились одна в другую, как зверьки.

– Она вас послала?

– Кто меня послал?

– Мэл.

– Нет. – Я хотел спросить, почему она могла послать в его дом частного детектива, так как особенного беспокойства, когда мы с ней разговаривали, с ее стороны не прозвучало, но время для такого вопроса еще не пришло. Вместо этого я сказал: – Надеюсь поговорить о вашей службе в армии.

Я ждал, что Бобби спросит, зачем мне это, но он не спросил. Откатился назад и предложил войти. В нем ощущалась настороженность, осознание собственной уязвимости и того, что до самой смерти ему суждено смотреть на всех снизу вверх. Плечи и предплечья у Бобби остались сильными, и когда мы перебрались в гостиную, я увидел у окна гантели.

– Если ноги не работают, это еще не значит, что надо отказаться от остального, – сказал Бобби, заметив мой взгляд. Он не задибался, не

оправдывался, просто констатировал факт.

– С руками легче. С остальным... – Бобби похлопал себя по животу, – труднее.

Я не знал, что сказать, поэтому промолчал.

– Хотите содовой? Крепче у меня ничего нет. Решил, будет лучше, если соблазнов рядом не будет.

– Мне не надо. Ничего, если я сяду?

Бобби указал на стул, и я увидел, что мое первое впечатление от интерьера оказалось ошибочным или, по крайней мере, несправедливым. Комната была чистая, правда, кое-где лежала пыль. Полки с книгами – главным образом научная фантастика, но были книги и по истории, прежде всего посвященные Вьетнаму и Второй мировой войне, по шумерской и вавилонской мифологии, еще лежали газеты «Бангор дейли ньюс» и «Бостон глоуб». Я заметил пятно на ковре, как будто кто-то что-то пролил и плохо вытер, и другие, на полу и стене между гостиной и кухней. Похоже, хозяин изо всех сил старался держаться, но человек в инвалидном кресле не всегда в состоянии просто оттереть пятно на полу.

Он не спускал с меня глаз и ждал моей реакции на состояние своего жилья.

– Мама приходит пару раз в неделю, помогает с тем, что мне не по силам. Она бы и каждый день приходила, если б я разрешал, но уж больно суется. Да вы и сами знаете, какие они.

Я кивнул.

– Что с Мэл?

– Вы ее знаете?

Я не хотел пока говорить, что уже общался с ней.

– Читал в газете ваше прошлогоднее интервью. Там же и ее фотография была.

– Мэл ушла.

– Можно спросить, почему?

– Потому что я вел себя как последний придурок. Потому что она не могла больше так. – Он похлопал по штанинам и, подумав, добавил: – Нет. Это я не мог больше так.

– Зачем ей было обращаться к детективу?

– Что?

– Вы спросили, не Мел ли меня прислала. Вот мне и хотелось бы знать, почему вы так подумали.

– Она ушла после того, как мы с ней поругались. Поругались из-за денег, выясняли, что кому принадлежит. Вот я и подумал, что она, может,

наняла вас – продвинуть дело дальше.

Когда мы разговаривали с ней, Мэл действительно затронула эту тему. Дом принадлежал им обоим, но за юридической помощью для прояснения всей этой ситуации она пока не обращалась. Разрыв случился совсем недавно, и она еще надеялась на примирение. И все-таки что-то в тоне Жандро наводило на мысль, что беспокоят его не домашние неурядицы, а кое-что другое.

– И вы поверили, когда я сказал, что это не она меня послала?

– Ну да, поверил. Не похожи вы на парня, который станет бить калеку. А если что...

Правая рука нырнула вниз и вынырнула с «береттой», прятанной в самодельной кобуре под сиденьем кресла. Подержав пистолет пару секунд дулом вверх, Бобби вернул его на место.

– Вас что-то беспокоит? – спросил я, хотя задавать такой вопрос человеку с оружием в руке, наверное, излишне.

– Меня много чего беспокоит. Если для меня и сейчас в сортир сходить проблема, то как я управлюсь, когда зима пожалует. Да обо всем, что ни назови, беспокоиться приходится. Но мне не нравится, что кто-то считает меня легкой добычей. С этим, по крайней мере, я управиться могу. А теперь скажите-ка, мистер Паркер, с чего это у вас вдруг интерес ко мне пробудился.

– Не к вам. К Джоэлу Тобиасу.

– Допустим, я скажу, что не знаю никакого Джоэла Тобиаса.

– Тогда мне придется предположить, что вы лжете, поскольку служили вместе с ним в Ираке, и он был вашим сержантом в «Страйкер Си». Вы оба присутствовали на похоронах Дэмиена Пэтчета, а потом схлестнулись с Тобиасом в баре «Салли». Ну что, будете настаивать, что не знаете никакого Джоэла Тобиаса?

Жандро отвел глаза. Я знал – прикидывает варианты: поговорить со мной или указать мне на дверь. От него шли волны едва сдерживаемой злости, и они разбивались об меня, о мебель, о забрызганные стены, а пена брызгами летела на его же изуродованное тело. Злость, скорбь, чувство утраты. Его пальцы сплетались в какие-то сложные комбинации, расплетались и создавали конструкции, понятные только ему одному.

– Да, я знаю Джоэла Тобиаса, – сказал наконец Бобби. – Но мы не близкие друзья. И никогда ими не были.

– Почему?

– Старик Джоэла служил в армии, так что у Джоэла это в крови. Ему нравится дисциплина, нравится быть, как говорится, вожаком стаи. Армия

– естественное продолжение его натуры.

– А у вас как?

Бобби прищурился.

– Вам сколько?

– За сорок.

– Вас пытались завербовать?

– Наверное, так же, как и всех. Вербовщики приходили в школу, агитировали, только я не купился. Но тогда и время было другое. Мы ни с кем не воевали.

– Да, а теперь вот воюем, и я купился. Обещали наличные, дать денег на колледж. Как говорится, солнце, луну и звезды. – Он грустно улыбнулся. – Насчет солнца не обманули. Этого там хватало. Солнца и пыли. Я сейчас работаю на организацию «Ветераны за мир». Антивербовщиком.

Я ничего об этом не знал и попросил рассказать.

– Армейских вербовщиков учат отвечать только на определенные, правильные, вопросы. Если ты не задашь правильный вопрос, то и не получишь правильный ответ. Семнадцати-восемнадцатилетний мальчишка без особых перспектив, когда видит перед собой подтянутого парня в отглаженной форме, со стрелками на штанах, о которые порезаться можно, готов поверить всему, что ему говорят, и забывает прочитать написанное мелким шрифтом. Мы как раз и указываем на этот самый мелкий шрифт.

– И что там?

– А там сказано, что деньги на колледж не гарантируются, что армия ничего тебе не должна, что только десять процентов новобранцев получают обещанное в полном объеме. Вы поймите меня правильно. Да, служить своей стране почетно, и для многих мальчишек единственный вариант в жизни – военная карьера. Я сам такой. Наша семья была бедной, а я и сейчас беден, но горжусь, что служил. Жаль, конечно, что все закончилось инвалидным креслом, но я знал, чем рискую. Просто, на мой взгляд, вербовщики должны быть честны с ребятами, чтобы те понимали, с чем связываются. Никакого настоящего призыва на самом деле нет: основной упор делается на бедных, безработных, тех, у кого нет перспектив, нет других вариантов. Думаете, Рамсфельд не знал об этом, когда включал положение о вербовщиках в закон «Ни одного отстающего ребенка»? Думаете, он для того обязал муниципальные школы предоставлять все данные об учениках, чтобы помочь мальчишкам лучше читать документы? Нет. Просто есть квоты, которые нужно заполнять. Затыкать дырки в рядовом составе.

– Но если вербовщики будут абсолютно честны и откровенны, кто же пойдет в армию?

– Кто? Да я бы все равно подписался. Я бы все сделал, чтобы свалить из дома и из этого городишки. Что меня здесь ждало? Работа за минималку да пиво по пятницам. И Мэл. – Бобби ненадолго задумался. – Минималку я и сейчас, наверное, получаю – четыреста долларов в месяц, – но хоть медпомощь добавили. И бонусы я почти все получил. – Он состроил гримасу. – Многовато противоречий, а?

– Вы поэтому схватились с Джоэлом Тобиасом? Из-за вашей работы в «Ветеранах за мир»?

Жандро отвел глаза.

– Нет. Он пытался угостить меня пивом, подкупить. Чтобы я не трепался. А я отказался его подачки принимать.

– И почему?

Но Жандро опять ушел от ответа. Человек он и впрямь был противоречивый. Вроде бы и поговорить не прочь, но только о том, что интересовало его лично. Вроде бы и вежливый, но за внешней любезностью скрывалась жестокость, даже свирепость. Теперь я понял, что имел в виду Роналд Стрейдир, когда назвал Жандро человеком, который покатился вниз. Если он не выстрелит из своей пушки в кого-то, есть шанс, что выстрелит в себя, как его приятели.

– А у вас, кстати, с чего такой интерес к Джоэлу Тобиасу? – спросил он.

– Меня наняли выяснить, почему Дэмиен Пэтчет покончил с собой. Услышал, что на похоронах случилась ссора, вот и решил проверить, есть ли какая-нибудь связь.

– Между самоубийством и стычкой в баре? Что за чушь.

– Может, и чушь, а может, я просто плохой детектив.

Пауза... и Бобби рассмеялся. Впервые за время разговора.

– Ну, хотя бы честный. – Смех иссяк, и он грустно улыбнулся. – Дэмиен не должен был покончить с собой. Я не в религиозном плане, и не в моральном, и не потому, что вот жизнь потрачена впустую. Я к тому, что не такой он был человек. Все его плохое осталось в Ираке. Война на нем не сказалась.

– Я разговаривал с психиатром в «Тогусе», и она то же самое сказала.

– Да? Кто такая?

– Кэрри Сандерс.

– Сандерс? Ну и ну. Вопросов у нее больше, чем у Алекса Требека^[33], но ответов нет никаких.

– Вы с ней встречались?

– Опрашивала меня в рамках своего исследования. Впечатления не произвела. А что касается Дэмиена, то я с ним служил. Хороший был парень. Мне он всегда нравился. Умный, но ему не хватало ловкости. Я старался приглядывать за ним, но вышло так, что в итоге он обо мне позаботился. Спас мне жизнь. – Пальцы на ручке кресла сжались в кулак. – Джоэл Тобиас, чтоб его... – прошептал он, и это прозвучало криком.

– Расскажите.

– Я на Тобиаса сильно зол, но сдавать ни его, ни кого другого не стану.

– Знаю, что он проворачивает какие-то дела. Возит контрабанду. Думаю, и вам мог долю обещать. Вам и другим таким, как вы.

Жандро отвернулся. Подкатился к окну.

– Что это за парни?

– Друзья.

– Вид у ваших друзей не очень-то дружелюбный.

– Мне нужна охрана. Слишком доброжелательные от неприятностей не спасут.

– Охрана? От кого?

– Может быть, от тех же людей, из-за которых и вы держите пистолет под рукой: ваших старых приятелей во главе с Джоэлом Тобиасом.

Бобби не повернулся, но я видел его отражение в оконном стекле.

– А с какой стати мне бояться Джоэла Тобиаса?

Бояться... Интересный выбор слов. Своего рода признание.

– Вас же волнует, что они считают вас слабым звеном, не так ли?

– Меня? Я – парень вполне надежный. – Он снова рассмеялся. Получилось жутковато.

– Думаю, вас тревожила ситуация с Дэмиеном Пэтчетом. Вы были обязаны ему и не хотели, чтобы с ним что-то случилось. Может, он слишком глубоко увяз или не желал слушать, но после его смерти вы решили действовать. Или, может, поняли, что к чему, только после смерти Бретта Харлана и его жены.

– Вы о чем? Не понимаю.

– Думаю, вы разговаривали со своим кузенком. Вы звонили Фостеру, потому что он был копом, но при этом и родственником, которому можно доверять. Скорее всего, вы дали ему некую информацию с таким расчетом, что остальное он узнает сам. Фостер начал наводить справки, и его убили. Теперь вы ждете, когда придут за вами. Я все верно излагаю?

Он резко развернулся, и в руке у него уже был пистолет.

– Вы этого не знаете. Вы ничего не знаете.

– Их нужно остановить, Бобби. Люди погибают, и это дороже любых денег, если только вы не выставили совесть на аукцион.

– Убирайтесь из моего дома! – крикнул он. – Убирайтесь!

В окно я увидел, что Ангел и Луис уже бегут к дому. Ситуацию требовалось немедленно разрядить, иначе дверь могла вылететь в прихожую, и тогда, если бы Жандро оказался достаточно быстр, пришлось бы доставать оружие.

Я шагнул к двери, открыл ее и показал Луису и Ангелу, что со мной все в порядке, но Бобби, воспользовавшись моментом, сумел развернуться и выкатиться в прихожую. На мгновение я оказался между тремя стрелками.

– Полегче! Всем успокоиться! – Я медленно опустил в карман два пальца, достал визитную карточку и положил ее на стол, рядом с дверью. – Послушайте, Бобби, вы задолжали Дэмиену Пэтчету. Его уже нет в живых, но долги надо платить. Теперь отцу Дэмиена. Подумайте об этом.

– Вали отсюда, – повторил он, но гнев уже улетучился, и осталась одна усталость. Голос его дрогнул, выдавая состояние человека, оказавшегося в полной темноте, на волнах неведомого моря.

– И еще одно, – продолжал я, беззастенчиво пользуясь своим преимуществом над ветераном-инвалидом. – Помиритесь со своей подружкой. Думаю, вы выгнали ее, потому что боитесь того, что может случиться, и не хотите, чтобы она пострадала, если они придут за вами. Она еще любит вас, и вам без такой не обойтись. Вы это знаете, и она это знает. Если что понадобится, моя карточка у вас есть.

Я вышел под прикрытием Ангела и Луиса. Дверь захлопнулась. Через секунду они догнали меня.

– Позволь сказать начистоту, – начал Ангел, когда мы подошли к машине. – Парень целится в тебя из пистолета, а ты ему наставления даешь?

– Кто-то же должен.

– Да, но почему ты?

Я промолчал, а когда сел в машину и оглянулся, то увидел в окне Бобби Жандро.

– Думаешь, он примет твой совет? – спросил Ангел.

– Насчет девушки или Тобиаса?

– Насчет обоих.

– Должен. Иначе ему конец. Без нее он уже умирает. Только себе еще в этом не признается. Тобиас и остальные просто довершат то, что начал он сам.

– Ух ты, – сказал Ангел. – Это не у «Холлмарк» на такой случай есть открытка: «Соберись или умри»?

Мы уехали. Я первым, Ангел и Льюис за мной. Но уже на следующей улице я остановился и вышел из машины. Они озадаченно посмотрели на меня.

– Оставайтесь здесь.

– Почему?

– Потому что они придут за Бобби Жандро.

– Уж больно ты уверен.

Я вернулся к «Мустангу» и показал на маячок на заднем крыле.

– Вот на что они клюнут. Эта штука останется здесь, с вами, а я возьму вашу машину.

– Твоя машина останется здесь, – подхватил Льюис, – и они подумают, что Жандро всех сдал, и постараются убрать вас обоих.

– Но не уберут, – вступил я, – потому что вы убьете их, когда они придут за Жандро.

– И тогда Жандро заговорит.

– Таков план.

– А ты где будешь? – спросил Ангел.

– В Рейнджли.

– И что там?

– Мотель.

– Значит, мы прячемся в кустах, а ты прохлаждаешься в мотеле?

– Вроде того.

– Да уж, здорово придумано.

Мы поменялись машинами, но сначала Ангел и Луис достали из багажника свои игрушки. Оказалось, что прибыли они относительно налегке: два «глока», пара ножей, пара полуавтоматических пистолетов и несколько запасных обойм. Луис нашел удобное для засады место за кустами, откуда хорошо был виден дом Жандро.

– Может нам, прежде чем убить их, надо узнать у них что-то, задать какие-то вопросы? – спросил Льюис. – При условии, конечно, что нам придется их убить.

Я подумал о бочке с протухшей водой в «Голубой луне» и мешке, облепившем нос и рот.

– Если не придется, то не убивайте – мне, в общем-то, все равно. А спрашивать можешь, о чем хочешь.

– Что бы нам у них спросить? – задумался Ангел.

– «Глаза закроешь или так стрелять»? – предложил Луис.

Все пришло в движение. Фигуры были на доске, и игра близилась к завершению.

Стоя у окна спальни, Карен Эмори провожала взглядом Джоэла Тобиаса. Уходя, он коротко попрощался и поцеловал ее в щеку сухими губами. Она крепко обняла его, словно хотела удержать, даже чувствуя, что он уже отстраняется, и ощутила под пальцами холодок засунутого под ремень оружия.

Тобиас сел в «Силверадо» и повернул на север, но доехал только до Фолмаута, где его ждали остальные – в фургоне и на двух мотоциклах. Основную снайперскую группу составили двое бывших морских пехотинцев Причард и Вернон. За ними стояли Маллак и Баччи. Вернон и Причард, один черный, другой белый, но оба высокие и плотные, держались как братья. На обоих Тобиасу было наплевать, и объяснялось такое отношение не только извечной и взаимной неприязнью между солдатами и морпехами, но еще и тем, что Вернон был не в состоянии открыть рот и не задать при этом вопрос.

– И где Твайзел и Гринэм? – спросил Вернон, имея в виду вторую команду снайперов.

– Прибудут позже. Им еще кое-что сделать надо.

– Вот дерьмо. А поподробней нельзя, что ли?

– Нет, – ответил Тобиас и, прежде чем отвернуться, посмотрел Вернону в глаза.

Маллак и Баччи, служившие в одном с Тобиасом взводе, переглянулись, но вмешиваться не стали. Наблюдая разворачивающееся между сержантом и Верноном соперничество, они не спешили принять ту или другую сторону. Маллак вернулся домой капралом и приказы всегда воспринимал как должное, хотя и понимал, что теперь расходится с Тобиасом все дальше. В последние недели сержант вел себя как-то странно, а еще стал до жестокости прагматичным. Это он, Тобиас, предложил не просто допросить детектива Паркера и выведать, что ему известно, но и устранить. Маллак не согласился и призвал к благоразумию, взяв всю ответственность за допрос на себя. Он заявил, что не будет убивать американцев ни на родной земле, ни где-то еще. Уступка в вопросе о Паркере была не более чем маленькой победой; Маллак лишь сделал вид, что ничего не знает о смерти Фостера Жандро и некоторых других делах.

Бритоголовый громила Баччи участвовал во всем только ради денег.

Удивительно, что Тобиас до сих пор не выдавил ему моргалки – уж больно откровенно он пялился на Карен.

Мы – одна большая и счастливая семья, думал Маллак, и чем скорее все кончится, тем лучше.

– Ну все, – сказал Тобиас, – выступаем.

Тем временем двое мужчин в неприметном коричневом седане двигались на север, в направлении Бангора, и уже миновали Льюистон, Огасту и Уотервилл. Тот, что сидел на пассажирском месте, держал на коленях лэптоп. Время от времени он обновлял страницу с картой, но мигающая точка своего положения не меняла.

– Эта штука еще работает? – поинтересовался Твайзел.

– Похоже, что да, – ответил Гринэм и снова взглянул на экран. Мигающая точка находилась возле пересечения Палм-стрит и Стилуютер-стрит, неподалеку от дома Бобби Жандро. – У нас неподвижная мишень.

Твайзел довольно хмыкнул.

* * *

В тот момент, когда Гринэм и Твайзел проезжали Льюистон, Рохас сидел за рабочим столом. Голова еще слегка кружилась после недавнего приема обезболивающего, и зубы по-прежнему ныли. Рохас трудился над куском красного дуба, которому предстояло служить подставкой для древних печатей. Они лежали тут же, на черной тряпице, согревая душу своим присутствием и напоминая, что красота в мире все еще существует.

* * *

В том же направлении на север, сокращая расстояние между собой и Рохасом, спешил и Ирод. Боль держалась на терпимом уровне, и настроения добавляло отсутствие Капитана.

А к нему самому приближался еще кое-кто.

Коллектор тоже не сидел на месте.

Часть III

Вопрос: В кого вы стреляли?

Ответ: В неприятеля, сэр.

Вопрос: В людей?

Ответ: В неприятеля, сэр.

Вопрос: Это даже не были человеческие существа?

Ответ: Так точно, сэр.

Вопрос: Это были мужчины?

Ответ: Не знаю, сэр...

Свидетельские показания лейтенанта Уильяма Келли на заседании военного трибунала по событиям в Милай в 1970 году^{[\[34\]](#)}.

Глава 23

Озерный край Рейнджли лежит к северо-западу от Портленда, восточнее границы со штатом Нью-Гемпшир и чуть южнее канадской границы. Не могу сказать, что знаком с ним очень хорошо. С девятнадцатого века его называют раем для спортсменов. Причин бывать там как-то не находилось, хотя одно неясное воспоминание все же сохранилось: мы едем в любимом отцовском «Ле сейбр», и родители сидят впереди. Ехали мы, скорее всего, в Канаду – представить, что отец мог просто так отправиться в восточный Нью-Гемпшир, я не мог. К Нью-Гемпширу он всегда относился с недоверием по причине мне не совсем понятной; было это давно, родителей моих уже нет, и спросить не у кого.

С Рейнджли связано и еще одно воспоминание: о приятеле моего деда, старике по имени Финеас Арбогаст, который иногда ходил на охоту и жил с семьей в бревенчатом доме. Обосновались там Арбогасты в незапамятные времена и, возможно, были потомками тех кочевников, что двенадцать тысяч лет назад пришли в Северную Америку по перешейку, где позже образовался Берингов пролив, или по крайней мере потомками упрямого пилигрима, укрывшегося в северных лесах от строгостей пуританизма. Мне, тогда мальчишке, речь Финеаса представлялась почти непонятной. Он ухитрялся растягивать даже слова без единой гласной. Может, его родным языком был польский.

Мой дед питал к нему теплые чувства, поскольку Финеас, если его усадить и постараться понять, был неиссякаемым источником исторических и географических знаний. Ближе к старости знания эти начали, что естественно, протекать наружу, и он пытался, пока не вытекли совсем, занести их в тетрадь, но такая задача требовала терпения, которого ему не доставало. Финеас был частью древней устной традиции: он рассказывал свои истории, чтобы другие могли запомнить их и передать дальше, но единственными его слушателями были люди почти столь же преклонного возраста, как и он сам. Молодежь внимать старику не желала, а когда из университетов стали приезжать собиратели фольклора, Финеас уже развлекал своими байками соседей по церковному кладбищу.

В памяти у меня сохранилась такая картина: Финеас и мой дед сидят у костра, первый рассказывает, второй слушает. Мой отец к тому времени уже умер, мать была где-то еще, так что в компании нас осталось только трое. Дед спросил, почему Финеас не приезжает в хижину почаще, и

старик, прежде чем ответить, долго молчал. Обычно он брал паузу, чтобы перевести дух и собраться с мыслями, прежде чем двинуться по неверной тропинке с очередным анекдотом, но тогда в его молчании чувствовалась неуверенность и даже – что совсем уж невероятно – нежелание продолжать разговор. Заинтригованный, мой дед терпеливо ждал, я тоже ждал, и в конце концов Финеас Арбогаст поведал нам, почему больше не ездит в хижину.

Охотиться на белку он отправился со своей собакой Мисти, дворнягой, родословная которой представлялась столь же запутанной, как и родословная некоторых королевских семейств. Она и вела себя как незаконнорожденная принцесса. Охотясь на белок, Финеас не преследовал какой-то практической цели – ему вообще было на них наплевать. Мисти, как обычно, сломя голову унеслась в чащу, и по прошествии некоторого времени Финеас обнаружил, что не только не видит ее, но и не слышит. Он посвистел – она не вернулась. Дама манерная, Мисти была вместе с тем послушной собакой, так что Финеас отправился на поиски, все больше углубляясь в лес и удаляясь от хижины. Приближались сумерки, но он не спешил возвращаться, потому что не хотел оставлять ее одну в чаще. Снова и снова Финеас звал Мисти, но та не откликалась. Он уже начал подумывать, что она попала в лапы медведю или рыси, когда услышал тьяканье, и пошел на звук, довольный, что в свои семьдесят три сохранил и зрение, и слух.

Финеас вышел на поляну. В небе уже появилась луна, и Мисти он разглядел не сразу. Собачонка попала в вересковый куст, и все ее попытки освободиться приводили только к тому, что она запутывалась еще сильнее и могла только тихонько тьякать. Финеас достал нож и уже собирался освободить бедняжку, но тут его внимание привлекло какое-то движение справа. Он посветил туда фонариком.

На краю полянки стояла девочка лет шести-семи. Темноволосая и очень бледная. В черном платье из простой, грубой ткани и черных ботинках. Когда свет ударил ей в лицо, она не моргнула, не прищурилась, не прикрыла рукой глаза. Финеасу даже показалось, что она вообще не отреагировала на свет, словно и не заметила его; казалось, ее кожа поглощает свет, потому что она как будто светилась изнутри.

– Милая, что ты здесь делаешь? – спросил Финеас.

– Я заблудилась, – сказала девочка. – Помоги мне.

Голос ее звучал странно, словно шел из пещеры или пустотелого дерева. А еще он отдавался эхом, чего на поляне быть не могло.

Финеас направился было к девочке, снимая на ходу куртку, чтобы

набросить ей на плечи, но тут увидел, что Мисти снова заворочалась в кусте. Поджав хвост, собака отчаянно пыталась вырваться из плена, хотя эти усилия явно причиняли ей боль. Не достигнув желаемого результата, Мисти повернулась к девочке и зарычала. Присмотревшись, Финеас увидел, что дворняга дрожит, и шерсть у нее на загривке встала дыбом. Он оглянулся – девочка отступила на пару шагов, чуть глубже в лес.

– Помоги мне, – повторила она. – Я одна, и я заблудилась.

Сам не зная почему – других причин, кроме странной реакции собаки на присутствие девочки и необычной бледности последней, не было, – Финеас насторожился. Тем не менее он направился к ней, а она сделала еще несколько шажков назад, так что поляна оказалась у него за спиной, а впереди был только лес. Лес и неясная фигурка девочки между деревьев. Финеас опустил фонарик, но девочка не растворилась в тенях леса, а продолжала тускло светиться. Он видел белые облачка своего дыхания, но ничего такого у нее изо рта не вырывалось, даже когда она говорила.

– Пожалуйста, я одна, и мне страшно. Идем со мной.

Она подняла руку, подзывая его, и он заметил у нее под ногтями грязь, как будто она выбралась из какого-то темного подземелья, кишящего червями и жуками.

– Нет, милая, никуда я с тобой, пожалуй, не пойду.

Не сводя с девочки глаз, Финеас отступил к кусту, в котором запуталась Мисти, опустился на корточки и принялся рубить вереск. Ветки поддавались плохо и были липкими на ощупь. Рубя одни, он чувствовал, что другие обвивают его ноги; позднее он убедил себя, что то была лишь игра воображения, пытавшегося этой мелкой деталью отвлечь его от трюка куда более изощренного – мерцающей девочки, завлекавшей старика в лесную чащу. Финеас ощущал ее злость, ее отчаяние и, да, ее печаль, потому что она и впрямь была одинока и напугана. Но девочка не хотела, чтобы ее спасли, она хотела разделить страх и отчаяние с другим, и Финеас не знал, что хуже – умереть в лесу в компании девочки и вместе со всем миром раствориться во тьме или умереть и проснуться, став таким, как она, и блуждать по лесу в поисках других, чтобы разделить с ними печальную долю.

Мисти наконец освободилась и помчалась прочь, но потом остановилась и оглянулась, проверяя, следует ли за ней хозяин. Как он не оставил ее, так и она не хотела оставить его в этом месте. Финеас медленно шел за дворнягой, ни на секунду не сводя глаз с девочки, не выпуская ее из виду, пока она не растворилась на фоне леса, а он не оказался на знакомой территории.

Вот почему Финеас Арбогаст перестал приезжать в свою хижину, руины которой, опутанные цепкими, клейкими побегами, все еще можно найти где-то между Рейнджли и Лэнгдоном. Природа забирает свое.

Природа и маленькая девочка с бледной, мерцающей кожей, тщетно ищущая товарища для игр.

У меня осталась подаренная Финеасом старая брошюра «Мэн приглашает». Информационное агентство Мэна издало ее то ли в конце 1930-х, то ли в начале 1940-х годов со вступительным словом губернатора Льюиса О. Бэрроуза, занимавшего этот пост с 1937 по 1941 год. Бэрроуз был республиканцем старой школы, встретив которого некоторые из его нынешних наиболее фанатичных однопартийцев перешли бы на другую сторону улицы: он добивался сбалансированного бюджета, улучшил финансирование школ и восстановил выплату пособий, сокращая при этом дефицит. Раш Лимбо^[35] назвал бы его социалистом.

Брошюра – трогательная дань памяти ушедшей эпохе, когда можно было снять уютный домик за тридцать долларов в неделю, а цыпленок на обед обходился в доллар. Упомянутые в ней заведения по большей части давно исчезли – отель «Лафайет» в Портленде, «Ивы» и «Дом Чекли» в Праутс-Нек, – и те, кто это писал, ухитрились сказать что-то доброе почти обо всем, даже о городишках, сами жители которых не понимали, зачем остались здесь, и не могли представить, как кому-то может прийти в голову приехать сюда в отпуск.

Городку Лэнгдон, что на полдороге между Рейнджли и Стрэттоном, отвели в брошюре целую страничку, и что бросалось в глаза, так это частое повторение в рекламе имени Проктор. Кроме прочего там был кемпинг Проктора, ресторан «Лысая гора» с управляющими И. и Э. Прокторами и еще один ресторан – «Озерный вид», принадлежавший Р. Х. Проктору. Похоже, в те дни Прокторы прибрали Лэнгдон к рукам, а городок сумел привлечь туристов – или Прокторы рассчитывали, что сможет, – только этим и можно было оправдать присутствие дорогих рекламных объявлений с фотографиями заведений.

Какими бы прелестями Лэнгдон ни зазывал когда-то туристов, теперь они в глаза не бросались; впрочем, возможно, все это существовало только в воображении амбициозных Прокторов. Теперь от городка осталась кучка невзрачных домов и из последних сил держащихся на плаву заведений; он находился ближе к Нью-Гемпширу, чем к канадской границе, но попасть в него было одинаково просто с обеих сторон. Ресторан «Лысая гора» стоял на своем месте, но выглядел так, словно в нем уже лет десять ничего никому не подавали. На единственном сохранившемся магазине висело

объявление, уведомлявшее всех, что он закрыт по причине «тяжелой утраты» и откроется через неделю. Объявление было датировано 10 октября 2005 года; столь затянувшийся траур обычно ассоциируется со смертью особы королевских кровей. Еще здесь были парикмахерская, мастерская по набивке чучел и бар под названием «Белль Дэм», что могло быть либо изящным намеком на местные дамбы, либо, что стало казаться более вероятным при внимательном изучении, результатом утраты последней буквы^[36]. На улице никого не было, хотя пара машин и стояла у тротуара. Признаки жизни, как ни странно, обнаружила лавка таксидермиста. Передняя дверь была открыта, и когда я ступил под яркие огни Лэнгдона, оттуда вышел мужчина в комбинезоне. Я бы дал ему лет шестьдесят, но он вполне мог быть и старше и просто успешно отражал наскоки лет. Возможно, это было как-то связано с консервантами, среди которых он работал.

– Тихо тут у вас, – сказал я.

– Наверное, – ответил он, как человек, не вполне уверенный, что так оно и есть, а если даже и так, то он ничего против не имел.

Я огляделся. Спорить вроде бы было не о чем, но, возможно, он знал что-то, чего не знал я, относительно того, что творилось за всеми этими закрытыми дверями.

– Жарче, чем в методистском аду, – добавил он и был прав. В машине я этого не замечал, но едва выйдя, начал потеть. Таксидермист же просто обливался потом. Над нами вился гнус.

– Ваша фамилия случайно не Проктор? – спросил я.

– Нет, Станден.

– Можно несколько вопросов, мистер Станден?

– Вы уже их задаете.

Он усмехнулся, криво, но беззлобно. Мое появление было для него всего лишь шагом в сторону от монотонной рутины. Оторвавшись от дверного косяка, Станден кивком пригласил меня войти. Внутри было темно. Оленьи рога, пронумерованные и снабженные ярлычками, лежали на полу и свисали со старых балок. Слева от входа, на холодильнике, обосновался большеротый окунь, на полках справа, возле банок с химикатами и красками, лежали парами разнообразные стеклянные глаза. На стенке холодильника разъедала металл засохшая струйка крови. Центральное место занимал стальной рабочий стол с разложенной шкурой оленя и скребком с круглым лезвием. Под столом, на полу, лежали куски мяса. Я сразу понял, что дело свое хозяин знает: шкуру он выскребал тщательно, не оставляя ни следа жира, который мог бы окислиться и стать

причиной неприятного запаха или выпадения шерсти. Неподалеку стояла пенопластовая оленья голова. Мертвечиной воняло так, что я невольно поморщился.

– Простите за запах, – сказал Станден. – Сам я его уже не замечаю. Поболтал бы с вами снаружи, да надо с этой вот шкурой управиться, а потом еще пару уток сделать для того же парня.

Он кивнул в сторону двух чистых контейнеров, заполненных очищенными кукурузными початками, в которых лежали утиные тушки.

– Утку скрести нельзя – шкурку испортишь.

Поскольку сама идея заняться обработкой утки никогда не казалась мне привлекательной, я отделался замечанием о том, что охотничий сезон еще не наступил.

– Олень умер по естественным причинам, – сказал Станден. – Споткнулся и упал на пулю.

– А утки?

– Утонули.

Работая скребком, он обливался потом еще обильнее.

– Похоже, дело нелегкое, – заметил я.

Станден пожал плечами.

– С оленями тяжело. С водоплавающими птицами полегче. С уткой можно управиться за пару часов, да еще и дать место воображению. С красками надо быть поосторожнее, иначе все испортишь. За этих я получу пятьсот долларов. Знаю парня, который готов заплатить, а так не всегда бывает. Времена сейчас нелегкие. Приходится брать аванс, чего я никогда раньше не делал.

Он продолжал скрести. Звук при этом получался не самый приятный.

– Так что привело вас в Лэнгдон?

– Ищу человека по имени Гарольд Проктор.

– У него неприятности?

– А почему вы спрашиваете?

– Без обид, но, по-моему, выглядите вы как человек, от которого стоит ждать неприятностей.

– Меня зовут Чарли Паркер. Я частный детектив.

– Вы не ответили на мой вопрос. У Гарольда неприятности?

– Может быть, но не от меня.

– Деньги светят?

– Опять-таки может быть, но я тут ни при чем.

Станден оторвался от работы.

– Живет около семейного мотеля, в миле к западу отсюда. Если не

знать дорогу, найти его не легче, чем снежную змею.

– Мотель еще работает?

– Единственный живой бизнес здесь – мой, но я сам не знаю, сколько еще продержусь. Мотель закрылся лет десять назад, если не больше. Раньше там был кемпинг, но Прокторы решили, что с мотелем дела пойдут лучше. Управляли там папа и мама Гарольда, но потом они умерли, и мотель закрылся. Больших денег он в любом случае никогда не приносил. Место для мотеля не совсем удачное – в чаще. Гарольд был последний из Прокторов. Даже не верится. Когда-то они управляли половиной города, а другая половина платила им ренту. Только вот по части потомства не мастера, и женщины у них все такие невзрачные, простоватые.

– А мужчины?

– Ну, к мужчинам я и не присматривался, так что судить не могу. – Глаза блеснули в полумраке, и я подумал, что мистер Станден разбил в свое время немало сердец, если, конечно, кроме простушек из Прокторов в Лэнгдоне водились и другие, на ком он мог испытать свои чары. – Как они начали вымирать, так с ними и городок стал чахнуть. Мы теперь только за счет Рейнджли и перебиваемся, подбираем то, что от них остается, а это немного.

Я подождал, пока Станден закончит со шкурой. Он выключил скребок и, взяв хозяйственное мыло, принялся отмывать от жира руки.

– Должен предупредить, Гарольд – парень не слишком общительный. Особым дружелюбием никогда не отличался, но после Ирака – первой войны, не этой, – совсем замкнулся. Живет один, из дома почти не выходит. Я, когда проезжаю мимо, вижу его по воскресеньям у «Богоматери озер» в Окуассоке, но это и все. Кивнет иногда, а большего от него не дождешься. Раньше, хоть он и молчун, бывало, всегда останавливался перекинуться парой слов о погоде. Заглядывал порой в «Белль дэйми» – именно так он произнес, – а под настроение и поговорить мог. – На случай, если интересно, тоже мое хозяйство. В сезон охоты немного баксов приносит. А в остальное время так, разве что забредет кто вечером.

– Он вам про Ирак рассказывал?

– Вообще-то, предпочитал выпивать в одиночку. Выпивку берет в Нью-Гемпшире или за границей, в Канаде, и привозит домой, но раз в неделю вылезает из берлоги и немного расслабляется. Там ему сильно не понравилось. Говорит, по большей части то скука смертная, то страшно до усрачки. Но, знаете...

Станден оборвал себя и, продолжая мыть руки, оценивающе посмотрел на меня.

– Прежде чем я продолжу, почему бы вам не сказать, в чем ваш интерес к Гарольду?

– А вы, похоже, его оберегаете.

– Городок у нас маленький. Если мы о своих не позаботимся, то кто ж еще?

– Однако ж поговорить с чужаком вы готовы, значит, что-то вас беспокоит.

– Кто сказал, что меня что-то беспокоит?

– Иначе б вы со мной не разговаривали, я это по вашим глазам вижу. Ничего плохого я ему не хочу. Если уж на то пошло, работаю на отца одного бывшего солдата, служившего недавно в Ираке. Его сын покончил с собой после возвращения домой. За несколько недель до смерти у парня резко изменилось поведение, и отец хочет выяснить, с чем это может быть связано. Гарольд, как я понимаю, парня знал. Потому что пришел на похороны. Вот я и хочу задать ему несколько вопросов.

Станден печально покачал головой.

– Да, бремя нелегкое. У вас дети есть?

На этот вопрос у меня никогда не получалось ответить сразу. Да, у меня есть дочь. А когда-то была и еще одна.

– Есть. Девочка.

– У меня два мальчишки, четырнадцать и семнадцать. – Он, должно быть, увидел что-то в моем лице, потому что добавил: – Поздно женился. Думаю, слишком поздно. У меня уже были свои привычки, свое понимание жизни. Ребята живут сейчас со своей матерью в Скоухегане. В армию я бы им не советовал. Если кто-то соберется, я свое мнение выскажу, но удерживать не стану. А если б случилось, что мой парень попал бы в Ирак или Афганистан, я бы только и молился каждый час, чтобы с ним ничего не случилось. Наверное, нескольких лет жизни это бы мне стоило.

Он прислонился к столу.

– Как я уже сказал, Гарольд изменился. Не только из-за войны и ранения. Думаю, он болен. Здесь. – Станден постучал себя по голове. – Когда в последний раз приходил в бар... э... должно быть, недели две назад... вид у него был не очень... как будто не высыпается. И я бы сказал, что он был испуган. Это было очень заметно, так что я даже спросил, все ли у него в порядке.

– И что?

– Он уже прилично набрался, хотя до бара еще не дошел, но сказал, что к нему приходят призраки. – Последнее слово повисло в воздухе, словно ожидая, пока мертвая плоть и старые шкуры накроют его и

придадут ему форму. – Сказал, что слышит голоса, что они не дают ему уснуть. Я ему посоветовал обратиться к военному врачу, мол, может, у него это от стресса. Посттравматическое там что-то.

– И что же говорили эти голоса?

– Он их не понимал. Говорили не по-английски. Вот тогда я и подумал, что это с ним там что-то случилось. Мы еще поболтали немного, а потом он сказал, что, может, позвонит кое-кому.

– Позвонил?

– Не знаю. В баре Гарольд больше не появлялся. Я забеспокоился и где-то неделю назад поехал к нему посмотреть, как он там. Около дома стояла машина. Я подумал, что у него гости, и решил не мешать. Только начал сдавать назад, дверь открылась. Вышли четверо. В том числе и Гарольд. Остальных я не узнал. Стояли, смотрели, как я уезжаю. А потом та троица заявила сюда. Пришли, стали вот там же, где вы сейчас. Поинтересовались, что я делал возле дома Гарольда. Цветной, который, собственно, и говорил больше всех, держался вежливо, но был сильно недоволен. Я объяснил все, как есть: мол, Гарольд мой друг, я за него беспокоюсь, что он последнее время как будто не в себе. Цветного это вроде успокоило. Сказал, что они – армейские приятели Гарольда, что у него теперь все в порядке.

– И вы им поверили?

– Что они были военные, это точно. Выправка сразу видна. Один немного прихрамывал. У него еще двух пальцев не было, вот здесь. – Станден показал на левую руку. – Я так понял, это у него на войне случилось.

Джоэл Тобиас.

– А третий?

– Отмалчивался. Здоровый парень. Бритый наголо. Неприятный тип.

Баччи, подумал я, припоминая помеченную Роналдом Стрейдиром фотографию. Карен Эмори он тоже не понравился. Не он ли первым пригрозил изнасиловать меня в «Голубой луне»?

– Этот бритый еще спросил, могу ли я сохранить тело человека, и отпустил пару шуточек насчет моих экспонатов. «Хаджи»... Он это слово несколько раз повторил. Мол, вот бы их на стену как трофеи. Я так понял, это он про террористов. Другой, тот, что с искалеченной рукой, сказал, чтоб он заткнулся.

– И с того вечера в баре вы с Гарольдом не разговаривали?

– Нет. Видел раз или два мимоходом, но в бар он точно не приходил.

Больше Стандену сказать было нечего. Я поблагодарил его за

потраченное время. Он попросил не говорить Гарольду про наш разговор, и я пообещал, что не буду. Мы уже подошли к двери, когда Станден сказал:

– Тот парень, что покончил с собой... Говорите, его отец думает, что он изменился перед смертью?

– Да.

– Как именно изменился, не скажете?

– Перестал встречаться с друзьями. Плохо спал. Стал немного параноиком.

– Как Гарольд.

– Да, как Гарольд.

– Может, я съезжу потом, когда вы с ним поговорите. Проведаю, посмотрю, как он там. Может, получится убедить его показаться кому-нибудь, пока...

Он не договорил.

Я пожал ему руку.

– Вы сделаете доброе дело, мистер Станден. Я постараюсь позвонить вам до отъезда, дам знать, как все прошло.

– Буду признателен.

Он рассказал мне, как проехать к дому Проктора, и на прощание помахал рукой. Я ответил тем же. По салону распространился запах мыла, которым Станден отмывал жир: я принес его с собой. Запах был сильный, но все же не настолько сильный, чтобы перебить другой, животный запах мяса и жженой шерсти. Несмотря на жару и мошкару, я опустил стекло, но вонь не исчезала. Она впиталась в кожу, и ее запах сопровождал меня до самого мотеля Проктора.

Глава 24

Несмотря на подробное объяснение Стандена я ухитрился пропустить поворот к мотелю. Он сказал, что ориентироваться надо на большой указатель, который виден с дороги, но разросшийся лес скрыл знак, и лишь случайно, сквозь просвет в листве, я разглядел его, когда, развернувшись, ехал в обратном направлении. Стершиеся красные буквы и нечто похожее на оленьи рога едва виднелись на рассыпающейся деревянной дощечке, а зеленая стрела, выделявшаяся когда-то на белом фоне, теперь казалась серой полоской, чуть отличающейся более темным тоном.

На то, что здесь когда-то был кемпинг, указывало расположение мотеля на изгибе проселка, проложенного через густой лес на запад. Придорожные кусты давно не вырубали, и они хлестали по моей ныряющей по рытвинам машине, но я заметил и примятую местами траву, и сломанные ветки, и отпечатавшиеся на земле следы какого-то тяжелого транспортного средства, напоминавшие отпечатки лап динозавра.

В конце концов я все же выбрался на поляну. Справа стоял бревенчатый домик с наглухо закрытыми, несмотря на жару, окнами. Скорее всего, хижина сохранилась со времен кемпинга. Выглядела она для этого достаточно древней. Сзади виднелась часть чего-то, что могло быть более современной пристройкой, продолжением приспособленного для длительного проживания помещения. Между домиком и тем местом, где я припарковался, стоял красный грузовик «Додж».

Еще один проселок вел от хижины к мотелю, стандартному строению L-образной формы с конторой на стыке двух корпусов и вертикальной неоновой вывеской «МОТЕЛЬ», давно не горевшей и указывающей в небо. Заведение находилось в небольшой естественной ложбинке, и у меня появилось сомнение, что знак виден с дороги. Возможно, содержание домиков обходилось слишком дорого, и Прокторы решили, что их клиенты сохранят верность им, даже если они, идя в ногу со временем, сменят кемпинг на мотель, но Станден был прав: идея со строительством мотеля оказалась неудачной. Теперь окна и двери домиков были заколочены, через щели на парковке лезла трава, по стенам и крышам ползли стебли плюща. В не столь уж далеком будущем это место ждала судьба других призрачных городов и заброшенных поселений, уже ставших привычной картиной для штата.

Я посигналил. Подождал. Ни из хижины, ни из леса никто не

показался. Что там Станден говорил о Прокторе? Ветеран, живущий на отшибе, скорее всего, держит при себе оружие, и если Станден не ошибается в оценке его состояния, он вполне может принять меня за угрозу. Грузовик здесь – значит, и хозяин где-то недалеко. Я посигналил еще раз, потом вышел из машины и направился к домику. Проходя мимо грузовика, я мельком заглянул в кабину. На пассажирском сиденье лежал раскрытый пакет с пончиками. По пончикам ползали муравьи.

Я постучал в дверь, оглянулся – а ну как из лесу, потрясая ружьем и проклиная призраков, вылезет раздраженный Проктор – и подергал ручку. Дверь открылась. Зажужжали потревоженные мухи. По застеленному линолеумом полу побежали муравьи. В воздухе держался стойкий, застарелый запах сигаретного дыма. Я проверил холодильник. Срок годности молока еще не истек, но это был единственный продукт, не угрожающий здоровью, потому что все остальное содержимое холодильника привело бы в отчаяние любого диетврача: пакеты с дешевой готовой едой, бургеры для микроволновки, мясные продукты. Ни фруктов, ни овощей, зато по меньшей мере половина пространства занята бутылками с колой. Стоявшая в углу мусорная корзина была забита коробками из-под картошки фри, ведерками из-под куриных крылышек, обертками от бургеров из киосков фастфуда, сплюснутыми банками «Ред булл» и пустыми бутылочками из-под сиропа от кашля. На полках, кроме банок с супом и бобами, лежали конфеты и печенье. Я также нашел пару больших банок с кофе и с полдюжины бутылок дешевого джина и водки. В спальне – еще несколько бутылочек из-под сиропа, упаковка антигистаминных средств и коробка соминекса. Проктор определенно жил на стимулянтах – сахар, энергетические напитки, кофеин, никотин – и при этом пользовался безрецептурными средствами для решения своих проблем со сном. Лежавшая здесь же пустая упаковка из-под клозапина, выписанного недавно местным врачом, означала, что он, отчаявшись, искал профессиональной помощи. Клозапин, антипсихотик, использовался как седативное средство, а также применялся при лечении шизофрении. Мне припомнился разговор с сестрой Берни Крамера, ее упоминание о том, что перед самоубийством Крамер слышал голоса. Интересно, какие голоса слышал Гарольд Проктор?

На кровати лежали ключи от грузовика и пустая кобура.

От осмотра я перешел к обыску и обнаружил конверт с деньгами. Он был спрятан под матрасом, незапечатанный, и в нем 2500 долларов, двадцатками и пятидесятками, аккуратно сложенными лицевой стороной вверх. Хранить деньги таким вот образом, пусть даже и здесь, вдалеке от

посторонних глаз, было по меньшей мере неосторожностью и даже безрассудством. Впрочем, логикой здесь вообще не пахло. Проктор давно уже не заглядывал ни в трейлер, ни в грузовик. Если бы он собирался уехать, то забрал бы и деньги, и грузовик. И даже если бы с грузовиком возникли какие-то проблемы, деньги он взял бы в любом случае. Я осмотрел конверт. Чистый и новый. Под матрас его определенно положили недавно.

Я вернул деньги на место, туда, где нашел, и направился к мотелю. Незаколоченным остался только офис. Дверь была приоткрыта. Я заглянул. Проктор определенно использовал помещение как кладовую: в углу лежали банки с консервами – по большей части бобы, чили и рагу, – упаковки туалетной бумаги и несколько старых противомоскитных оконных сеток. Откуда-то доносилось слабое жужжание. Дверь за регистрационной стойкой вела, судя по всему, в кабинет. Я подошел ближе. Жужжание стало слышно более отчетливо. Я толкнул дверь ногой.

Передо мной находилась деревянная консоль с шестнадцатью маленькими лампочками, расположенными по четыре в ряд и пронумерованными. Звук шел из динамика над консолью. Судя по всему, это была система внутренней связи старого образца, позволявшая гостям связываться с портье, не пользуясь телефоном. Я такую видел впервые, но, может быть, Прокторы, открывая мотель, не стали заморачиваться установкой телефонов во всех номерах, а потому сохранили интерком как забавную диковинку. Название фирмы производителя на консоли отсутствовало; возможно, Прокторы собрали ее сами. Пока что ясно было одно: электричество в мотеле есть.

Жужжание действовало мне на нервы. Какая-то неисправность? Но почему именно сейчас? Есть электричество или нет, но после стольких лет система просто не могла работать. С другой стороны, раньше вещи делали на совесть; прискорбно, что мы теперь так удивляемся, встречая настоящее качество.

Я проверил консоль, постучал по лампочкам.

Лампочка под номером пятнадцать от прикосновения замигала красным.

Я вынул пистолет, вышел из офиса и направился по правой стороне коридора. Дверную панель в четырнадцатом номере отвинтили от рамы и просто приставили к косяку. Дверь пятнадцатого номера была на месте, но именно за ней слышался звонок.

Я прислонился к стене между двумя комнатами.

– Мистер Проктор? Вы там?

Никто не ответил. Я быстро убрал панель перед четырнадцатым номером, но дверь за ней была заперта. Попробовал ручку – повернулась. Проникавшего в комнату дневного света вполне хватало, чтобы увидеть поставленную на попа и прислоненную к стене кровать и голый пол. В углу – две прикроватные тумбочки. И ничего больше, никакой мебели. На ковре – какие-то белые нитки, в воздухе – запах плесени. Я подобрал одну нитку и поднес к свету – это была древесная стружка. Возле тумбочек лежали несколько пенопластовых комочков. Я провел ладонью по коврику и нащупал вмятины, оставленные какими-то ящиками. Осторожно подошел к ванной – пусто. Двери между четырнадцатым номером и пятнадцатым не было.

Я уже собирался уходить, когда увидел отметины на стене, и посветил на них фонариком, чтобы рассмотреть получше. Они напоминали отпечатки ладоней, но как будто выжженные в краске. Пепел и вспузырившаяся краска отвалились, когда я дотронулся до них пальцами. Мне стало не по себе, словно я перепачкался какой-то мерзостью. В комнате было сыро, и кровать стояла у стены голая, но меня не оставляло ощущение, что здесь недавно жили и что, если прислушаться, еще можно услышать слабеющее эхо разговора.

Я снова вышел в коридор и осмотрел дверь в пятнадцатый номер. Как и на других дверях, панель, должно быть, держалась на раме на шурупах, вот только головок этих шурупов я не обнаружил. Без особой надежды на успех я просунул пальцы в зазор между панелью и дверной коробкой и потянул.

Панель поддавалась на удивление легко и, падая, едва не отправила меня в нокаут. Теперь я увидел, что держалась она на одном-единственном длинном шурупе, завернутом не снаружи, а изнутри. Я попробовал повернуть ручку, но на этот раз ничего не получилось. Ударил по двери ногой – безрезультатно. Я сходил к своей машине, взял из багажника ломик и вернулся в мотель. Но и с его помощью открыть дверь не получилось. Что-то крепко удерживало ее изнутри. Тогда я взялся за щит, которым было заколочено окно. Дело пошло лучше – его прибивали гвоздями. Щит наконец отвалился, и под ним открылось толстое замызганное стекло, треснувшее, но не расколовшееся от пары пулевых отверстий. Заглянуть в комнату мешали плотно сдвинутые шторы.

Приложив еще немного усилий, я разбил ломиком стекло и отступил к стене на случай, если некто притаившийся в комнате вздумает встретить меня свинцом, но не услышал ни звука. Причина тишины стала ясной, когда из номера пахло вонью. Я раздвинул шторы и забрался в комнату.

Деревянная кровать была разломана, доски прибиты к дверной

коробке. Гвозди забивались под углом, и некоторые прошли мимо двери. Забивавший их понял, наверное, что промахнулся, и попытался исправить ошибку, но до конца работу не довел. А может быть, гвозди прошли насквозь, и кто-то снаружи загонял их назад молотком, хотя концы оставались острыми.

Мебели в этом номере было больше, чем в соседнем, – длинный комод, стойка под телевизор, двуспальная кровать и две прикроватные тумбочки. Все это было сдвинуто в угол, как сделал бы ребенок, устраивающий дома крепость. Я подошел ближе. В углу, за мебелью, прижавшись головой к кнопке интеркома на стене, лежал мужчина. За головой – пятно крови с частицами черепа. В правой руке – «браунинг». Тело распухло, а обосновавшиеся в нем насекомые и черви создавали впечатление движения и жизни. Первой их добычей стали глаза, от которых остались лишь пустые глазницы. Я накрыл ладонью рот, но запах был слишком крепок. Я отвернулся к окну, выдохнул и постарался сдержать тошноту. Потом, немного оправившись, снял пиджак, прижал его к лицу и осмотрелся повнимательнее. Рядом с телом стоял ящичек с инструментами. Тут же лежал пневматический молоток. Ни крошки еды, ни капли воды. Я провел пальцами по металлической обшивке двери и нашел несколько пулевых отверстий. Включил фонарик, посветил на стены, посчитал. Получилось двенадцать. В обойме «браунинга» тринадцать патронов. Последний он приберег для себя.

В «Лексусе» нашлась бутылка воды. Я прополоскал рот, избавляясь от привкуса гнили, но запах уже впитался в одежду. Теперь от меня воняло мылом,дохлым оленем и мертвецом.

Я набрал 911 и подождал, пока соединят с полицией.

* * *

Их названия накрепко засели у него в голове. Газалия, один из самых опасных районов Багдада; Дора и Садия, места, где убили всех уборщиков мусора, и улицы утонули в грязи, так что жить там стало невозможно. Мечеть Ум-аль-Кура в западном Багдаде, штаб повстанцев-суннитов, которую, в идеале, стоило бы просто стереть с лица земли. Ипподром Амирия, где продавали и покупали похищенных людей. От ипподрома дорога вела напрямик в контролировавшуюся мятежниками Гарму. Кого увезли в Гарму, тот, считай, пропал.

В аль-Адамии, суннитском оплоте в Багдаде, рядом с Тигром,

переодетые полицейскими шиитские смертники установили фальшивые контрольно-пропускные пункты, на которых ловили своих соседей-суннитов. Шииты были как бы на нашей стороне, но на самом деле на нашей стороне не было никого. По его мнению, различие между шиитами и суннитами заключалось в способе убийства. Сунниты врага обезглавливали. Однажды вечером он с парой ребят смотрел сцену обезглавливания на DVD-диске, который дал им переводчик. Посмотреть хотели все, но о том, что попросил, он пожалел сразу, как только пошла запись. На экране был дрожащий мужчина – не американец, потому что никто не хотел видеть, как умирает свой, а какой-то бедолага-шиит, свернувший не там, где следовало бы, и остановившийся, когда надо было давить на газ, рискуя погибнуть под пулями. Больше всего зрителей поразила отстраненность палача, та будничность, с которой он выполнил свою работу. Отрезание головы было проведено методично, сурово и незатейливо, как ритуальный забой скотины. Жуткая, отвратительная смерть, но без садизма в самом акте убийства. Потом все говорили одно и то же: не допустите, чтобы они меня взяли. Если возникнет такая ситуация, убейте меня. Убейте всех.

Шииты предпочитали пытки. Особой симпатией у них пользовалась электродрель: колени, локти, пах, глаза. Да, вот так – сунниты обезглавливали, шииты мучили, но и те, и другие поклонялись одному богу. Разделил их религиозный спор о том, кому следовало принять наследие Мухаммеда после его смерти, и потому теперь они отрезали головы и сверлили кости. Кисас – воздаяние, месть. В этом все и дело. Он не удивился, услышав в первый раз от переводчика, что по исламскому календарю идет пятнадцатый век, и что он прибыл в Ирак в 1424 году или что-то в этом роде. Да, правильно, они и вели себя как в Средние века.

Но теперь они были частью современной войны, войны с применением приборов ночного видения и тяжелого вооружения. Они били из РПГ и минометов, закладывали бомбы в дохлых собак. Не имея в своем распоряжении ни того, ни другого, они использовали камни и ножи. На новое они отвечали старым – старым оружием и старыми именами: Нергал, Ниназу и тот, чье имя затерялось. Они устроили засаду и стали ждать.

Глава 25

Первыми к мотелю подъехали двое полицейских из Скоухегена. Я их не знал, но один из них слышал кое-что обо мне. Задав несколько коротких вопросов, они разрешили мне посидеть в «Лексусе», подождать прибытия детективов и оставили в покое. Детективы появились примерно через час. Солнце к тому времени уже садилось, и им пришлось достать фонарики.

Оказалось, с одним из них я встречался раньше. Звали его Гордон Уолш, и больше всего он походил на боксера-тяжеловеса. Когда Гордон, в огромных солнцезащитных очках, вышел из машины, казалось, оттуда вылез огромный жук, эволюционировавший до такой точки, что смог надеть костюм. В колледже он играл в футбол и с тех пор держал себя в форме. Его преимущество надо мной выражалось в четырех или пяти дюймах и добрых сорока фунтах. На подбородке у Гордона красовался шрам – след от удара бутылкой, полученный еще в те времена, когда он был простым патрульным. О том, что случилось со злосчастным хулиганом, не хотелось даже думать. Бутылку оттуда, куда засунул ее Гордон, извлекли, наверное, хирургическим путем.

Второго, пониже ростом, помельче и помоложе, я не знал. Держался он с напускной суровостью, которая не могла скрыть неуверенности и выдавала новичка, старающегося не отставать от породившего его жеребца. Уолш посмотрел на меня, но ничего не сказал и проследовал за одним из патрульных в комнату, где лежало тело Проктора. Перед тем как войти, он помазал под носом вапорабом, но задерживаться все равно не стал, а когда вышел, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Потом детективы прошли в дом, где задержались на какое-то время, и, продолжая делать вид, что меня не существует, осмотрели грузовик. Уолш нашел ключи и проверил зажигание. Мотор завелся с первого раза. Он заглушил двигатель, сказал что-то напарнику, и они оба наконец решили потратить какое-то время на меня.

– Чарли Паркер. – Уолш пососал дужку очков и поцокал языком. – Как только услышал это имя, сразу понял, скучать не придется.

– Детектив Уолш. Преступный элемент дрожит – значит, вы рядом. Вижу, от сырого мяса так и не отказались.

– *Mens sana in corpore sano*^[37]. И наоборот. Это латынь. Одно из преимуществ католического образования. Мой напарник детектив Сомс.

Сомс кивнул, но ничего не сказал. Губы поджаты, подбородок

выпячен, как у Дадли Справедливого. Я бы дал голову на отсечение, что по ночам он скрипит зубами.

– Ты его убил? – спросил Уолш.

– Я его не убивал.

– Черт, я-то думал, ты сознаешься, и мы к полуночи закруглимся. Я бы наконец упрятал тебя за решетку и, может, даже получил бы медаль.

– А мне казалось, детектив, что я вам нравлюсь.

– Нравишься, в том-то и дело. А теперь представь, что говорят о тебе те, кому ты не нравишься. Ладно, если не готов признаться, может, хочешь сообщить что-то полезное?

– Зовут его Гарольд Проктор. По крайней мере, я так полагаю. Раньше не встречал, так что наверняка сказать не могу.

– Тебя-то что к нему привело?

– Занимаюсь самоубийством одного парня из Портленда, бывшего солдата.

– На кого работаешь?

– На его отца.

– Кто такой?

– Отца зовут Беннет Пэтчет. У него ресторан в Скарборо, «Дюны».

– Какое отношение к нему имеет Проктор?

– Дэмиен Пэтчет, сын Беннета, возможно, был знаком с ним. Проктор присутствовал на похоронах Пэтчета. Я думал, у него есть какие-то мысли относительно психологического состояния Дэмиена перед самоубийством.

– Психологического состояния, вот как? Красиво излагаешь, этого у тебя не отнять. Есть сомнения насчет того, как тот парень умер?

– Ничего определенного. Он застрелился в лесу возле мыса Элизабет.

– Тогда с какой стати его отец платит тебе за расследование?

– Хочет выяснить, что подвигло сына на самоубийство. Неужели так трудно понять?

Позади нас, на дороге, появилась машина судмедэкспертов. Уолш тронул напарника за руку:

– Элиот, введи их в курс дела, проводи к месту.

Сомс послушно отправился исполнять указание, но безукоризненно гладкий лоб прорезала морщинка недовольства, как у мальчишки, которого не допустили к разговорам взрослых. Может, он и не был таким размазней, как мне показалось.

– Новенький? – спросил я.

– Хороший парень. Честолюбивый. Хочет раскрывать преступления.

– Ты себя таким помнишь?

– Я таким никогда не был. И честолюбием не отличался, а то был бы сейчас где-нибудь еще. Но преступления раскрывать мне по-прежнему нравится. Придает жизни хоть какой-то смысл. Хотя бы понимаешь, за что тебе зарплату дают, а без этого человеку нельзя. Но давай вернемся к этому твоему Пэтчету. – Он оглянулся через плечо – Сомс разговаривал с каким-то мужчиной, натягивавшим на себя белый защитный костюм. – Напарник мой любит все по правилам делать. Отчет составляет по ходу работы. Аккуратист. – Уолш повернулся ко мне. – Я же печатаю, как та обезьянка у Боба Ньюхарта, и отчет предпочитаю составлять в конце, а не в начале. Картина у меня складывается такая. Ты расследуешь самоубийство ветерана, и расследование приводит тебя сюда, к другому ветерану, который вроде бы тоже покончил с собой, но прежде чем выстрелить себе в голову, выпустил почти весь магазин в кого-то снаружи. Я правильно понимаю?

Снаружи. Я задумался. Если опасность угрожала снаружи, почему Проктор стрелял в стены? Бывший военный – плохой стрелок? Это не объяснение. Но ведь комната была закрыта изнутри, и, следовательно, источник опасности находиться там не мог.

Или мог?

Оставив эти мысли при себе, я согласно кивнул:

– Пока – да.

– Сколько было тому парню, Пэтчету?

– Двадцать семь.

– А Проктору?

– Около пятидесяти, я бы сказал. Пятьдесят с небольшим. Участвовал в первой иракской.

– Ты бы назвал его общительным?

– Не имел удовольствия быть знакомым.

– Но он жил здесь, а Пэтчет в Портленде?

– В Скарборо.

– Расстояние немаленькое.

– Пожалуй. Это допрос, детектив?

– Допрос – это свет в глаза, потные парни с закатанными рукавами, адвокаты. Мы просто разговариваем. Я вот к чему: как Проктор и Пэтчет могли познакомиться?

– Это так важно?

– Важно, потому что ты здесь, а они оба мертвы. Давай, Паркер, колись.

Смысла отмалчиваться я не видел, но кое-что решил все же

попридержать на удачу.

– Сначала я думал, что Проктор, может быть, из тех ветеранов, которым поручают встречать возвращающихся домой солдат, и что вот так он познакомился с Пэтчетом. Но теперь у меня другая версия: возможно, эти двое участвовали в некоем совместном предприятии.

– Пэтчет и Проктор. Похоже на название юридической фирмы. И что же это за предприятие?

– Точно не знаю, но отсюда до границы рукой подать, а мотель недавно использовали как склад. В номере, соседнем с тем, где застрелился Проктор, на полу деревянные стружки и кусочки пенопласта. Думаю, остались от упаковочных ящиков. Может, стоит поискать с собакой.

– Предполагаешь наркотики?

– Возможно.

– В дом заглядывал?

– Посмотрел, там ли он, и только.

– Обыскал?

– Это было бы незаконно.

– На вопрос ты не ответил, но предполагаю, что обыскал. Я бы так и сделал, а ты ничем меня не лучше. Поскольку дело свое ты знаешь, то и конверт с деньгами под матрасом нашел.

– Разве? Как интересно.

Уолш прислонился к моему капоту, посмотрел на трейлер, перевел взгляд на грузовик, потом на мотель. Лицо его посерьезнело.

– Итак, деньги у него есть, продукты в холодильнике, выпивки и сладкого хоть отбавляй, да и грузовичок вроде бы на ходу. Однако ж человек баррикадируется в комнате, палит в окно и в дверь, а потом сует ствол в рот и спускает курок.

– Телефон, телевизор и радио – все разбито.

– Видел. Чьих рук дело, его самого или кого-то еще?

– Трейлер цел. Книги на полках, одежда в шкафу, матрас на кровати. Если бы кто-то хотел тут все разгромить, деньги бы нашел.

– При условии, что они ему нужны.

– Я разговаривал в Лэнгдоне с одним парнем, Станденом. Он таксидермист, но еще и бар держит.

– Любишь ты такие городишки, – сказал Уолш. – Открыл бы твой знакомый еще и похоронную контору, ему б цены не было.

– По словам Стандена, у Проктора были проблемы. Призраков видел.

– Призраков?

– Именно это слово Проктор и употребил. Станден, похоже, думает,

что это симптом посттравматического расстройства как следствие иракского опыта. Если так, то он не первый солдат, вернувшийся домой не только с физическими, но и с психологическими шрамами.

– Как сын твоего клиента? Два самоубийства, жертвы знакомы. Тебе это странным не кажется?

Я не ответил. Интересно, сколько времени понадобится Уолшу, чтобы связать самоубийства Проктора и Дэмиена с более ранними – Берни Крамера в Квебеке и Бретта Харлана? Как только это случится, он, вероятно, выйдет и на Джоэла Тобиаса. Надо бы попросить Беннета Пэтчета не упоминать имя Тобиаса в разговоре с полицией. По крайней мере, в ближайшее время.

Четыре солдата, трое из одного взвода и один косвенно связанный с остальными, – все покончили с собой. Да еще жена, имевшая неосторожность столкнуться с мужем, когда у того был штык в руке. Я поднял газетные сообщения об убийствах, где между строк легко читалось, что у Бретта и Маргарет Харлан был ужасный конец.

Я все больше и больше укреплялся во мнении, что – даже если Сандерс и отказывалась это признать – в Ираке с солдатами подразделения «Страйкер Си» случилось что-то страшное, и этот страх они принесли с собой. Я все еще не понимал, как это может быть связано с подозрениями Джимми Джуэла в отношении Джоэла Тобиаса: контрабанда под прикрытием грузоперевозок. Но были отметины на полу четырнадцатого номера, были следы от упаковочных материалов и еще то, что незадолго до смерти Проктора навестили парни из «Страйкер Си», если Станден не ошибся, конечно. Был конверт с деньгами под матрасом, из чего можно предположить, что Проктору заплатили за что-то, скорее всего, за хранение в мотеле какого-то груза. Если так, то следующий вопрос – что это за груз? Самый очевидный ответ – наркотики. Но в этом сомневался Джимми Джуэл, да и надо слишком много наркотиков, чтобы оставить те вмятины на ковре. К тому же, по моим представлениям о международном наркотрафике, следовало, что основным поставщиком наркотиков является скорее Афганистан, чем Ирак, а взвод Тобиаса служил не в Афганистане.

Сомс позвал Уолша, и детектив ушел, оставив меня со своими мыслями. Интересно, что там в Бангоре? Если Бобби Жандро не заговорит в ближайшее время, придется оказать серьезное давление на Джоэла Тобиаса.

Темнело, но вечер не принес прохлады. Мошкара не давала покоя, а из леса донеслись звуки, свидетельствовавшие о том, что ночные хищники вышли на охоту. Приехал судмедэксперт, и в мотеле зажглись прожекторы.

Тело Гарольда Проктора вынесли, чтобы погрузить в машину и отправить в службу судмедэкспертизы штата, в Огасту. В одиночестве оно будет там недолго, скоро у него будет большая компания.

Глава 26

Они пришли к ночи. Легкий ветерок уносил шорохи в сторону леса, помогая маскироваться, но Ангел и Луис знали, что они придут, и ждали. Чтобы не терять бдительности, позициями менялись каждый час, и когда гости появились, за «Мустангом» наблюдал Ангел. Его острые глаза уловили легкое изменение в тени, отбрасываемой деревьями. Он тронул напарника за рукав, и тот сразу же переключился с дома на машину. Притаившись, они наблюдали за двумя вышедшими из тьмы людьми, чьи руки казались неестественно длинными из-за пистолетов с глушителями, которые напоминали готовые лопнуть нарывы.

А ребята хороши, подумал Луис. Где-то неподалеку, должно быть, бросили машину, но ни он, ни Ангел не слышали, как они подъезжали, да и заметили они их, только когда те чуть ли не на крышу «Мустанга» влезли. Поняв, что в «Мустанге» никого нет, гости снова растворились во тьме, и Луису пришлось напрячься, чтобы не упустить их из виду. Судя по отсутствию масок, проблема свидетелей их не беспокоила, а значит, оставлять кого-то в живых не планировалось.

Между тем ситуация в доме Жандро осложнилась, так как пару часов назад здесь появилась его подружка Мэл Нельсон. Поразительно, но совет наладить отношения неожиданно возымел действие. Оставаясь в засаде, Луис бесстрастно наблюдал за тем, как пара сначала разговаривала в гостиной, после чего Мэл медленно подошла к Бобби, опустилась на колени и обняла его. Потом они переместились, по всей вероятности, в спальню, и с тех пор видно их больше не было.

Еще несколько бесшумных теней возникли у задней стороны дома, где их не мог увидеть ни случайно выглянувший в окно сосед, ни любитель ночных прогулок с собачкой. Двое встали по обе стороны от двери. Кивнули друг другу. Звякнуло разбитое стекло. Один просунул руку, чтобы отпереть дверь изнутри, второй замер с пистолетом на изготовку, прикрывая товарища. В доме обозначилось движение. Кто-то вскрикнул. В спальне хлопнула дверь.

Луис снял первого тремя выстрелами – два в спину и третий, контрольный, в основание черепа. Ни предупредительного окрика, ни команды поднять руки и повернуться, ни предложения сдаться. Такие жесты – для хороших парней в вестернах, тех, что носят белые шляпы и в конце получают в награду девушку. В реальной жизни, если хороший

парень дает шанс злодею, то получает пулю. Луис никогда не думал о том, хороший он или плохой парень, и, сказать по правде, ему было на это глубоко наплевать, но умирать ради соответствия некоему романтическому идеалу он не собирался. Уложив первого, Луис мгновенно сместил пистолет чуть вправо. Второй незнакомец еще пытался вынуть просунутую в разбитое окно руку и, зацепившись за острый выступ рукавом, не успел отреагировать должным образом. Поняв, что против двоих у него нет шансов на спасение, он замер и тут же ощутил острую боль, услышал хлопок выстрела и свалился на землю, держа руку над головой с торчащим из рукава осколком стекла. Ему еще хватило сил поднять оружие, но оно уже смотрело в никуда, а потом все исчезло.

Дверь в спальню была закрыта. Луис начал оттаскивать парня со стеклом в руке от двери, а Ангел обратился к Жандро:

– Бобби, ты меня слышишь? Меня зовут Ангел. Мы с напарником были здесь днем, сопровождали Чарли Паркера.

– Я тебя слышу, – отозвался Бобби. – И я вооружен.

– Вот и отлично. У нас здесь два трупа, так что ты со своей подружкой жив только благодаря нам. Так что делай, что скажем, потому что нам надо вывезти вас отсюда.

Изнутри донесся взволнованный шепот, потом дверь открылась, и в проеме возник Бобби Жандро. Ветеран сидел в каталке в одних трусах и с «береттой» в руке. Он посмотрел на державшего наблюдение Ангела и перевел взгляд на Луиса, оттаскивавшего в сторону первое тело. На сосновом крыльце оставался кровавый след.

– Нам нужны мешки для мусора и клейкая лента, – сказал Луис. – А еще швабра и вода, если, конечно, ты не хочешь сохранить кровь как элемент декора.

Из-за спины Бобби выглянула Мэл. Она, похоже, была голая, если не считать прикрывавшего стратегически важные места полотенца.

– Мэм... – кивнул Ангел. – Вам бы лучше накинуть на себя что-нибудь. Игры кончились...

* * *

К тому времени как Бобби Жандро и Мэл Нельсон оделись и положили в сумку туалетные принадлежности и кое-что из вещей, трупы были упакованы в черные мусорные мешки и обмотаны лентой. Смерть исказила черты убитых, но Бобби опознал обоих без колебаний: Твайзел и Гринэм,

бывшие морпехи.

– НЗЦ. Наблюдение и захват цели. Военно-учетная специальность 8451.

Ангел непонимающе на него уставился.

– Снайперы-разведчики, – пояснил Луис.

– Они были первой из двух снайперских команд, внедренных в Аль-Адамию, – продолжал Жандро. – Непосредственно перед тем...

Ну вот. Его вдруг охватило желание все рассказать, желание поделиться своей историей, потому что его приятели повернулись против него, но Ангел посоветовал приберечь откровения на потом. Мэл Нельсон приехала на большом старом грузовике, так что ее попросили подъехать к дому сзади, чтобы погрузить тела. Парочку усадили в «Мустанг», и Ангел, выключив предварительно джи-пи-эс, отвез их в мотель, расположенный около Бакспорта, а Луис, следуя указаниям Жандро, отогнал грузовик к заброшенному гранитному карьере неподалеку от Франкфорта. При помощи веревок и цепей из гаража ветерана он перевязал оба трупа и бросил их в темную воду. Луис уже собирался отправить туда же и маячок, но передумал. Вещица была ценная, сам он такую сделать бы не смог. Луис бросил ее в кузов грузовичка Мэл и отправился в мотель.

И вот там, поскольку делать больше было нечего, они и выслушали историю Бобби Жандро.

Глава 27

Я просидел с Уолшем, пока не увезли тело Проктора. Думаю, детектив наказывал меня за недостаточную откровенность, но, с другой стороны, он по крайней мере разговаривал со мной и не пытался под надуманным предлогом отправить на ночь в камеру. Дорога до Портленда заняла бы часа три, а так как я устал и хотел принять душ, то решил поискать место поближе. Впрочем, принять такое решение мне помогли. Эксперты-криминалисты хотели отложить полноценный осмотр до утра, после чего ожидалось прибытие собак-нюхачей. Уолш предложил, чтобы я, в духе доброй воли и сотрудничества, оставался до утра где-нибудь поблизости, на тот случай, если завтра утром, а может быть, и ночью у него возникнет какой-нибудь вопрос.

– Специально для такой цели даже держу под рукой блокнот, – сообщил он, прислоняясь к машине.

– Неужели? На тот случай, если вдруг возникнет необходимость задать мне неудобный вопрос?

– Точно. Ты бы удивился, узнав, сколько копов могли бы сказать то же самое.

– А знаешь, не удивился бы.

Он покачал головой с выражением безнадежности на лице, какое бывает у кинолога, столкнувшегося с особенно упрямым псом, который не отдает мяч. Стоявший неподалеку Сомс с несчастным видом наблюдал за нами. Было ясно, что он с удовольствием принял бы участие в нашем разговоре, но Уолш намеренно исключил его из числа участников. Интересно, почему? Я уже сообразил, что в их отношениях возникнет напряженность. Будь они семейной парой, Уолш спал бы в эту ночь в комнате для гостей.

– Кто-то может сказать, что у нас, полицейских, которым вечно недоплачивают, зуб на тебя, особенно учитывая историю с Хансеном, – продолжал он, и я тут же вспомнил Хансена, детектива из полиции штата, и заброшенный дом в Бруклине, где погибли моя жена и дочь. Подгоняемый каким-то неуместным миссионерским пылом, он последовал туда за мной, за что его и наказал неизвестный убийца, целью которого был я, а Хансен просто попал под руку.

– Работать он уже вряд ли будет, – добавил Уолш. – А я вот так и не понял, что он делал той ночью у тебя в доме.

– Хочешь знать, что случилось той ночью?

– Нет. Я же знаю, что ты в любом случае не расскажешь, и кроме того, я читал официальный отчет. Дыр там больше, чем у бродяги в штанах. Ты в любом случае соврешь, частично или полностью, как всегда, как и сегодня вечером, я имею в виду то, что ты рассказал.

– Тем не менее мы здесь дышим ночным воздухом, ведем беседу.

– Все так. И ты, наверное, хотел бы знать, с чего это.

– Давай послушаю.

Уолш оторвался от моей машины, достал сигареты и закурил.

– Ты, конечно, тот еще хрен, и считаешь себя умней других вопреки многочисленным свидетельствам обратного. Но ты сражаешься за справедливое дело. Поговорим завтра. Может, за ночь у меня появятся блестящие идеи, может, у криминалистов возникнут вопросы – ты ведь мог наследить на месте преступления, – но потом тебя уже никто задерживать не станет. Взамен я жду, что в ближайшее время ты позвонишь и облегчишь душу, рассказав все, что уже знаешь или узнаешь. После этого у меня будет ответ на вопрос, что именно здесь произошло, и я, может быть, даже получу повышение за успешное расследование. Как тебе такой вариант?

– Вполне разумно.

– Хотелось бы так думать. А теперь залезай в свой пижонский «Лексус» и катись отсюда. Кое-кому еще надо поработать за сверхурочные. Кстати, никогда бы не подумал, что ты пересядешь на «Лексус». Насколько помнится, в последнее время у тебя был «Мустанг», как у Стива Макуина.

– «Мустанг» в мастерской, – соврал я. – Этот на замену.

– На замену? «Лексус» с нью-йоркскими номерами? Ты лучше не давай мне повода проверить эти номера. Не найдешь комнату в Рейнджли, поспишь в машине. Места хватит. Езжай, да поосторожнее.

Я поехал в Рейнджли и нашел номер в «Рейнджли инн». Главный корпус, вестибюль которого украшали головы оленей и чучело медведя, еще не открылся, и мне дали комнату в домике на второй линии. Поблизости стояли две машины, в одной из которых на пассажирском сиденье лежала карта местности, а на приборной доске красовалась наклейка с рекламой телестанции Бангора и самодельным знаком с надписью «Не снимать с места!». Я принял душ и сменил рубашку на футболку, которую купил на автозаправке. Запах из мотеля Проктора сохранился, но уже не реальный, а только воображаемый. Больше беспокоило ощущение тревоги и дискомфорта, возникшее у меня в комнате, соседней с той, где застрелился Проктор. Чувство было такое,

словно я вошел туда в конце какого-то спора и услышал эхо последних слов, напитанных злобой и ядом. Не их ли слышал перед смертью Гарольд Проктор?

Перекусить я отправился в паб «Сержант». Выбирать не приходилось, поскольку из всех заведений открыто было только это. Из пяти телевизоров по четырем шли разные спортивные программы, а по пятому, самому дальнему – местные новости. Звук на спортивных каналах приглушили, и несколько мужчин молча смотрели новости. Главной темой была смерть Проктора, как в силу особенностей сопутствовавших ей обстоятельств, так и благодаря тому, что день выдался небогатым на события. Обычно самоубийства не удостоиваются такого внимания, и, кроме того, местное телевидение старается оберегать чувства родных и близких покойника, но некоторые детали смерти Проктора явно выходили за привычные рамки: человек забаррикадировался в пустом номере заброшенного отеля и, судя по всему, покончил с собой. В репортаже ничего не говорилось о том, что перед самоубийством он стрелял по кому-то, кто находился вне комнаты.

Усаживаясь за стол в стороне от бара, я услышал негромкие реплики, и пара человек повернулись в мою сторону. Одним из них был Станден, таксидермист. Я попросил у официантки бургер и бокал вина. Вино прибыло быстро, и за ним почти сразу же подтянулся Станден. Я тихонько чертыхнулся, потому что совершенно забыл о данном ему обещании. Его внимание к Проктору и информация, которой он поделился со мной, заслуживали того, чтобы я зашел к нему лично и рассказал, что там произошло.

Теперь все присутствующие в баре смотрели на меня. Станден виновато улыбнулся и быстро посмотрел на них через плечо, как бы говоря: ну вы же знаете, каково оно в таких вот городишках. Сидевшие за стойкой, надо отдать им должное, пытались уравновесить любопытство смущением, но первое явно перевешивало.

– Извините за беспокойство, мистер Паркер, но мы так поняли, что это вы нашли Гарольда.

Я кивком указал ему на стул напротив. Он сел.

– Не извиняйтесь, мистер Станден. Мне бы следовало отплатить вам любезностью и навестить вас, но день выдался долгий, и я забыл об этом. Прошу прощения.

Глаза у него были красные. Станден прилично выпил, но мне показалось, что он еще и плакал.

– Понимаю. Для нас всех это стало шоком. Я даже не смог открыть бар. Поэтому и пришел сюда. Думал, кто-нибудь что-то знает, а тут вы...

– Многого сказать не могу, – предупредил я, и он сразу уловил подтекст.

– Вы только расскажите, что можете, и достаточно. То, что о нем здесь говорят, правда?

– А что здесь о нем говорят? И кто?

Станден пожал плечами.

– По телевизору. Полиция никаких официальных заявлений не делала. У нас здесь только пограничный патруль. Говорят, что Гарольд покончил с собой.

– Похоже, что так.

Будь у Стандена кепка, он уже мял бы ее смущенно.

– Тут у нас парень из патрульных... Бен... – Он кивнул в сторону полного мужчины в камуфляжной рубашке с ремнем, увешанным ключами, ножами, телефонами и фонариками, сползшим почти на бедра, – говорит, что, мол, подозрительное какое-то самоубийство, а что в нем такого подозрительного, не говорит.

Ну вот, опять это слово. Подозрительный. Джоэл Тобиас был подозрительный. Теперь вот смерть Гарольда Проктора подозрительная.

Между тем Бен и еще двое из компании у стойки подтянулись поближе, рассчитывая, наверное, узнать какие-нибудь подробности. Я прикинул варианты и пришел к выводу, что если буду молчать, ничего не выиграю. Рано или поздно все выйдет наружу; либо сегодня, когда сюда после смены пропустить стаканчик заглянет какой-нибудь патрульный, либо завтра, когда город задействует собственные информационные ресурсы. И еще одно. Мне были известны некоторые обстоятельства смерти Гарольда Проктора, о которых не знали они, но и они знали о его жизни что-то такое, о чем не знал я. Станден уже снабдил меня полезными сведениями. И его приятели могли добавить что-то еще.

– Перед смертью Проктор расстрелял все патроны. Последний оставил для себя.

На языке у всех вертелся должно быть один и тот же вопрос, но первым задал его Станден:

– В кого он стрелял?

– В кого-то снаружи. – Я не стал упоминать о следах от пуль на стене.

– Думаете, за ним кто-то гнался?

– Если бы за ним кто-то гнался, он вряд ли успел бы забаррикадироваться в комнате.

– Бедняга Гарольд спятил, – сказал Бен. – После возвращения из Ирака его было не узнать.

Все согласно закивали. Будь их воля, они бы высекли этот вердикт на его могильном камне: «Гарольд Проктор. Спятил».

– Ну вот, – сказал я, – теперь вы знаете столько же, сколько и я.

Они потянулись к стойке. Остался только Станден. Похоже, необычные обстоятельства смерти Проктора по-настоящему расстроили только его одного.

– Вы в порядке? – спросил я.

– Не совсем. В последнее время мы с Гарольдом уже не были так близки, как когда-то, но я все равно оставался его другом. Как подумаю, что он там... такой...

Станден замялся, не находя нужного слова.

– Напуганный?

– Да, напуганный. И одинокий. Такая смерть... здесь что-то не так.

Официантка принесла мне бургер, и я попросил принести еще бокал вина, хотя и к первому едва прикоснулся, показав на стакан Стандена.

– «Бушмилз», – сказал он. – Без воды. Спасибо.

Я подождал, пока официантка принесет выпивку и удалится. Станден сделал глоток. Я взялся за еду.

– А еще, наверное, чувствую себя виноватым. Понимаете? Может быть, если бы я оставался с ним на связи, вытаскивал из этой его раковины, расспрашивал о проблемах, ничего такого не случилось бы.

Я мог бы ему соврать. Мог бы сказать, что смерть Проктора не имеет к нему никакого отношения, что судьба выбрала Проктору другую дорогу, ту, что в итоге и привела его к жуткой смерти в забаррикадированной комнате. Мог бы, но не стал. Ложь была бы унижительна для сидящего передо мной человека, благородного и порядочного.

– Так это или нет, сказать не могу. Но Гарольд сам ввязался во что-то странное, непонятное, так что вашей вины в этом нет. Вероятно, это его и убило.

– Странное? – переспросил Станден. – Что вы имеете в виду?

– Вам приходилось видеть, что к нему приезжали на грузовике? На фуре? Возможно, из Канады.

– Откуда же мне знать. Одно дело, если бы они шли из Портленда или Огасты, но если через Коберн-Гор, то к Гарольду они попадали раньше, чем в Лэнгдон.

– Может быть, их видел кто-то еще?

– Могу поспрашивать.

– У меня нет на это времени, мистер Станден. Послушайте, я – не полиция, и вы не обязаны предоставлять мне какую-либо информацию, но

помните, что я говорил вам сегодня?

Станден кивнул.

– Насчет парня, который покончил с собой.

– Верно. Теперь и Гарольда Проктора нет. Похоже, еще одно самоубийство.

Я мог бы для убедительности упомянуть Крамера из Квебека и Бретта Харлана с женой, но тогда это стало бы предметом обсуждения всей компании, и в итоге дошло бы до копов. По ряду причин я этого не хотел. Мне лишь недавно удалось вернуть лицензию, и хотя возвращение сопровождалось туманными намеками на то, что аннулировать ее снова никто не собирается, я не хотел, чтобы у полиции появился повод предъявить претензии. В любом случае это не понравилось бы Уолшу, который, в общем, мне нравился, но, попади мы оба за решетку, оказаться с ним в одной камере я бы не хотел.

Но самое главное, во мне проснулся старый знакомый голод. Я хотел выяснить, что происходит, раскопать глубинные связи между смертью Гарольда Проктора, Дэмиена Пэтчета и других. Я знал теперь, что только называюсь частным сыщиком, что рутинные дела о мошеннических страховках, неверных супругах и вороватых служащих лишь позволяют мне оплачивать счета, но больше ничего не дают. Я понял, что мое желание работать в полиции и короткая бесславная карьера в полицейском управлении Нью-Йорка были не только стремлением как-то отыгаться за отца. Прежде чем покончить с собой, он убил двоих, и этот его поступок чернил память о нем и бросал тень на меня. Я оказался плохим копом – не коррумпированным, не жестоким, не некомпетентным, но все равно плохим, потому что мне не доставало дисциплины и терпения и, может быть, честолубия, что является обязательным для такой работы. Получение лицензии частного детектива представлялось мне приемлемым компромиссом, способом достичь некоей неясной цели в рамках законности. Я знал, что никогда больше не буду копом, но инстинкты остались при мне – целеустремленность, преданность делу, то, что отличает человека работающего не только ради выгоды, не ради абстрактного чувства товарищества или перспективы выйти в отставку через двадцать лет и открыть бар в Бока-Ратоне.

Я, безусловно, мог бы слить все, что знаю или подозреваю, Уолшу и отойти в сторонку. Ресурсами он располагал куда большими, чем я, и у меня не было оснований считать его менее целеустремленным. Но я *хотел* сделать все сам. А иначе, кто я такой? И раз так, то я буду рисковать, буду торговаться, когда надо торговаться, и собирать то, что можно собрать. В

какой-то момент тебе ничего не остается, как только довериться собственным инстинктам и самому себе. За годы, прошедшие с тех пор, как у меня отняли жену и дочь и я нашел того, кто сделал это, я понял по крайней мере одно – я хорош в том, что делаю.

Почему?

Потому что ничего другого у меня нет.

Я смотрел на Стандена и молчал. Возможная связь между двумя самоубийствами висела перед ним как яркая приманка, и я рассчитывал, что он заметит ее и клюнет.

– Есть один парень, Гиган. Эдвард Гиган, – сказал Станден. – Живет недалеко от Гарольда. Найти его можно, только если искать, но он точно там. Как и большинство местных, живет один, компании не ищет, но никаких странностей за ним не замечалось. Просто тихий. Если кто-то что-то и знает, то это Эдвард.

– Я хочу поговорить с ним, пока до него не добрались копы. Телефон есть?

– У Эдварда? Я сказал, что он тихий, но не сказал, что он отсталый. Делает что-то по Интернету. Что-то связанное с маркетингом. Я, по правде сказать, и не понимаю толком, что это такое, но компьютеров у него там больше, чем в НАСА. И телефон есть.

– Позвоните ему.

– Я могу пообещать, что вы угостите его стаканчиком?

– Помните старые вестерны? Там герой всегда просит бармена оставить бутылку.

Станден моргнул.

– Я позвоню Эдварду.

* * *

Эдвард Гиган оказался типичным гиком. За тридцать, высокий, бледный, худой, с длинными, песочного цвета волосами, в очках без оправы, коричневых полиэстеровых штанах, дешевых коричневых туфлях и светло-коричневой рубашке. Наверное, что-то подобное могло получиться, если бы кто-нибудь надел парик на жирафа и прогнал его через программу обучения местного супермаркета.

– Это мистер Паркер, тот самый, о котором я говорил. У него к тебе несколько вопросов. – Станден как будто растолковывал что-то ребенку.

Гиган посмотрел на него, вскинув бровь.

– Стандс, ты почему разговариваешь со мной, как с идиотом? – спросил он без намека на враждебность, но с некоторым любопытством и ноткой нетерпения.

– Потому что ты и выглядишь так, будто вылез из МТИ, а не из нашего леса. Естественно, я должен за тобой присматривать.

Гиган ухмыльнулся ему, и Станден, впервые за вечер, ухмыльнулся в ответ.

– Придурок.

– Долдон.

Предложение оставить нас с бутылкой бармен отклонил, но согласился подливать до тех пор, пока Станден и Гиган будут в состоянии членораздельно оформить заказ. К несчастью для меня, алкоголь они переносили с такой же стойкостью, как и друг друга. Бар пустел примерно с такой же скоростью, как и бутылка за стойкой, и вскоре мы остались единственными клиентами. Поболтали о том о сем, и Гиган рассказал, как, устав от городской жизни в Бостоне, оказался в округе Франклин.

– Первая зима далась тяжело. Раньше я думал, как же хреново в Бостоне, когда идет снег, но здесь на тебя обрушивается лавина. – Он скорчил гримасу. – И женщин, конечно, недостает. В смысле, женской компании. Ох уж эти городишки. Остались только те, что не вышли замуж. Как будто в Иностранный легион попал.

– Вот туристы пойдут, веселее будет, – сказал Станден. – Не очень, но все-таки...

– Черт, я к тому времени от скуки умру.

Они посмотрели в стаканы, будто надеясь, что вот сейчас оттуда выглянет и призывно махнет хвостом русалка.

Я попытался повернуть разговор в нужном направлении.

– Насчет Гарольда Проктора...

– Я, в общем-то, удивился, когда услышал, – сказал Гиган. – Не из тех он был...

В последнее время эта фраза звучала слишком часто. Беннет Пэтчет отозвался так о своем сыне. Кэрри Сандерс сказала примерно то же самое о Дэмиене Пэтчете и Бретте Харлане. Если они правы, то получалось, что слишком многие попали в мертвецы без достаточных на то оснований.

– Почему вы так считаете?

– Крепкий парень. Никогда не сожалел о том, что там делал, а делал он там такое, что не везде можно рассказать. Ну, то есть, для меня это был хардкор, но я ведь никого не убил. Надеюсь, и не убью.

– Вы с ним ладили?

– Выпивал пару раз зимой. Гарольд помог, когда у меня генератор полетел. Жили по-соседски, но приятелями не были. Так здесь заведено. Потом он начал как-то меняться. Я говорил об этом со Стандсом, и он сказал то же самое. Стал всех сторониться, меньше общаться, хотя и болтуном никогда не был. Грузовик заводил в неподходящее время, иногда даже после полуночи. И фура к нему приходила. Большой тягач – по-моему, красный – с трейлером.

Красная фура. Как у Джоэла Тобиаса.

– Номер не помните?

Гиган назвал. По памяти. Все так, номер Тобиаса.

– У меня фотографическая память, – объяснил он. – Помогает в моих делах.

– Когда это было?

– Четыре или пять раз. Два раза в прошлом месяце, один раз в этом и последний – вчера.

Я подался к нему через стол.

– Фура приходила вчера?

Гиган заволновался, словно испугался, что мог ошибиться. Сосредоточился, прикидывая.

– Ну да, вчера утром. Я возвращался из города и видел, как она уезжает, так что когда приехала, не знаю.

Из того немногого, что сообщил Уолш, я знал, что Проктор был мертв дня два или даже три. Определить точнее мешала жара в комнате, ускорившая процесс разложения. Получалось, что Тобиас был в мотеле, когда Проктор уже умер, но даже не стал его искать. Либо он знал, что Проктор мертв, но не сообщил, что представлялось маловероятным. В кого бы ни стрелял Проктор, он стрелял не в Тобиаса.

– И это точно была та же фура, что и раньше?

– Да, я же и говорю. Та самая. Гарольд и тот другой парень, водитель, – нет, стоп, однажды их было вроде бы трое – сняли груз, и фура ушла.

– Вы с Гарольдом об этом говорили?

– Нет.

– Почему?

– Меня это не касалось, а Гарольду расспросы могли бы и не понравиться. Он, наверное, понимал, что я вижу их или слышу, но в здешних краях совать нос в чужие дела не принято.

– Не пытались понять, чем он занимается?

Гиган неловко заерзал.

– Думал, может, хочет снова открыть мотель. Гарольд говорил об этом иногда, но денег на восстановление у него не было.

– И?..

Гиган упорно не смотрел мне в глаза.

– Гарольд любил покурить «травку». Я тоже. Он знал, где ее достать, а я платил. Много не брал, ровно столько, чтобы пережить долгие зимние месяцы.

– Гарольд был дилером?

– Нет, не думаю. Просто у него был поставщик.

– Но вы считаете, что он мог хранить наркотики в мотеле, так?

– Возможно. Особенно если он хотел заработать на открытие мотеля.

– А взглянуть соблазна не возникало?

Гиган снова замялся.

– Разве что однажды. Когда Гарольда дома не было.

– И что вы увидели?

– Все комнаты были заперты, но некоторые недавно открывались. Древесные стружки, вся земля взрыта. И борозды на траве, как будто внутрь закатали что-то тяжелое.

– А вы никогда не видели, что они заносили?

– Фуру ставили так, чтобы легче было разгружать, то есть задом к мотелю. Что они там переносят, я так толком и не разглядел.

«Толком не разглядел».

– Но что-то все-таки разглядели?

– Вам это покажется странным.

– Поверьте, странным мне уже ничего не кажется.

– Ну, это была, наверное, статуя. Вроде тех, греческих. Белая, знаете, как в музее. Я сначала подумал, что это тело, но у нее не было рук. Как у Венеры Милосской. Только эта была мужская.

– Черт, – пробормотал я. Значит, не наркотики, а антиквариат. Джоэл Тобиас полон сюрпризов.

– Вы уже говорили с полицией?

– Нет. Они, наверное, и не знают про меня.

– Поговорите с ними завтра утром, только попозже. Расскажите то же, что и мне. И последнее. Полиция считает, что Гарольд покончил с собой три дня назад. Плюс-минус. Вы слышали в это время выстрелы?

– Нет. Я ездил в Бостон, навещал родных и вернулся позавчера. Наверное, Гарольд покончил с собой, когда меня не было. Он точно застрелился?

– Думаю, что да.

– Тогда почему он забаррикадировался в комнате? В кого стрелял перед смертью?

– Не знаю.

Я сделал знак бармену – повторить. За спиной у меня открылась дверь, но я не оглянулся. А вот Станден и Гиган вострепнулись, лица их изменились и даже просветлели после наших мрачных разговоров.

– Похоже, кому-то сегодня может подвалить удача. – Гиган поправил волосы. – Надеюсь, этим кем-то буду я.

Я осторожно обернулся, но женщина уже стояла рядом.

– Вас угостить, мистер Паркер? – спросила Кэрри Сандерс.

Глава 28

Гиган и Станден поднялись на выход.

– Похоже, опять ни черта не выйдет, – вздохнул Гиган. – Прошу прощения, мисс.

– Не извиняйтесь, – отмахнулась Сандерс. – И к мистеру Паркеру у меня вопрос профессиональный, а не личный.

– То есть я еще могу на что-то рассчитывать? – оживился Гиган.

– Нет.

Он огорченно вздохнул, а Станден утешительно похлопал его по спине.

– Пойдем, пусть поболтают о своих делах. У меня дома припасена бутылочка, попробуем решить твои проблемы.

– Виски?

– Нет. Спирт. Только его разбавлять чем-то надо.

Гиган бросил прощальный взгляд в направлении Сандерс, и парочка, извинившись, двинулась к выходу. Парень явно засиделся в лесу, и я подумал, что если он чего-нибудь не предпримет в ближайшее время, то станет угрозой для всей лесной живности.

– Ваш фан-клуб? – поинтересовалась Сандерс, когда официантка принесла ей бутылку «Микелоб ультра».

– Только часть.

– А у вас поклонников больше, чем я ожидала.

– Группа небольшая, но стабильная, в отличие от вашей клиентской базы, которая, похоже, сокращается день ото дня. Может, стоит подумать о смене профессии или заключить сделку с похоронной конторой.

Она нахмурилась. Один – ноль в пользу задиры.

– Гарольд Проктор не был моим пациентом. Медикаменты ему выписывал местный врач. Я связывалась с ним, предлагала принять участие в моем исследовании, но он не захотел и за профессиональной помощью ко мне не обращался. И мне не нравится ваше пренебрежительное отношение к тому, что я делаю, и к умершим бывшим военнослужащим.

– Не читайте мне нотаций, доктор Сандерс. Вы не спешили с предложением помощи при нашей последней встрече, когда у меня сложилось впечатление – как оказалось, ложное, – что мы хотим одного и того же.

– И чего же именно?

– Выяснить, почему члены небольшой группы, люди, знающие друг друга, кончают жизнь самоубийством. Вместо этого вы предложили общие слова и дешевый анализ.

– Выяснить вы хотели не это.

– Нет? Вас в вашей психической школе учили телепатии, или вы работаете над этим сами, на досуге, когда устаете от собственной надменности?

Сандерс посмотрела на меня в упор.

– Что-нибудь еще?

– Да. Почему вы не заказали настоящую выпивку? Мне даже неловко.

И тут она не выдержала. Улыбка у нее была милая, жаль, пользовалась она ею нечасто.

– Настоящая выпивка? Вроде бокала красного вина? У нас же не церковные посиделки. Остается только удивляться, что бармен не выволок вас на улицу и не побил палкой.

Я откинулся на спинку стула и поднял руку, признавая поражение. Сандерс отодвинула пиво и подозвала официантку.

– Мне то же, что у него.

– Кто-нибудь подумает, что у нас свидание, – заметил я.

– Такая мысль может возникнуть только у слепого, который к тому же еще и глухой.

Смотреть на нее было приятно, но желающему подкатить к ней на интимном уровне пришлось бы надеть броню для защиты от шипов. Официантка принесла вино. Сандерс пригубила и, не выказав активного неодобрения, сделала еще глоток.

– Как вы меня нашли? – поинтересовался я.

– Копы сказали, что вы в Рейнджли. Один детектив, Уолш, даже описал вашу машину. Он также порекомендовал мне проколоть вам шины, чтобы вы точно остались на месте. На всякий случай.

– Я остался не совсем по своей воле.

– Копы убедили? Они должно быть очень вас любят.

– Чувство это временное, но взаимное. Как вы узнали о Гарольде Прокторе?

– Полицейские нашли в доме мою визитку, а его врач сейчас вроде бы в отпуске, на Багамах.

– Неблизкий путь ради человека, которого вы не очень хорошо знали.

– Бывший солдат. Еще одно самоубийство. Это моя работа. Копы надеялись, что я смогу пролить свет на обстоятельства его смерти.

- Смогли?
- Я была у него дома только один раз. Гарольд жил один, много пил, судя по запаху, покуривал «травку», и у него не было достаточно прочной поддержки – или вообще не было.
- Другими словами, подходящий кандидат в самоубийцы?
- Он был очень уязвим психологически, вот и все.
- Но почему именно сейчас? Из армии Проктор ушел лет пятнадцать назад, а то и больше. Вы говорили, что посттравматический стресс может проявляться до десяти лет, но пятнадцать – это уж слишком.
- Этого я объяснить не могу.
- Как вы вышли на него?
- Консультируя бывших солдат, я просила назвать тех, кто, возможно, пожелает принять участие в программе, или тех, кому, по их мнению, требуется неформальный подход. Кто-то из них назвал Гарольда.
- Не помните, кто именно?
- Нет. Надо посмотреть записи. Может быть, Дэмиен Пэтчет, но наверное не скажу.
- А не мог это быть Джоэл Тобиас?
- Она нахмурилась.
- Джоэл Тобиас психиатров не переносит.
- Так вы к нему обращались?
- Последний курс физтерапии он проходил в «Тогусе». В программу входила и психологическая помощь. Его приписали ко мне, но большого прогресса мы не достигли. – Сандерс пристально посмотрела на меня поверх бокала. – Он ведь вам не нравится, да?
- Я едва знаком с Тобиасом, но то, что знаю о нем, мне не нравится. У него большой грузовик с большим трейлером. Там можно много чего спрятать.
- Она и глазом не моргнула.
- Вы, похоже, уверены, что там есть что скрывать.
- На следующий день после того, как я начал наводить справки о Джоэле Тобиасе, меня очень профессионально обработали – ни синяков не оставили, ни костей не поломали.
- Может, это и не имело к нему никакого отношения.
- Послушайте, я допускаю, что есть люди, которым я не нравлюсь, но большим умом они не отличаются и без небольшого кредита за такое дело не взялись бы. Это не какие-то анонимные доброжелатели. У них был мешок, они использовали воду как средство убеждения. Мне ясно дали понять, что я должен держаться подальше от бизнеса Джоэла Тобиаса.

– Насколько я знаю, большинство тех, у кого могли быть реальные трудности в общении с вами, уже не в состоянии устроить разборки, если только они не научились вести дела из могилы.

Я отвернулся.

– Это не совсем так.

Но она уже не слушала.

– При нашей первой встрече я не поверила, что мы хотим одного и того же, поэтому и отказала вам в помощи. Я вижу свою роль в том, чтобы помогать людям везде, где только можно. Некоторые, как Гарольд Проктор и Джоэл Тобиас, принимать эту помощь не хотят. Может быть, они и нуждаются в ней, но считают проявлением слабости рассказать о своих страхах психотерапевту, даже бывшему армейскому психотерапевту, которая была с ними в одном пылесборнике. В газетах много писали о самоубийствах среди военных, о том, что люди, пострадавшие физически и психологически, брошены своим правительством, и даже о том, что они могут представлять собой угрозу национальной безопасности. Они участвовали в непопулярной войне. Да, эту войну не сравнить с вьетнамской ни по потерям, ни по враждебному отношению к ветеранам дома, но нельзя порицать военных за то, что они защищались. Вас я сочла еще одним вот таким упрямым, пытающимся что-то доказать.

– А теперь?

– Я и теперь считаю вас упрямым, в чем со мной согласен и тот детектив, что работает в доме Проктора, но, возможно, наши цели не столь уж различны. Мы оба хотим выяснить, почему умирают эти люди.

Она отпила еще вина, и оно окрасило ее зубы красным, как у зверя, только что отведавшего сырого мяса.

– Послушайте, я отношусь к этому очень серьезно, поэтому и занялась исследованием. Моя тема – часть совместной инициативы с Национальным институтом психического здоровья, направленной на поиск ответов и решений. Мы изучаем влияние боевых действий на солдат и их многократного участия в боевых действиях. Известно, что две трети самоубийств случаются во время или после ведения боевых действий. Проведя пятнадцать месяцев в зоне боевых действий, люди не успевают снять напряжение, а их снова отправляют воевать.

Понятно, что нашим солдатам нужна помощь, но они боятся обратиться за ней, боятся, что у них сложится определенная репутация. Но и военному руководству необходимо изменить отношение к солдатам, ибо психологический скрининг поставлен плохо, и командиры неохотно разрешают подчиненным обращаться к гражданским терапевтам. Они

привлекают больше врачей общей практики, что, безусловно, хорошее начало, и психологов, но основное внимание уделяют войскам, ведущим боевые действия. Что происходит, когда они возвращаются домой? Из шестидесяти солдат, покончивших с собой в период с января по август 2008 года, тридцать девять сделали это после возвращения домой. Мы не обеспечиваем им должной поддержки. Они – раненные, но некоторые раны выявляются тогда, когда уже слишком поздно. С этим надо что-то делать. Кто-то должен взять на себя ответственность.

Она откинулась на спинку стула. Налет суровости исчез, и теперь она выглядела просто усталой. Усталой и, как ни странно, помолодевшей, словно ее стресс был и профессиональным, и почти детским в своей чистоте.

– Теперь вы понимаете, почему я насторожилась, когда частный детектив, причем имеющий репутацию человека, склонного к насилию, начинает интересоваться самоубийствами ветеранов?

Вопрос был риторический, а если и не был, то я предпочел считать его таковым и просигнализировал бармену, чтобы тот повторил. Мы помолчали, а когда официантка принесла по бокалу, Сандерс вылила недопитое из первого во второй.

– А вы? – спросил я. – Как это влияет на вас?

– Не понимаю вопроса.

– Нелегко ведь, наверное, выслушивать все эти мрачные истории и неделю за неделей видеть искалеченных людей. Это накладывает свой отпечаток.

Она поводила бокал по столу, наблюдая оставляемые им узоры, круги на кругах, как диаграммы Венна.

– Поэтому я и ушла из армии и стала гражданским консультантом. До сих пор себя виню, но там я часто чувствовала себя королем Канутом, пытающимся в одиночку сдержать прилив. В Ираке надо мной стоял командир, которому солдаты были нужны на поле боя. Нужды большинства перевешивают нужды меньшинства, и я могла лишь давать советы, воспользоваться которыми было невозможно. В «Тогусе» я ощущала себя частью стратегии, попытки увидеть общую картину, пусть даже эта общая картина представлена тридцатью пятью тысячами солдат, которым уже поставлен диагноз ПТСР.

– Вы не ответили на вопрос.

– Разве? То, что вы подразумеваете, называется вторичной травмой или «контактным дистрессом» – чем теснее терапевт контактирует с пострадавшим, тем вероятнее, что у него разовьется такая же травма. В

настоящее время оценка психологического здоровья терапевтов практически отсутствует. Есть самооценка, и ничего больше. О том, что ты сломлен, узнаешь уже постфактум.

Она залпом выпила полбокала.

– А теперь расскажите мне о Гарольде Прокторе и о том, что вы там видели.

Я рассказал почти все, опустив только то небольшое, что узнал от Эдварда Гигана, и умолчал о конверте с деньгами. Когда я закончил, она ничего не сказала, но продолжала смотреть в глаза. Если это был какой-то психологический трюк, рассчитанный на то, что я не выдержу и выложу все, что скрывал с самого детства, то он не сработал. Однажды я уже раскрылся больше, чем хотел, и повторять ошибку не собирался. Закрываешь дверь конюшни, а лошадь уже исчезла за горизонтом.

– А как же деньги? – спросила она. – Или вы просто забыли об этом упомянуть?

Значит, копы все же оказались более падки на ее хитрости, чем я. Придется, когда мы встретимся в следующий раз, посоветовать Уолшу все же сохранять твердость, а не растекаться в довольной улыбочке, когда симпатичная женщина похлопывает его по руке и отпускает комплимент его пистолету.

– С этим пока туман.

– Вы не идиот, мистер Паркер, и не принимайте за идиотку меня. Я сейчас скажу, к каким выводам пришли вы, а вы, когда я закончу, может со мной не согласиться. Итак, вы считаете, что Проктор хранил в мотеле какие-то вещи, возможно, даже наркотики. Вы думаете, что деньги – плата за услуги. Вы полагаете, что некоторые, или все, из покончивших с собой могли быть вовлечены в эти операции. Поскольку у Джоэла есть грузовик, и он совершает рейсы в Канаду, вы подозреваете, что он и есть самое вероятное транспортное звено. Я права?

Я промолчал, и она продолжила:

– Тем не менее полиции вы всего не сказали. Интересно, почему. Потому что у вас обязательства перед Беннетом Пэтчетом, и вы не хотите марать репутацию его сына без крайней на то необходимости? Возможно, отчасти так оно и есть. Вы – романтик, мистер Паркер, но иногда, как и все романтики, путаете романтику с сентиментальностью. Это объясняет, почему вы циничны в отношении мотивов других людей. Но вы также и крестоносец, и это соответствует вашей романтической жилке. В основе импульса крестоносца лежит эгоизм. Вы крестоносец, потому что это дает вам ощущение смысла жизни, а не потому, что служит требованиям

правосудия или общества. Вообще, когда ваши собственные потребности входят в противоречие с потребностями общества, вы, как мне кажется, обычно отдаете предпочтение первому перед вторым. Это не значит, что вы плохой человек, – просто ненадежный. Ну, как вам?

– По Проктору и Тобиасу близко. По второй части бесплатного анализа комментариев дать не могу.

– Он не бесплатный. Вы заплатите за мое вино. Что я упустила по Проктору и Тобиасу?

– Я не думаю, что это наркотики.

– Почему?

– Разговаривал с человеком, который бы знал о новых поставках на местный рынок или о перевалочном пункте на территории штата. Пришлось бы разбираться с доминиканцами и, возможно, с мексиканцами. Джентльмен, о котором я говорил, тоже потребовал бы свою долю.

– А если бы новые игроки просто решили сыграть не по правилам?

– Тогда кое-какие люди с пушками могли бы поддаться соблазну сыграть не по правилам с ними. Есть еще и проблема снабжения. Если только они не выращивают «травку» сами, за границей, или не импортируют ее напрямую из Азии, то где-то на маршруте должны столкнуться с действующими здесь поставщиками. Провести такого рода переговоры тихо и незаметно очень трудно, особенно когда они угрожают нарушить статус-кво.

– Если не наркотики, то что тогда?

– Надо искать в их личных делах, – сказал я, уклоняясь от ответа.

– Я просматривала личные дела умерших. Там ничего нет.

– Посмотрите повнимательнее.

– Спрошу еще раз: чем они промышляют? Думаю, вы знаете.

– Скажу, когда буду уверен. Вернитесь к документам. Что-то должно быть. Если контрабанду с участием ветеранов раскроют копы, репутации военных это на пользу не пойдет. Будет лучше, если дело против них откроют сами военные.

– А вы что намерены делать?

– Всегда есть слабое звено. Вот его я и намерен найти.

Я расплатился за выпивку, теша себя тем, что проведу платеж как оправданные накладные расходы на том основании, что никакого удовольствия при этом не получил. Последнее в целом соответствовало действительности.

– Собираетесь вернуться в Огасту? – спросил я.

– Нет, переночую там же, где и вы.

Мы перешли через дорогу к мотелю.

– Где припарковались?

– Оставила на улице. Пригласила бы пропустить по стаканчику на ночь, но выпивки у меня нет. И, кстати, желания тоже.

– Я не стану принимать это на свой личный счет.

– А стоило бы, – сказала она и ушла.

Вернувшись, я первым делом проверил сотовый. Сообщение поступило только одно, от Луиса, – номер мотеля и комнаты. Я позвонил ему по обычному телефону. Главный корпус уже закрыли на ночь, так что прослушивать было некому. Тем не менее мы постарались обойтись без деталей.

– Была компания, – сообщил Луис, когда Ангел передал ему трубку. – Двое к обеду.

– До основного блюда дошло?

– Не дошло даже до закусок.

– А потом?

– Они поехали купаться.

– Хорошо, что на пустой желудок.

– Да, осторожность лишней не бывает. Так что нас теперь четверо.

– Четверо?

– Похоже, у тебя новая работа – консультирование по проблемам отношений.

– Не уверен, что со своими навыками смогу помочь даже вам.

– Если у нас возникнут трудности, мы сначала договоримся о совместном совершении самоубийства. А пока тебе бы лучше подойти сюда. Наш приятель оказался очень разговорчивым.

– Я обещал копам, что поболтаюсь здесь до утра.

– Им будет тебя не хватать, но, думаю, ты захочешь это послушать.

Я сказал, что доберусь к ним только через несколько часов, и он ответил, что они подождут. Выежая со стоянки, я заметил свет в окне Кэрри Сандерс. Только горел он не для меня.

Часть IV

Менелай:

*Нет. Боги нас обманывали, в руки
Мои достался призрак роковой.*

Слуга:

*Что ты сказал?
Все муки – даром? И награда – призрак?*

Еврипид «Елена», действие 1, явление 8^[38]

Он провел слишком много времени почти во всех транспортных средствах, какие только могла предложить армия, и знал все их достоинства и недостатки, и в итоге его занесло на свободное место в «Страйкере», отделении, которым командовал Тобиас.

На «Страйкер» вылили немало дерьма, в основном подписчики журналов по оружейной тематике, любители порассуждать о «боевом классе», но солдатам «Страйкер» нравился. Сиденья проваливались, вентилятор трещал, словно в его задачу входило отгонять мух, и выходов для подключения DVD-плееров и айпадов хватало не на всех, но машина превосходила «Хамви», даже бронированный. «Страйкер» обеспечивает 14,5-миллиметровую круговую защиту от всего, что могут швырнуть в него хаджи, и дополнительную защиту от гранатометов, за которую отвечает бронеплита, навешиваемая на расстоянии 8 миллиметров от корпуса. Сзади – пулемет «М240», сбоку – подвесной 50-го калибра. Для сравнения: в «Хамви» сидишь, как будто прикрылся фольгой и размахиваешь 22-м калибром.

Все это важно, потому что вопреки правилам городской войны командование отправляло их в патруль каждый день по одному и тому же маршруту и в одно и то же время, так что хаджи могли проверять по ним часы и, соответственно, закладывать самодельные взрывные устройства. К этому времени вопрос состоял уже не в том, подстрелят их или нет, а в том, когда именно. Присутствовал и позитивный аспект, так как после подрыва машина в обязательном порядке возвращалась на базу для ремонта, и команда могла отдыхать до конца дня.

Перевод в расчет «Страйкера» обеспечил Тобиас. Тобиас и парень по имени Роддам. Тобиас заработал сержантские нашивки и стал

командиром отделения. Он не зазнался, даже угостил всех пивом, хотя попать с выпивкой считалось серьезным нарушением. Избежать ответственности по 15-й статье за драку или несанкционированное использование транспортного средства было можно, но за наркотики и алкоголь привлекали к судебной ответственности. Тобиас сильно подставлялся с пивом, но своим доверял. Впрочем, к тому времени он уже знал его методы и понимал, что пиво – это средство расположить к себе. Тобиас по-своему интерпретировал третий закон Ньютона: на каждое действие есть равное или большее противодействие. За пиво они расплатились, и плату взимал Роддам.

Роддам был чем-то вроде секретного агента. В Багдаде таких хватало с избытком, и настоящих, и шарлатанов. В Роддаме было понемножку того и другого. Звание он носил армейское, не цэрэушное, и, как всякий хороший шпион, о своих делах не распространялся. Говорил, что работал на небольшое агентство под названием «Служба поиска и обработки информации», СПОИ, но Тобиас как-то дал понять, что действует он по большей части в одиночку. На его визитных карточках значились офисы в Конкорде, штат Нью-Гемпшир, и Пон-Руже, что в Канаде, но последний оказался на поверку не более чем фикцией, налоговой аферой, с адресом около аэродрома, а конкордское отделение состояло из телефона и автоответчика.

В ЦРУ Роддам, однако, когда-то служил, у него были контакты и влияние. В Багдаде он действовал как посредник между армией и мелкими подрядчиками, теми, что не имели транспортной сети и пытались сократить расходы, чтобы греть руки на услугах, предоставляемых дяде Сэму. Роддам договаривался о перевозках грузов, до которых не доходили руки у больших ребят, например из «Халлибертон», и которые по каким-то причинам желательно было перебросить в обход обычных транспортных каналов.

Кое-что он с этого имел, и не так уж мало, но главным полем игры было другое. Как выяснилось, Роддам был специалистом по допросам и информационному анализу, чем и объяснялось происхождение названия СПОИ. Под арестом содержалось столько иракцев, что штатные сотрудники разведки не успевала всеми заняться, и мелкую рыбешку бросали Роддаму. При достаточном количестве заключенных можно сопоставить полученную от них информацию и получить некую общую картину. В области анализа полученной от пленников информации Роддам был настоящим гением; иногда те даже не догадывались, что поделились чем-то ценным. Если требовалось найти объяснение чему-то или

установить связь между кажущимися разрозненными сведениями, он разговаривал с пленными сам. Роддам не ломал пальцы и не обращался к пытке водой. Он был терпелив, осторожен и выдержан. Всю полученную информацию он загонял в компьютерную программу, созданную им самим и проходившую тестирование в Ираке. Программа сравнивала ключевые фразы, мелкие оперативные детали и соотносила их друг с другом для выявления некоей модели. Армейская разведка и ЦРУ тоже подбрасывали ему какие-то фрагменты, так что Роддам знал об операциях повстанцев едва ли не больше других. Человек он был сведущий, компетентный и надежный, как виртуальный оракул. Взамен Роддам получал то, что хотел.

Он так и не узнал, на чем сошлись Тобиас и Роддам. Наверное, такие просто притягивают друг друга. В общем, когда Тобиас принес пиво, Роддам пришел с ним. Скорее всего, и пиво доставал он.

К тому времени они уже понесли потери: погибли Латнер и Коул, раненых Эдвардса и Мартинеса заменили Харлан и Крамер, а подстреленный снайпером Хейл лежал в госпитале в тяжелом состоянии. Ему попали в голову, и смерть стала бы для него лучшим выходом. До пополнения их назначили в боевое охранение – никаких патрулей, только сменный караул в башне, а значит, постоянный, час за часом, радиообмен: «вызывает передовая янки» – «это Лима Чарли – слышу хорошо^[39]», да редкая тревога, когда кто-то в темноте пулял из миномета, гранатомета или просто давал автоматную очередь, чтоб не заскучали.

В тот вечер Тобиас – или Роддам – устроил так, что их освободили от дежурства, и вся команда, восемь человек, собралась в блоке-контейнере Тобиаса: он сам, Тобиас, Роддам, Крамер, Харлан, Марлак, Пэтчет и Баччи. Когда все расслабились пивом, Тобиас заговорил. Сообщил, что жизнь Хейла будет в лучшем случае выживанием. Вспомнил других ребят, оказавшихся в похожем положении. Рассказал, как парни добиваются выплат по разным статьям от отдела по делам ветеранов и как министерство отказало Кейсу, пулеметчику, которого сменил Пэтчет, на том основании, что по ранению в ногу он квалифицируется утратившим трудоспособность лишь на шестьдесят процентов. Кейс обратился в прессу, и проценты тут же подскочили, но только потому, что они хотели заткнуть ему рот. Парню повезло, но раненых было много, а удача улыбалась не всем, и не каждый находил газету, которая отнеслась бы к нему сочувственно и взялась за его дело. Тобиас сказал, что у Роддама есть предложение, и если они согласятся и сделают все как надо, то смогут помочь своим раненым братьям и сестрам и обеспечат

комфортную жизнь себе после возвращения домой. Тобиас предложил им послушать, и они слушали.

Роддаму было около пятидесяти – лысоватый, с животиком. Всегда носил рубашки с коротким рукавом и галстуки. Очки в черной оправе. С виду школьный учитель математики или физики. Роддам сказал, что к нему попала кое-какая информация. Рассказал о разграблении Иракского музея в 2003 году. Тут вмешался Пэтчет и сказал, что был там вскоре после этого. Роддам вроде бы заинтересовался, а после даже отвел Пэтчета в сторонку и о чем-то его расспрашивал, но это после, а тогда просто принял к сведению и продолжил тему. Он говорил о золоте, статуях и древних печатях. Крамер стал смеяться. Слухи о саддамовских сокровищах появлялись нередко, как и рассказы о спрятанных в садах золотых слитках, и шли они главным образом от иракцев, которые, содрав деньги с готовых платить идиотов, исчезали в ночи и пропадали навсегда. Тобиас сказал Крамеру заткнуться и слушать, что Крамер и сделал.

Когда Роддам закончил, идеей прониклись все, даже Крамер, потому что Роддам умел убеждать тихо, спокойно и деловито. Они сказали, что да, готовы, и Роддам отправился согласовывать детали. Теперь все они были его подручными.

Он уже забыл, каково оно – напиваться. Дома едва хмелел от шести банок, но здесь, после нескольких месяцев без алкоголя, с постоянно пересохшим горлом, распаренный, он словно заправился целой бочкой. На следующий день голова раскалывалась, но данное обещание из памяти не выветрилось. Радовало, что на дело отправляются в «Страйкере», а не в какой-нибудь жестянке. Сомнения, однако, уже появились. Накануне, залив пару пива и толком не закусив, он, как и остальные, рвался в бой, но теперь ситуация предстала в реальном свете. При обычном сближении с противником на экранчике автоматизированной системы управления появлялись красные треугольники, сообщавшие о наличии неприятеля, но в этой операции им предстояло действовать вслепую и без поддержки.

Тобиас подошел к делу как к обычному патрулированию: проверил наличие у каждого запаса воды, перчаток, бронежилета, очков ночного видения. Осмотрел оружие – чтобы чистое и смазанное. Убедился в наличии свежих батареек. Как всегда, каждый проверил все у себя сам и запомнил оперативное задание. При всех своих недостатках Тобиас ничего не пускал на самотек, лично проверял знание боевой задачи и обеспечивал необходимое оснащение. Роддам, чувствовавший себя неуютно в кевларовом бронежилете, наблюдал и не вмешивался. Он нервничал и то и

дело поглядывал на часы. Тобиас еще раз проверил наличие дополнительного боезапаса для подвешенного с правого борта пулемета 0,50-го калибра. Подобраться к нему в бою было нелегко, но и поставить больше некуда, и лучше пусть уж будет так, чем никак. После проверки каждый провел личный ритуал: потрогал медаль, фотографию родных или крестик. Если они считали, что какие-то обыденные мелочи сохранили им жизнь, все это тщательным образом повторялось. Солдаты суеверны. Обстановка способствует.

Был воскресный вечер, и солнце уже садилось. Выехали, хорошо подкрепившись, потому что лучше всего кормили по воскресеньям. Только кофе никто не пил – адреналина хватало и без него. Он помнил, как ступал по песку, чувствуя под ботинками земную твердь, ощущая силу в ногах. Помнил, как пол «Страйкера» отозвался глухим эхом, когда он шагнул к своему месту. Такое простое дело – переставить одну ногу, потом другую. Теперь это не для него. Теперь переставлять нечего.

Склад находился в Аль-Адамии, старом квартале Багдада, оплоте суннитов. Они ехали по узким улочкам, как будто специально созданным для засад. В окнах горели керосиновые лампы. На улицах – ни души. В двух кварталах от места назначения огни уже не попадались, остался только месяц в небе, поливавший здания серебром и отделявший их от тьмы.

Последнюю сотню футов прошли пешком. Здание склада выглядело более современно в сравнении с окружающими строениями, внутри было совершенно темно. Здание имело два входа: южный, с тыльной стороны, и западный. На первом этаже было два зарешеченных окошка, покрытых таким толстым слоем пыли, что рассмотреть что-либо через стекло не представлялось возможным. Двери были стальные, и они выбили замки взрывчаткой С-4 и вошли быстро и решительно. Он видел движущиеся фигуры, видел поднятое оружие, но и стреляя, не мог отделаться от мысли, что здесь что-то не так. Как можно захватить кого-то врасплох? Если в Аль-Адамии сядет муха, кто-то обязательно донесет об этом пауку.

Упал один. Другой. Слева вскрик: «Есть!» Голос знакомый и одновременно незнакомый, искаженный яростью и смятением боя. Загремел телевизор – через очки ночного видения экран выглядел ослепительно ярким – и тут же взорвался и погас. «Прекратить огонь!» – крикнул сержант, и сразу стало тихо. Все кончилось, едва начавшись.

Склад обыскали, но других хаджи не нашли. Трое были убиты, один умирал. Тобиас выставил периметр и подошел к раненому. Они вроде бы обменялись какими-то словами.

Очки сдвинули на лоб, и лучи фонариков побежали по стенам, вырывая из темноты ящики, картонные коробки и какие-то странные, завернутые в холст фигуры. Зрачки у умирающего хаджи расширились; он улыбался и как будто что-то напевал себе под нос.

– Под кайфом, – сказал Тобиас. – Артан, наверно.

Артан, антипсихотик, им лечили страдающих болезнью Паркинсона, но особой популярностью он пользовался у повстанцев помоложе. В Багдаде его можно было купить в таких местах, как Бабб аль-Шарк, Восточные ворота. Принявший артан ощущал эйфорию и чувствовал себя неуязвимым. Голос хаджи поднялся в молитве и оборвался – Тобиас прикончил его одним выстрелом. Не будет полиции, убитых не положат в мешки для отправки в ближайший участок. Они останутся на месте.

Головной убор у мертвого хаджи был черный – знак шахида, мученика. Он указал на это Тобиасу, но тот интереса не проявил.

– И что? Хотели быть мучениками – получите.

Тобиас не понял.

Он хотел сказать: они ждали нас, но почему-то почти не отстреливались. Если бы хотели, перебили бы нас еще на улице, но почему-то не стали, зато позволили расстрелять себя.

Разговаривая по спутниковому телефону, к ним подошел Роддам. Через несколько минут они услышали урчание двигателей и увидели свет – к складу подкатил бронетранспортер «Буффало». Как ему удалось проехать по узким улочкам, знает один лишь Бог, но как-то удалось. За ним подъехал «Хамви». Приехавших четырех парней он раньше не видел, потом узнал, что это были нацгвардейцы, два из Калиса, а другие два из какого-то медвежьего угла. Снова земляки, из Мэна, чем-то обязанные Тобиасу. Трое домой не вернулись. Четвертый никак не мог освоить свои новые руки.

Из «Буффало» выкатили два пневмоподъемника – на них из склада вывозили тяжелые грузы. Тобиас построил свою четверку в линию, и они передавали коробки поменьше в «Хамви». На всю работу ушло четыре часа. За это время к складу никто не приблизился. Из Аль-Адамии им позволили убраться беспрепятственно. По пути подобрали две группы снайперов. Ничего необычного, система так и работала. Снайперы – «Дельта», «Блэкуотер», рейнджеры, «Морские котики», морпехи – во время выполнения охранно-поисковых операций приписывались к пехотным отделениям. После ухода отделения снайперы обычно оставались, и их забирали позже. В данном случае, как он узнал, снайперское прикрытие организовал Роддам. На позиции они вышли заранее, и задача у них была

одна: прикрывать группу Тобиаса.

Должен был быть бой, говорил он себе. То, что случилось, не поддавалось объяснению. Все выглядело полной бессмыслицей.

Но это было неважно, потому что они разбогатели.

Даже теперь масштабы операции, которую провернул Роддам, поражали. С другой стороны, Роддам был умен и ловок, знал, как использовать хаос войны, а в Ираке царил хаос. Важно было то, что доставлялось в страну, а не то, что вывозилось. Половину захваченного на складе отправили в Канаду самолетами, которые в противном случае летели бы пустыми за дорогуищим оборудованием, необходимым для ведения войны. Грузы более габаритные пересылали через Лондон и дальше морем. При необходимости давали взятки, но только не в Канаде и США. Даже без цэрэушных контактов Роддама, обеспечивавших прохождение грузов, Ирак представлял собой золотую жилу для подрядчиков. Оборудование требовалось вчера, по любой цене, и никто не хотел, чтобы его из-за каких-то бумажек обвинили в подрыве военных действий.

В последующие месяцы они все потянулись домой, кто-то целым и невредимым, кто-то не совсем. Они сдавали оружие, заполняли опросные листы, и никто не признавался, что у него есть психологические проблемы. Начальство только радовалось. Они выслушивали стандартную речь батальонного командира, советовавшего по возвращении домой не бить жену или подругу, обещавшего, что армия встретит их распростертыми объятиями, букетами цветов и сорока девственницами из южных штатов, если кто-то пожелает вернуться.

И все такое.

Потом Кувейт, Франкфурт, пролет над Бангором по пути на базу Маккорд и назад в Бангор. Домой.

Так было у всех, кроме него, потому что он потерял обе ноги. У него был другой маршрут: эвакуация на медицинском вертолете «Блэк хоук» в госпиталь, находившийся в «зеленой зоне» Багдада, потом, когда его состояние стабилизировалось, перелет в региональный медицинский центр Ландштуль под Франкфуртом, где и провели ампутацию. Из Ландштуля в Рамштайн, из Рамштайна в Эндрюс на C-141 «Старлифтере» – люди лежали как дрова, как рабы на невольничьем корабле, разделенные шестью дюймами пространства. Его тошнило от запаха крови и мочи, просачивавшегося сквозь медикаментозный туман, от оглушающего рева двигателей, прорывающегося через ушные тампоны. С базы Эндрюс в медицинский центр Уолтера Рида. Ад трудотерапии, попытки приспособиться к протезам и отказ от них, потому что они причиняли

боль, а боли он наелся.

А потом возвращение в Мэн и стычки с Тобиасом. Тобиас говорил, что о нем позаботятся, надо только держать рот на замке. Но он беспокоился не только за себя. У них был уговор: деньги пойдут на помощь братьям и сестрам по оружию, раненым, тем, кто потерял слишком много. Тобиас отвечал, что ситуация изменилась. Он не собирался взывать к совести других – пусть каждый дает сколько хочет. Сколько может. Все сложно. Нужно быть осторожными. Жандро не понимал.

И вдруг они стали умирать. Про ларец ему рассказал Крамер. Еще Крамер рассказал про кошмары. Крамер увлек его в темные уголки шумерской мифологии. Но только после смерти Дэмиена Пэтчета он узнал правду о Роддаме. Роддам умер. Его нашли в офисе СПОИ в Конкорде через неделю после возвращения домой Тобиаса и Баччи. Роддам стал первым из команды, совершившей налет на склад в аль-Амадии. Остальные узнали не сразу, потому что Роддам был на самом деле не Роддамом, а Нейлоном, Джеком Нейлоном. Он накачался виски и уснул в офисе на диване с непотушенной сигарой в пепельнице, стоявшей на подлокотнике кресла. Сгорел, так все говорили.

Все бы ладно, да только Роддам – или Нейлон, или как его там – не пил. Он запомнил это потому, что на базе, когда все выпивали, предложил пива Роддаму, и тот объяснил, что он диабетик и у него высокое давление. Поэтому он не пил и не курил.

Почему он не пошел в полицию и не дал показания, когда шло расследование? Ответа у него не было. Может быть, потому, что медицинская карта Роддама, как и многое другое, была засекречена. Но потом он вспомнил и кое-что еще. Еще до возвращения домой Тобиас говорил, что Роддам ненадежен. Он не один из нас. У него какие-то проблемы в Квебеке. Роддам хочет слишком большой куш. Тобиас как будто готовился к устранению Роддама.

Он заговорил о Роддаме после похорон Дэмиена. Вообще говорил о многом, потому что напился и скучал по Мэл. А теперь еще и по Дэмиену. Если Роддам не был главным, то кто им был? Тобиас хорош как сержант, но не более того. Он не выдавал идей, он только претворял их в жизнь, а операция была сложная.

Тобиас сказал, чтобы он заткнулся и занимался своим делом, потому что человек в инвалидном кресле уязвим и с калеками постоянно что-то случается.

Вот тогда он стал держать при себе оружие.

Глава 29

Теперь Коллектор отставал от Ирода всего лишь на несколько шагов. Он чувствовал, что приближается, и страхи его крепили.

Это дело было особенным. Коллектор мог бы даже принять его за своего рода интересный вызов, как охотник, обнаруживший, что преследуемая им добыча демонстрирует необычайные глубины хитрости, если бы не растущая тревога относительно конечной цели Ирода и неотвратимости ее достижения. Скрывался Ирод хорошо, и Коллектору удавалось обнаружить только его следы: заключенные сделки и приведенные в исполнение угрозы, разрушенные жизни и непогребенные тела, купленные или взятые у мертвых вещи. Именно природа этих артефактов – загадочная, оккультная – и привлекла изначально внимание Коллектора. Он осторожно попытался выявить объединяющую их закономерность. На первый взгляд эти вещи не имели ничего общего: они не относились к какому-то определенному историческому периоду, отличались по характеру и относительной ценности. Присутствовало лишь странное ощущение, что все они – отражение некоей заведомости, как будто Ирод обставлял комнату в ожидании гостя, чтобы того окружали сокровища и редкости, знакомые или интересные ему, или готовил музейную выставку, которая будет представлена для обозрения только после пополнения ее главным экспонатом.

Коллектор уже несколько раз подбирался к Ироду, тот всегда ускользал. Как будто предупрежденный о приближении Коллектора, он ухитрялся уклониться от встречи, порой даже жертвуя при этом желанной вещью, потому что Коллектор мастерски расставлял ловушки. Решение избавиться от Ирода пришло несколько лет назад, когда тот убил ребенка, мальчика, отец которого сорвал сделку. Этим деянием Ирод, по мнению Коллектора, проклял себя. Любопытно, что при заключении сделки Ирод, похоже, руководствовался неким извращенным представлением о чести и следовал правилам, которые сам же и устанавливал.

Сомнения в правомерности убийства Ирода окончательно рассеялись, когда Коллектор узнал о его интересе к сокровищам, похищенным из Иракского музея. То было первое реальное указание на направление поисков. До него доходили слухи о некоем ларце, но он не придавал им значения. Такого рода баек хватало во все времена, начиная от легенды о ящике Пандоры. Эта история отличалась лишь тем, что она привлекла

внимание Ирода, а тот бесплодными поисками не увлекался. Ирод уже видел конец, и все, что он делал, служило этой цели.

Ирод контактировал с Рошманом в Париже, пытался установить, откуда взялись приобретенные им печати. Рошман сотрудничать не стал, поскольку Ирод не располагал средствами, необходимыми для участия в серьезном аукционе, и даже не выразил желания купить их. Что странно, Ирод как будто не спешил угрожать Рошману, чтобы вытянуть из него нужную информацию. Коллектор заметил, что Ирод как школьный задира использует силу только против слабых. Дом Рошманов имел солидную репутацию и пользовался немалым влиянием. Поссорившись с ними, Ирод рисковал настроить против себя шайку бесцеремонных и богатых дилеров, которые в лучшем случае подвергли бы его ostracism, но, скорее всего, выступили бы против него единым фронтом. Коллектор не сомневался, что любой, кто перейдет дорогу Ироду, поплатится за это, но схватка с людьми, защищающими многомиллиардную индустрию, зависящую от нелегального перемещения краденых сокровищ, могла закончиться только уничтожением Ирода.

В результате Ирод отступил. До лучших времен. И вот теперь несколько печатей появились в каком-то городишке в Мэне. Слух пошел сразу же, как только Рохас попытался обратить в деньги золото и драгоценные камни. И привлек он не только дилеров и Ирода. Пытаясь спасти себя и бизнес, заговорил Рошман, показаниями которого заинтересовалось федеральное правительство. Оказавшиеся в его распоряжении печати, как и те, что предлагали в Мэне, пропали из хранилища № 5 в подвале Иракского музея. Печати Рошмана были авансовым платежом за его оценочную экспертизу и помощь в поиске покупателей. Рано или поздно он расскажет следователям все, что знает, и тогда они примутся за всех, причастных к этому бизнесу.

Коллектор знал доктора аль-Дайни и понимал, что, занимаясь розыском всех утраченных в 2003 году сокровищ, иракец в первую очередь попытается найти ларец. Коллектор навел справки и узнал, что аль-Дайни уже направляется в Соединенные Штаты. Он прилетит в Бостон, и оттуда его сразу же повезут в какой-то заброшенный мотель в городке Лэнгдон, штат Мэн.

Люди, занимавшиеся перевозкой краденых артефактов из мотеля, допустили неосторожность. Экспертиза показала, что пара валявшихся в траве алебастровых статуэток является частью клада, обнаруженного в 1964 году на левом берегу Тигра в Телль-ас-Савване и впоследствии украденного из Иракского музея. В мотеле также нашли покончившего с

собой человека, который забаррикадировался в одной из комнат и прежде, чем умереть, выстрелил в нечто непонятное, угрожавшее ему.

Тело обнаружил детектив Чарли Паркер.

Там, где замешан Паркер, о совпадениях речи быть не могло. Паркер стал частью чего-то, чего не понимал. На самом деле Коллектор и сам не все понимал. Снова они с Паркером ходили вокруг одной и той же добычи, как две луны-близняшки вокруг темной неведомой планеты.

Коллектор позвонил своему адвокату. Попросил узнать, где Паркер. Адвокат, человек пожилой, с пренебрежением относившийся к компьютерам, сотовым телефонам и вообще к большей части технических инноваций последних лет, позвонил некоему джентльмену, специализирующемуся в области триангуляции, и сотовый телефон Паркера проследили до мотеля около Бакспорта.

До Бакспорта был час езды.

И Коллектор сел за руль.

Глава 30

Ирод стоял около машины и смотрел на склад Рохаса. Свет горел на обоих этажах. На нижнем этаже за стеклом двигались какие-то фигуры. На парковке стояли машины: грузовики «Рохас бразерс», пара легковушек и белый внедорожник.

Ироду были нужны лекарства, причем в серьезных дозах. Время шло, боль все усиливалась, и теперь он хотел только, чтобы все поскорее закончилось, и можно было отдохнуть.

Потом появилось покалывание у основания шеи. Поначалу едва заметное на фоне боли; выделить его было не легче, чем уловить мелодию в какофонии настраивающего инструменты оркестра. В теплом ночном воздухе рана на губе пульсировала, и насекомые летели на него, как на свечу.

Я источаю запах распада, подумал он. Если лечь и ждать смерти, они отложат яйца в моей плоти еще до того, как я испущу дух. Может быть, в этом даже есть какое-то облегчение. Он представил, как из яиц вылезают и набрасываются на опухоли черви, как поглощают они гниющие ткани и оставляют здоровые... Вот только здоровых уже почти не осталось, так что червяки съедят его полностью. Он, наверное, даже приветствовал бы такой конец, более быстрый и естественный, чем пожирание плоти болезнью. Но вместо этого нашел для боли другой выход. Если это кара свыше, наказание за грехи – поскольку Ирод грешил и находил в прегрешениях радость, – то и он, Ирод, будет назначать наказание другим. Капитан предоставил ему средства, определил цель, более высокую, чем причинение страданий другим в отместку за собственные мучения. Капитан обещал, что мир будет скорбеть по Ироду. Прежде чем изринуть из тьмы – из ада, созданного другим, в ад, творимый собственным телом в меру его способностей, – Капитан дал ему видение: черный ангел, скрытый за стеной, нечто заключенное в ловушке; тела, угасающие, но не умирающие, в каждой части самого Капитана...

И ларец... Капитан показал ему ларец. Но к тому времени он уже пропал, и начались поиски.

Покалывание не проходило. Ирод потерял шею, и вопреки ожиданию, кровососущей твари пальцы не раздавили. Между ним и складом лежало открытое поле. На ближней границе поля лежало озерцо со стоячей водой, над которой роились насекомые. Ирод подошел к нему поближе, пока не

увидел отражение – свое и того, другого. Высоченное пугало в черном костюме и черном котелке. Лицо заменял мешок с двумя грубовато прорезанными дырками для глаз. Но не хватало рта. Не было и деревянного креста, на который пугало должно опираться.

Капитан вернулся.

* * *

Вернон и Причард лежали на холмике, скрытые от посторонних глаз кустами и нижними ветвями деревьев. С этой позиции им были хорошо видны примыкающие к складу Рохаса постройки. Оба лежали тихо и практически неподвижно, едва улавливая дыхание друг друга. Правым глазом Причард смотрел в ночной прицел «М40». Винтовка обеспечивала точность стрельбы с расстояния до тысячи ярдов, здесь же до цели было не более восьмисот. Вернон наблюдал за окнами и дверьми через монокуляр «Эй-ти-эн Найт спирит».

Вернон и Причард были снайперами элитного разведподразделения морской пехоты. Практически невидимая снайперская война в Багдаде обострилась после гибели двух групп от рук террористов, в общей сложности десяти человек. Их противником в смертельной игре в кошки-мышки был почти мифический Джуба, безымянный снайпер, то ли чеченец, то ли целая команда, вооруженная снайперскими винтовками «Табук» иракского производства, репликами «калашникова». Джуба отличался дисциплиной, ждал, пока солдаты поднимутся или выйдут из машины, выискивал слабые места в бронезащите, всегда стрелял только один раз и после выстрела бесследно исчезал. Относительно того, один ли человек Джуба или их несколько, Вернон и Причард во мнении расходились. Причард, стрелок из этой пары лучший, стоял за первый вариант, исходя из того, что Джуба предпочитает бить с расстояния в триста ярдов и не склонен наносить второй удар, даже если ситуация к тому располагает. Вернон не соглашался с напарником, указывая, что хотя «Табук» и дает хороший результат на расстоянии до девятисот ярдов, лучшая дистанция для него именно триста ярдов, и поэтому пользующиеся «Табуком» снайперы Джубы ограничены имеющимся снаряжением. Вернон относил к группе Джубы и тех, кто имел на вооружении винтовки Драгунова и «Ижмаш» 22-го калибра, тогда как Причард не брал их в расчет. В итоге оба парня стали объектами Джубы. Как и другие солдаты, они стали виртуозами в «нарезании квадратов»: передвигаться зигзагом,

пригнувшись, постоянно менять позицию и вбирать голову в плечи. Причард называл это «полевым буги», Вернон – «джихад-джиттербагом». И то, и другое выглядело довольно странно, поскольку они оба не вышли бы на обычный танцпол даже ради спасения собственной жизни, но чтобы не попасть в прицел снайпера, вытанцовывали не хуже Джина Келли и Фреда Астера.

Вернон и Причард знали четырех солдат из роты «Эхо», погибших в Рамади в 2004 году. Трех убили выстрелом в голову, четвертого буквально разорвали пулями. Кроме того, одному морпеху перерезали горло. Нападение произошло среди бела дня в восьмистах ярдах от командного пункта. Позднее стало известно, что группа боевиков состояла из четырех человек, и за морпехами велась настоящая охота, но с того случая началось разочарование Вернона и Причарда в самой природе иракского конфликта. Только один из погибших прошел снайперскую подготовку; остальные были обычными солдатами. Предполагалось, что *так* система работать не должна. В любой команде не меньше двух обученных снайперов – вот золотое правило. Когда годом позже в Хадите погибла группа из шести снайперов третьего резервного батальона, и оставшимся снайперам пришлось действовать, подчиняясь все более ограничительным правилам боя, Вернон и Причард решили, что морпехи могут обойтись и без них. Дополнительным толчком стал взрыв, в результате которого у Вернона перестал видеть правый глаз, и он получил билет домой.

Но к тому времени они уже познакомились с Тобиасом и участвовали в налете на склад. Они были командой 1 и прикрывали южные подходы. Твайзел и Гринэм, команда 2, прикрывали северные подходы. О цели операции никто не спрашивал, так как снайперские группы всегда сами разрабатывали и выполняли задания. Где именно они будут, о том знали только Тобиас и Роддам. В ночь налета снайперам не пришлось сделать ни одного выстрела, что всех огорчило.

Причард ушел из армии вскоре после Вернона, и вот теперь они вместе лежали в кустах, готовые убивать уже не хаджи, а мексиканцев. Оба спокойные, терпеливые, как и подобает людям их призвания. Они не терзались угрызениями совести. Когда Причарда спрашивали, не сожалеет ли он о том, что выбрал такую жизнь, он всегда отвечал, что чувствовал только отдачу в плечо. Это было не совсем так, кайф от убийства перевешивал кайф от секса, однако ж он был человеком нравственным и мужественным, считавшим, что исполняет благородное призвание, и при этом признававшим некоторое противоречие между желанием отбирать у людей жизнь и удовольствием, получаемым в момент самого акта.

Оба были в самодельных маскировочных костюмах с дырочками на спине для вентиляции. Они намазались грязью из ближайшего ручья и, поскольку ночь выдалась лунная, опустили на лицо сеточки. Лазерными дальномерами не пользовались и все необходимые расчеты делали в уме: определяли расстояние, угол к цели, плотность воздуха, скорость и направление ветра, влажность и даже делали поправку на температуру пули в патроне, поскольку при выстреле с тысячи метров пуля из патрона, который на двадцать градусов теплее другого, попадает в цель на двадцать дюймов выше. Раньше они носили с собой справочники, калькуляторы для расчета баллистических данных, а к прикладу приклеивали таблицы, но теперь знали все необходимое наизусть.

Угол уходил чуточку вниз. Причард рассчитал, что брать будет на пятнадцать футов выше и левее цели. Все было готово. Единственной проблемой оставались Твайзел и Гринэм. Они еще не вышли на позицию, и Причард не представлял, где они могут находиться. И его, и Вернона тревожило, что Тобиас выслал вперед других, но не позаботился о том, чтобы посоветоваться с ними. Вернон имел звание штаб-сержанта и был старшим из четырех снайперов, и они с Тобиасом до сих пор спорили, когда речь заходила о деталях проведения операции. С ними должны были проконсультироваться. И вот результат – одной команды нет, а это нехорошо.

Фургон стоял в рощице, футах в четырехстах от склада Рохаса, с тыльной стороны. Дверь со стороны водителя была открыта. Тобиас, в натянутой на лицо черной лыжной маске и черном комбинезоне, рассматривал склад и окружающие строения через окуляры прибора ночного видения.

– Четверо. Плюс Рохас, – сказал Маллак. – Трое с «МР-5», у одного, похоже, ружье «моссберг роудблוקер». У двух девятый «глок» в плечевой кобуре, у одного – дробовик, у ближайшего к двери – «МР-5». Никакого алкоголя не вижу. Телевизор включен, но на всю громкость. На столе какие-то объедки.

Тобиас кивнул – это хорошо. После еды люди обычно расслаблены.

– Что Рохас?

– У западной стены лестница, закрытая, прямая. Заканчивается у стальной двери. Дверь приоткрыта. Думаю, при первом же шуме ее закроют и запрут. Стекло в окнах первого этажа утолщенное, выше, у Рохаса, скорее всего, такое же. Внешней лестницы нет, но есть подвесная на южной стене, попасть на которую можно из окна наверху.

– Соседние дома?

– Две семьи в А и Б. – Маллак выставил два пальца. – В А – две девочки-подростка, одна взрослая женщина, два взрослых мужчины; у одного «глок» за поясом. В Б – две взрослые женщины, один парень, один взрослый мужчина; один «глок» за поясом. В С – трое взрослых мужчин; два «АК-47», один «глок» в плечевой кобуре. Вернон и Причард информацию получили, но одной команды у нас по-прежнему нет.

Тобиас еще раз взглянул на цель через окуляры и бросил прибор на заднее сиденье. Гринэма и Твайзела можно подождать, а можно и не ждать. Чем дольше они остаются на позиции, тем больше вероятность, что их обнаружат. Он обернулся – из глубины фургона на него смотрел Баччи – маска завернута на лоб, лицо влажное от пота.

– Ладно, – сказал Тобиас. Маллак прислонился к стенке. – Слушайте.

* * *

У Ирода оружия не было. Оно осталось в машине. При себе у него были только два плотных конверта. В одном лежал листок с напечатанным числом. Число соответствовало той сумме, которую Ирод был готов перевести на любой названный Рохасом счет за сведения о том, как и у кого он приобрел печати. В случае отказа Ирод мог предпринять следующий шаг. Он знал, где живет американская любовница Рохаса с его незаконнорожденным пятилетним сыном. При необходимости сначала лучше убить женщину, продемонстрировав тем самым серьезность намерений. Впрочем, он полагал, что до крайностей не дойдет, после того как Рохас заглянет во второй конверт, где лежали фотографии людей, вставших в то или иное время на пути у Ирода. Особенно впечатляли снимки женщин. Знание и понимание женской анатомии могло бы пригодиться ему в любовных утехх, но Ирод был существом бесполом. И вовсе не жестоким. Боль и страдания всего лишь служили средствами достижения цели, и, причиняя их, он не испытывал удовольствия. А потому и надеялся, что Рохас предпочтет деньги.

Он снова посмотрел на отражение Капитана и не испытал никакого беспокойства. Ему нравилось, когда Капитан был рядом. Интересно, пойдет ли он с ним на склад Рохаса? Ирод уже приготовился получить ответ, но тут отражение на поверхности пруда шевельнулось. Пальцы из прутьев тихонько хрустнули, когда он поднял руку и положил ее на плечо отражения Ирода. Ирод непроизвольно поежился, ощутив тяжесть и

холодок прикосновения столь же явственно, как тепло ночного воздуха и укусы насекомых, но остался на месте. Теперь они наблюдали за складом вместе.

* * *

Весь первый этаж склада Рохаса был заставлен от пола до потолка ящиками с острым соусом «Рохас бразерс фуэго саградо». Если бы кто-нибудь взял на себя труд навести справки, он бы выяснил, что импорт и дистрибуция соуса – единственная причина существования склада и одно из средств заработка. Рохас уже давно перестал считать, сколько раз местные и федеральные силы правопорядка останавливали и обыскивали его грузовики. Он не возражал. Это отвлекало их от других грузовиков, перевозящих куда более ценный груз, однако если уж быть до конца честным, соус тоже приносил неплохой доход, хотя по ту сторону границы было немало тех, кому название и упаковка казались почти богохульством. Броская этикетка – огненно-красный крест на черном фоне – с пометкой, что продукт предназначен для магазинов деликатесов и лучших мексиканских ресторанов в Новой Англии. Наценка была почти такая же, как на марихуану или кокаин, и Рохас тщательно следил за тем, чтобы весь доход проходил через Внутреннюю налоговую службу. Благодаря стараниям креативного бухгалтера со стороны все выглядело так, будто Антонио Рохас имеет неплохую прибыль как торговец качественным острым соусом.

Внимание Рохаса привлек звук бьющегося стекла бутылок с острым соусом. Он оторвал взгляд от бумаг на столе и подвинул руку к пистолету, всегда лежавшему рядом. Дверь в жилые помещения была чуточку приоткрыта, в противном случае изоляция не пропустила бы доносившийся снизу шум: звон стекла, скрип стула, падение на пол чего-то тяжелого, но мягкого.

Рохас поднялся и метнулся к двери, но опоздал. Ствол уже просунулся в щель, и короткая, сдавленная глушителем очередь прочеркнула бедра, почти отрезав ноги от туловища. Он грохнулся на пол, но в падении дважды выстрелил в грудь возникшей в дверном проеме темной фигуре. Кевларовый бронежилет погасил энергию пуль, так что незнакомец только покачнулся. Третья пуля ушла выше, из головы брызнула кровь: словно галька шлепнулась в бассейн с густой красной жидкостью. Заметить это Рохас едва успел – новые пули прорыли ему грудь. Он лежал на полу,

неподвижный, но еще живой. Глаза смотрели на черные ботинки, сознание уловило отдельные слова – *стрелял, допросить, не было выбора, мертв, он мертв*. Рохас хрипло усмехнулся.

Снова шаги... удаляющиеся... возвращающиеся... Черные колени у лица. Кто-то взял его за волосы, поднял голову. Мешок с печатями в чужих руках. Руки в перчатках. Резная подставка для них отброшена... щепки на выложенном плитками полу. В прорези маски шевелятся розовые губы... Белые зубы, чистые и ровные.

– Где остальные?

– *No comprendo*^[40].

Перед лицом появился нож.

– Я еще могу сделать тебе больно.

– Нет, не можешь. – Рохас улыбнулся, обнажив двойной ряд древнего золота и драгоценных камней, совсем недавно врезанных в зубы, и умер.

* * *

Звук короткой очереди донесся до убежища со склада. Одна. Второй не было.

– Вот дерьмо. – Вернон знал, что проникнуть беспрепятственно на склад и так же легко выйти не получится, но все же надеялся на лучшее. – О'кей, приготовились.

Он медленно провел монокуляр по трем строениям, обозначенным как Керли, Лари и Мо, и остановился на фигуре человека с «АК-47».

– Мо. Дверь. Справа.

– Вижу его.

Вдох. Выдох. Палец на спусковом крючке. Выдох.

Огонь.

Человек с автоматом вскинул руки и упал.

– Есть. Керли. Дверь. Дистанция семьсот пятьдесят ярдов. Ветер – зеро. – На этот раз человек стоял внутри, за закрытой дверью, пытаясь определить, откуда стреляли.

– Целься. Огонь.

Причард снова выстрелил. Дверь брызнула щепками, цель исчезла внутри.

– Мм, кажется, промахнулся, – сказал Вернон. – Ладно, пока не высунется.

Он уже перевел прицел на склад Рохаса, откуда выходили двое, неся

третьего.

– О'кей, у них раненый. Давай...

Из ближайшего правого окна Керли вырвались язычки белого пламени.

– Керли. Дверь.

Причард выстрелил, и Вернон увидел, как стрелок подпрыгнул – пуля попала в голову, вызвав сокращение мышц.

– Есть.

Из Мо снова открыли огонь. Сдвинув монокуляр, Вернон успел заметить, как упал второй человек из штурмовой команды.

– Черт. Минус два.

Причард быстро перестроился и открыл огонь по окну, думая лишь о том, чтобы обеспечить прикрытие, дать возможность эвакуировать раненого. Но теперь свет горел уже во всех окнах, отовсюду доносились крики. Вернон видел, как последний вышедший – ему показалось, что это Тобиас, – несет на плече еще одного раненого, осторожно кладет его на пол фургона и уходит за другим.

– Пошли, – сказал Причард.

Они побежали туда, где у тропинки стояли два «Харлея». На земле осталась грязная джинсовая куртка, которую взяли у одного байкера, наркокурьера, в Канаде. Подстава грубоватая, но они рассчитывали на то, что мексиканцы не станут утруждать себя официальным расследованием. Они будут требовать мести, и куртка, вместе с ревом уносящихся мотоциклов, возможно, сойдет их со следа на пару дней.

Тобиас сел за руль фургона и тронулся с места. В зеркале заднего вида склад Рохаса выделялся черной массой на фоне ночного неба. По обе стороны от него танцевали тени бегущих людей. В живых остался он один. Маллак погиб на складе, а Баччи получил пулю в основание черепа, когда выносил убитого напарника. Этого могло бы и не случиться, будь здесь Гринэм и Твайзел, но он сам отдал приказ, и теперь ему с этим жить. Будь Причард попроворнее...

Взрыв получился негромкий, звук заглушили толстые кирпичные стены старого здания. Но целью использования термитного устройства – двадцать пять процентов люминия на семьдесят пять процентов оксида железа, – было не разнести склад, а сжечь все внутри, не оставив никаких улик. А еще взрыв должен был отвлечь преследователей; поскольку Маллак и Баччи погибли, обеспечить прикрытие было некому, и ему оставалось только уходить к шоссе и давить на газ. Вернон и Причард отправятся к месту встречи своим маршрутом, и Тобиасу придется поговорить с ними в

скором времени, хотя бы для того, чтобы принять на себя их гнев.

На телефон пришло сообщение. Тобиас выслушал его на ходу и узнал, что в Бангоре что-то пошло не так. Доклада от Гринэма и Твайзела не поступило, а из этого следовало, что ситуация с Жандро осталась нерешенной. Следящее устройство на машине детектива не отвечало, и детектив был жив. Все полетело к черту, но теперь у него, по крайней мере, были печати. А еще в кармане лежали зубы Рохаса, те, что он успел выбить. Пришла пора избавиться от всего имеющегося, обратить все в деньги, причем побыстрее, и исчезнуть.

Он не заметил машину Ирода, стоявшую на боковой дороге с выключенными фарами. Через несколько секунд Ирод последовал за фургоном.

Глава 31

В номере мотеля было тихо. Они сидели на кровати, и Мэл, обняв Бобби, гладила его по щеке, словно в награду за то, что он рассказал наконец обо всем, что было ему известно, и тем облегчил душу. Ангел стоял у окна, наблюдая за парковкой. Я сидел на второй кровати, пытаюсь связать в единое целое все, что узнал. Тобиас со своей командой занимался контрабандой антиквариата, но, если верить Бобби, они, помимо прочего, привезли с собой нечто такое, о чем лучше было не знать и что не следовало открывать. Как яд, добавленный в мясо, оно сделало смертельной легкую добычу. Я бы предпочел, чтобы Бобби ошибался, что к самоубийствам и расправе с другими, включая жену Бретта Харлана и Фостера Жандро, этих людей подтолкнули чувство вины и стресс. Бобби уже подтвердил, что делился с кузеном своими подозрениями и что, по его мнению, именно попытки Фостера провести неофициальное расследование привели к его смерти. Оставался вопрос, кто спустил курок. Я ставил на Тобиаса, но Бобби моей уверенности не разделял. Он предупреждал кузена насчет Джоэла и не верил, что Фостер мог согласиться встретиться с ним на пустынной парковке в темное время да еще без свидетелей. Тогда же Бобби поведал мне о сеансах с Кэрри Сандерс, с которой он обсуждал некоторые свои проблемы.

Кэрри Сандерс. Джоэл Тобиас был не единственным, кто связывал всех замешанных в этом деле людей. Еще Сандерс. Она, как и загадочный Роддам, или Нейлон, служила в Абу-Грейб. Она контактировала со всеми погибшими, и у нее была причина общаться с ними. Жандро мог и отказаться от встречи наедине с таким потенциально опасным человеком, как бывший военный Джоэл Тобиас, но женщина не вызвала бы у него опасений. Я позвонил Гордону Уолшу и рассказал все, что знал, умолчав о Тобиасе. Его я оставил себе. Уолш ответил, что займется Сандерс сам, а там будет видно.

Его засек Луис, притаившийся в «Лексусе» и наблюдавший за подходами к номеру. Неряшливо одетый человек с сигаретой в правой руке небрежно пересек парковку. Черное пальто, черный костюм, мятая с расстегнутым воротом рубашка – все дешевое и неопрятное. Длинные, зачесанные назад волосы жирными прядками ложились на воротник. Незнакомец появился ниоткуда, словно рассеянные в воздухе атомы

стянулись в одно место, перестроились и создали его буквально из ничего. Луис смотрел не только вперед через ветровое стекло, но поглядывал и в боковые зеркала, однако же приближения человека в черном не заметил.

Впрочем, Луис знал, кто перед ним. Коллектор. Этот человек мог одеваться в дешевое тряпье и выглядеть обиженным жизнью бедолагой, но все это было видимостью. Луис и раньше пересекался с опасными людьми, и некоторые погибли от его рук, но от человека, направлявшегося к двери номера 112, опасность исходила так же явно, как от других запахов пота. Выскользнув из машины, Луис почти физически ощутил угрозу и что-то еще – душок жертвоприношений, крови и склепов. Луис приблизился к нему бесшумно, однако Коллектор поднял руки, когда между ними оставалось еще добрых пятнадцать футов. Сигарета догорела до пожелтевших пальцев Коллектора, но он как будто не ощущал боли.

– Можете бросить, если мешает, – сказал Луис.

Коллектор выпустил сигарету из пальцев.

– Жаль. Затяжка еще оставалась.

– Курение убивает.

– Мне так и говорили.

– Может, я убью вас раньше.

– Нас не представляли друг другу, хотя у меня такое чувство, что я вас знаю. Я, можно сказать, наблюдал за вами издалека. За вами и вашим партнером. Восхищаюсь вашей работой. Особенно с тех пор, как у вас, кажется, завелась совесть.

– Полагаю, я должен быть польщен?

– Нет, просто будьте благодарны, что у меня не было причин прийти за вами. Какое-то время вы стояли на грани проклятия, а теперь расплачиваетесь за грехи. Пойдете этой дорогой дальше, может быть, и спасетесь.

– А вы спаслись? Если да, то мне вряд ли захочется попасть в такого рода компанию.

Коллектор выдохнул через нос, что отдаленно напоминало смех, хотя он и не помнил, когда смеялся в последний раз.

– Нет, я существую между спасением и проклятием. В подвешенном, можно сказать, состоянии.

– На колени, – приказал Луис. – Руки на затылок и сцепите пальцы.

Коллектор подчинился. Луис быстро шагнул к нему, приставил пистолет к голове и постучал в дверь. Вблизи никотином воняло так, что у него заслезились глаза, но никотин, по крайней мере, заглушил другие запахи.

– Это я, – сказал он. – С гостем. Твоим старым другом.
Дверь открылась, и Коллектор взглянул на меня.

* * *

Он опустился на стул у двери. Луис обыскал его, но Коллектор пришел без оружия. Изучив висящую у телевизора табличку «НЕ КУРИТЬ», он нахмурился и сложил руки на животе. Бобби уставился на него, как человек, который, проснувшись, обнаружил перед собой свисающего с потолка паука. Мэл ретировалась и теперь сидела в углу, за спиной Ангела, не спуская глаз с незнакомца и подозревая, что он сорвется с места и набросится на нее.

– Зачем вы здесь? – спросил я.

– Ищу вас. Похоже, мы работаем над одним и тем же, но идем с разных концов.

– И над чем же?

Он вытянул длинный и тонкий палец с ногтем цвета ржавого гвоздя и указал на Жандро.

– Позвольте изложить суть дела. Солдаты. Сокровища. Воры рассорились.

Жандро подался вперед, похоже, намереваясь оспорить справедливость употребления слова «воры», но Коллектор уже перевел свой насмешливый взгляд в направлении собственного пальца, и Жандро промолчал.

– Вот только они не знали, что крадут, – продолжал Коллектор. – Были слишком неразборчивы. Брали все, что могли, и даже не задались вопросом, почему все так легко получается. Но вы ведь заплатили высокую цену, не так ли, мистер Жандро? Вы и сейчас расплачиваетесь за грехи.

Жандро вздрогнул.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Знать имена – моя обязанность. Был ведь еще ларец, да? Золотой ларец. Его специально оставили, чтобы вы нашли. Возможно, он был в свинцовом контейнере. Они не очень-то осторожничали, но оставили на виду, чтобы вы не пропустили. Так скажите, мистер Жандро, я прав или ошибаюсь?

Тот кивнул.

– Мне нужен ящик, – сказал Коллектор. – Поэтому я здесь.

– Для коллекции? – спросил я. – Разве не должен человек умереть,

прежде чем вы предъявите свои права?

– О, если выйдет по-моему, кто-нибудь уж точно умрет, а моя коллекция, соответственно, пополнится, но не ларцом, он в нее не войдет. Он принадлежит не мне. И вообще никому не принадлежит. Слишком опасен. Его ищет кое-кто еще, человек по имени Ирод. Важно не дать ему найти ларец. Ирод откроет его, если получит. Он терпелив и умел. Тот, что с ним, многое знает.

– Что в ларце? – спросил Ангел.

– Три сущности, – ответил Коллектор. – Или, если угодно, три старых демона. Ларец – последняя из многих попыток удержать их, но в его конструкции есть изъян – тщеславный создатель забыл, что мастерит тюрьму. Золото – очень мягкий металл. Со временем появились щели. То, что внутри, сумело найти способ проникнуть вовне и отравлять разум тех, кто контактирует с ларцом. Противодействовать угрозе должен был свинцовый контейнер, средство грубоватое, но эффективное. Подобно невзрачной краске, оно скрывало и золото, и то, что внутри.

– Почему же его просто не бросили в океан, не закопали где-нибудь?

– Потому что незнание хуже знания. За ларцом наблюдают. За ним наблюдали всегда, и знание о нем передавалось из поколения в поколение. В последний раз ларец спрятали среди бесполезных артефактов в подвале багдадского музея. Потом началась война, музей разграбили. Ларец исчез вместе с другими ценностями, но информация о его природе, хоть и неполная, дошла до тех, кто завладел им. А может быть, они с самого начала знали, что заполучили, ведь мародерство – понятие тут относительное. Украденные из Иракского музея артефакты отбирались по большей части тщательно. Известно ли вам, что в те апрельские дни из музея пропало семнадцать тысяч предметов; что были опустошены четыреста пятьдесят из четырехсот пятидесяти одного хранилища, но только двадцать восемь из них оказались взломанными? Остальные просто открыли, а значит, у воров были ключи. Удивительно, не правда ли? Одна из крупнейших музейных краж в истории, одно из величайших разграблений со времен монголов – возможно, дело рук своих же.

Но это неважно. Когда мистер Жандро и его приятели пришли за сокровищем, им подсунули ларец. Возможно, с надеждой на то, что они сделают то, что как раз и сделали – доставят ларец в эту страну, вражескую страну, где его откроют. Теперь вы все знаете. Взамен скажите, где найти ларец.

Коллектор прошелся взглядом по лицам собравшихся, как будто нужное ему знание могло неким образом явить себя само, и остановился на

мне.

– Почему мы должны вам верить? – спросил я. – Вы манипулируете правдой в собственных интересах. Вы всего лишь убийца и ничего более. Серийный убийца, вершащий свои кровавые дела под любым удобным праведным знаменем.

В глазах Коллектора вспыхнул огонь, словно два факела зажглись в бездне.

– Нет, я не простой убийца. Я – орудие Божества. Я – Божий киллер. Не все дела Его прекрасны...

Он с отвращением посмотрел на меня; мне показалось, что такое же отвращение где-то в глубине души, не осознавая этого, он испытывал и к себе.

– Оставьте свои сомнения, как я оставляю свои, – произнес Коллектор после короткого молчания. – Если я тревожу вас, то и вы беспокоите меня. Мне не нравится находиться рядом с вами. Вы – часть плана, о котором я не знаю ничего. Вы идете к цели, достижение которой принесет смерть и вам, и всем тем, кто стоит с вами. Дни ваши сочтены, и я не желаю оказаться рядом с вами, когда вы падете.

Он протянул ко мне руки, и в голосе его зазвучала мольба:

– Давайте же сделаем это, ведь сколь бы плох ни был я в ваших глазах, человек по имени Ирод хуже, и за ним следует сущность, которую он, по его разумению, понимает и которая обещает ему награду за службу. У нее много имен, но он знает только одно, то, что она назвала сама, когда проникла в его сознание.

– А как вы ее называете? – спросил я.

– Я называю ее тем, что она есть. Имя ей – Тьма, и это воплощенное зло. Это Тот, что Ждет За Стеклом.

Глава 32

Ирод подставил руки под кран, и потекла вода, смывая кровь. Он смотрел на потеки, на кружащийся в стальной раковине багряный водоворот, напоминающий сворачивающуюся спиралью туманность. Капля пота сорвалась с кончика носа и исчезла. Ирод закрыл глаза. Болели пальцы, болела голова, но боль была уже другая, боль усталости после тяжелого труда. Подвергать пыткам человека – занятие утомительное. Он посмотрел на свое отражение и увидел в стекле обмякшего мужчину со связанными за спиной руками. Ирод вынул тряпку у него из рта, чтобы слышать, что он говорит, и не стал возвращать ее на место, когда тот умолк. Ни к чему. Человек на стуле едва дышал, и дышать ему осталось недолго.

За умирающим стояла, положив руки на спинку стула, еще одна фигура. Капитан снова принял облик маленькой девочки в голубом платье; длинные, заплетенные в косички волосы висели между грудей. Как и раньше, девочке не больше девяти-десяти лет, но груди на удивление развитые. Как непристойно, думал Ирод. Лицо ее было тронато бледностью. Глаза и рот напоминали черные овалы, размытые по краям, как будто кто-то подтер ластиком сделанные жирным карандашом рисунки. Стояла она тихо, и ее голова была почти на одном уровне с головой сидящего на стуле мужчины.

Капитан ждал, когда Джоэл Тобиас будет умирать.

Назвать Ирода человеком безнравственным было бы неправдой, поскольку он признавал различие между аморальным и моральным поведением и признавал необходимость справедливости и честности во всех своих деяниях. Требуя этого от других, он не делал исключения и для себя. Но была в нем пустота, вроде той, что остается в плоде после удаления косточки, пустота, ускоряющая гниение, и из этой пустоты исходила склонность к определенным действиям. Ему не доставляло удовольствия мучить человека, умиравшего на стуле, и, едва узнав все, что нужно, Ирод тут же остановился, хотя нанесенные раны были столь серьезны, что страдания могли продолжаться и без дальнейшего насилия. Теперь, смыв последнюю кровь, Ирод решил, что мучения пора прекратить.

– Мистер Тобиас, полагаю, мы подошли к концу.

Ирод взял пистолет с тумбочки у раковины.

Он уже отворачивался от зеркала, когда фигурка девочки

шевелинулась, изменила позу и сдвинулась вправо. Испачканная грязью рука вытянулась и коснулась лица Тобиаса. Тобиас открыл глаза. Вид у него был растерянный. Он ощущал прикосновение пальцев, но ничего не видел. Девочка наклонилась. Высунувшийся из темного овала рта длинный и толстый язык облизал кровь вокруг губ умирающего. Тобиас попытался уклониться, но девочка вцепилась в его одежду, просунула ноги между его ногами, прижалась к нему телом. Переменив позу, умирающий увидел в закопченном стекле духовки собственное отражение и отражение набросившегося на него существа. И, увидев, заскулил от страха.

Ирод подошел к стулу, приставил дуло пистолета к голове Тобиаса и выстрелил. Капитан исчез. Движение прекратилось.

Ирод отступил на шаг. Он чувствовал незримое присутствие Капитана, ощущал его гнев и даже рискнул бросить взгляд на дверцу духовки, но ничего не увидел.

– В этом не было никакой необходимости, – сказал он затаившейся тьме. – Ему и без того хватило.

Хватило? Кому? Тобиасу – да, но Капитану чужих мучений не хватало никогда. Плечи Ирода опустились. Ему ничего не оставалось делать, как только снова глянуть в окно.

Капитан стоял у него за спиной, но он был уже не маленькой девочкой, а бесполой формой в длинном сером пальто. Лицо его стало неясным пятном с постоянно меняющимися чертами, в которых Ирод узнавал всех, кем дорожил когда-то: мать и сестра, ныне покойные, бабушка, обожаемая и давно слегшая в могилу; друзья и любовницы, живые и умершие. У всех у них на лицах отражались страдание, боль и отчаяние. Потом между ними появилось его собственное лицо, и Ирод понял.

Вот так будет. Рассерди Капитана еще раз, и вот что случится.

Капитан ушел, и Ирод остался наедине с телом. Он убрал пистолет в наплечную кобуру и еще раз посмотрел на мертвеца. Интересно, когда друзья найдут его? И сколько их останется к тому времени? Это было уже неважно. Ирод знал, у кого ларец, но действовать надо было быстро. Капитан предупредил, что Коллектор приближается.

О Коллекторе Ирод слышал еще до того, как тот пустился по его следу. Странный оборванец, возомнивший себя сборщиком душ и коллекционирующий сувениры своих жертв. Капитан сообщил кое-что еще. Коллектор нацелился на ларец. Так сказал Капитан, и Ирод ему верил. Ирод был осторожен и тщательно скрывался под вымышленными именами, использовал компании-пустышки, беспринципных юристов и сомнительных перевозчиков, готовых смотреть сквозь пальцы на

отсутствие бумаг и таможенных документов, если им предлагались хорошие деньги. Но уникальность некоторых покупок и запросы, рассылаемые им в ходе поисков, неизбежно привлекли к нему внимание Коллектора. Чтобы разгадать тайну замков ларца, требовалось время, и именно поэтому Ирод должен был постоянно опережать Коллектора по меньшей мере на шаг. Как только ларец будет открыт, ни Коллектор, ни кто-либо другой уже не сможет ничего сделать. Триумф Капитана станет мстью Ирода, и тогда он наконец сможет умереть и в мире ином востребовать награду.

Ирод вышел из дома, прошел мимо лежавших во дворе тел Причарда и Вернона и сел в машину. Вдалеке завыли полицейские сирены. Он вставил ключ в замок зажигания и услышал стук в багажнике, утонувший вскоре в реве двигателя.

Глава 33

Когда Карен Эмори была маленькой девочкой и только-только стала одна спать в своей комнате, правда с приоткрытой дверью, за которой находилась спальня матери, в их дом после полуночи вломился какой-то человек. Проснувшись, Карен увидела, что в углу стоит некто, окутанный тьмой, и смотрит на нее. Он не издал ни звука, она не слышала даже его дыхания, но само его присутствие лишило ее покоя, навсегда впечатало подсознательное ощущение, что все не так, как должно быть, и опасность рядом. Глядя на него, она онемела от ужаса и не могла даже закричать. Прошли годы, но Карен все еще помнила сухость во рту, тот скрипучий звук, который вырвался из горла, когда она попыталась позвать на помощь, давящую тяжесть, прижавшую ее к кровати и не позволившую даже шевельнуться. Они застыли, двое незнакомцев: один затаился, не шевелясь, другой – не в состоянии пошевелиться.

Внезапно незнакомец переступил с ноги на ногу, словно изговорясь к прыжку, протянул к ней руку в перчатке, и чары рассыпались. Карен закричала, так громко, что у нее еще несколько дней потом болело горло, и чужак метнулся к лестнице. Прибежавшая на крик мать успела увидеть лишь фигуру в дверном проеме. Успокоив дочь, она позвонила по 911. Примчались машины, начались поиски. За мусорным баком в переулке обнаружили бродягу, некоего Кларенса Баттла. Карен сказала полицейским, что человека, проникшего в ее комнату, не разглядела и ничего не помнит. Ее мать сообщила, что видела незнакомца только со спины и в темноте и не заметила ничего такого, что помогло бы ей отличить одну спину от другой. Злоумышленник проник в дом через окно и отпечатков не оставил. Баттл во всеуслышание заявил о своей невинности, утверждая, что спрятался в переулке из страха перед полицией и не желает нести ответственность за то, чего не делал. Разговаривал он, как ребенок, и избегал смотреть в глаза допрашивавшим детективам.

Его продержали двадцать четыре часа. Он не требовал адвоката, и никаких обвинений ему предъявлено не было. Он назвал свое имя, сказал, что родом из Монтгомери, штат Алабама, но бродяжничает уже почти двенадцать лет. Насчет возраста у него были сомнения, но вроде бы ему уже исполнилось тридцать три, «как и Господу нашему Иисусу Христу».

В то время, когда Баттл еще находился под арестом, в комнате Карен на гвозде у окна нашли клочок ткани, идеально совпадавший с дыркой в

куртке Кларенса Баттла. Его обвинили в насильственном вторжении, противоправном нарушении владения и владении смертоносным оружием – спрятанным за подкладку куртки ножом. До суда Баттла отправили в окружную тюрьму, где он и находился, когда с помощью автоматической системы распознавания отпечатков пальцев обнаружили совпадение. Годом ранее девятилетняя девочка по имени Франни Китон была похищена из родительского дома в городе Виннетка, штат Иллинойс. После недельных поисков ее тело нашли в ливневой канализации. Франни задушили, но следов сексуального насилия не обнаружили, хотя девочка и была раздета. Отпечаток пальца, совпавший с отпечатком Кларенса Баттла, остался на левом глазу куклы, валявшейся рядом с телом Франни Китон.

На вопрос о происшествии в Виннетке Кларенс Баттл хитровато ухмыльнулся и сказал:

– Я был плохим, *плохим* мальчиком...

Прошли годы, а Карен Эмори все еще просыпалась по меньшей мере раз в месяц с убеждением, что это Кларенс Баттл, тот «плохой, плохой мальчик», приходил, чтобы забрать ее с собой в ливневую канализацию и попросить поиграть с ним.

Но теперь кошмары, связанные с Кларенсом Баттлом, уступили место другим. Карен слышала голоса, шепчущие что-то на своем непонятном языке, вот только – так она считала – они не пытались обратиться к ней. Более того, она ощущала их полное равнодушие и даже пренебрежение. Они с нетерпением ожидали прибытия другого, того, кто ответит на их мольбы. Ожидание затянулось, и нетерпение нарастало. На этот раз Карен увидела во сне Джоэла – он входил в подвал, спускался во тьму, и голоса приветствовали его громогласным хором.

Но Джоэла здесь не было. Перед уходом он положил на подушку небольшую коробочку.

– Собирался подарить тебе на день рождения. А потом подумал, зачем ждать?

Наверное, он так извинялся, решила Карен. Извинялся за то, что ударил ее, что делал ей больно. Она открыла коробочку. Сережки были тусклого золота, но тонкой работы и такие изящные, что казались кружевными, а не металлическими. Еще не дотронувшись до них, Карен поняла, что украшение древнее. Древнее и ценное.

– Где ты их взял? – спросила она и, едва сказав, поняла, чтоотреагировала неправильно, что в ее голосе прозвучало не то, что хотел услышать Джоэл – восхищение и благодарность. Карен даже подумала, что он выхватит коробочку у нее из рук или в нем проснется гнев, но увидела

лишь обиду.

– Это подарок. Думал, тебе понравится.

– Нравятся, – сказала Карен дрожащим голосом и взяла сережки из коробки. Они оказались тяжелее, чем выглядели. – Чудесные, – добавила она, пытаясь спасти ситуацию. – Просто чудесные. Спасибо.

Он кивнул.

– Ну вот и хорошо.

Джоэл смотрел, как она надевает сережки, но ничего не сказал, когда она повернула голову, чтобы они поймали просачивающийся через шторы солнечный свет. Она огорчила его. Разочаровала. Что еще хуже, Карен чувствовала, что своим поведением укрепила его сомнения в ней. Убедившись, что Джоэл ушел, она сняла сережки, убрала их в коробочку, укрылась простыней и постаралась уснуть. Так хотелось отдохнуть и не видеть снов. Полежав немного, Карен проглотила полтаблетки амбиена, и сон пришел. А с ним голоса.

Она проснулась ближе к вечеру и не сразу поняла, где находится. Кружилась голова. Она уже хотела позвать Джоэла и, вспомнив, что он уехал, пожалела, что осталась одна, и никого нет рядом. Джоэл сказал, что его не будет сутки или, может быть, двое, и обещал позвонить. Намечалась большая сделка, и они могли бы подыскать местечко получше. Может быть, даже отправиться куда-нибудь ненадолго, туда, где красиво и спокойно. Карен сказала, что с удовольствием поедет с ним, но ей хорошо везде, если он рядом. Она будет счастлива, если только он будет с ней, и у него все будет хорошо. Тобиас сказал, что вот этим она и нравится ему, тем, что не просит дорогих вещей, что у нее простые вкусы. Но она имела в виду другое, и ее раздражало, что он не так ее понял. Он покровительствовал ей, а она терпеть не могла, когда ей покровительствовали. А еще ей не нравились его дурацкие секреты и то, что он прятал что-то в подвале, не нравилось, что он не все рассказывал о своих поездках и грузах, которые перевозил.

И вот теперь сережки. Карен повернулась и открыла коробочку. И впрямь красивые. Антикварные. Нет, даже не антикварные. Антикварные – это как мебель или драгоценности примерно с 1800 года или примерно так. А вот сережки... Они были *из древнего мира*. Она почти ощутила их возраст, когда впервые к ним прикоснулась.

Карен поднялась и стала набирать ванну. День почти закончился, и она решила, что одеваться уже не стоит. Можно провести вечер в халате, посмотреть телевизор, заказать пиццу. Пользуясь отсутствием Джоэла, она свернула самокрутку из небольшого запаса «травки», который держала в

своем ящике, и выкурила ее в ванной. Джоэл не одобрял наркотики и, хотя никогда не пытался запретить ей курить марихуану, ясно дал понять, что ничего не хочет знать об этом. Поэтому она позволяла себе оттянуться, только когда его не было рядом, или с подругами.

После ванны и «косячка» Карен почувствовала себя так хорошо, как не чувствовала давно. Посмотрев еще раз на сережки, она решила их примерить. Убрала наверх волосы, завернулась в чистую белую простыню и встала перед зеркалом, представляя, какой могла бы быть в некие другие времена. Глупо, конечно, но, надо признать, выглядела она элегантно, и сережки в свете лампы отбрасывали желтые отблески – как будто на лицо падали золотые пылинки.

Позволить себе такой подарок Джоэл никоим образом не мог, если только не врал ей о своих заработках еще больше, чем она подозревала. Вывод следовал только один: он занимается чем-то нелегальным, и сережки – часть этого нелегального бизнеса. В таких обстоятельствах украшение теряло свою привлекательность. За всю свою жизнь Карен никогда ничего не украла, даже конфетку или какую-нибудь дешевую косметику, на что обычно нацеливались мелкие воришки времен ее школьной юности. В ресторане она ни разу не брала больше, чем разрешалось по условиям продовольственного рациона. В любом случае этого хватало за глаза, и Карен просто не видела причин жадничать, хотя и знала парочку официанток, которые, пользуясь щедростью хозяина, уносили продукты домой и не только объедались сами, но еще и кормили своих бойфрендов и, возможно, всех подряд, кто заглядывал на огонек.

Но сережки были такие красивые. Ей никогда не дарили ничего столь изящного, старинного и ценного. Надев их, она сейчас не хотела их снимать. Если бы Джоэл убедил ее, что приобрел украшение честно, она могла бы оставить сережки и носить их, но солги он, она бы поняла. Но если Джоэл выберет ложь, их отношения окажутся под угрозой. Карен уже решила, что простит ему пощечину – простит, потому что любит, но пришло время быть честной с собой и, может быть, с ним тоже.

Карен села на кровать и включила телевизор. Подумав, махнула рукой – а какого черта! – и забила еще один «косячок». Показывали какую-то туповатую комедию. Карен видела фильм раньше, но теперь, будучи слегка под кайфом, смотрела его с бо́льшим интересом. За комедией последовал боевик, и ее стало клонить ко сну. Глаза закрылись... В какой-то момент она проснулась от собственного храпа. Карен устроилась поудобнее, положив голову на подушку. Голоса пожаловали снова, но на этот раз пришло странное ощущение, что этот сон и кошмары, связанные с

Кларенсом Баттлом, слились воедино, потому что во сне она почувствовала чье-то присутствие.

Нет, не во сне.

В доме.

Карен открыла глаза.

– Джоэл? – Может быть, он вернулся раньше, чем рассчитывал? – Это ты?

Ответа не последовало, но ее слова отозвались реакцией где-то в доме: движение сменилось неподвижностью, звуки – тишиной.

Карен села. Потянула носом. Запах был незнакомый: заплесневелый, несвежий, но с легким ароматом, как бывает со старой церковной одеждой, которая и по прошествии лет отдает ладаном. Она нащупала халат, набросила на плечи, прикрывая наготу, и уже собралась выйти из спальни, но в последний момент остановилась, вернулась к прикроватному столику и выдвинула ящик. В ящике лежал «Леди Смит 60» 38-го калибра. На том, чтобы иметь в доме оружие, настоял Тобиас, и он же научил ее пользоваться им. Она держала револьвер только ради Джоэла, чтобы он не волновался, но сейчас была даже рада, что не беззащитна в его отсутствие.

Остановившись на верхней ступеньке, Карен прислушалась, но ничего поначалу не услышала. Потом что-то донеслось.

Шепот. Снова шепот. И теперь она слышала его уже не во сне.

Глава 34

Карен подошла к двери подвала и прислушалась. После снотворного, двух «косяков» и дневного сна она чувствовала себя сомнамбулой. Все как будто разбалансировалось. Когда она повернула голову, глаза словно отстали на долю секунды, и в результате «картинка» смазалась. Карен положила ладонь на ручку двери, осторожно опустилась на колени и приблизила ухо к замочной скважине. Странно, но голоса ничуть не изменились и звучали на том же уровне, хотя она и не сомневалась, что шепот идет из-за двери. Голоса были одновременно и внутри, и вне ее, и это порождало сдвиг в восприятии, который Карен визуализировала почти математически: равносторонний треугольник, одной вершиной которого была она сама, другой – источник голосов и третьей – транслируемый звук. Разговаривавшие не догадывались о ее присутствии или, точнее, не принимали ее присутствие в расчет как значимый фактор. Что-то подобное происходило, когда она была маленькой девочкой: друзья отца собирались в солнечный день, сидели за столом в саду и пили пиво, а Карен устраивалась в тени дерева, смотрела на них и ловила отдельные слова и фразы, но в полной мере суть их разговоров не понимала.

При всей ее нелюбви к темным местам и беспокойстве из-за возможной реакции Джоэла – узнав, что она ходила в подвал без него, он расценил бы это как незаконное вторжение, – Карен хотела посмотреть, что там у него. Она знала, что в подвале появилось что-то новое, потому как накануне, вернувшись с работы, видела, что он переносит из грузовика какие-то ящики. При мысли о тайном проникновении по спине у нее пробежала дрожь волнения, к которой добавился холодок страха.

Карен стала искать ключ от подвала. Один Джоэл носил на связке с другими ключами, но где-то поблизости должен был быть второй. К этому времени она уже неплохо ориентировалась в доме и знала, что в одном из ящиков на кухне валяется старый хлам, в том числе какие-то ключи, наборные замки и тому подобное. Перебрав все содержимое, подходящего ключа Карен не обнаружила и продолжила поиски в карманах курток Джоэла, которые висели в прихожей, но и там не нашла ничего, кроме пыли, пары монет и старой квитанции за бензин.

В конце концов, понимая, что переходит границы, Карен обыскала гардеробную Джоэла: прощупала карманы, пошарила в ботинках, заглянула под стопки футболок, трусов и носков. Все чистое и аккуратно сложено –

наследие армейской службы Джоэла. Незаметно поиски ключа отошли на второй план, и она стала рассматривать вещи интимного характера, рассказывавшие о любимом человеке. Она обнаружила армейские фотографии и письма его бывшей любовницы, из которых несколько прочла. Ее расстроило, что кто-то мог думать, будто любит Джоэла так же сильно, как она, и огорчило, что он эти письма сохранил. Карен перебирала их, пока не нашла одно, начинавшееся с простого «Дорогой Джон». Автор письма сообщала, что выносить длительное вынужденное расставание, связанное с армейской службой Джоэла, ей слишком трудно, и она хотела бы положить конец их отношениям. Письмо было датировано мартом 2007 года. Интересно, нашла ли женщина по имени Фэй кого-то, перед тем как написать это письмо? Шестое чувство подсказывало, что да, нашла.

В стальном ящике, стоящем на полу, лежал пистолет «рюгер» и несколько образцов холодного оружия, в том числе штык. При виде ножей ей стало нехорошо. Заключение в них убийственный потенциал проявлялся в брутальной и вместе с тем интимной связи между убийцей и жертвой, быстротечном контакте отдельных существ через заточенный кусок металла.

Рядом с ножами лежал ключ, похожий на тот, которым открывался подвал.

Карен спустилась по лестнице и вставила ключ в замок. Держа в правой руке револьвер, повернула ключ левой. Он повернулся легко, и она, открыв дверь, вдруг осознала, что в доме наступила глубокая тишина.

Шепот прекратился.

Свет из прихожей освещал только три верхние ступеньки, дальше все тонуло в темноте. Пальцы нащупали свисающий с потолка шнур. Карен дернула его, и вверху загорелась лампочка. Теперь она видела и остальные ступеньки. Внизу был еще один шнур, включавший освещение во всем подвале.

Карен спустилась медленно и осторожно. Только бы не споткнуться. Она так и не решила, какой вариант хуже: Джоэл возвращается и находит ее на полу, со сломанной ногой, или Джоэл не возвращается, и она остается в подвале, ожидая, когда зазвучат голоса.

Нет, об этом лучше не думать. Не играть на нервах. На предпоследней ступеньке Карен приподнялась на цыпочках и, держась одной рукой за перила, другой нашла и дернула второй шнур. Ничего. Она дернула еще раз. И еще. Ничего, только тьма – впереди, позади и слева, куда уходил подвал.

Карен мысленно выругалась, а потом вспомнила, что Джоэл, всегда

практичный и предусмотрительный, держал на полке, сразу за последней ступенькой, фонарик – именно на такой случай. И она видела его своими глазами, когда Джоэл в первый раз показывал ей дом. Карен медленно провела ладонью по стальной, оказавшейся на удивление холодной, поверхности – только бы не сбросить фонарик на пол, – а когда нащупала, включила, направив свет на потолок. Какой-то вырвавшийся из паутины паучок торопливо пробежал в угол. Вот только луч был слабый – батарейки надо было заменить. Впрочем, задерживаться сверх необходимого Карен не собиралась – только взглянуть.

Новые поступления она заметила сразу. Деревянные ящики и картонные коробки Джоэл составил в дальнем углу. Карен прошла туда, шаркая тапочками и поеживаясь от холода. Все ящики были открыты и заполнены упаковочным материалом, соломой или пенопластовыми шариками. Запустив руку в ближайшую коробку, она нащупала небольшой цилиндрический предмет в пузырчатой упаковке, достала его и развернула, посвечивая себе фонариком. Свет упал на два драгоценных камня, вставленных в золотые диски с обоих концов цилиндра, и вырезанные на слоновой кости – она была уверена, что это слоновая кость – непонятные знаки.

Карен еще пошарила в коробке и нашла вторую, а потом и третью трубку. Они немного отличались друг от друга, но все были украшены золотом и драгоценными камнями. Всего в коробке оказалось дюжины две, а то и больше, цилиндров и по крайней мере столько же старинных золотых монет, каждая в отдельном пластиковом пакете. Она завернула цилиндры и вернула их на место, после чего перешла к следующей коробке. Эта показалась тяжелее. Карен разворошила солому и обнаружила прекрасную декоративную вазу. В соседнем ящике, использовавшемся ранее для перевозки вина, лежала золотая женская головка с глазами из лазурита. Карен провела пальцами по лицу, почти живому и почти совершенному. Она не была большой любительницей музеев, но здесь, в подвале, вдруг поняла, в чем притягательность таких вот артефактов, красота которых пережила века и связала современность с давно исчезнувшей цивилизацией.

Ей снова вспомнились сережки. Она понятия не имела, где взял их Джоэл, но теперь знала, что это и есть тот большой куш, о котором он упоминал, и что в этих вещах – будущее, ее и его. Вслед за волной злости пришло, как ни странно, облегчение. Если бы в коробках лежали фальшивые банкноты, украденные из ювелирного магазина дорогие часы и украшения, она разочаровалась бы в Джоэле. Но эти вещи были так

красивы, необычны, и все это было так неожиданно, что ей пришлось пересмотреть свое мнение о нем. Когда она переехала сюда, у него не было даже картин на стенах, а между тем, как оказалось, в подвале лежало такое. Она была готова рассмеяться. Смех рвался откуда-то изнутри, и она закрыла рот руками, чтобы не расхохотаться. В этот момент Карен вспомнила, как Джоэл сидел, скрестив ноги, на полу у двери в подвал и разговаривал с кем-то, кто находился за этой дверью, а вслед за этим вспомнила, зачем спустилась сюда. Улыбка на ее лице рассеялась. Она уже шагнула было к другому ящику, когда ее внимание привлек стоящий на полке предмет. Завернутый в пузырчатую упаковку, по форме напоминавший ящик или коробку, тот неприметно стоял между банками с краской и коробками с гвоздями и шурупами. При всей его незаметности и невыразительности Карен потянуло именно к нему. Она прикоснулась к упаковке и ощутила под пальцами вибрацию. Как будто кот заурчал.

Карен положила фонарик на полку и стала снимать упаковку. При этом ей пришлось приподнять контейнер, и внутри него словно что-то сместилось. Она уже не думала о том, что будет, если Джоэл застанет ее здесь, ею овладело жгучее желание рассмотреть ящик и открыть его. Едва дотронувшись до него, Карен поняла, что это и есть то, что она искала, это – связь с голосами из ее кошмаров, с ощущением клаустрофобии, с ночными разговорами Джоэла. Когда упаковка не поддавалась, она рвала ее, и пузырьки с хлопками лопались под пальцами. Наконец упаковка была снята, Карен увидела золотой ларец и бережно его погладила, поражаясь тонкости резьбы на нем. Подняла – какой тяжелый! Даже если не принимать в расчет все остальное, например, возраст ларца, одно лишь золото, которое пошло на его создание, стоило должно быть огромных денег. Карен осмотрела искусно вделанные замки в форме пауков, надежно прижимавшие крышку к корпусу. Замочных скважин видно не было, только неподвижные защелки. Она пробовала открыть ларец и так, и эдак, цепляла металл ногтями, теряя терпение и рассудок. Потом один ноготь сломался, и боль отрезвила ее. Карен выронила ларец, как будто тот обжег вдруг руки. Она чувствовала себя так, словно оказалась во власти зла, рядом с разумом, желавшим ей плохого и возмущенным ее прикосновением. Она хотела убежать, но вдруг обнаружила, что находится в подвале не одна, – в углу слева, напротив ступенек, кто-то двигался.

– Джоэл? – Ее голос дрогнул. Он рассердится. Карен уже представляла, как это будет. Джоэл в ярости из-за того, что она проникла в подвал, а она выговаривает ему за хранение украденных артефактов. Оба не правы, но ее преступление менее значительно по сравнению с его, вот

только он считает иначе. Только бы не бил. К ней начал возвращаться здравый смысл. Джоэл вовлечен в серьезное преступление, и это плохо. Но ларец... ларец – это совсем другое. Он – мерзость и скверна. Им нужно держаться от него подальше. Уйти. Им вместе. А если Джоэл не согласится, она уйдет одна.

Если только он позволит ей уйти. Если, узнав, что она сделала, удовлетворится рукоприкладством. Карен вспомнила про оружие в гардеробной. Штык... Джоэл показал ей штык, когда она нашла его забившимся в угол комнаты, с красными от слез глазами, оплакивающим погибшего товарища, Бретта Харлана. Именно таким штыком, «М9», Харлан убил свою жену, а потом перерезал себе горло.

Потому что сделать это его заставил ларец.

Карен вздрогнула, вернувшись в реальность. Всматриваясь в темноту, она не сразу вспомнила про фонарик, а когда вспомнила, схватила его и посветила в угол. Тени задвигались: очертания садовых инструментов и поставленных друг на друга банок, полки и убегающей от света фигуры, растворяющейся в темноте под ступенями, уродливой, искаженной лучом фонаря, но также – и она это знала – неестественной по своей сути, извращенной в своих физических свойствах.

Это был не Джоэл. Это был даже не человек.

Карен попыталась преследовать ее лучом. Руки дрожали так, что ей пришлось держать фонарик обеими руками, прижимая к телу. Она посветила под лестницу, и фигура снова увильнула, бесформенная тень, дымок от невидимого пламени. Теперь движение возникло справа. Карен бросила луч туда и на мгновение прижала фигуру к стене – сгорбленную, с неестественно длинными руками и ногами и уродливо увеличенной из-за разросшихся костей головой. Она была одновременно реальной и нереальной, тень, вытянувшаяся, казалось, из самого ларца, как будто дух того, что содержалось в нем, просачивался наружу как дурной запах.

И снова зашелестел шепот. Теперь голоса говорили о ней, встревоженные, злые. Кто позволил ей прикасаться к ларцу? Она осквернила его своими пальцами, своими женскими руками. Мерзкими. Нечистыми.

Кровь.

У нее месячные. Начались утром.

Кровь.

Порченная.

Кровь.

Они знали. Они чуяли ее. Карен отступила и попыталась пройти к

лестнице, отчетливо сознавая, что три фигуры кружат, словно волки, подбираются к ней, но стараются не попасть под луч света. Она размахивала фонариком как факелом, разгоняя темноту, не позволяя им приблизиться, продвигаясь сначала вдоль полок, потом вдоль стены, пока не поставила ногу на нижнюю ступеньку.

Карен поднималась лицом к подвалу, не рискуя поворачиваться к ним спиной, и была уже на середине лестницы, когда лампочка моргнула и погасла. А потом и фонарик испустил дух.

Это делают они. Им нравится тьма.

Карен повернулась, одолела, спотыкаясь, последние ступени и, уже перед тем, как захлопнуть дверь, мельком увидела их, поднимающихся к ней, бесплотные формы, кошмары, вызванные из древних костей. Она повернула ключ и вытащила его из замка, но при этом споткнулась и упала, больно стукнувшись копчиком. Перед глазами у нее была ручка двери, и она устояла на нее, опасаясь, что та вот-вот повернется, как в старых фильмах ужасов, но ничего такого не произошло. Она слышала лишь собственное дыхание и биение сердца, да еще халат зашуршал, когда она с усилием поднялась и оперлась о кресло.

В дверь позвонили, и Карен вскрикнула от неожиданности. На фоне ночного неба выделялся мужской силуэт. Она посмотрела на часы на стене. Начало четвертого. И куда только ушло столько времени? Потерев ушибленное место, Карен подошла к двери и сдвинула шторку, чтобы рассмотреть гостя получше. На ступеньке, повернувшись в профиль, стоял мужчина лет шестидесяти. Когда он вежливо поднял черную шляпу, под ней обнаружилась лысина с клочком седых волос. Она открыла дверь – присутствие человека, пусть и незнакомца, принесло облегчение, – но цепочку снимать не стала.

– Здравствуйте, – сказал незнакомец. – Мы ищем Карен Эмори. – Он не повернулся, так что ей оставалось созерцать только одну сторону его лица.

– Ее здесь нет. – Слова вылетели сами собой, еще до того, как она поняла, что именно сказала. – Когда вернется, не знаю. Уже поздно, так что, скорее всего, до утра ее не будет.

Карен не знала, почему лжет, и понимала, как неубедительно это выглядит. Гость не выглядел опасным, но ее сигнальная система включилась еще в подвале, и по спине бежали мурашки. Она допустила ошибку, открыв дверь, и теперь жизненно важно было закрыть ее как можно скорее. В груди нарастал крик – она оказалась между незнакомцем и призраками в подвале и уже жалела, что рядом нет Джоэла, хотя и

понимала, что незнакомец пришел из-за него, из-за того, что в подвале, потому что зачем еще кому-то приходиться к ним в три часа ночи? Она бы даже рискнула испытать его гнев, лишь бы он помог ей.

– Мы можем подождать, – сказал гость.

– Извините, но это невозможно. К тому же у меня люди. – Ложь наслаивалась на ложь и звучала все неубедительнее даже для нее самой. Она подумала, что он только что сказал. *Мы* ищем Карен Эмори. *Мы* можем подождать.

– Нет. Мы не думаем, что у вас люди, – заявил он.

Карен выглянула – а вдруг там и впрямь кто-то еще есть. Но нет, он был один, этот чудной и жутковатый человек со шляпой в руке. А ее револьвер остался в подвале.

– Уходите. Уходите, или я вызову полицию.

Он повернул голову, и она увидела, как он плох, как изуродован. И еще поняла, что это не только физический распад, но и духовное гниение.

Карен попыталась закрыть дверь, но он успел поставить ногу в щель.

– Хорошие сережки, – сказал Ирод. – Старинные. И слишком хорошие для такой, как ты.

Он просунул руку – так быстро, что Карен и не успела отреагировать – и сорвал одну сережку. Из разодранной мочки уха на халат закапала кровь. Она попыталась закричать, но незнакомец схватил ее за горло, и его ногти впились в кожу. Он с силой надавил на дверь плечом, и цепочка вылетела из рамки. Карен пустила в ход ногти, но сопротивлялась недолго, только до тех пор, пока он не ударил ее головой о стену.

Раз...

– Не!..

Два.

– ...Лги!..

На третий раз она уже почти ничего не чувствовала.

– ...Мне!

Глава 35

Карен не потеряла сознание, во всяком случае не совсем, и чувствовала, как ее волокут за волосы по полу и швыряют в угол. Мочка горела от боли, кровь капала из раны. Она слышала, как незнакомец запирает дверь, и видела, как задергивает шторы, но потом ее затошнило, и что-то случилось с глазами, потому что, когда он подошел к окну, она увидела два отражения: самого незнакомца и...

Вторым был Кларенс Баттл. В его походке и позе было что-то, что пробудило бы память, даже если бы на нем не было темной ношеной куртки, той самой, из той давней ночи, и рубашки в черно-красную клетку, заправленной в мешковатые джинсы, которые больше подошли бы какому-нибудь толстячку. Джинсы держались на коричневом кожаном ремне с побитой серебряной пряжкой в форме ковбойской шляпы. Таким Карен запомнила его, потому что так он выглядел на фотографиях, сделанных уже после того, как следствие выявило его истинную сущность.

Но Кларенс Баттл давно умер. Умер в тюрьме от рака желудка, годами грызшего его изнутри. Отражавшийся в стекле Кларенс определенно выглядел пожеванным, вот только пострадали не внутренности, а лицо: за изъеденными губами чернели десны и пеньки гнилых зубов. Но в те последние секунды безгубый рот задвигался, и Карен услышала слова и уловила распространившийся по комнате мерзкий запах разложившихся внутренностей.

– *Я был плохим, плохим мальчиком,* – сказал отражение, которое было и не было Кларенсом Баттлом, и Карен, с трудом сдерживавшая тошноту, поняла, что видит ту самую сущность, сделавшую Кларенса Баттла тем, чем он стал, и слышит голос, рассказывавший ему про то, как весело играть с маленькими девочками в старой ливневке, голос того зловредного пришельца, вложившего имя Карен Эмори в уши Кларенса Баттла.

Она поиграет с тобой, Кларенс. Ей нравятся мальчики, и ей нравятся темные местечки. Она не станет кричать. Что бы ты ни делал с ней, она не станет кричать, потому что она хорошая, хорошая девочка, а хорошей девочке, чтобы проявить все самое лучшее, нужен плохой, плохой мальчик...

Незнакомец смотрел на нее с интересом, и Карен знала, что он видел что-то из того, что видела она, потому что его тоже изнутри и снаружи разъедала гниль. Может быть, это сущность приносит с собой рак? Может

быть, духовное и психологическое разложение, достигая определенной степени, должно находить и некое физическое выражение? В конце концов, зло есть яд, инфекция души, и другие яды, постепенно накапливаясь, приводят к изменениям – от никотина желтеет кожа и чернеют легкие, алкоголь разрушает печень и почки, лицо от него становится одутловатым, от радиации выпадают волосы... Свинец, асбест, героин – все это влияет на организм, приближает его полное разрушение. Разве не может быть, что и зло в чистейшей своей форме делает то же самое? Ведь болезнь сидела в Кларенсе точно так же, как и в человеке, во власти которого она оказалась.

– Как его звали? – спросил он.

Она не стала упираться:

– Кларенс. Его звали Кларенс.

– Он обидел тебя?

Она покачала головой.

Но хотел. Да-да, Кларенс хотел поиграть, а когда дело касалось маленьких девочек, играл он жестко.

Карен подтянула ноги и обхватила колени. Отражение исчезло, но она боялась того, что создало его. Оно было здесь. Карен чувствовала его присутствие. Чувствовала, потому что между ней и Кларенсом Баттлом была связь. Ей удалось ускользнуть от него. Но из-за нее его поймали, и он до конца жизни не простил ей этого. Из-за нее он гнил в тюремной больнице, куда к нему никто не приходил, где никому не было до него дела и где ему не с кем было играть.

Незнакомец подошел ближе, и Карен отпрянула.

– Меня зовут Ирод, – сказал он. – Вам не нужно меня бояться. Я не сделаю вам ничего плохого – вы только отвечайте честно на мои вопросы.

Но она смотрела мимо него, ее взгляд метался по комнате, ноздри вздрагивали – Не-Кларенс был где-то здесь, она ловила его ядовитое дыхание, ощущала близость его грязных, цепких пальцев. Старик с любопытством посмотрел на нее.

– Вы ведь боитесь не меня, да? Вы видели его, а это то еще зрелище. Можете, если хотите, называть его Кларенсом, но вообще-то имен у него много. Для меня он – Капитан.

Ирод положил руку ей на голову, погладил по волосам, и Карен задрожала от его прикосновения, потому что в нем было то же, что и в Кларенсе.

– Бояться Капитана не надо, если только вы не сделали чего-то очень, очень плохого.

Его рука спустилась с ее головы на плечо, ногти впились в кожу, и она

вздрагнула от боли и посмотрела ему в лицо. Взгляд ее скользнул к стреловидной язве на верхней губе.

– Думаю, даже такой шлюшке, как ты, с жарким дыханием и тесными трусиками, не о чем беспокоиться, потому что у Капитана и более неотложных забот хватает. Ты – случайный элемент. Не привлекай к себе внимание, и Капитан не потревожит тебя. В противном случае...

Ирод склонил голову набок, словно прислушиваясь к голосу, который слышал только он один, и неприятно усмехнулся.

– Капитан говорит, есть канализационная труба с твоим именем на ней, а возле нее кое-кто, кому не терпится с тобой поиграть. – Он подмигнул. – Капитан говорит, что старине Кларенсу всегда нравились теплые сырые местечки, и Капитан поступил с ним по справедливости, потому что он всегда держит слово. У Кларенса есть сейчас большая, глубокая, темная и сырая дыра, где он поджидает какую-нибудь заблудшую девочку. Вот только имея дело с Капитаном, надо внимательно читать мелкий шрифт, прежде чем что-то подписывать. Кларенс этого не понял, поэтому и сидит так долго в одиночестве. Мы же с Капитаном по-настоящему близки. Мы, можно сказать, говорим одним голосом.

Он встал, продолжая сжимать ее плечо, и ей тоже пришлось подняться.

– У меня для тебя плохие новости, но ты примешь их стойко, как солдат. Твой бойфренд, Джозел Тобиас, уже не положит свою котлетку в твою булочку. Мы попытались поговорить с ним, но он оказался молчаливым собеседником, и мне пришлось немножко надавить.

Он легонько ущипнул ее за щеку. Пальцы были холодные, и она взвизгнула.

– Думаю, ты знаешь, о чем я говорю. Сказать по правде, смерть принесла ему облегчение.

У нее подкосились ноги. Она бы, наверное, упала, если бы Ирод не поддержал ее. Карен попыталась оттолкнуть его, но у нее не получилось, он был намного сильнее. Она заплакала. Он схватил ее за волосы и дернул с такой силой, что у нее хрустнуло в шее.

– Хватит. Сейчас не время скорбеть. Я человек занятой, и время не на моей стороне. Сделаем, что нужно, а потом можешь его оплакивать.

Он подвел ее к двери в подвал и, протянув правую руку, прикоснулся ладонью к двери.

– Знаешь, что там?

Карен покачала головой. Слезы еще текли, но чувства притупились, как будто боль потери пыталась и не могла пробить эффект анестезии.

– Снова лжешь, – сказал Ирод, – но, с другой стороны, не думаю, что

ты на самом деле знаешь, что там. Вот мы и выясним это вместе, ты и я. Где ключ?

Карен опустила руку в карман халата, достала ключ и передала гостю.

– Я не хочу еще раз туда спускаться, – сказала она и подумала, что прозвучало это по-детски, со слезами и всхлипами.

– Но, юная мисс, оставить вас здесь одну я тоже не могу, так ведь? – возразил он спокойно и даже сочувственно, но она помнила, что этот человек совсем недавно называл ее шлюхой, что следы от его пальцев еще видны на ее плече, что это он порвал ей мочку уха и что это он убил Джоэла и она снова осталась одна. – Но вам не о чем беспокоиться, тем более вы под моей защитой. – Он вернул ей ключ. – Идите и откройте. Я за вами.

Для большей убедительности гость показал пистолет, и Карен послушно исполнила приказание, вставив ключ в замочную скважину почти недрогнувшей рукой. Когда она открыла дверь, явив притаившуюся за ней тьму, он отступил на шаг.

– Где свет?

– Не работает. Лампочка погасла, когда я была там. – *Это они ее погасили*, едва не добавила она. *Хотели, чтобы я споткнулась и упала, чтобы осталась там, с ними.*

Ирод огляделся, увидел лежащий на полу фонарик и наклонился, чтобы поднять его, и в этот момент Карен пнула его ногой в висок. Он упал на колени, а она бросилась к двери, но не успела отодвинуть задвижку. Ирод догнал ее, схватил и, зажав рот ладонью, оттащил назад и швырнул на пол. Карен шлепнулась на спину, и прежде чем она успела подняться, он наступил ей коленом на грудь, просунул руку ей в рот и так сильно сжал язык, что она испугалась.

– Последнее предупреждение. – Рана на губе снова открылась и начала кровоточить. – Я не причиняю боль беспричинно и считаю, что с тебя достаточно, но если вынудишь, я скормлю твой язык крысам и оставлю здесь захлебываться собственной кровью. Ты поняла?

Карен едва заметно кивнула, боясь, что чересчур энергичное движение будет стоить ей языка. Он разжал пальцы, и во рту остался вкус его пальцев, едкий, химический. Она поднялась. Он включил фонарик.

– Похоже, работает. Ты – первая. Руки держи перед собой. Ни к чему не прикасайся, кроме перил. И без резких движений, чтобы не пожалеть.

Карен нехотя двинулась вперед. Луч фонарика осветил лестницу. Ирод подождал, пока она спустится на три ступеньки, и последовал за ней. На середине Карен остановилась и посмотрела налево, туда, где тьма была

гуще и где на полке стоял золотой ларец.

– В чем дело? – спросил Ирод.

– Он здесь.

– Что здесь?

– Золотой ларец. Вы ведь его ищете, да? Золотой ларец?

– Покажи, где он.

– Там еще всякие вещи. Я видела.

– Я же сказал, тебе ничего не грозит. Иди.

Карен дошла до конца лестницы и ступила на пол. Ирод подошел к ней и посветил по углам подвала. Снова запрыгали тени, но они появились от света, и Карен даже смогла бы убедить себя, что те, другие, ей только привиделись, если бы не шепот.

Шепот вернулся. И теперь голоса звучали по-другому – озадаченно, но и как будто бы в ожидании чего-то.

Карен подвела Ирода к тому месту, где лежали сокровища, но его не заинтересовали ни цилиндрические печати, ни прекрасная мраморная головка. Он смотрел только на ларец. Сначала оглядел его со всех сторон, поцокал языком, обнаружив какие-то царапинки и вмятинки, потом указал на холщовую сумку, лежавшую на старом чемодане у полки.

– Возьми и положи в мешок. Осторожно.

Карен не хотела брать в руки ларец, но хотела, чтобы все поскорее кончилось. Он получит свое и уйдет. А если сдержит обещание, то оставит ее живой. Несмотря на страх, она верила, что он не хочет ее убивать. Если бы хотел, она уже была бы мертва.

– Что это? Что в нем?

– Что ты видела, когда спускалась сюда?

– Я видела тени... силуэты... Искаженные. Как люди, только... не люди.

– Нет, не люди. Ты слышала о ящике Пандоры?

Она кивнула.

– Ящик, в котором было заключено зло. Его открыли, и зло вырвалось в мир.

– Очень хорошо, – сказал Ирод, – только это был не ящик, а глиняный сосуд, пифос. Сочетание «ящик Пандоры» возникло из-за неверного перевода на латынь.

Найдя то, что так долго искал, он был рад, что оказался в этот момент не один. Он хотел объяснить, хотел, чтобы хоть кто-нибудь понял важность находки.

– Это, – продолжал Ирод, – и есть подлинный ящик Пандоры, золотая

тюрьма. Семь камер, каждая с семью замками, символизирующими ворота загробного мира. – Он показал на защелки в форме пауков. – Паук защитил от убийц пророка Мухаммеда, когда сплел паутину перед входом в пещеру, в которой пророк прятался с Абу-Бакром. Люди, сделавшие этот ларец, надеялись, что паук, может быть, защитит и их. Что же касается содержимого ларца, то давай назовем это древними духами. Почти столь же древними, как сам Капитан. Почти.

– Они плохие, – сказала Карен и поежилась. – Правда. Очень плохие.

– О да, так оно и есть.

– Но что вы будете делать с этим ларцом?

– Я намерен открыть его и освободить их, – терпеливо, словно разговаривая с ребенком, объяснил Ирод.

Карен посмотрела на него недоуменно.

– Зачем? Зачем это делать?

– Так хочет Капитан. А то, чего Капитан хочет, он всегда получает. Теперь возьми ларец и положи в сумку.

Она покачала головой. Ирод поднял пистолет и приставил к ее губам.

– Я получил, что хотел, и могу тебя убить. Или же мы оба останемся в живых. Выбирай.

Карен неохотно взяла с полки ларец и снова ощутила пальцами вибрацию. Изнутри донесся слабый стук, как будто запертый в ларце грызун царапал крышку, тщетно пытаясь выбраться. От неожиданности Карен едва не выронила ларец. Ирод раздраженно зашипел, но ничего не сказал. Она осторожно положила ящик в сумку, застегнула молнию и протянула Ироду, но он покачал головой.

– Понесешь ты. Иди. Мы уже почти закончили.

Карен поднялась по лестнице. На этот раз Ирод не отставал. В одной руке у него был пистолет, другую он держал на ее плече. Дойдя до гостиной, она остановилась.

– Держи... – Ирод не договорил, увидев то, что мгновением раньше увидела Карен. В комнате было трое вооруженных мужчин, и все они целились ему в голову.

– Отпусти ее, – сказал я.

Глава 36

Если Ирод и удивился, обнаружив нас, то виду не подал. Он притянул к себе Карен, прикрывшись ею как щитом, и прижал ей к шее дуло пистолета, направив его вверх, чтобы вышибить в случае чего мозги. Нам была видна только правая сторона его лица, и в такой ситуации рисковать не мог даже Луис. Из жуткой раны на верхней губе Ирода сочилась, стекая на рот и подбородок, кровь.

– Вы в порядке, Карен? – спросил я.

Она попыталась кивнуть, но так боялась пистолета, что кивок получился больше похожим на дрожь. Глаза у Ирода блеснули. Он не обращал внимания ни на Ангела, ни на Луиса и смотрел только на меня.

– Я знаю тебя, – сказал Ирод. – Видел в баре.

– Тебе бы следовало представиться. Сберег бы время и силы.

– Не думаю. Капитану бы это не понравилось.

– Что за Капитан? – спросил я и тут припомнил, что вроде бы видел в машине вторую фигуру, призрака с лицом клоуна.

– Капитан очень тобой интересуется, а возбудить его интерес не просто. Столько всего повидал, что из апатии его мало что выводит.

– Да он тебе зубы заговаривает, – подал голос Луис.

– Неужели? – Ирод склонил голову набок, словно прислушиваясь к голосу, который слышал он один. – *Dominus meus bonus et benignitas est.* Знакомо, мистер Паркер?

Я уже слышал эту фразу. Она была в ходу в разных сферах – как кодовое приветствие, как мрачная шутка, декларация веры в сущность, далеко не милостивую, как своего рода имя. «Мой повелитель добр и милостив». Добр и милостив. *Good and kind.* Гудкайнд. Мистер Гудкайнд. Так называли его сторонники, но здесь и сейчас Ирод намекал на то, что Гудкайнд и тварь, которую он называл Капитаном, суть одно и то же.

– Неважно, – сказал я. – Меня твои истории с привидениями не интересуют. Что в мешке?

– Еще одна история с привидениями. Это ларец-тюрьма. Я намерен выйти с ним, а вы не станете мне мешать.

– А вот я так не думаю, – вступил в разговор Ангел, с ленивым видом подпиравший дверной косяк. – Ты, может, не заметил, но на тебя направлены три ствола.

– А мой приставлен к голове мисс Эмори, – ответил Ирод.

– Убьешь ее – мы убьем тебя. И с коробочкой уже не поиграешь.

– Вы думаете, мистер Паркер, что просчитали все шаги, – сказал Ирод. – Как ни прискорбно, придется рассеять ваше заблуждение. Мисс Эмори, опустите руку в левый карман моего пиджака и достаньте то, что там найдете. Осторожно, а то никогда не узнаете, как закончится эта история.

Порывшись у него в кармане, Карен достала что-то и бросила на пол между нами. Это была плоская дамская сумочка.

– Смелее, – сказал Ирод. – Открывайте.

Сумочка упала возле левой ноги Луиса. Луис, не спуская глаз с Ирода, отфутболил ее ко мне. Я наклонился, поднял и открыл. В ней лежали косметика, какие-то таблетки и кошелек. А в кошельке водительские права на имя Кэрри Сандерс.

– Я закопал ее, – пояснил Ирод. – Нет, не слишком глубоко. Ящик стальной, наверное, военного образца. Нашел у нее в подвале. Прогнаться под весом земли не должен. Воздух у нее там есть – дырочка просверлена и пластиковая трубка вставлена. Но лежать в темноте, без движения – занятие малопривлекательное, и кто знает, что случится, если трубку что-то перекроет. Достаточно ведь листка с дерева или комка земли. Может, она уже паникует, а если паникует... Руки у нее связаны. Если она не удержит трубку губами, то у нее останется минут пятнадцать, не больше. Долгие пятнадцать минут...

– Почему она? – спросил я.

– Думаю, вы знаете, почему, а если не знаете, то вы не так умны, как мне казалось. С удовольствием бы остался и посвятил вас во все детали, но достаточно сказать, что чуть ранее мистер Тобиас и его друзья были заняты тем, что убивали мексиканцев. А когда закончили, отправились в дом мисс Сандерс – перегруппироваться. Я много узнал от мистера Тобиаса, прежде чем он испустил дух. О Джимми Джуэле и как он умер. О некоем Фостере Жандро. По-моему, мисс Сандерс при желании может быть той еще соблазнительницей. Полагаю, ее-то и нужно считать мозгом команды. Она всех и убила: Роддама, Джуэла, Жандро. Может быть, вам еще представится возможность самому ее расспросить, но только если отпустите меня. Чем больше вы тянете, тем меньше у нее шансов выжить. Все подлежит обмену. Обо всем можно договориться. Я – человек честный, обещания выполняю. Предлагаю жизнь мисс Эмори и местонахождение импровизированного гроба Кэрри Сандерс в обмен на ларец. Мы оба знаем, что вы не позволите мисс Эмори умереть. Вы не тот человек, который мог бы легко жить после такого.

Я еще раз посмотрел на водительские права и перепуганное лицо Карен Эмори.

– Откуда нам знать, что ты сдержишь слово?

– Я всегда держу слово.

Я подождал пару секунд, потом согласно кивнул.

– Ты это серьезно? – удивился Ангел. – Собираешься договориться с ним?

– А что еще нам остается? – спросил я. – Опустите пушки. Пусть идет.

Поколебавшись, Луис медленно опустил ствол. Ангел сделал то же самое.

– У вас есть сотовый? – спросил Ирод.

– Да.

– Дайте мне номер.

Я продиктовал номер.

– Записать?

– Нет, спасибо. У меня исключительная память. Через десять минут я высажу мисс Эмори у платного телефона. Я скажу ей, где найти Кэрри Сандерс. Я даже дам мисс Эмори денег, чтобы она позвонила вам. Вы приедете и заберете ее. На этом все закончится.

– Смотри, если что, я тебя найду. Тебя и твоего Капитана.

– Я же дал слово. Я не убиваю без необходимости. А грехов на мне столько, что еще на целую жизнь хватит.

– А ларец?

– Я собираюсь его открыть.

– Думаешь, сможешь контролировать то, что внутри?

– Я – не смогу, а Капитан сможет. Прощайте, мистер Паркер. И скажите своим друзьям, чтобы не мешали. Отойдите все в дальний угол, пожалуйста. Если я увижу, что кто-то из вас вышел из дома или пытается следовать за мной, сделка отменяется. Мы поняли друг друга?

– Да, – сказал я.

– Не думаю, что мы еще встретимся, – сказал Ирод. – Но вы и Капитан – дело другое. Уверен, рано или поздно у вас еще будет возможность познакомиться поближе.

Ангел отошел от двери, и мы втроем – я, Ангел и Луис – перешли в дальний по диагонали от двери угол. По-прежнему прикрываясь Карен как щитом, Ирод вышел из дома. Карен закрыла за ними дверь. Через несколько секунд с улицы донесся звук отъезжающей машины.

Луис шагнул было к двери, но я остановил его:

– Не надо.

- Ты ему доверяешь?
- В этом – да.
- Я не Ирода имел в виду.
- Я тоже.

Глава 37

Я не знаю, запаниковала ли Кэрри Сандерс. Не знаю, выскользнула ли дыхательная трубка у нее изо рта, так что она со связанными руками уже не смогла ее ухватить. Иногда я ловлю себя на том, что, представляя последние минуты Кэрри, вижу, как Ирод отбрасывает лопату и смотрит на утрамбованную землю, а потом наклоняется и осторожно вынимает трубку изо рта погребенной женщины. Он поступил так, потому что она нарушила какую-то устную договоренность с ним, а еще потому, что ему так хотелось. При всех разговорах о справедливости, честности и обещаниях, Ирод, как мне представляется, был человеком жестоким. Он сдержал слово в отношении Карен Эмори и, когда отпустил ее, сказал, где похоронил Кэрри Сандерс, но вскрытие показало, что умерла Кэрри за несколько часов до того, как ее нашли.

Я знаю точно, что Кэрри Сандерс убила Джимми Джуэла и Фостера Жандро. Дома у нее нашли «глок» 22-го калибра. Пули из него совпали с теми, что убили Джимми и Жандро. И отпечатки на нем принадлежали только ей одной. Была ли она виновна в смерти Роддама, сказать наверняка нельзя, но поскольку насчет ее причастности к другим убийствам Ирод сказал правду, то вряд ли он лгал относительно Роддама.

После обнаружения тела Сандерс высказывались предположения, что человек, виновный в ее смерти, мог подставить ее по другим убийствам, но эта версия отпала, когда Бобби Жандро рассказал о своем разговоре с кузеном Фостером. Последний считал, что смерть Дэмиена Пэтчета, а также Берни Крамера и Харланов связана неким образом с контрабандными делами Джоэла Тобиаса. Вот только уликами, которые подтверждали бы эту версию, Фостер Жандро не располагал. Честолюбивый полицейский, он слишком долго топтался на месте для того, чтобы удовлетворить амбиции. Возможно, будь у него свидетельства незаконных операций Тобиаса, он сумел бы вдохнуть жизнь в свою закатывающуюся карьеру. Но Бобби Жандро допустил ошибку, когда стал обсуждать ситуацию с Кэрри Сандерс во время одного из терапевтических сеансов, после чего она убила Фостера и бросила тень на его репутацию, подложив пузырьки. Делала ли она все это с ведома и одобрения Джоэла Тобиаса, я сказать не могу, а те, кто мог бы, уже мертвы. Я помню, что говорили о Джоэле Тобиасе – умен, но не так чтобы очень. Проводить операции с перемещением краденых древностей стоимостью в миллионы

долларов он вряд ли мог, а вот Кэрри Сандерс могла. В Париже Рошман признался, что при покупке печатей и статуэток контактировал с женщиной, использовавшей псевдоним Медея, и что деньги переводились в банк в Бангоре, штат Мэн. Ходили слухи, что Сандерс и Роддам могли быть любовниками со времен Абу-Грейба, но парой они оказались сомнительной. Война создает такие вот странные союзы, но, возможно, Роддам и Сандерс использовали друг друга, и в результате Сандерс преуспела, потому что Роддам умер. Тобиаса она знала еще со школы, которую закончила годом позже. Если Сандерс была мозгом всей операции, ей не требовалось разрешение Джозела Тобиаса или кого-то еще, чтобы делать все необходимое для успеха дела.

Я был на месте, когда вскрывали ящик, и видел лицо Кэрри Сандерс. Какие бы грехи за ней ни числились, такой смерти она не заслужила.

Вскоре после обнаружения тела я дал показания полиции в присутствии двух агентов из Бюро расследований нарушения иммиграционного и таможенного законодательства. За спиной у них маячил смуглолицый человек с бородкой, представившийся аль-Дайни, бывшим сотрудником Иракского музея в Багдаде. Агенты представляли Объединенную межведомственную координационную группу, созданную военными, ЦРУ, ФБР, БРИТ, Казначейством и прочими, кто интересовался Ираком и финансированием террористических операций. Группа обратила внимание на разграбление Иракского музея, поскольку заподозрила, что средства от продажи украденного на черном рынке могли идти на подготовку мятежников. Человек, допрашивавший меня в «Голубой луне», лгал и мне, и себе: то, что они делали, вредило людям, но они умирали на улицах Багдада и Фаллуджи, в других местах в Ираке и везде, где целью становились американские солдаты. Я рассказал агентам и аль-Дайни все, что знал, скрыв лишь одну деталь. Я умолчал о Коллекторе. Известие о пропаже золотого ларца, похоже, огорчило аль-Дайни, но он промолчал.

Когда мы закончили, я сел в машину и поехал на юг.

Глава 38

Ирод сидел в кабинете в окружении книг и инструментов. Ни зеркал, ни каких-либо других отражательных поверхностей не было. Он даже компьютер перенес в другую комнату. Капитан отвлекал от дела, и ему так не терпелось заглянуть в ларец, что Ироду пришлось принять решительные меры и скрыть все, что могло давать отражения. Предстоящая работа требовала спокойствия и сосредоточенности; занимаясь он ею в присутствии Капитана, сошел бы с ума. На то, чтобы определить, как работает механизм замков, требовалось время, может быть, несколько дней. Открывать их надлежало в определенной последовательности, поскольку сам ларец напоминал матрешку и был своего рода клеткой-головоломкой, так как спрятанная в последней камере реликвия была обмотана проволокой, которая соединялась последовательно с каждым замком. Просто разбить замки означало бы разорвать на части предположительно хрупкий артефакт; если кто-то затратил столько усилий, чтобы обеспечить сохранность реликвии, значит, очень важно, чтобы она оставалась неповрежденной.

Ящик стоял на белой салфетке. Он больше не вибрировал, и голоса в нем давно стихли, словно для того, чтобы не мешать тому, кто мог их освободить. Ирод не боялся шепчущих голосов. Капитан рассказал ему о содержимом ларца и природе сдерживающих связей. Да, звери, но звери на цепи. После того, как ларец откроют, они будут явлены миру, но останутся на цепи. И им нужно будет внушить, что они – творения Капитана.

Он уже собирался снять первого паука и открыть механизм замка, когда вдруг сработала домашняя сигнализация. Застигнутый врасплох, Ирод даже не стал оценивать ситуацию и активировал замки безопасной комнаты, отрезав себя от внешнего мира. Потом он снял трубку телефона, нажал красную кнопку, и его тут же связали с охранной компанией, ответственной за установленную в доме систему. Ирод подтвердил возможное вторжение и сообщил, что находится в безопасной комнате. Потом он прошел в аппаратную, где были размещены несколько мониторов, каждый из которых показывал определенную часть дома, причем как снаружи, так и изнутри. На экранах промелькнуло, как ему показалось, отражение Капитана; он даже ощутил его острое любопытство и желание взглянуть на ларец, но отвлекаться не стал. Более важные дела требовали первоочередного внимания. Признаков вторжения Ирод не

обнаружил, ворота были закрыты. Ложная тревога? Тем не менее, будучи человеком дисциплинированным, он не собирался рисковать безопасностью как собственной, так и своей коллекции, особенно ее последним пополнением.

Через четыре минуты на подъездной дорожке появился черный фургон без опознавательных знаков. Прибывшие набрали менявшийся каждую неделю цифровой код безопасности на панели у ворот, Ирод подтвердил его правильность, ворота открылись и, пропустив фургон, закрылись. Машина подъехала к дому, остановилась, и из нее вышли четверо вооруженных людей. Двое тут же двинулись в обход здания, один остался у входа с оружием на изготовку, а последний шагнул к двери и активировал главный интерком.

– Дюрер, – произнес голос. Как и цифровой код, этот еженедельно менявшийся пароль подтверждал полномочия прибывшей команды.

– Дюрер, – повторил Ирод и через панель удаленного доступа активировал замок передней двери. Один из прибывших, тот, что называл пароль, сразу же вошел в дом. Его напарники остались снаружи. Переходя от монитора к монитору, Ирод видел, как они отключают главную сигнализацию, проверяют журнал событий и расходятся по дому. Через десять минут после начала проверки в офисе Ирода звякнул интерком.

– Все чисто, сэр. Похоже, ложная тревога в зоне два – окно в столовой. Признаков попытки проникновения не отмечено. Может быть, сбой. Утром пришло техника.

– Спасибо, – сказал Ирод. – Вы свободны.

Бригада вышла из дома. Ворота закрылись. Он деактивировал замки на двери кабинета и убрал мониторы, вместе с Капитаном. Хотя комната хорошо вентилировалась, и он часто работал с закрытой дверью, держать ее на замке ему не нравилось. Сама мысль о долгом нахождении в замкнутом пространстве вызывала у него ужас. Может быть, поэтому ему доставило такое удовольствие то, что он сделал с Сандерс. Для него это было безболезненным перенесением страхов во вне, а для нее – наказанием. Он предложил им двоим, ей и Тобиасу, сделку – жизнь в обмен на сундучок с сокровищем. Они поддались жадности и открыли переговоры иного рода, вести которые у него не было ни времени, ни желания. Вторая сделка предлагалась уже только Тобиасу: умереть медленно или быстро. Тобиас поначалу не поверил, что других вариантов нет, Ироду в конце концов удалось его убедить.

Открывая дверь кабинета, он немного отвлекся, размышляя о возможной причине тревоги, и не успел полностью сосредоточиться, так

что голос Капитана ударил в уши как сирена, бессвязный взрыв гнева, страха и отчаянного предостережения. Прежде чем Ирод успел среагировать, перед ним возникли двое вооруженных мужчин. От одного так сильно воняло никотином, что само его присутствие мгновенно отравило весь воздух в комнате. Незнакомец уложил Ирода на пол и приставил ему нож к шее.

Ирод поднял глаза и увидел прямо перед собой лицо Коллектора. У него за спиной стоял детектив Чарли Паркер. Ни тот, ни другой не произнесли ни слова, но голова Ирода наполнилась шумом.

Это кричал Капитан.

Глава 39

Под дулом пистолета взгляд Ирода метался от меня к Коллектору и обратно, словно он никак не мог понять, кто из нас представляет бо́льшую опасность. Пистолет Ирода Коллектор отбросил в сторону и теперь внимательно и с восхищением рассматривал стоявшие на полках предметы.

– У вас внушительное собрание сокровищ, – сказал Коллектор. – Книги, рукописи, артефакты. Я уже какое-то время наблюдаю за вами, но и представить не мог, что вы так усердны, старательны и обладаете столь изысканным вкусом.

– Я – коллекционер, как и вы.

– Нет, нет. Я собиратель совсем иного свойства.

– Как вы нашли меня?

– Техника. Пока вы были в доме мисс Эмори, на вашу машину поставили маячок. Что любопытно, учитывая обстоятельства, собрал его, похоже, покойный Джоэл Тобиас.

– И вы все время находились у его дома?

– Да.

– Могли еще тогда взять меня.

– Мистер Паркер очень беспокоился из-за мисс Эмори, а я хотел посмотреть на вашу коллекцию.

– И как вы вошли?

– Ловкий трюк. Отследить одновременное передвижение по дому столько людей да еще при деактивированной сигнализации очень трудно.

– Вы перехватили выездную бригаду.

– Да. Можете сесть, но держите руки на столе. Если они исчезнут из поля зрения, мистер Паркер вас застрелит.

Ирод сделал, как ему сказали, и положил руки на стол ладонями вниз по обе стороны от ларца.

– Пытаетесь открыть? – сказал Коллектор.

– Да.

– Зачем?

– Я любопытен – хочется посмотреть, что внутри.

– Вы взяли на себя такие хлопоты, неужели только из праздного любопытства?

– Не праздного. Праздности не допускаю.

– Так это все исключительно личный интерес?

Ирод ненадолго задумался.

– Полагаю, вы уже знаете ответ на этот вопрос.

Коллектор пододвинул кресло, сел и, переплетя пальцы, сложил руки на колене, словно собирался молиться.

– Вы хотя бы знаете, кому служите? – спросил он.

– А вы?

Коллектор улыбнулся уголком рта.

– Я свожу счета. Собираю долги.

– Но для кого?

– Я не стану называть Его имя здесь, в присутствии этой... *твари*.

Он разомкнул пальцы и указал на ларец. Потом опустил руку в карман и достал портсигар оттенка оружейного металла и спичечный коробок.

– Не возражаете, если я закурю?

– Возражаю.

– Какая жалость. Похоже, мне придется злоупотребить вашим гостеприимством.

Коллектор достал сигарету и чиркнул спичкой. К потолку потянулась струйка вонючего дыма. Ирод поморщился.

– Мне их делают по спецзаказу, – пояснил Коллектор. – Раньше я курил дженерики, но потом подумал, что если уж травить себя, то стоит делать это с толикой шика.

– Замечательно. Позвольте спросить, куда вы планируете сбрасывать пепел?

– О... Горят они медленно. К тому времени, когда этот вопрос встанет, вы будете мертвы.

Атмосфера в комнате изменилась. Из нее как будто откачали часть кислорода. В голове у меня зазвенело.

– От вашей руки или от руки вашего друга? – негромко спросил Ирод.

– Ни то, ни другое.

Ирод как будто растерялся, но прежде чем он успел что-то сказать, Коллектор продолжил:

– Под каким именем проходит тот, кому вы служите?

– Я знаю его как Капитана, но у него много других имен.

– Конечно. Капитан. Тот, Кто Ждет За Стеклом. Мистер Гудкайнд. Это ведь неважно, да? Он такой старый, что у него и имени собственного нет. Они все – создания других.

Коллектор неторопливо обвел рукой комнату. От пальцев струился дымок.

– Здесь нет зеркал. Нет отражательных поверхностей. Можно

подумать, вам надоело его присутствие. Согласен, это должно быть утомительно. Гнев, требования... Умственная работа почти невозможна. – Он наклонился и постучал по ларцу. – И теперь ему нужно, чтобы вы открыли это и добавили еще немного хаоса в и без того беспокойный мир. Ну, не будем его разочаровывать, да?

Коллектор встал. Аккуратно положил сигарету на подлокотник, склонился над столом и начал ощупывать ларец. Пальцы скользили по замочным механизмам, ловко изучали паучьи лапки, обезображенные головы, разинутые пасти. При этом на сам ларец он не смотрел – только на Ирода.

– Что вы делаете? Это же сложный механизм. Его необходимо изучить. Нужно установить последовательность...

Ирод еще не договорил, а в ларце защелкало и зажужжало. Коллектор не останавливался, и механические звуки утонули в другом звуке. Это был шепот, заполнивший, казалось, всю комнату, ликующий шепот зла, сумятица перебивающих друг друга голосов, сливающихся в жужжание всполошенного роя насекомых. Открылась одна крышка, потом еще одна, и еще... На книжную полку легла тень, сгорбленная и рогатая, и к ней быстро присоединились две другие – прелюдия к тому, что ждало впереди.

– Стойте! Прекратите! Так нельзя! – крикнул я, сделав шаг вправо, чтобы меня мог увидеть Коллектор, но по-прежнему держа на прицеле Ирода. – Не открывайте ларец!

Коллектор вскинул руки, но это был жест не капитулянта, а иллюзиониста, завершившего особенно сложный фокус.

– Поздно.

И тут открылась последняя крышка.

На мгновение все в комнате замерло. Тени на стене перестали двигаться, и то, что так долго пребывало вне субстанции, обрело реальную форму. Коллектор продолжал стоять, воздев руки, как дирижер, ждущий, когда в пальцы ему вложат палочку, чтобы симфония наконец началась. Ирод смотрел в ларец, и лицо его освещалось холодным белым светом, каким бывает солнечный, отражаясь от снега. Страх сменялся удивлением на его лице при виде того, что открылось ему, но оставалось скрыто от нас с Коллектором.

А потом Ирод понял и растерялся.

Коллектор развернулся, метнулся ко мне и пригнул к полу. Я увидел, как выгнулась луком черная спина и лопнула кожа, разорванная острыми костями. Я увидел голову, слишком большую для туловища, на котором она держалась, шею, потерявшуюся в складках плоти, вершушку черепа с

вывернутыми желтыми костями, напоминающими корни древнего дерева с ободранной корой. Блеснули желтые глаза, мелькнули темные когти, осклабились острые зубы. Рядом с головой выросла другая, затем третья. Две набросились на Ирода, одна повернулась ко мне...

– Не смотри. – Ладонь Коллектора легла мне на затылок, прижала лицом к полу. – Закрой глаза. Зажмурься и молись.

Ирод не издал ни звука. Именно это поразило меня сильнее всего. Он молчал все то время, что они обрабатывали его, и я, как ни хотелось взглянуть, не повернул головы. Даже когда Коллектор убрал руку и выпрямился. Какие-то механические щелчки и...

– Готово, – сказал Коллектор.

Только тогда я открыл глаза.

Ирод сидел в кресле, обмякший, запрокинув голову назад, с открытыми глазами и ртом. Он был мертв, но никаких явных повреждений я не заметил, лишь тонкая струйка крови вытекала из левого уха, и было видно, что все капилляры в глазах полопались, отчего роговица сделалась красной. Ларец был закрыт, и я снова слышал шепот, взбудораженный и гневный, как звук из растревоженного пчелиного улья.

Коллектор взял с подлокотника сигарету. Столбик пепла на ней напоминал падающее здание. Он стряхнул его в открытый рот Ирода и глубоко затянулся.

– Если собираешься дразнить псов, всегда проверяй длину цепи. – Коллектор взял ларец и сунул под мышку.

– Забираете? – спросил я.

– На время. Хранить ее положено не мне.

Он подошел к книжной полке и взял крохотную статуэтку демоницы. Стилль вроде бы восточный, но я не знаток.

– Сувенир. Дополнение к коллекции. А теперь мне нужно выполнить еще одно задание. Позвольте представить вас кое-кому...

Мы стояли перед зеркалом в резной раме у кабинета Ирода. Сначала в нем были только два отражения, мое и Коллектора, но потом возникло третье. Обычное пятно с темно-серыми пятнами на месте глаз и рта менялось, постепенно обретая узнаваемые черты.

Это было лицо Сьюзен, моей покойной жены, только на месте глаз были выжженные дыры. Потом, словно в калейдоскопе, черты сложились иначе, и возникло лицо Дженнифер, моей убитой дочери, – безглазое, с набитым жалящими насекомыми ртом. Лица менялись одно за другим, быстрее и быстрее, и это были мои враги из прошлого: Странник, растерзавший Сьюзен и Дженнифер, убийца женщин Калейб Кайл, Падд, с

древней паутиной на лице, и демон Брайтуэлл с зобом, похожим на огромную кровавую утробу на распухшей шее.

Он был в них всех, и они все были им.

Последним возник мужчина лет сорока с небольшим, чуть выше среднего роста. В темных волосах проступила седина, глаза беспокойные и печальные. Рядом стояли его двойник и Коллектор. Потом Коллектор отступил, два отражения соединились в одно, и я увидел только собственное отражение.

– Что вы чувствовали? – В его голосе прозвучала неуверенность, которой я не слышал раньше. – Что вы чувствовали, когда смотрели на это?

– Ярость. И страх. Оно боялось. – Ответ вырвался сам собой, прежде чем я успел оформить мысль. – Боялось вас.

– Нет. – Коллектор покачал головой. – Не меня...

Лицо его приняло задумчивое выражение, но было в нем и что-то еще. Я впервые почувствовал, что Коллектор меня боится.

Эпилог

*Рад бы остаться я с третью того, чем владею,
лишь только б*

*Были те мужи на свете, которые в Трое
пространной*

Кончили жизнь...

Гомер «Одиссея», Книга IV.

Склад в Квинсе, известный как Крепость, считался хранилищем художественных объектов и охранялся правительством Соединенных Штатов. Через его двери прошло немало предметов из Иракского музея. Сюда после обнаружения привезли безголовую каменную статую шумерского царя Энтемены из Лагаша, сюда для идентификации доставили 669 музейных предметов, задержанных Таможенной службой США в Ньюаркском международном аэропорту в 2003 году. И вот теперь в мрачных стенах Крепости аль-Дайни приступил к работе по каталогизации возвращенного в результате поисков в Мэне и Квебеке. К сожалению, то, что он больше всего искал, опять ускользнуло от него.

Почувствовав усталость, доктор направился в ближайший кафетерий, где заказал суп и развернул купленную утром арабскую газету. Позднее он скажет, что ощутил запах незнакомца еще до того, как тот сел за столик напротив него. Аль-Дайни не курил, и никотиновая вонь испортила ему вкус супа.

Ученый оторвался от газеты и еды и посмотрел на Коллектора.

– Извините, я вас знаю?

Коллектор покачал головой.

– Мы встречаемся в близких кругах, не более того. У меня есть кое-что для вас.

Он поставил на стол ящик, обернутый плотной бумагой и перевязанный бечевкой. Ученый дотронулся до него и ощутил вибрацию. Он огляделся, потом перерезал бечевку своим ножом, отодвинул в сторону газету и поднял крышку длинного светлого ларца. Осторожно осмотрел замки. Нахмурился.

– Его открывали.

– Да. Результат в высшей степени интересный.

- Но они по-прежнему там?
- Разве вы их не чувствуете?

Аль-Дайни кивнул и опустил крышку. Впервые за многие годы он почувствовал, что, может быть, выспится этой ночью.

– Кто вы?

– Я? Я – собиратель. – Коллектор положил на стол перед ученым два листка бумаги. – Но за возвращение столь уникальной вещи законным властям придется заплатить.

Аль-Дайни посмотрел на листки. На обоих были изображены небольшие цилиндрические печати.

– Считайте, что они уничтожены или безвозвратно утрачены.

Аль-Дайни был человеком, умудренным опытом и многое повидавшим.

– Согласен. Для вашей собственной коллекции?

– Нет, – сказал Коллектор, поднимаясь. – В качестве возмещения.

* * *

Воздух был спокоен. Днем прошел дождь, и трава на Мемориальном кладбище ветеранов Мэна блестела под солнцем. Я стоял рядом с Бобби Жандро, его девушка ждала на дорожке. Нас окружали мертвые. Бобби попросил встретиться именно здесь, и я с радостью согласился.

– Очень долго я сам хотел здесь лежать. Покончить со всем.

– А теперь?

– Теперь я с ней. – Он посмотрел на Мэл, и она улыбнулась в ответ, а я подумал: придет время, и она будет похоронена здесь рядом с тобой.

– Спешить не надо. Место для вас обоих приберегут.

Бобби кивнул.

– Это и есть наша награда. Упокоиться здесь, с честью. Больше ничего не надо. Ни денег, ни медалей. Этого достаточно.

Его взгляд остановился на ближайшем камне. Там лежали муж и жена, и я понял, что Бобби уже представляет свое имя рядом с именем Мэл.

– Намерения у них были благие. Поначалу.

– Большинство нехороших ситуаций, с которыми мне доводилось иметь дело, возникали из наилучших намерений, – заметил я. – Но в чем-то они и впрямь были правы: раненые и пострадавшие заслуживают больше, чем получают.

– Думаю, в конце у них было так много денег, что они просто не могли

заставить себя расстаться с ними.

– Пожалуй.

Бобби повернулся ко мне, и я пожал ему руку. Когда я убрал свою ладонь, на его лежали две маленькие цилиндрические печати, каждая украшенная золотом и драгоценными камнями. К одной из них резинкой была прикреплена полоска бумаги.

– Что это?

– Сувениры. Человек по имени аль-Дайни вычеркнул их из списка украденных ценностей в обмен на золотой ларец. На бумажке фамилия человека, который даст за них хорошие деньги и не будет задавать лишних вопросов. Не сомневаюсь, ты найдешь деньгам достойное применение.

Билли Жандро стиснул печати.

– Есть люди, которым хуже, чем мне.

– Знаю. Поэтому это досталось тебе: ты сделаешь все как надо. Если потребуется совет, потолкуй с Роналдом Стрейдиром или просто спроси у своей подруги.

Они ушли первыми. Я еще немного задержался среди мертвых, и когда тени удлинились, перекрестился и ушел, предоставив павших самим себе.

* * *

Здесь в свой час мертвые слагают бремя. Здесь имена вырезаны в камне и цветы лежат на стриженной траве. Здесь муж покоится рядом с женой, и жена – с мужем. Здесь – обещание мира и покоя. Лишь обещание.

Ибо только мертвые скажут о том, что претерпели, и как сон перемежается тревожными видениями, так и вечный покой тревожен порою для тех, кто видел слишком много и слишком много страдал. Мертвые знают, что мертвые знают, и солдаты знают, что знают солдаты, и муки свои они разделят со своими, и больше ни с кем.

Ночью из тени выходят фигуры, темные формы движутся по тихим лужайкам. Один сидит рядом с другим на каменной скамье, спокойно слушая товарища, и птица поет колыбельную над ними. Трое неслышно идут по первым опавшим листьям, ничего не задевая, не оставляя следов. Здесь собираются солдаты и говорят о войне, о потерях. Здесь мертвые свидетельствуют, и свидетельства звучат в ответ.

И ночной ветер разносит шепот утешения.

Благодарности

Эту книгу я не смог бы написать без щедрого и терпеливого участия Тома Хайланда, ветерана вьетнамской войны и прекрасного человека, ответившего на многие вопросы по ходу написания романа и своими глубокими знаниями сделавшего его гораздо лучше.

Я благодарен участникам форума «Тракингбордс», водителям грузовиков, которые нашли время, чтобы объяснить мне суть своей работы, перевозок между США и Канадой.

Создавая «Шепчущих», я обращался к великому множеству газет и журналов, в частности к неравнодушным, сострадательным материалам «Нью-Йорк таймс» по проблемам ПТСР и обращения государства с возвращающимися на родину военнослужащими. Следующие книги оказались совершенно незаменимыми в расширении моего кругозора: «My War: Killing Time in Iraq» Колби Баззелла (Putnam, 2005), откуда я почерпнул множество деталей о службе отряда «Страйкер»; «Trigger Men» Ганса Гальберштадта (St. Martin's Griffin, 2008); «In Conflict: Iraq War Veterans Speak Out on Duty, Loss» и «Fight to Stay Alive» Ивонны Латти (Polipoint Press, 2006); «War and the Soul» Эдварда Тика (Quest Books, 2005); «Blood Brothers» Майкла Вайсскопфа (Henry Holt and Company, 2006); «The Forever War» Декстера Филкинса (Vintage Books, 2008); «The Secret Life of War» Питера Бюмона (Harvill Secker, 2009); «Sumerian Mythology» Сэмюэля Ноа Крамера (Forgotten Books, 2007); «Ancient Iraq» Жоржа Ру (Penguin, 1964); «Thieves of Baghdad» Мэтью Богданоса (Bloomsbury, 2005); «The Looting of the Iraq Museum, Baghdad» под редакцией Милбри Полк и Энджелы М. Х. Шустер (Abrams, 2005) и «Catastrophe! The Looting and Destruction of Iraq's Past» под редакцией Джеффа Эмберлинга и Кэтрин Хэнсон (The Oriental Institute Museum of the University of Chicago, 2008).

Многое написано о военном опыте, но редко кто пишет о нем так замечательно и остро, как это получилось у Ричарда Карри, служившего медиком на вьетнамской войне. Его классический вьетнамский роман «Гибельный свет» появился в 2009-м двадцатым юбилейным изданием в издательстве Santa Fé Writers Project, а книга «Пересечение: вьетнамские истории», которая цитируется мной здесь, переиздавалась в течение тридцати лет. Подробности можно узнать на www.richardcurrey.com.

Как всегда, я благодарю моего редактора в издательстве Hodder & Stoughton Сью Флетчер и Эмили Бестлер, редактора из Atria Books, а также

всех тех людей в обоих издательствах и где бы то ни было, кто помогает моим странным книгам дойти до читателя. Благодарю моего агента Дарли Андерсона и его коллег, Мадейру Джеймс и Джейн Доэрти, Клэр Лэм, Меган Бити, Кейт и Кей-Си О'Хирнов.

А напоследок – любовь и благодарности Дженни, Кэмерону и Алистеру.

Ах да, и Саше.

notes

Примечания

Пер. Н. М. Минского.

«Портлендские тюлени» (англ. Portland Sea Dogs) – бейсбольная команда Малой лиги.

Билл Эванс (1929–1980) – американский джазовый пианист и композитор.

Согласно Евангелию от Матфея, царь Иудеи Ирод Великий, желая погубить новорожденного Христа, приказал убить всех детей младше двух лет в области Вифлеема (этот эпизод известен как избиение младенцев).

Гримуар – сборник магических заклинаний и инструкций к обрядам – как правило, для вызова демонов.

Шпинель – драгоценный камень.

Кто твой Баг-дэдди? – пародия на распространенное выражение «Who's your daddy?», имеющее помимо прямого смысла («Кто твой папа?») еще и переносный – «Кто здесь главный?». «Баг-дэдди» – игра слов с использованием названия иракской столицы, Багдада.

«Бладс» («Кровавые») и «Кринс» («Калеки») – афроамериканские калифорнийские уличные банды.

ВВС – «вождение в состоянии» – алкогольного или наркотического опьянения.

Календарные острова – группа из более двух сотен островов, ведущих в залив Каско-Бей, про которые в 1700 г. военный инженер полковник Вольфганг Ремер сказал: столько, сколько дней в году; согласно местной легенде, островов 365.

Владзи Валентино Либераче (1919–1987) – американский музыкант и певец, известный экстравагантными сценическими нарядами.

Pour décourager autres (*фр.*) – как предупреждение другим; чтобы другим неповадно было.

Игорь – персонаж литературы и фильмов ужасов, первоначально помощник Франкенштейна в произведениях массовой культуры, впоследствии превратившийся в стереотип приспешника готического злодея.

Coup de grâce (фр.) – смертельный удар; буквально – удар милосердия, удар, прекращающий страдания.

«Вдовый пик» – клинообразный выступ волосяного покрова головы, опускающийся на лоб.

В предыдущем романе автора, опубликованном издательством, «Любовники смерти», это имя переведено как Коллекционер, однако настоящий перевод более точно передает сущность персонажа.

Имеется в виду песня кантри-исполнителя Вилли Нельсона «On the road again».

ААП (*амер. AARP*) – Американская ассоциация пенсионеров.

Виеу (*исп.*) – здесь: парень, чувак.

Novia, sí? (*ucn.*) – подружке, да?

Andale! (*ucn.*) – Вперед!

Аurate! (исп.) – Живее!

Mi hijo (*исп.*) – сынок.

Хаджи – наименование мусульман, совершивших паломничество в Мекку (хадж); американские солдаты называют так иракцев и афганцев, борющихся с ними.

Тразодон – антидепрессант.

«Мокрые спины» (англ. wetbacks) – незаконные иммигранты, мексиканцы, перебирающиеся в США через реку Рио-Гранде.

Vaya con Diós, amigos (*исп.*) – С богом, друзья.

Чурраскария (*португ.*) – ресторан, где подают барбекю в бразильском стиле. Здесь клиент переворачивает индивидуальный указатель с красной стороны на зеленую, показывая персоналу, что готов приступить к основному блюду.

Пи-Ви Херман – комический персонаж, созданный и сыгранный белым американским актером Полем Рубенсом.

Малкольм Икс (1925–1965) – афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права человека.

Джон Хаусман (1902–1988) – англо-американский актер.

Джим Джонс (1931–1978) – американский проповедник, основатель религиозной организации «Храм народов», последователи которой совершили в 1978 году массовое самоубийство.

Алекс Требек (р. в 1940) – американский тележурналист, ведущий популярных развлекательных телепрограмм.

Речь о массовом убийстве в Сонгми, одном из самых громких преступлений американской армии во время вьетнамской войны.

Раш Лимбо (р. в 1951) – один из самых известных деятелей Республиканской партии, представитель ее крайне консервативного крыла.

«Прекрасная...» – в предложении используется игра английских слов *dam* – «дамба» и *dame* – «дама».

Mens sana in corpore sano (*лат.*) – в здоровом теле здоровый дух.

Перевод И. Ф. Анненского.

Англ. loud and clear, по первым буквам – Lima Charlie, согласно международному фонетическому алфавиту.

No comprendo (*исп.*) – не понимаю.